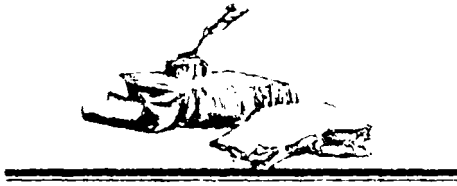

ЯН ГУС
МАРТИН ЛЮТЕР
ЖАН КАЛЬВИН
ТОРКВЕМАДА
ЛОЙОЛА

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ЯН ГУС

МАРТИН ЛЮТЕР

ЖАН КАЛЬВИН

ТОРКВЕМАДА

ЛОЙОЛА

Москва
Издательство "Республика"
1995

ББК 86.375
Я60

Оформление художника
Е. Г. Кюдтца

На фронтисписе книги — гравюра на дереве А. Дюрера
“Четыре всадника” из цикла “Апокалипсис”

Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола:
Я 60 Биографические очерки. — М.: Республика, 1995. — 384 с.: ил.
ISBN 5—250—02418—1

В книгу вошли художественно-биографические очерки о наиболее ярких исторических личностях эпохи Реформации и контрреформации, когда в Европе ширилось движение против господства католической церкви. Этой борьбе посвятили свою жизнь национальный герой чешского народа Ян Гус, основатели нового направления в христианстве — протестантизма: Мартин Лютер и Жан Кальвин. В XVI веке Реформация победила во многих странах. Католическая реакция теряла власть, но не отступала без боя. Она подвергала своих противников изощренным пыткам, сжигала их на кострах. В книге рассказывается о таких зловещих фактах мировой истории, как глава испанской инквизиции Томас Торквемада и безжалостный фанатик, основавший орден иезуитов, Игнатий Лойола.

Впервые очерки были опубликованы в конце прошлого века в Петербурге крупнейшим русским издателем популярной литературы Ф. Ф. Павленковым (1839 - 1900) в задуманной и осуществленной им уникальной библиотеке “Жизнь замечательных людей”, предшественнице современной “ЖЗЛ”.

Издание иллюстрировано. Тексты очерков подверглись небольшой правке в соответствии с современными нормами русского языка.

Сборник представляет интерес для широких кругов читателей.

Я 0503010000—058
079(02)—95

ББК 86.375

ISBN 5—250—02418—1

© Издательство “Республика”, 1995

ЯН ГУС

Его жизнь и реформаторская деятельность

Биографический очерк
М. М. ФИЛИПОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

7

I. Детство и юность Гуса. — Пребывание в Пражском университете.
Взгляд на отношения духовенства к светской власти. — Ян Непомук.
Борьба партий

8

II. Влияние Уиклифа на Гуса. — Первые годы проповедничества. —
Осуждение пражскими богословами учения Уиклифа. — Новый архиепископ Збынек. —
Борьба Гуса с народными суевериями и осуждение им мнимых чудес. — Гус как чешский
народный писатель: реформа правописания и слова

13

III. Недовольство архиепископа. — Отставка Гуса. — Дело священника
Николая. — События в Риме. — Спор короля Вацлава с архиепископом Збынеком. —
Борьба между немецкими и чешскими магистрами. — Аудиенция Гуса у короля
на Кутной Горе. — Роль Гуса в университетском вопросе.
Исход немецких профессоров и магистров из Праги

22

IV. Новый папа. — Жалобы гуситов на архиепископа. —
Протест Гуса против сожжения книг. — Анафема против Гуса и его смелые проповеди. —
Папа Иоанн XXIII. — Диспут Гуса о крестовом походе. —
Речь Иеронима Пражского. — Сожжение папских булл Воксою. — Казнь Яна,
Мартына и Сташека. — Богословский факультет против Гуса. — "Пятящиеся". —
Добровольное изгнание Гуса

28

V. Констанцкий собор и мученическая смерть Гуса

34

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учение Гуса и его историческая роль

54

ПРЕДИСЛОВИЕ

В числе религиозных реформаторов Гус занимает особое место. Лютеранские писатели считают его прямым предшественником Лютера; православные богословы признают Гуса почти православным; даже среди католических авторов находится немало таких, которые относятся к Гусу с величайшим уважением: достаточно сказать, что о героизме Гуса пишет с величайшей похвалой папа Пий II, известный в литературе под именем Энея Сильвия¹.

Очевидно, что во всех суждениях о Гусе главную роль играет не его учение, а его жизнь и еще более — его героическая смерть. И это вполне справедливо.

Учение Гуса имело огромное значение для своего времени, но не в нем заключается главная причина обаяния его личности. Нравственное мужество, стойкость в защите своих убеждений — вот в чем следует видеть такое значение Гуса, которое далеко переживет оставленные им фолианты.

Считать Гуса, как это делают иные историки, последователем какой-либо односторонней философской, религиозной или даже узконационалистической доктрины — значит не понимать ни его личности, ни той роли, которая принадлежит Гусу в истории. Широкая терпимость, требование безусловной свободы мысли и убеждения, требование полного согласования учения с жизнью, слова с делом — вот что действительно характеризует Гуса и отличает его от многих религиозных, социальных и национальных реформаторов. Спор о том, было ли учение Гуса возвращением к преданиям восточной церкви или же предвестием протестантизма, мы считаем не только не решенным, но и совершенно праздным.

Несомненно, что Гус глубоко изучал и уважал многих восточных богословов, как изучал и чтит английского философа и богослова Уиклифа². Но, во-первых, при всех заимствованиях, у Гуса есть столько своего собственного, что считать его только учеником или предшественником других деятелей — значит умалять значение его личности; во-вторых, жизнь Гуса важнее всех написанных им книг. А эта жизнь и особенно его мучени-

¹ Гуманист Энея Сильвио Пикколомини занимал папский престол под именем Пия II в 1458—1464 гг. *Здесь и далее примечания Н. В. Попова.*

² Уиклиф, Джон (1320—1384) — английский богослов, предтеча английской и свропсйской Реформации, оказавший большое влияние на Яна Гуса и Мартина Лютера. Требовал секуляризации церковных земель, отрицал культ святых и т. д. Вместе с Джоном Перви перевел Библию на английский язык (1382). В 1377 г. его учение было осуждено папой Григорием XI, а в 1382 г. — собором английских епископов. В 1415 г. Константицкий собор объявил Уиклифа еретиком и постановил сжечь его останки, что и было сделано в 1428 г.

ческий конец сближают Гуса не с восточными и западными богословами, а скорее ставят его в один ряд с такими деятелями и мучениками идеи, как Сократ и Джордано Бруно.

I

Детство и юность Гуса. - Пребывание в Пражском университете. —
 Взгляд на отношения духовенства к светской власти. Ян Непомук. ---
 Борьба партий

Ян Гус или, как его называли раньше, Ян из Гусинца, родился в местечке Гусинец, находящемся у Богемского, или Чешского, леса, недалеко от баварской границы.

Не только день, но и год рождения Гуса не определен с полной достоверностью. День шестого июля часто указывают как день рождения Гуса, на самом деле это день его смерти. Гуситы избрали это число для чествования памяти Гуса, и так как у них смерть считалась новым духовным рождением, то отсюда и вышла путаница в числах у некоторых историков. Год рождения Гуса попросту вычисляют, зная год его вступления в университет; но при этом забывают, что в XIV и XV веках на университетских скамьях и в низших классах рядом с мальчиками часто сидели бородатые юноши. Как бы то ни было, принято считать, что Гус родился в 1369 году¹.

Сведения о детстве и отрочестве Гуса довольно скудны. Настоящее имя его "Ян из Гусинца" еще школьными товарищами было сокращено в Гуса, а Гус по-чешски то же, что по-русски гусь. Весьма возможно, что товарищи дразнили Гуса этим прозвищем, не подозревая, разумеется, что оно перейдет в историю.

Местечко Гусинец, где родился Гус, населено исключительно чехами, но находится почти у самой этнографической границы, отделяющей чехов от немцев. Родители Гуса были крестьяне. Впоследствии, в эпоху наивысшей славы, Гус никогда не забывал, что вышел из простонародья. Он навсегда сохранил особое сочувствие к людям простым, невежественным и убогим. В самое тяжелое время своей жизни, когда католическая иерархия предала его проклятию, Гус писал сочинение, в котором протестовал против феодального насилия и крепостного права.

О родителях Гуса мы почти ничего не знаем, исключая то, что у них, кроме Яна, было еще несколько сыновей. В очень раннем возрасте Гус был послан в Прагу учиться. В Праге он жил, как и все тогдашние небогатые школьники, добывая себе пропитание пением и прислуживанием в храмах. Об этом времени жизни Гуса сохранились в его сочинениях лишь отрывоч-

¹ Современные историки считают годом рождения Яна Гуса 1371 г.

ные замечания. В одном месте Гус пишет: "Когда я был голодным мальчуганом, я делал из хлеба ложечки, которыми ел горох до тех пор, пока наконец не съедал и ложки". Очень рано Гус стал помышлять о том, чтобы сделаться священником: вероятно, с этой целью он и был отдан родителями в ученье. По словам Гуса, первоначально с мыслью о священстве у него соединялось лишь понятие о хорошем достатке.

*Дом в Гусице, в котором родился Ян Гус.
Фотография*

По окончании низших школ Гус записался в Пражский университет на факультет "свободных искусств" (по-чешски — "свободных умений"), почти соответ-

ствовавший тому, что немцы называют философским факультетом, с тем, однако, различием, что он был необходимой подготовительной ступенью к трем высшим факультетам. В университете Гус, по его собственным словам, не уклонялся ни от чего, участвуя и во всем важном, и во всем легкомысленном. Впрочем, легкомыслие Гуса ограничивалось самыми невинными забавами.

Нравы его были строги, любовь к труду — необычайная, но он любил хорошую одежду и беседу в приятельском кругу. По-видимому, Гус был еще очень молод, когда приобрел степень бакалавра свободных искусств; но профессора не признали в нем особенно блестящих способностей, и в экзаменационных списках он находится в числе "средних". Впрочем, о многих из своих профессоров Гус упоминает с большим уважением и признательностью. Одного он называет "ясным оратором", другого — "прекрасным проповедником, подобным трубному гласу".

Достоверно известно, что степень бакалавра свободных искусств была получена Гусом в 1393 году. В следующем году он приобрел степень бакалавра богословия, еще два года спустя, в 1396 году, был уже магистром свободных искусств. Далее этого Гус не пошел. Он не добивался степени доктора богословия и на всю жизнь остался магистром или, по-чешски, мистром Яном Гусом, — имя, под которым его чтили гуситы.

В одном из своих писем, написанных перед отъездом на Констанцкий, или Костницкий, собор, Гус, между прочим, в самых трогательных выражениях вспоминает о своей юности, советуя ученику своему не следовать "дурному примеру", и перечисляет при этом свои юношеские предрешения. "Не прельщайся роскошью", — пишет Гус и говорит, как его тешило пышное магистерское одеяние, так называемые "табарды", крылатая сукон-

ная одежда, капюшон и белые воротники, какие тогда носили магистры и доктора. Упоминает Гус и о том, что он не чуждался пиров, устраиваемых в складчину магистрами, и был страстным шахматным игроком. "Игра эта, — говорит он, — часто доводила меня до вспышек гнева".

Среди университетских товарищей Гус пользовался значительным уважением. Через два года после получения степени магистра Гус был избран "чешскою нациею", то есть чешской корпорацией Пражского университета, экзаменатором на степень бакалавра. Вскоре после этого он стал священником (около 1400 года), затем был избран деканом факультета.

Приблизительно в это время в образе жизни Гуса произошла значительная перемена. Под влиянием чтения книг — сочинений Уиклифа и иных авторов, а также вследствие убеждения в высоком значении священнического призвания Гус из веселого товарища становится почти аскетом.

Во время пребывания на студенческой скамье Гус был еще далек от каких-либо реформаторских планов и даже разделял многие грубые суеверия своего времени. Год приобретения им первой ученой степени бакалавра как раз совпал с так называемым юбилейным (по-чешски — милостивым) годом города Праги (1393). Один проповедник произнес по этому случаю на Вышеграде поучение, в котором перечислял милости, дарованные верным сынам церкви римским престолом. Эта проповедь произвела на Гуса такое сильное впечатление, что он, в числе других бакалавров, участвовал в предписанной процессии — подобно другим, исповедовался на Вышеграде и даже отдал исповеднику последние бывшие у него четыре гроша, лишь бы купить прощение грехов. "В этот день, — говорил впоследствии Гус, — я купил индульгенции, но зато мне пришлось потом остаться на одном сухом хлебе". Впрочем, эта исповедь на Вышеграде была последним резким проявлением предрассудков, усвоенных Гусом от окружающей среды.

Впоследствии Гус публично с проповеднической кафедры осуждал свое прежнее суеверие, как необычайную глупость. "Когда я был еще очень молод и духом и разумом, — писал Гус в одном из своих сочинений, — я был суеверен, но, познав Писание, я понял свое прежнее безумие".

Вскоре по окончании университетского курса Гуса стали мучить различные сомнения. Он уже успел ознакомиться с сочинениями некоторых чешских писателей, имевших довольно разумные взгляды на положение католической церкви, как, например, Матвей из Янова и Штитный; Гус был уже знаком с некоторыми философскими (но не с богословскими) сочинениями Уиклифа. Но решительное влияние на развитие убеждений Гуса имело занятие им кафедры проповедника в так называемой Вифлеемской часовне. Здесь необходимо сказать несколько слов об общем положении церкви в тогдашних чешских землях.

Годы пребывания Гуса в университете были для чешского народа годами бурных церковно-политических событий. С одной стороны, шла

упорная борьба между чешским королем Вацлавом¹ и немецкими князьями; с другой — королевская власть вступила в решительное столкновение с властолюбием духовенства. Король Вацлав был в постоянной ссоре с пражским архиепископом, одним из самых типичных прелатов своего времени. Этот архипастырь начал свою деятельность с усердного посещения пиров и балов, на которых отличался как один из лучших танцоров, он был также страстным охотником. Однажды архиепископ тяжело заболел и после выздоровления вдруг превратился в отчаянного ханжу. Королю Вацлаву совсем не пришлось по вкусу такая перемена, так как "обратившийся на путь истины" архиепископ стал высокомерен и перессорился не только с придворными, но и почти со всем высшим чешским духовенством.

Однажды король вздумал собственной властью учредить новую епархию. Архиепископ воспротивился этому и послал своего vikария Яна из Помука утвердить избрание одного аббата в епархии, отнятой у него королем. Король поскакал в Прагу и, в припадке гнева, велел немедленно арестовать архиепископа, vikария и других прелатов. Архиепископ бежал, но его подчиненных стали истязать. Король собственноручно избил архиепископского представителя "до крови", но, испугавшись своего поступка, отпустил его, велел никому не говорить о побоях; но vikарий Ян из Помука был так избит королевскими слугами, что сочли более удобным совсем от него отделаться. Его связали по рукам и ногам и в девять часов вечера бросили в мутные воды реки Влтавы.

Мы сообщили этот эпизод не только для того, чтобы характеризовать отношения между светской и духовной властью, но и по той причине, что имя Яна из Помука иногда встречается с именем Гуса. Дело в том, что позднее иезуиты канонизировали этого vikария под именем святого Яна Непомука и старались противопоставить память этого прелата, ничем, впрочем, не замечательного, памяти Гуса. Непомука превратили в патрона Чешского королевства; конфискованные у гуситов портреты Гуса стали называть изображениями святого Непомука; в самом Гусинце, на родине Гуса, поставили статую Непомука, чтобы "выкурить самый источник ереси". Была, наконец, придумана легенда, чтобы доказать, что и Непомук пострадал не за сопротивление королевским приказаниям, а из-за убеждения: он будто бы не хотел выдать тайну исповеди. Эта басня перешла даже во многие учебники истории; не мешает поэтому заметить, что жители Праги, узнав об утоплении Непомука, нимало не были огорчены этим и даже оправдывали короля — за исключением весьма немногих сторонников духовенства.

Для характеристики развития взглядов Гуса весьма важно ознакомиться с тем, как он отнесся к этой распри между королем и духовенством. Впоследствии в числе обвинений, направленных против Гуса, находилось и то, что он, будучи во время утопления Яна из Помука уже бакалавром, не

¹ Вацлав IV Люксембургский, сын чешского короля Карла I (германский, или римский, император Карл IV), занимал престол в 1378—1419 гг.

выступил с публичным порицанием действий короля. Гус протестовал против обвинения в сочувствии королю в этом деле, но в то же время сознался, что он не раз открыто осуждал образ действий архиепископа и его подчиненных.

Еще не прекратилась распря короля с архиепископом, когда против Вацлава поднялась новая буря. Как раз в то время, когда Гус стал священником (1400), король был низложен немецкими курфюрстами, избравшими римским императором Роберта, или Рупрехта, Пфальцского¹. Вспыхнула война. Чешский народ был на стороне своего короля, большинство епископов приняло сторону курфюрстов, которых поддерживало также утвердившееся в чешских городах, и даже в самой Праге, немецкое бюргерство. В числе магистров Пражского университета находились многие, которые высказывались в пользу немецкого претендента. Борьба окончилась, однако, победой Вацлава, и положение немецкой партии в чешском университете стало весьма щекотливым. Чтобы сколько-нибудь усилиться, немецкие профессора примкнули к чешской консервативной или клерикальной партии.

Борьба в университете происходила главным образом на почве богословской и схоластической.

Тем не менее король отлично понимал политическую подкладку этих споров и живо интересовался ими, принимая постоянно сторону тех, кто так или иначе критиковал действия духовенства.

Между тем в самом народе с разных сторон возникла оппозиция духовенству. Даже среди священников были такие, которые, оглядываясь по сторонам, называли папские индульгенции глупым обманом. Уже совсем громко раздавалось требование пражских граждан, чтобы проповеди произносились не только по-латыни и по-немецки, но и по-чешски. Это требование, как самое настоятельное, внушило мысль об основании Вифлеемской часовни, вскоре прославленной именем Гуса.

Первая мысль об устройстве часовни, исключительно для произнесения чешских проповедей, принадлежала богатому пражскому купцу Кржижу. Король не только разрешил открытие часовни, но и добился архиепископского согласия. Против чешских проповедей сильно восстали немецкие магистры и каноники, но им не удалось добиться закрытия часовни, в которой вскоре появились весьма красноречивые проповедники. Ни один из них, однако, не добился и десятой доли той популярности, которой пользовался Гус, проповедуя в этой часовне.

Гус успел основательно подготовиться к роли народного проповедника. Он изучил Матвея из Янова, обыкновенно называемого парижским магистром, и развил на этом чтении свой ораторский вкус. Гус имел уже случай проповедовать в церкви св. Михаила, где в то же время проповедовал и монах Бернард, рьяный защитник римского престола и "величайший

¹ Рупрехт Пфальцкий числился императором в 1400—1411 гг.

враг слова Божия", как называет его Гус. Политические и религиозные убеждения Гуса вполне успели сложиться, и он имел не один случай высказать их публично. Так, однажды в доме пражского мещанина Вацлава Чширжа зашел горячий спор об утоплении Яна из Помука и о борьбе короля с прелатами. Один из споривших сказал, что грех короля может быть очищен только многими богослужениями. Гус горячо оспаривал это мнение, причем, однако, порицал поведение высшего духовенства. У этого мещанина Гус часто встречался с упомянутым купцом Кржижем, основателем Вифлеемской часовни. Несомненно, что личному знакомству с Кржижем Гус более всего был обязан тем, что был назначен проповедником в часовню. В жизни Гуса началась новая эпоха.

II

Влияние Уиклифа на Гуса. - Первые годы проповедничества. —
 Оуждение пражскими богословами учения Уиклифа. - Новый архиепископ Збынек.
 Борьба Гуса с народными суевериями и осуждение им мнимых чудес. —
 Гус как чешский народный писатель:
 реформа правописания и слова

Было время, когда почти всю деятельность Гуса приписывали влиянию английского философа и богослова Уиклифа. Даже глава чешской исторической школы, Палацкий¹, сначала поддерживал этот взгляд, установившийся еще с XV века, когда враги Гуса старались представить его прямым учеником английского "еретика".

Учение Уиклифа известно. Сначала этот богослов и философ схоластической "реалистической" школы выступал только против чрезмерных притязаний Рима; мало-помалу полемика увлекла его, и он стал порицать и критиковать самое учение римской церкви. В 1382 году в Лондоне был созван собор, на котором обсуждались 24 положения, извлеченные из сочинений Уиклифа. Собор признал эти тезисы частью еретическими, частью ошибочными; тем не менее Уиклиф никогда не был серьезно преследуем и спокойно умер в 1384 году, то есть за 16 лет до вступления Гуса на проповедническое поприще.

Без всякого сомнения, некоторые из философских сочинений Уиклифа были довольно распространены в Праге, куда их занесли студенты,

¹ Палацкий, Франтишек (1798-1876) крупнейший чешский историк и просветитель, автор "Истории чешского народа", которую он довел до 1526 г. Палацкий много сделал для исследования гуситского движения.

*Вифлеемская часовня в Праге.
Фотография*

ездившие в Оксфорд слушать английских профессоров. В XIV и XV веках отношения между университетами были довольно оживлены, чему способствовало существование общего научного языка — латыни, которая тогда еще не была мертвечиной, какой стала в наше время. До изобретения и распространения книгопечатания личное посещение чужеземных университетов было одним из главных способов умножения знаний: даже профессора прибегали к этому способу. В конце XIV века оживлению отношений между Чешским королевством и Англией способствовал еще брак дочери Карла IV с английским королем Ричардом II. Все это факты, говорящие в пользу английского влияния на Гуса. Отвергать знакомство Гуса с книгами Уиклифа нельзя: но встает вопрос: когда и какие сочинения Уиклифа стали известны Гусу? Теперь можно считать доказанным, что с богословской критикой Уиклифа Гус ознакомился основательно уже после того, как начал свою проповедническую деятельность в Вифлеемской

часовне, то есть когда его собственные убеждения успели сложиться почти окончательно. Значительно раньше Гус ознакомился лишь с философскими трактатами Уиклифа¹.

Как философ, Уиклиф был одним из самых горячих сторонников схоластического реализма, приписывавшего реальное существование отвлеченным понятиям; с этим учением боролись так называемые номиналисты, придававшие отвлеченным идеям значение лишь символов или знаков.

¹ Спорный вопрос о степени влияния Уиклифа на Гуса слишком специален, чтобы обсуждать его здесь подробно. Наше собственное мнение по этому вопросу, состоящее в том, что философия Уиклифа помогла развитию идей Гуса, но что Гус далеко не во всем следовал учению английского богослова, — это мнение основано на показаниях самого Гуса на Констанцском соборе. Гус показал, между прочим, что с учением (богословским) Уиклифа он ознакомился не раньше 1403 г., тогда как его философские трактаты читал еще около 1396 г. — *Примеч. авт.*

Философские взгляды Уиклифа встретили в Пражском университете довольно хороший прием; его положения часто были принимаемы в основу лекций даже самыми рьяными католиками. Гус, еще до начала своего проповедничества, собственноручно переписывал некоторые трактаты Уиклифа. Одна такая рукопись (1398 года) хранится в Стокгольмской библиотеке, куда ее завезли шведы после взятия ими Праги во время Тридцатилетней войны. На полях этой рукописи Гус сделал от себя некоторые примечания, из которых видно его глубокое уважение к автору. Некоторые положения Уиклифа еще как будто пугали Гуса. В одном месте он приписал: "Пусть Господь даст Уиклифу царствие небесное! О, Уиклиф, Уиклиф! Не одному человеку ты вскружишь голову!"

Один позднейший таборитский писатель — табориты были, как известно, последователи Гуса — утверждает, что сам Гус однажды сказал: "Книги Уиклифа открыли мне глаза, и я читал их и перечитывал". Слова эти нельзя принимать буквально. Одной из главных черт характера Гуса было

постоянное искание истины, и он никому, в том числе и Уиклифу, не верил на слово, не убедившись собственным разумом, самостоятельным мышлением в справедливости того или другого положения. Гус тотчас же отказывался от осознанного заблуждения, но, раз он был в чем-либо убежден, для него не существовало авторитетов. Поэтому и в учении Уиклифа он принимал далеко не все, а то, что принял, вполне согласовалось с убеждениями, выработанными Гусом самостоятельно. Так, например, отношение Гуса к папской власти было прежде всего вызвано сознательным отношением к окружавшей его действительности. В одной из ранних своих проповедей Гус уже смело высказывается против притязаний Рима и сознается, что грубо заблуждался, считая папу непогрешимым. "Впрочем, — говорит Гус, — я и самого себя считал очень хорошим человеком, пока не ознакомился основательно с Писанием".

*Портал жилища Гуса
на Вифлеемской площади в Праге.
Фотография*

Легко понять значение подобных проповедей для тогдашней Праги. Почва для восприятия их была готова в самом народе. Но эпоха вполне критического отношения Гуса к католицизму наступила не сразу: сначала он заботился преимущественно о внутреннем самоусовершенствовании, о перевоспитании своей личности; затем выступил против пороков духовенства, но еще с надеждой, что церковь последует его собственному примеру и очистится собственными силами. Лишь в самые последние годы жизни Гус с прискорбием убедился, что его надежды были напрасны.

В самом начале своего проповедничества Гус приобрел такую популярность, что, несмотря на молодые годы, был избран — по тогдашним правилам на одно полугодие — ректором Пражского университета. Большинство чешских профессоров, все тогдашние знаменитости, были приятелями Гуса, например бывший его учитель Станислав из Цнойма. Немецкие профессора, принадлежавшие большей частью к школе номиналистов, сложили следующую сатирическую родословную Гуса: "Станислав из Цнойма родил Петра из Цнойма; Петр из Цнойма родил Степана из Пальча; Степан из Пальча родил Яна Гуса". Все перечисленные здесь имена принадлежат магистрам, бывшим в то время в самых приятельских отношениях с Гусом.

Спор между реализмом и номинализмом, хотя и играл некоторую роль в истории Пражского университета и в жизни Гуса, все же не был так многозначителен, как полемика, разгоревшаяся в Праге около 1403 года из-за богословского учения Уиклифа. Эти препирательства, впрочем, были возбуждены не Гусом, и не он оказался самым рьяным бойцом за Уиклифа. Богословские трактаты Уиклифа были впервые распространены в Праге приехавшим из Оксфорда близким другом Гуса, Иеронимом Пражским. Почин в деле преследования "английской ереси" был сделан немецкими профессорами, действовавшими, без всякого сомнения, как по своему крайнему разумению, так и по внушению пражского архиепископа.

С самого дня своего основания Пражский университет не был чисто чешским национальным учреждением. Он служил главным интеллектуальным центром не только для чехов, но и для немцев. Основанный Карлом IV, Пражский университет имел в конце XIV и начале XV века лишь двух равных соперников — университеты Парижский и Оксфордский.

Личный состав университета — как профессора, так и студенты — разделялся на четыре "нации": чешскую, польскую, баварскую и саксонскую. Эпохой наивысшего процветания Пражского университета были 70-е и 80-е годы XIV столетия, когда в нем числилось до одиннадцати тысяч студентов. С 1363 по 1392 год были, правда, основаны университеты: Краковский, Венский, Гейдельбергский, Кельнский и Эрфуртский, но все они, по сравнению с Пражским, имели значение лишь провинциальных центров. С 1367 по 1408 год Пражский университет выдал по одному факультету свободных искусств 844 магистерских диплома и 3823 диплома на бакалавра. Организация университета была такова, что обеспечивала полное господство немецкой партии. Хотя все четыре "нации" имели равные права, но в сущности три из них были немецкие, так как в польскую нацию записывались главным образом силезские немцы.

При всей своей терпимости и миролюбии Гус нередко выступал против чрезмерных притязаний немецких профессоров. Что Гус не был враждебен немцам, доказывается избранием его в ректоры, чего нельзя было достичь против воли немецкого большинства: но он нередко говорил, что в Чешском королевстве чехи должны занимать такие же места, как французы во Франции и немцы в Германии.

Высшее пражское духовенство приняло в университетском вопросе, как и в политических распрях, сторону немецкой партии и даже тайно подстрекало немцев против чехов. В 1403 году после Гуса был избран ректором баварец Вальтер Гаррасер. Один немецкий магистр, Гюбнер, явился в роли зачинщика новой университетской распри. Как полагают, по поручению самого архиепископа Гюбнер рассмотрел недавно перед тем появившиеся в Праге богословские трактаты Уиклифа, извлек из них 21 положение, к которым присоединил 24 пункта, осужденные лондонским собором, и все это препроводил к архиепископу. Представитель архиепископа Кбель и пражский каноник Нос отправили эти 45 пунктов ректору Гаррасеру, а последний немедленно созвал совет из всех пражских докторов и магистров.

Заседание, на котором обсуждался вопрос о тезисах Уиклифа, было весьма бурным. Главным защитником тезисов оказались бывший учитель Гуса, Станислав из Цнойма, и приятель Гуса, Степан из Пальча. Один из чешских магистров, Николай из Литомышля, сказал Гюбнеру: "Ты извлек эти положения несправедливым, лживым, клеветническим способом". Гус в свою очередь заметил: "Такие поддельватели книг, по моему мнению, более виновны, чем те два торговца, которых несколько дней тому назад сожгли на площади за подделку шафрана". Но нашлись магистры, возражавшие Гюбнеру прямо по существу дела. Степан из Пальча бросил на стол экземпляр книги Уиклифа и воскликнул: "Пусть кто хочет — встанет и скажет что-либо против единого слова в этой книге: я берусь защищать". Еще резче говорил Станислав из Цнойма. "Я берусь, — сказал он, — доказать, что из этих 45 тезисов ни один нельзя назвать ни еретическим, ни ложным". Это заявление до того скандализировало собрание, что некоторые из старших профессоров вышли из зала. Оставшиеся значительным большинством голосов постановили: воспретить как публичное, так и частное преподавание 45 тезисов — решение, впоследствии игравшее важную роль в судьбе Гуса.

На первых порах осуждение 45 тезисов Уиклифа несколько поколебало положения Гуса ни в университете, ни на проповеднической кафедре. Популярность Гуса постоянно возрастала и, между прочим, увеличению ее способствовали многие пражские женщины, настолько увлекавшиеся проповедями Гуса, что селились близ Вифлеемской часовни. На них-то и намекает Гус в одной из своих проповедей, говоря, что некоторые женщины умнее и добрее отстаивают истину, нежели иные доктора богословия. Следует заметить, что Гус вообще был весьма застенчив и робок с женщинами; робость эта иногда доходила до подозрительности; но, убедившись в том,

что он имеет дело с женщиной скромной и одушевленной высшими нравственными побуждениями, Гус тотчас изменял свое обращение и относился к таким женщинам просто и по-братски. В то время многие чешские дворянки отличались набожностью, доходившей до аскетического отречения от мира. Не вступая в монастыри, где жизнь часто вовсе не согласовалась с монашеским обетом, эти дворянки проводили время в молитве и посте. Среди них попадались личности в высшей степени восторженные и пригодные для распространения новых учений. Такова была, например, Анешка из Штитного, дочь писателя Томаша, проводившая время то в составлении списков с сочинений покойного отца, то в посещении Вифлеемской часовни. В той же местности жила одна девица, Петра, о которой Гус говорит, что она вела вполне "святую" жизнь. Такова же была вдова Катерина Каплержова, устроившая нечто вроде вдовьего и девичьего приюта в своем доме. Это появление женщин, не удовлетворявшихся официальными монастырями, в которых видели более соблазна, чем благочестия, в высшей степени характеризует тогдашние церковные порядки и является еще одним лишним доказательством необходимости реформы, которую проповедовал Гус.

Положение Гуса, казалось, стало еще более прочным, когда пражским архиепископом был назначен еще не старый прелат Збынек. Новый архиепископ очень мало понимал в богословских делах, но был храбрым воином и не терпел ханжей и суеверов. Мечом он владел гораздо искуснее, чем крестом, и о нем говорили, что он сел за азбуку лишь тогда, когда был назначен архиепископом. На самом деле он получил обычное светское воспитание тогдашних чешских феодалов. "В богословии ничего не смылит", — пишет о нем современный летописец, в остальном осыпаящий архиепископа похвалами. Новый архиепископ отнесся к Гусу с доверием. Он назначил Гуса и его приятеля Станислава из Цнойма синодальными проповедниками — обязанность весьма важная, состоявшая в произнесении наставлений духовенству. Архиепископ написал, кроме того, Гусу, чтобы он докладывал ему лично или письменно о всех замеченных злоупотреблениях.

В роли синодального проповедника Гус мог действовать еще смелее прежнего. К этому времени слава его так возросла, что даже враги Гуса отзывались о нем с уважением. Он вел жизнь аскета. Изнуряя себя постами и бессонными ночами, Гус стал неузнаваем. Его бледное, исхудалое лицо, украшенное бородой, которую Гус не брил по обычаю многих западнославянских католических священников, — его задумчивые глаза, как бы занятые внутренним созерцанием, поражали зрителей еще прежде, чем раздавался его голос. Один из личных врагов Гуса пишет о нем: "Жизнь его была сурова, поведение безупречно, бескорыстие такое, что он никогда не брал ничего за требы и не принимал никаких даров и приношений". Красноречие Гуса было своеобразно. Он не поражал сразу слушателей, речь его не была ни пылкой, ни блестящей, но оставляла глубокое и прочное впечатление. На слушателей действовала главным образом сила и искрен-

*Папская лавочка "отпущения грехов".
Рисунок Г. Гольбейна Старшего*

ность его убеждения. "Он был неутомим, — пишет о Гусе один чешский писатель, — он постоянно утешал, проповедовал и писал". В проповедях Гус не щадил и духовных лиц; он не останавливался перед порицанием своего покровителя архиепископа.

Обличения Гуса были суровы и беспощадны. Он говорил о высокомерии духовенства, о погоне за иерархическими повышениями, о корыстолюбии и жадности. В своих синодальных проповедях Гус не касался католической догмы, но обличения нажили ему гораздо больше врагов, чем если бы он произносил самые еретические мнения. Щадя догму, Гус проповедовал главным образом необходимость согласования веры с делами. "Напрасно думают, — говорил Гус в одной из проповедей, — что легче заслужить прощение грехов, сооружая храмы, чем если помогаешь бедным". Во всех проповедях Гуса учение о деятельной помощи ближнему всегда занимает первое место. Некоторые его выражения чрезвычайно смелы для того времени. "Лучше, — говорит он, — употребить грош на божье дело при жизни, чем оставить священникам по духовному завещанию столько золота, чтобы им можно было заполнить все пространство между небом

и землей". Ведя аскетическую жизнь, Гус вовсе не указывал другим на физическое воздержание как на существенное средство спасения души. "Лучше, — говорит он, — снести без гнева одну обиду, чем изломать на своей спине столько прутьев, сколько может доставить целый лес". "Лучше унижить перед низшим себя, нежели совершить богомолье с одного края земли до другого". Гус резко порицал духовных лиц, злоупотреблявших правом отлучения, и советовал им сначала отлучить самих себя от грехов и пороков. Задолго до Лютера он громил продавцов индульгенций и хищных монахов, "которые, с дозволением или без дозволения, устраивают никому не известные празднества, выдумывают чудеса, грабят бедный народ и разрушают Христову церковь". Советуя духовенству обратиться к примерам первых веков христианства, Гус, однако, нисколько не идеализировал официального византийского благочестия; еще менее идеализировал он папскую власть. "Христос, — говорит Гус, — запретил своим ученикам всякую мирскую власть, но слова его были забыты с тех пор, как император Константин дал папе царство¹... Богатство отравило и испортило церковь. Откуда войны, отлучения, ссоры между папами и епископами? Собаки грызутся из-за кости. Отнимите кость — и мир будет восстановлен... Откуда подкуп, симония (продажа и покупка церковных должностей), откуда наглость духовных лиц, откуда прелюбодеяния? Все от этого яда".

Народ, давно подготовленный к таким речам, с восторгом слушал Гуса; духовенство еще не смело идти против влияния архиепископа, многих феодалов и самого двора. Королева София явно покровительствовала Гусу и назначила его своим капелланом и исповедником.

Не менее смело и энергично действовал Гус с целью искоренения народных суеверий. Он понимал, что корыстолюбивое духовенство и невежественный народ — это два элемента, постоянно идущих рука об руку. В этом случае Гуса также поддерживал архиепископ, не веривший ни в какие чудеса.

До сведения архиепископа дошло, между прочим, что в маленьком городишке Вильснаке, подле Виттенберга, находится будто бы необычайная драгоценность, а именно живая кровь Христова, разумеется чудотворная и, главным образом, исцеляющая больных. Народ тысячами стремился в этот городок, не только из северной Германии, но и из всей Средней Европы. Пражские монахи также поддерживали славу Вильснака, и возвратившиеся богомольцы рассказывали о чудесах. Архиепископ Збынек решился наконец исследовать вопрос и назначил комиссию из трех магистров. Одним из

¹ Речь идет о так называемом "Константиновом даре" — средневековом документе, приписываемом императору Константину I Великому, который якобы, перенося столицу империи на Восток, передал папе Сильвестру I Рим, а также все провинции, местности и города Италии и западных областей. Этим документом папство обосновывало свои притязания на светскую власть. Подложность "Константинова дара" доказал итальянский гуманист Лоренцо Валла (1407—1457), работавший некоторое время в Ватикане при папах Николае V и Каликте III.

членов комиссии был Гус. Исследование показало, что все так называемые чудеса были обманом и мороченьем легковерных людей. Об одном хромом мальчике говорили, что он получил чудесное исцеление: оказалось, что у него нога болела еще хуже прежнего. Один пражский житель, явившись на богомолье в Вильснак, пожертвовал в храм серебряную руку, надеясь исцелить свою руку, пораженную параличом. Не получив исцеления, он нарочно остался еще на несколько дней. Стоя в храме, он увидел, что на кафедру взошел священник, который, показывая народу серебряную руку, стал торжественно рассказывать об исцелении. Тут больной не выдержал и закричал. "Поп, зачем лжешь! У меня рука такая же, как и была". В таком роде оказались и прочие чудеса. Результатом этого исследования, произведенного главным образом Гусом, было издание архиепископского повеления, чтобы раз в месяц в каждом приходе произносилась проповедь против путешествия на богомолье в Вильснак. Сверх того, архиепископ поручил Гусу написать ученый трактат по этому предмету. Гус написал сочинение, в котором доказывал, что ни одна капля крови Христа не может теперь где-либо находиться. Рассуждая о крови Христовой, Гус поневоле пришлось коснуться католического учения об евхаристии. Критика Гуса в этом случае не идет вразрез с католической догмой, но и не сходится с ней. Гус доказывает, что в таинстве причащения следует допускать только "невидимое" присутствие крови и плоти. Что касается вообще чудес, Гус высказывается об этом весьма прямо. "Требование чудес, — говорит он, — есть доказательство маловерия. Истинному христианину не надо ни знамений, ни чудес... Если бы священники твердо держались Евангелия, они предпочли бы говорить народу об учении Христа, вместо того чтобы рассказывать о мнимых чудесах".

Коснувшись первых сочинений Гуса, необходимо сказать несколько слов о литературном их значении. Хотя историческая роль Гуса основана более на его жизни, чем на его книгах, но как писатель Гус смело может быть сопоставлен с Лютером. То, что Лютер сделал для немецкой речи, сделано Гусом для чешского языка. Его чешские сочинения освободили литературную чешскую речь от условной ходульной риторики и сблизили ее с народным языком. Слог Гуса чист и ясен и вполне соответствует ясности его мыслей. Стремясь к правдивости и простоте во всем, Гус обнаружил эти качества даже в своей реформе чешского правописания. Прежние сложные и неуклюжие сочетания согласных он заменил так называемыми диакритическими знаками, обозначающими шипящие звуки, например ш, ч, ж. С небольшими изменениями правописание Гуса удержалось в чешской литературе до сих пор; подобное же правописание принято теперь всеми западными славянами (чехи, словаки, лужичане), кроме поляков и тех южных славян (хорваты, словенцы), которые пишут латинскими буквами. В последнее время даже в польской литературе были попытки усвоить правописание Гуса.

III

Недовольство архиепископа. Отставка Гуса. Дело священника Николая. —
 События в Риме. — Спор короля Вацлава с архиепископом Збынеком. —
 Борьба между немецкими и чешскими магистрами. — Аудиенция Гуса
 у короля на Кутной Горс. — Роль Гуса в университетском вопросе.
 Исход немецких профессоров и магистров из Праги

Было уже сказано, что, обращая преимущественное внимание на нравственную сторону религии, Гус мало занимался догматическими тонкостями. Придаться к одной резкости его обличений было нелегко. Несколько иначе писали и говорили многие из ближайших друзей Гуса, и особенно его бывший профессор Станислав из Цнойма. Станислав был человек далеко не безупречного характера, но отличался тонким критическим умом и усердно читал сочинения Уиклифа. Особенно занимался Станислав вопросом об евхаристии и написал трактат, в котором уже прямо отстаивал учение Уиклифа, отрицая теорию "пресуществления" и утверждая, что хлеб и вино всегда остаются хлебом и вином.

Враги Гуса и его партии воспользовались сочинением Станислава для составления доноса, который был отправлен в Рим. Папа Иннокентий VII счел необходимым прислать архиепископу Збынеку особую буллу, в которой обращал его внимание на "Уиклифовы ереси" (1405). Но архиепископ так мало интересовался богословскими вопросами, что ему и в голову не приходило относить эту буллу к Гусу и его друзьям. Наконец его навел на эту мысль священник Штекна, товарищ и соперник Гуса по проповедничеству в Вифлеемской часовне, написавший донос на книгу Станислава. На этот раз архиепископ потребовал Станислава для объяснений. Не желая навлечь на себя неприятности, Станислав попросту отрекся от авторства и с тех пор стал писать в самом правоверном духе. Чтобы покончить с этим делом, архиепископ велел объявить народу, что в таинстве евхаристии "не остается сущности хлеба, но лишь истинная плоть Христова, не остается сущности вина, но лишь истинная кровь Христова". До этих пор Гус, вообще не любивший догматических споров, молчал. Теперь он не выдержал и заявил архиепископу, что его объявление противоречит учению церкви уже потому, что, согласно с прямым смыслом Писания, хлеб олицетворяет собой единовременно и плоть, и кровь, а не одну только плоть, и вино представляет собой и кровь, и плоть. Это заявление тем более разгневало архиепископа, что, в сущности, он сам не знал, кто прав и кто виноват в этом споре. Конечно, он не изменил своего решения и объявлял еретиком всякого, кто осмелился учить иначе, чем приказано.

Между тем новый папа Григорий XII подтвердил буллу Иннокентия VII, и это побудило архиепископа к еще более крутым мерам. Пока Гус пользовался доверием архиепископа, ему удавалось своим заступничеством спасти многих лиц, обвиненных в ереси. Но на этот раз все обстоятельства сложились неблагоприятно. Сам король Вацлав был задет за живое словами папской буллы, содержащими намек на то, что он, король, защищает

еретиков. Что касается архиепископа, он весьма скоро вошел во вкус религиозного преследования. Одного магистра, Матвея из Книна, обвинили и заставили отречься от ереси, не дав ему сказать ни слова в оправдание: когда он пытался возразить, архиепископ закричал на него, угрожая пыткой. Вскоре после того архиепископ собрал сходку "чешской нации", в которой участвовали 744 магистра, 150 бакалавров и более 1000 студентов. Присутствовал и Гус. Архиепископ добивался торжественного осуждения учения Уиклифа; но на сходке было просто постановлено: "Не толковать учения Уиклифа в еретическом смысле".

Усердие архиепископа в ловле еретиков довело Гуса до полного разрыва с этим прелатом. В 1408 году был осужден один священник, Николай, по прозвищу Авраам, который учил, что право проповедовать Евангелие принадлежит не только священникам, но и любому мирянину. Архиепископ велел изгнать этого Авраама из пражской епархии. Гус присутствовал на следствии по делу Авраама, все время защищал обвиняемого; о приговоре он узнал как раз в тот момент, когда выходил на кафедру. Гус тут же написал несколько строк архиепископу. Почтительно резкий тон этой записки вывел из себя самолюбивого архиепископа. Особенно задело Збынека утверждение Гуса, что архиепископ преследует самых набожных и ревностных священников и в то же время все спускает с рук наглым и распутным.

С досады архиепископ вздумал нанести партии Гуса решительный удар. Он не удовольствовался решением, произнесенным "чешскою нациею" относительно учения Уиклифа, и повелел, чтобы все, у кого есть книги английского еретика, немедленно выдали их для сожжения. Вместе с тем архиепископ запретил произносить проповеди, содержащие какие бы то ни было нападки на духовенство. Это распоряжение уже прямо касалось Гуса. Несколько погодя архиепископ отстранил Гуса от должности синодального проповедника.

Жалобы и доносы, послужившие ближайшим поводом к отставке Гуса, доказывают, как велико было раздражение духовенства, вызванное его обличениями. "У нас, — писали доносчики, — раздаются возмутительные проповеди, которые терзают души набожных людей, уничтожают веру и делают духовенство ненавистным народу". Крайне раздражило духовных лиц утверждение Гуса, что священник, требующий денег за совершение таинств, особенно от бедных, виновен в "симонии и ереси". Возмущались и тем, что Гус по поводу смерти одного каноника сказал: "Я не хотел бы умереть, имея такие доходы". Замечательно, что ни в одном доносе на Гуса не указывали как на последователя Уиклифа.

Разрыв между архиепископом и Гусом был уже полный, когда наступили события, еще более затруднившие положение Гуса. Великий раскол в римско-католической церкви¹, приведший к образованию двух церквей,

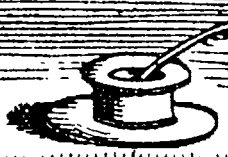
¹ Великий раскол, или "Великая схизма", — период 1378—1417 гг., когда папский престол одновременно занимали два, а иногда три папы, один — в Авиньоне, другой — в Риме. "Великая схизма" закончилась в 1417 г. избранием на Констанцском соборе папы Мартина V, хотя и после этого, до середины XV в., еще были антипапы (например, Феликс V).

IOAN HUSSUS BOEMUS

Acad Pragen Tholo

Nasc in Husenick
Cetera mator Consonat
an 1415

Cantibus & dulci vincens modulamine signos
Rex inter cignos candidus Anser erat

с двумя папами, из которых один оставался в Риме, а другой сидел в Авиньоне, — этот раскол грозил превратиться в бесконечный источник ссор и интриг. В течение десяти лет вопрос не подвинулся ни на шаг. Римский папа Григорий XII при самом своем избрании обязался отречься, если авиньонский папа Бенедикт последует его примеру. Но последний и не думал об отречении, а потому и Григорий предпочел ждать. Раздраженные бесконечными ссорами между папами кардиналы решились отделаться от обоих и созвали в Пизе собор. Для успеха дела кардиналы просили всех католических монархов, и в особенности римского императора, поддержать их, либо отказать в повиновении обоим папам, либо, по крайней мере, соблюсти впредь до решения собора полный нейтралитет.

Вацлав IV, помимо желания приписать себе честь восстановления единства католической церкви, не мог простить Григорию XII того, что этот папа признал мятежного Рупрехта пфальцского римским императором. Военное счастье давно повернулось в сторону Вацлава, но он хотел еще, чтобы новый папа торжественно подтвердил его права на римскую корону. Не желая, чтобы Чешское королевство казалось сколько-нибудь подозрительным в глазах католического мира, Вацлав не был доволен излишним усердием архиепископа в ловле еретиков. Сначала он сам содействовал искоренению ересей, но наконец решил, что сделанного довольно. Он приказал архиепископу объявить всенародно, что в чешских землях, после самого строгого расследования, более не оказалось ни одного еретика. Архиепископ скрепя сердце сообщил королевское повеление синоду, но при этом велел, чтобы проповедники внушали народу правильное понятие о таинстве евхаристии.

Уничтожив ересь одним росчерком пера, Вацлав возобновил переговоры с кардиналами и обещал им прислать в Пизу торжественное посольство.

Известие о таком решении короля было весьма приятно для Гуса: Гус все еще не терял надежды на возможность внутренней реформы католицизма. Он и его сторонники надеялись, что с низложением Григория XII выиграет также чешское национальное дело — у всех были свежи в памяти опустошения, которым подверглись чешские земли во время восстания Рупрехта.

Когда король Вацлав потребовал от архиепископа и от университета отказаться от папы Григория, Прага разделилась на два враждебных лагеря. Меньшинство — немецкие профессора и купцы вместе с чешским высшим духовенством — стояло за Григория. Огромное большинство было за короля. В университете три немецкие "нации" были за папу и только одна чешская высказалась за нейтралитет. На этот раз Гус выступил уже

*Портрет Яна Гуса.
С поздней гравюры*

в роли настоящего политического вождя чешского народа и несомненно, что борьба, затеянная им против папы Григория, была одной из главных причин вражды против него всего высшего духовенства. На бурном заседании, созванном ректором Пражского университета, все чешские профессора высказались за нейтралитет. Архиепископ решился действовать круто, он велел прибить к дверям церквей объявления на латинском и чешском языках, в которых Гус, как вождь чешской партии, был объявлен непокорным сыном церкви, вследствие чего над ним была произнесена суспензия, то есть Гусу было воспрещено отправлять какие бы то ни было священнические обязанности. Письмо Гуса к архиепископу не имело никакого результата, между тем в университете готовились еще более крупные события.

Борьба между чехами и немцами в университетских кружках обострилась до последней степени. Появились памфлеты, в которых чехи доказывали, что три немецкие "нации" совершенно подавляют чешскую. Сравнивали Пражский университет с Парижским, где господствовали французы. Наконец решились обратиться к самому королю Вацлаву, имевшему причины гневаться на немцев.

Чешские профессора знали, что король недоволен ими за их вольнодумство. Они решили послать к королю людей, стоявших вне всякого подозрения. Два правоверных католика были избраны в депутаты; но они сами просили Гуса присоединиться к ним. Гус охотно согласился. Требования чехов были умеренны: они добивались лишь равного количества голосов с немцами, то есть трех против трех.

Король находился в это время в Кутной Горе. К нему уже успели явиться депутации от трех немецких "наций", прося сохранения своих привилегий и выставляя Гуса бунтовщиком. Не в добрый час явилась чешская депутация к королю, вообще страдавшему причудами и часто действовавшему под влиянием винных паров. Король принял депутатов сурово и закричал на Гуса: "Ты и твой приятель Иероним — главные бунтовщики! Смотрите, если у вас не будет порядка, я велю вас сжечь!" Депутаты ушли ни с чем.

На Гуса эта злополучная аудиенция повлияла удручающим образом. Возвратившись в Прагу, он заболел и слег в постель. К немалому удивлению как чехов, так и немцев, король вскоре совершенно изменил свой взгляд на вопрос. Гус лежал больной; к нему пришли его спутники по депутации и печально глядели на него.

— Не правда ли, — сказал Гус, — мы имеем полное право на три голоса?

— Никогда нам не добиться этого, — возразили гости.

— Уже удалось, — сказал им Гус, — вот список с королевского письма, только что полученного в университете.

Гости не верили своим глазам, но, когда прочли, стали поздравлять друг друга и Гуса.

— Я почти при смерти, — сказал Гус слабым голосом, — если я выздоровлю, прошу об одном: работайте во имя правды и для счастья нашего отечества.

Королевский декрет дал чехам даже более того, чего они добивались. Было объявлено, что немцы коварным образом присвоили себе, под видом трех наций, три голоса. По словам декрета, чехи в своей земле должны иметь большинство, и им дано было три голоса, а немцам только один, тогда как сами чехи требовали лишь равенства голосов.

Такое королевское решение, вызванное влиянием некоторых вельмож и подсказанное прибывшим к Вацлаву французским посольством, разумеется, не могло не обидеть привыкших к господству немцев. Немецкие профессора и студенты ответили королю внушительной демонстрацией. Созвав сходку, они поклялись оставить университет, если королевский декрет не будет взят назад.

Немцы рассчитывали на поддержку чешских купцов, связанных с ними материальными интересами, но ошиблись в расчете. Низшее чешское духовенство стало также на сторону короля. В церквах называли короля с кафедры спасителем отечества. Сам Гус был увлечен течением и, оправившись от болезни, похвалил с кафедры королевский декрет. Враги преувеличивали каждое его слово и уверяли, будто он сказал: "Слава Богу, что нам удалось выгнать немцев". Слова эти, однако, приписаны Гусу человеком, который был его врагом и вообще отличался лживостью показаний.

Король вскоре сам убедился, что впал в новую крайность. Он предложил немцам полное равенство с чехами, но немцы требовали восстановления всех своих привилегий. Раздраженный этим, король прислал одного из своих придворных, который прогнал ректора, отобрал у него печать и ключи и назначил кого хотел. Немецкие профессора шумно протестовали. 16 мая 1409 года профессора и студенты всех трех немецких "наций" исполнили свою клятву. Они оставили Прагу, двинулись по улицам чешской столицы огромной процессией, кто пешком, кто верхом, кто в повозке. Не менее пяти тысяч студентов ушло в этот день из Праги: большая часть их двинулась в Лейпциг, где был основан новый немецкий университет.

Событие это имело огромное влияние на историю умственного развития как чехов, так и немцев; но мы здесь укажем лишь на его отношение к жизни и к характеристике Гуса. Несомненно, что в этой национальной борьбе Гус действовал не как слепой фанатик, а как добросовестный защитник справедливых притязаний чехов. Когда впоследствии пражское духовенство стало клеветать на Гуса, что он своими проповедями возбуждал ссоры между чехами и немцами, Гус решительно отвергал это обвинение и произнес знаменитые слова: "Правда, немцы и враждебные нам чехи подавали повод к распрям; но доброго немца я предпочитаю злему чеху, хотя бы этот последний был моим родным братом".

Замечательно, что Гус позволяет себе иногда резкие выражения против немецкой партии в своих латинских трактатах; но в сочинениях, написанных по-чешски, стало быть, доступных народной массе, нет ни слова против немцев, если не считать двух-трех мест, где он рассказывает, как немцы,

в союзе с некоторыми чехами, хотели разрушить Вифлеемскую часовню в то время, когда он в ней проповедовал. "Не слепая вражда к немцам, — пишет о Гусе немецкий историк Лехлер, — по интересы университета и благо родины, как он его понимал, руководили действиями Гуса".

IV

Новый папа. Жалобы гуситов на архиепископа.

Протест Гуса против сожжения книг. Анафема против Гуса и его смелые проповеди. —

Папа Иоанн XXIII. — Диспут Гуса о крестовом походе. —

Речь Иеронима Пражского. Сожжение папских булл Воксою. Казнь Яна, Мартына и Сташека. Богословский факультет против Гуса. — "Пятящийся".
Добровольное изгнание Гуса

Избранный Пизанским собором папа Александр V оказался не лучше своих соперников. Архиепископ Збынек отказывался признать нового папу и подверг интердикту (запрещение совершения всякого богослужения) весь город Прагу. Гус и его друзья резко осуждали действия архиепископа. Народ волновался, и уже были случаи насилий над преданными архиепископу людьми. Вскоре архиепископ признал папу и, уладив свои дела с Римом, опять стал преследовать Гуса и его партию. Явились новые доносчики, утверждавшие, что Гус проповедует еретические учения о священническом сане. Гусу приписывали слова, что священник, совершивший смертный грех, — уже не священник и таинства, им совершенные, не таинства. Пока архиепископ не совсем еще уладил свои дела с Римом, гнев его не мог быть особенно опасен для гуситов и они даже делали попытки искать заступничества Рима. Пятеро молодых людей отказались выдать посланным архиепископа книги Уиклифа и даже отправились к папе с жалобой. Папа потребовал Збынека в Рим для объяснений. Архиепископ отправил вместо себя двух монахов, которые так повлияли на папу, что Александр V велел учредить следственную комиссию и издал буллу, которой была запрещена проповедь где бы то ни было, кроме приходских и монастырских часовен. Сверх того, папа заранее запрещал всякие прошения и жалобы, противные его булле. Несмотря на это запрещение, Гус решился апеллировать, пользуясь тогдашней юридической казуистикой, дозволявшей апелляцию к "лучше осведомленному папе", на того же папу, получившего ложные донесения.

В ожидании ответа папы Гус продолжал борьбу с архиепископом и провел в университете резолюцию, которой был осужден архиепископский декрет о сожжении книг Уиклифа. Сверх того, Гус объявил, что произнесет проповедь по поводу папской буллы. Огромная толпа народа собралась слушать эту проповедь. Прочитав буллу Александра V, Гус сказал:

— А я, я объявляю — и благодарю Бога, что могу сказать это — объявляю, что в Чешском королевстве нет ни одного еретика. Все эти обвинения — сушая ложь!

— Ложь! ложь! — подхватили тысячи голосов.

Тогда Гус стал говорить уже прямо о неправильности действий папы и даже сравнил их с действиями "антихриста", сказав:

— Папа исполняет пророчества, преследуя Евангелие и христианскую веру. Я апеллировал на архиепископские декреты: я хочу снова апеллировать. Поддержите ли вы меня?

— Да, да, — раздались голоса, — мы тебя поддержим.

25 июня того же 1410 года в Вифлеемской часовне было прочитано воззвание, подписанное Гусом, а также многими магистрами, бакалаврами, студентами, даже рыцарями и горожанами.

"Разумно ли, — говорится в этом воззвании, -- сжигать книги, в которых обсуждается философия, мораль, математика и физика — вопросы чисто научные. Допуская даже, что книги Уиклифа содержат еретические мнения, следует ли из этого, что их нельзя читать? Разве не наилучшее средство уничтожить заблуждение это — изучить его? Как опровергнуть то, чего не знаешь?"

Подписавшие этот протест заявляли, однако, свою преданность церкви и объявляли, что не поддерживают никакой ереси. Далее, в протесте было еще сказано, что архиепископ не имел ни малейшего права воспрещать проповедь в часовнях, так как известно, что Христос велел своим ученикам проповедовать всюду.

Между тем Александр V умер, и архиепископ Збынек поспешил донести новому папе Иоанну XXIII¹, что Гус проповедует ересь, и просил папу вызвать его в Рим для примерного наказания. Не дожидаясь папского решения, архиепископ созвал 16 июля множество духовных и светских лиц в своем дворце, куда было принесено 200 фолиантов — различные книги Уиклифа, частью в великолепных переплетах. Во дворе устроили костер и сожгли эти книги, причем колокола трезвонили по всей Праге и священники пели "Тебя, Бога, хвалим". Два дня спустя архиепископ отлучил от церкви Гуса и всех апеллировавших к папе.

Следствие этой меры было, однако, совсем не такое, какого ожидал архиепископ. Народ был крайне раздражен; всюду слышались злые насмешки над архиепископом. В собраниях и на улицах пели сочиненные против него эпиграммы. Одна из них гласила: "Збынек, епископ и ученик начальной школы, выучив А, В, С, D, сжег книги и теперь не знает, что в них написано". От насмешек перешли к насилию. Самому архиепископу пришлось однажды спрятаться от разъяренного народа; а когда, в церкви Святого Стефана, один священник "анафемствовал", то есть произносил с кафедры проклятие Гусу и его друзьям, шестеро вооруженных граждан бросились на него в храме, и он едва спасся.

¹ Иоанн XXIII (в миру Балтассар Косса) был избран на папский престол конклавом кардиналов в Пизе 17 мая 1410 г. В молодости был морским пиратом. 29 мая 1415 г. смещен с папского престола Констанцким собором. Католической церковью объявлен антипапой (потому кардинал Ронкалли принял в 1958 г. имя Иоанна XXIII).

Узнав об этих беспорядках, король Вацлав запретил, под страхом смертной казни, петь куплеты, направленные против архиепископа; но последнему велел заплатить владельцам сожженных книг убытки. Архиепископ не повиновался, король велел прекратить выдачу ему жалованья.

Вскоре после этого пришло наконец из Рима решение по делу Гуса. Новый папа Иоанн XXIII отверг апелляцию Гуса, подтвердил буллу своего предшественника и повелел архиепископу, под страхом отлучения, преследовать Гуса и, в случае надобности, даже употребить против него мирскую власть. Вместе с тем папа требовал Гуса в Рим на суд.

Это известие вызвало в Праге взрыв негодования против папы. Сторонники Гуса твердо держались его правила: "в духовных вопросах повиноваться не людям, а Богу", — и папские угрозы только подстрекали их к сопротивлению. Король Вацлав опять склонялся на сторону Гуса и писал папе, что следует прекратить процесс, затеянный против Гуса архиепископом, и что лучше "приказать обеим сторонам молчать". Но папа прислал следственную комиссию из четырех кардиналов, и 15 марта 1411 года новая анафема была произнесена против Гуса во всех церквях Праги, исключая двух, где священники отказались повиноваться. Весь город за сочувствие Гусу был подвергнут интердикту, то есть было запрещено совершение всякого богослужения.

Гус понял, что ему остается одно: не обращать ни малейшего внимания ни на архиепископские, ни на папские решения. Он продолжал проповедовать в своей часовне, как будто ровно ничего не случилось. Некоторые священники последовали его примеру.

Ввиду сильного волнения умов в Праге архиепископ решился наконец на уступки и даже согласился подчиниться решению третейского суда, по назначению короля. Суд этот предложил архиепископу проект письма к папе, в котором значилось, что в чешских землях более нет никаких ересей и что между Гусом и архиепископом произошло полное примирение. Гус, с своей стороны, согласился подчиниться решению суда, но архиепископ раздумал мириться и написал королю, что по чести и по совести не может принять третейского решения, причем жаловался, что все идет против него, и угрожал обратиться к венгерскому королю Сигизмунду¹. Архиепископ действительно выехал из Праги, но по дороге в Венгрию заболел и умер. Архиепископ Збынек был плохой богослов и самодур, но, по крайней мере, отличался прямоотой, которую ценил сам Гус. Преемником его был королевский лейб-медик Альбик, человек довольно тихий. Сам по себе он не затевал ссор с Гусом, но в 1412 году в Прагу приехал от папы Иоанна XXIII священник Тим, привезший буллу о новом крестовом походе.

¹ Сигизмунд, брат Вацлава IV, получил венгерскую корону, так как женился на наследнице короля Венгрии и Польши Людовика I Великого (другая его дочь вышла замуж за Великого князя Литовского Ягайло, ставшего польским королем Владиславом II). В 1410—1437 гг. Сигизмунд был германским императором, а после смерти Вацлава IV в 1419 г. стал и чешским королем.

В то время папская власть опустилась ниже, чем когда-либо. Пизанский собор, вместо двух пап, создал не одного, а трех; Иоанн XXIII чувствовал себя небезопасно в самом Риме, которому угрожал неаполитанский король Владислав¹, покровитель одного из прежних пап, Григория XII. Иоанн XXIII придумал против своих врагов крестовый поход, обещая всем участникам похода прощение всех грехов — прошедших, настоящих и даже будущих. Буллы, привезенные Тимом новому пражскому архиепископу, встретили сочувствие короля Вацлава. Король и архиепископ разрешили сбор денег на поход и со всех кафедр Праги велено было произносить проповеди за поход, и на базарных площадях слышался барабанный бой герольдов. Чтобы слишком не выставлять денежную сторону дела, архиепископ велел не давать денег исповедникам и не проповедовать спасительной силы креста, а говорить на евангельские темы. Гус радостно ухватился за это повеление. Публично с кафедры он стал проповедовать против похода. Смелая проповедь Гуса испугала на этот раз даже некоторых из его друзей. Впервые обнаружилось, что между этими друзьями были люди робкие и даже предатели. Один из ближайших приятелей Гуса, Степан из Пальча, в то время бывший деканом богословского факультета, подготовил факультет вынести решение, что папа имеет власть прощать грехи и даровать их отпущение какими угодно способами. Тогда Гус заявил, что действия папы противны основам христианского учения. По улицам Праги было расклеено объявление, гласившее, что 7 июня 1411 года Гус назначил в большом зале Карловой коллегии публичный диспут по вопросу: "Согласно ли с прямым смыслом учения Христа, чтобы во славу Божию и для спасения христианского народа были поддерживаемы папские буллы о крестовом походе".

*Иероним Пражский.
С поздней гравюры*

¹ Владислав Неаполитанский (1377—1414) — сын короля Карла III Дураццо из Анжуйской династии (умер в 1386 г.) и королевы Маргариты, правившей в его малолетство. Сторонник папы Григория XII. Враждебно относился к Иоанну XXIII, объявившему против него крестовый поход. Умер 6 августа 1414 г.

Некоторые боязливые профессора богословия немедленно отправили к архиепископу депутацию из двух докторов богословия, прося запретить объявленный диспут. Архиепископ медлил, и диспут состоялся в присутствии необычайно многочисленной толпы докторов, магистров и студентов, несмотря на то что богословский факультет выставил, в свою очередь, объявление, строжайше воспрещавшее всем бакалаврам участвовать в диспуте.

На этом диспуте Гус произнес несколько замечательных речей; но главным героем дня остался все же не он, а его лучший и вернейший друг, магистр Иероним Пражский. Иероним говорил с таким одушевлением, что восторгам студентов не было конца. Когда диспут окончился, Иеронима провожала домой еще более многочисленная толпа, чем Гуса.

За этой студенческой демонстрацией последовала другая, более внушительная. Один из придворных короля, Вок, или, по-немецки, Вальдштейн, вздумал предать посмеянию папские повеления. Он устроил шутовскую процессию: посередине сидели на колеснице куртизанки (по некоторым сведениям, это были переодетые студенты), у которых на груди висели папские буллы; впереди и позади шли толпы людей с мечами и кнутами. Процессия двинулась мимо самого архиепископского дворца, подле которого остановилась. Постояв немного, двинулись по всем главным улицам Праги и, достигнув рынка на Новом Месте, устроили костер, на котором торжественно сожгли папские буллы, насмехаясь при этом и над крестовым походом, и над сожжением книг Уиклифа.

Король Вацлав посмотрел сквозь пальцы на проделку своего придворного, но на будущее время объявил, что всякое сопротивление папским буллам наказуемо смертью. Это не была пустая угроза. 10 июля 1412 года трое молодых людей из низшего сословия, Ян, Мартын и Сташко, вздумали ходить по церквам и во время богослужения стали оспаривать проповедников, крича, что отпущение грехов папой есть сушая ложь. Их схватили, пытали и, не добившись раскаяния, на следующий день приговорили к смертной казни. Гус ходатайствовал за осужденных; но городские власти, боясь, что отсрочка казни еще более раздражит народ, поспешили совершить приговор — и головы всех трех осужденных пали на плахе. Во время казни народ хранил молчание; одна женщина принесла чистое полотно, чтобы обернуть тела казненных. Студенты, под предводительством одного магистра, подняли тела и понесли их с пением известного гимна мучеников христианства: "Это — святые". Процессия двинулась к Вифлеемской часовне. Гус лично содействовал погребению казненных. С тех пор враги Гуса прозвали его часовню "Каплицей трех святых".

Между тем пражские богословы продолжали интриговать против Гуса. Вновь был затеян спор о 45 тезисах Уиклифа, к которым на этот раз присоединили шесть тезисов самого Гуса, требуя, чтобы Гус не смел преподавать их. В этом смысле было даже выхлопотано королевское повеление; но Гус заявил, что король не имеет права нарушать университетской автономии и свободы преподавания.

Во время этих споров некоторые из бывших друзей Гуса, особенно Станислав из Цнойма, окончательно примкнули к противной партии. Гус назвал этих неверных друзей людьми "пятящимися" (*cancrisantes*, от слова *cancer*, рак).

Наконец и папа Иоанн XXIII опять дал о себе знать в Праге. Он велел кардиналу Сант-Анджело поступить с Гусом без всякой пощады. Кардинал приказал, в случае дальнейшего упорства Гуса, повторить против него анафему, при колокольном звоне, с зажжением и погашением свечей. В формуле проклятия было сказано, что отныне никто не должен давать Гусу ни пищи, ни питья, ни приюта; никто не должен сказать ему доброго слова; каждое место, на котором он стоит, подвергается интердикту. Все верные сыны церкви должны хватать Гуса везде, где бы его ни встретили, и выдавать архиепископу или епископу; наконец, Вифлеемская часовня должна быть скрыта до основания и уничтожена.

Следует заметить, что пражские городские власти — члены магистрата — были по большей части враждебны Гусу. По их подстрекательству 2 октября 1412 года у Вифлеемской часовни собралась толпа буянов, пытавшихся проникнуть в часовню во время проповеди Гуса и произвести там погром. Но сторонников Гуса было в Праге гораздо больше, чем противников. Гуситы стали в оборонительное положение, и противники ушли ни с чем.

Постоянные столкновения гуситов с их противниками сильно беспокоили короля Вацлава. Не решаясь действовать силой против проповедника, имевшего необычайную популярность, король подослал к Гусу людей, уговаривавших его добровольно оставить Прагу, чтобы положить конец смуте. Король обещал, что разберет дело Гуса по справедливости.

Гус повиновался королю, но крайне неохотно и после продолжительной внутренней борьбы. В конце 1412 года он добровольно отправился в изгнание, опубликовав перед отъездом еще один трактат, в котором апеллировал уже не к папе, а на папу "к Христу, как к праведнейшему судье".

Король Вацлав, при всей распушенности характера, обладал некоторой королевской честью и обыкновенно сдерживал раз данное слово. И на этот раз он всеми способами старался уладить споры и сделать возможным возвращение Гуса в Прагу. Между тем архиепископ Альбик, чувствуя себя слишком дряхлым, уступил место новому архиепископу Конраду, который в начале 1413 года созвал синод. Гус, разумеется, не мог явиться на синод, но прислал вместо себя одного из друзей. Попытка примирения между сторонниками и противниками Гуса, однако, не состоялась. Гус прислал несколько кратких и ясных пунктов соглашения; но его бывшие приятели, а теперь враги, особенно Станислав из Цнойма и Степан из Пальча, до того интриговали против Гуса, что наконец сам король Вацлав потерял терпение и хотел изгнать этих интриганов из пределов Чешского королевства. Вообще при королевском дворе опять взяли верх гуситские веяния. Так, например, король издал патент, установивший в пражском магистрате полное

равенство между чехами и немцами: до тех пор немцы преобладали, на этот раз многие гуситы проникли в магистрат. Гус все еще оставался в изгнании; но он не терял времени. Он вел обширную переписку с своими пражскими друзьями: давал им советы, поддерживал их в трудные минуты. Чисто отеческая заботливость сказывается в его письмах. Кроме того, Гус за это время написал немало богословских трактатов и, между прочим, главное свое сочинение "О церкви", написанное им в местечке Козий градек, отстоящем на 70 верст от Праги. По временам Гус приезжал также в местечко Краковец, где проповедовал. Огромные толпы народа стекались сюда слушать его, приходя из отдаленнейших местностей Чешского королевства. Время добровольного удаления Гуса из Праги оказалось поэтому весьма плодотворным для распространения идей Гуса, преимущественно в низших слоях населения, и с этой точки зрения пребывание Гуса вне Праги имеет величайшее историческое значение. Помимо Праги, возник другой самостоятельный центр гусизма, находившийся в той самой местности, где впоследствии возник гуситский город Табор. Да и в самой Праге дело Гуса шло не хуже прежнего. С удалением учителя некоторые ученики привыкли действовать самостоятельно; враги полагали, что гусизм окончательно задавлен, но, к удивлению, оказалось, что число приверженцев Гуса возрастает с каждым днем.

Движение это приняло такие размеры, что не могло остаться незамеченным в Риме; но здесь гораздо больше занимались Уиклифом, чем Гусом. В январе 1413 года "генеральный собор" в Риме осудил сочинения Уиклифа, особенно его "Диалог" и "Триалог". Этот собор не оказал никакого влияния на чешские дела. Совсем иное значение для чехов имел созванный в конце 1414 года Костницкий, или Констанцкий, собор.

V

Констанцкий собор и мученическая смерть Гуса

В течение нескольких лет гуситское движение сделало такие успехи, что приверженцы и противники Гуса появились за пределами Чешского королевства. В 1413 году в Вене уже были гуситы: учение Гуса занесено сюда приезжими из Праги чешскими студентами. Даже во Франции Гус пользовался значительной известностью, и Парижский университет, где заседали светила тогдашнего философского "номинализма", взволновался при известии, что в Праге одерживают верх учения, бывшие, по мнению парижских докторов, неизбежным логическим последствием философской ереси, то есть реализма. Профессора Сорбонны сочли своим долгом написать послание пражскому архиепископу Конраду, советуя ему принять меры против

распространения лжеучений. Знаменитый Жерсон¹ прислал архиепископу несколько выдержек из книги Гуса "О церкви", с кратким опровержением учения Гуса. С другой стороны, гуситы стали сильно распространяться в Польше, и слухи о них проникли до пределов Московской Руси. В немецких землях также было немало сторонников Гуса, но еще больше — противников. Кроме удалившихся из Праги профессоров, главным противником чешского проповедника явился сам римский император.

В то время титул римского императора принадлежал уже венгерскому королю или, точнее, мужу венгерской королевы Марии, брату короля Вацлава, Сигизмунду.

С 1413 года и до самой смерти Гуса Сигизмунд стоял во главе его противников. Необходимо сказать несколько слов о личности этого монарха, владения которого номинально простирались от Балканских гор до Балтийского моря и от Карпат до Рейна.

Сигизмунд был для того времени человек образованный: он знал языки латинский, французский, немецкий и венгерский, был весьма любезен не только с дамами, за которыми ухаживал более, чем следовало, но и с простыми бюргерами и купцами, у которых бывал на похоронах и на крестинах. Но главной чертой характера Сигизмунда было его необычайное желание прославиться. Он любил грандиозные проекты, ему нравилось все блестящее. Насколько его брат Вацлав был апатичен, настолько Сигизмунд хватался за всякую новинку, дающую возможность прогреметь его имени на весь мир. Блистательное коронационное путешествие в Ахен окончилось скандалом: ни один курфюрст не приехал. Сигизмунд искал с тех пор случая удовлетворить себя за эту неудачу. Он вздумал удивить все человечество и затеял небывалый еще по великолепию вселенский собор с целью окончательно прекратить церковный раскол. Обстоятельства сложились благоприятно для Сигизмунда. Неаполитанский король Владислав захватил Рим и выгнал папу Иоанна XXIII, который бежал в Болонью и отдался под покровительство Сигизмунда. Последний потребовал от папы созыва собора. Иоанн XXIII, боясь, что на соборе обнаружатся его собственные плутни и распутства, медлил и, чтобы сохранить вид достоинства, требовал созыва собора в городе, не подчиненном императору. Но Сигизмунд настаивал на своем и заставил папу объявить, что собор откроется в Констанце (Костнице) 1 ноября 1414 года.

Перед открытием собора у папы было свидание с императором, и он, между прочим, жаловался Сигизмунду на бездеятельность его брата, чешского короля Вацлава, говоря, что действия короля способствуют умножению ереси. Сигизмунду тотчас же пришла блистательная мысль — вызвать Гуса в Констанц. Он послал двух чешских дворян к Гусу с объявлением, что, если Гус добровольно явится на собор, ему будет дана полная возмож-

¹ Жерсон, или Герсон (настоящие имя и фамилия Жан Шарль, 1363—1429), — французский богослов и церковный деятель, профессор, затем канцлер Парижского университета, автор сочинения "Об исправлении церкви".

ность высказаться и, даже если он, Гус, не подчинится решению собора, император обещал отослать его домой без всяких препятствий.

На первых порах Гус даже обрадовался этому приглашению. Странная мысль явилась в его уме. Гус не был честолюбив и самонадеян, но глубоко верил в свою правоту, и ему казалось, что, явившись на собор, он не только оправдает себя от ложных обвинений, но и доставит полное торжество правде, убедит в правоте своих идей не только мирян, но даже многих из прелатов. Гус смотрел на свое путешествие прежде всего как на удобный предлог торжественного заявления своих убеждений перед представителями всего христианского мира.

Некоторые из друзей Гуса смотрели на будущее менее доверчиво и говорили ему: "Не верь императору; он выдаст тебя твоим врагам". Даже один из дворян, посланных императором к Гусу, передавая обещания Сигизмунда, сказал по секрету Гусу, чтобы он остерегался и не всему верил. Слова эти возбудили у Гуса некоторые сомнения, но он не долго колебался.

— Что же, — говорил он, — я не скрываю от себя опасностей; если надо, я готов даже умереть.

Бесспорно, однако, что Гус надеялся на возможность "увлечь за собой весь собор и заставить всех защищать и исповедовать истину". (Слова Аугсбургской немецкой хроники.)

Готовясь к отъезду, Гус хотел заранее испытать свои силы. Как только пражский архиепископ созвал новый провинциальный синод, Гус приехал в Прагу и велел распространить объявления на трех языках: латинском, чешском и немецком, в которых было сказано, что он, Гус, готов дать отчет о своей вере перед всем чешским духовенством. Гус предлагал всякому, кто пожелал бы обличить его в ереси, явиться на диспут.

Само собой разумеется, что архиепископ не дозволил Гусу явиться на заседания синода. Когда Гус с несколькими друзьями прибыл к архиепископскому дворцу, вышел маршал и сказал весьма грубо, что высокопоставленные пастыри обсуждают теперь королевское предложение и что нельзя впускать всякого желающего, чтобы не помешать им в таком важном деле.

Получив отказ, Гус написал новое воззвание, на этот раз только по-чешски, которое было прибито у самых ворот королевского дворца. Гус апеллировал к королю и ко всему чешскому народу, заявляя, что ему не дали оправдаться, и предлагая обвинителям явиться на Констанцкий собор. Гус не знал, что его враги явятся туда даже без всякого вызова с его стороны.

Вскоре после этого в пользу Гуса неожиданно высказался папский земский инквизитор, викарный епископ Николай Назаретский. В присутствии нескольких чешских дворян он заявил, что считает Гуса превосходным католиком, и даже подтвердил свои слова письменным заявлением. В то же время в монастыре святого Иакова, на собрании светских и духовных феодалов, было прочитано письмо Гуса, который просил сделать архиепископу формальный запрос, считает ли он его виновным в какой-либо ереси? Если нет, пусть письменно удостоверит в противном. Гус имел в числе

феодалов многих приверженцев, настоявших, чтобы его письму был дан ход. Архиепископу действительно сделали запрос. Не имея прямых улик против Гуса, архиепископ Конрад хотя и не дал письменного заявления, но на словах высказал, что никакой ереси за Гусом он не знает и что Гусу надо только очистить себя в глазах папы. Эти слова архиепископа были записаны, и трое чешских дворян приложили свои печати к документу, который был послан императору Сигизмунду с просьбой оказать Гусу свою "мощную защиту".

Все это могло только усилить решимость Гуса отправиться на собор, и он написал императору письмо, в котором благодарил за оказанное ему до сих пор "покровительство" и просил содействия Сигизмунда лишь в том смысле, чтобы ему была предоставлена возможность защищать свои убеждения перед собором непременно на публичном заседании. "Я не побоюсь, — писал Гус, — исповедать Христа и, если уж этому должно быть, готов потерпеть даже смерть за истину". Из Праги Гус опять уехал в Краковец. Здесь он узнал из писем своих пражских друзей, что враги его не теряли времени, они уже сформулировали обвинения и подготовили все следствие; уже были подысканы свидетели, их привели к присяге и записали их показания. Чешское и моравское духовенство, большей частью состоявшее из противников Гуса, устроило даже денежный сбор с целью покрыть расходы уполномоченных, которые должны были ехать в Констанц для обвинения Гуса. Во главе врагов Гуса стал на этот раз не архиепископ, немец Конрад, а чех Ян из Литомышля, "железный" епископ, как его называют летописцы. К нему присоединились четыре феодала из клерикальной партии. Но всего опаснее для Гуса было присоединение к этому заговору магистра Степана Палеча — одного из друзей-предателей и еще троих докторов богословия. Нашелся, однако, тайный друг Гуса, сообщивший ему копию новых обвинительных пунктов, к которым были присоединены все прежние, включая донос, поданный на Гуса римской курии еще в 1412 году одним бессовестным лжецом, Михаилом (он был нечто вроде духовного следователя по делам еретиков). Гус письменно ответил на все пункты обвинения и считал себя вполне подготовленным к защите. На путевые расходы Гуса была собрана известная сумма его друзьями и почитателями — у него самого хватало денег только на самую скромную жизнь.

Перед отъездом Гус сделал, однако, распоряжения, показывающие, что в глубине души он гораздо мрачнее относился к будущему, чем можно было думать, судя по его публичным заявлениям.

Гус устроил свои дела так, как будто готовился к смерти. Он написал завещание в виде письма к своему любимому ученику Мартыну. Письмо это Гус запечатал и велел вскрыть, лишь когда будут получены вполне достоверные известия о его смерти.

Письмо это написано с такой задушевностью, в нем столько отеческой нежности и заботливости о молодом человеке и в то же время столько искренности и трогательной простоты в исповеди самого Гуса. Так писать могут только исключительные натуры и только в особых обстоятельствах.

Гус простился в этом письме со всеми "связанными с ним верою" друзьями, мужчинами и женщинами; он утешает их и, как бы угадывая свой ужасный конец, говорит, что смело встретит смерть, если она неизбежна.

Многие из друзей Гуса имели мрачные "предчувствия". Один башмачник, Андрей Поляк, прощаясь с Гусом, сказал: "Кажется мне, что ты не вернешься к нам". Накануне смерти Гус вспомнил эти дружеские слова.

Император Сигизмунд, желая, чтобы Гус не медлил с приездом, еще во время предварительных переговоров самым формальным образом обещал выдать ему охранную грамоту. Узнав о решимости Гуса, Сигизмунд медлил с выдачей грамоты, и Гус в свою очередь решился ехать, положившись на одно императорское слово. Обещанную грамоту, Гус получил, но лишь по приезде в Констанц. Впрочем, император избрал троих чешских дворян, которым велел сопровождать Гуса. Это были Ян и Генрих из Хлума и Вацлав из Дуба. Генрих приехал к Гусу лишь в конце путешествия.

Вопрос об охранной грамоте, данной императором Гусу, много занимал архивных историков; но окончательно он выяснен лишь в 70-х годах XIX века Бергером. Этот немецкий ученый доказал, что в XV веке различали два рода императорской охраны — "живую" и "мертвую". "Живую" охрану Гуса составляли упомянутые чешские дворяне, и, по тогдашним понятиям, одного назначения этих дворян состоять при Гусе было вполне достаточно, чтобы, без всякого письменного документа, император считал себя уже связанным обещанием. Не нарушив правил, не только нравственных, но и вошедших в обычное право, Сигизмунд уже не мог отказать Гусу в защите.

В октябре 1414 года Гус выехал из Краковца в Прагу и 11 числа начал свое путешествие. Ехал он в сопровождении двух из присланных императором дворян и нескольких близких друзей, пожелавших за ним следовать. Для историков и биографов важнее всего оказалось участие в путешествии Гуса бакалавра Петра из Младеновиц, секретаря одного из сопровождавших Гуса дворян, Яна из Хлума. Были и другие спутники: всего числилось в этом караване "30 лошадей". Петр вел обо всем подробный дневник: впоследствии гуситы, в день смерти Гуса, читали во время богослужения отрывки из этого дневника.

Путь в Констанц шел через Нюрнберг. Гус, хотя и не враждовал с немцами, все же был уверен, что вообще немцы его не любят, и никогда не ожидал того приема, какой был ему оказан почти всюду.

Перейдя границу, Гус вместо ожидаемых врагов всюду встречал людей, к нему отлично расположенных. На девятый день путешествия он пишет из Нюрнберга своим пражским друзьям: "Знайте, что я до сих пор не встретил ни одного врага". В некоторых местностях его принимали с величайшим почетом. Многие приходили посмотреть на Гуса просто из любопытства, имя его было слишком известно в немецких землях, но находились и люди, прямо ему сочувствовавшие. В больших городах Гус распространял объявления, в которых извещал население, что едет в Констанц с целью публично защищать свои убеждения. Во многих местах даже духовные лица выража-

ли сочувствие цели его путешествия. Чешские дворяне, сопровождавшие Гуса, относились к нему вполне дружелюбно. Особенно усердствовал в пользу Гуса Ян из Хлума. В верхнешвабском городе Биберах этот дворянин затеял такие беседы с местным духовенством, что жители города сочли его за доктора богословия. Эта ошибка очень позабыла Гуса, и он с той поры стал называть рыцаря Яна в шутку "доктором из Бибераха".

Бывали, конечно, и некоторые столкновения. Так, из Нюрнберга днем раньше Гуса выехал епископ Любекский, который также спешил в Констанц. По дороге этот прелат всюду предупреждал народ остерегаться Гуса. Это внушение произвело лишь то действие, что народ из одного любопытства валил толпами на встречу Гуса. Когда наконец 3 ноября 1414 года Гус приблизился к Констанцу, из этого города ему навстречу вышла также огромная толпа народа.

Толпа эта проводила Гуса до самой его квартиры, нанятой им у одной вдовы, Фиды. Ян из Хлума называет эту женщину "второй Сарептской вдовой"¹.

*Жилище Гуса в Констанце.
Фотография*

* * *

На следующий же день после приезда Гуса, 4 ноября, Ян Хлумский получил аудиенцию у папы Иоанна XXIII. Он и его товарищ Генрих, только что прибывший, доложили папе о приезде Гуса и просили папской защиты. Иоанн XXIII имел вполне основательные причины бояться за свою со-

¹ Пророк Илия некоторое время жил в Сарепте Сидонском у вдовы, сына которой он исцелил.

бственную участь: с минуты на минуту он ожидал, что собор низложит его. Ввиду этого папа старался быть в мире со всеми, и при первых же словах Яна Хлумского о Гусе Иоанн XXIII воскликнул:

— О, пусть будет спокоен! Ему нечего бояться, даже если бы он убил моего родного брата.

Ян доложил папе, что император Сигизмунд уже взял Гуса под свою охрану.

— О, если так, — добавил папа, — я на время прекращу затеянный против него процесс и уничтожу анафему.

Вслед за тем папа прислал к Гусу епископа Констанцкого и еще нескольких лиц, требуя только, чтобы Гус вел себя смирно, не докучал папе и не появлялся в общественных местах — особенно в храмах. Гус повиновался. Он воспользовался этим временем, чтобы основательно подготовиться к защите.

Только 5 ноября приехал в Констанц дворянин Вацлав с охранной грамотой, подписанной императором Сигизмундом. Текст ее не допускал никаких сомнительных толкований. Сигизмунд повелевал всем и каждому "свободно пропускать Гуса, позволять ему жить, где хочет, и уезжать, куда пожелает". Но враги Гуса делали свое дело. Усерднее всего действовал известный кляузник Михаил — полный его чин был "надзиратель по делам веры". Этот соотечественник Гуса еще раньше его прибыл в Констанц и вместе с бывшим другом Гуса, Степаном Палечем, расклеил по городу объявления, возвещавшие, что Гус, изгнанный из Чешского королевства, — еретик. Оба эти чеха обивали пороги всех прелатов, подстрекали докторов богословия, совещались с монахами доминиканского и других влиятельных орденов.

Гус ничего не предпринимал против врагов. На первых же порах его смутила внешняя обстановка собора.

Собор еще не был открыт официально, но почти все прелаты уже съехались. Это был не только духовный собор, но и политический конгресс. Светские князья сидели здесь рядом с епископами: почти все европейские дворы прислали послов. Три патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, около 150 епископов, множество аббатов и приоров, 300 магистров и докторов богословия, множество принцев и вельмож — таков был состав этого съезда. Университеты играли важную роль. Такой роли они не имели ни на одном из прежних соборов: это была невольная дань тому демократическому духу, который воплотился в учении Гуса.

Внешняя обстановка собора была блестяща. Прелаты, вельможи и принцы привезли с собой массу слуг, секретарей, воинов. Купцов нахлынуло столько, как будто в городе была ежедневная ярмарка. 100 000 приезжих, 30 000 лошадей появилось в небольшом городе, едва вмещавшем все это множество людей и скота. Были тут англичане рядом с французами, поляки рядом с меченосцами Тевтонского ордена — настоящее смешение языков, 600 цирюльников, 700 официальных куртизанок, множество бродячих и оседлых музыкантов — все это придавало городу своеобразный вид.

Оживление было необычайное, часто происходили скандалы: архиепископы пизанский и майнцкий поссорились за кружкой вина; от слов перешли к действиям. "Бой между архипастырями, — пишет итальянский летописец Муратори, — был ужасен: присутствовавшие священники с перепугу повыскакивали в окна".

Гуса смутил, оглушил, ошеломил этот шум. "Если бы вы могли видеть этот собор! — писал он в Прагу. — Собор, называющий себя святым и непогрешимым, — просто отвратителен! Швабы говорят, что 30 лет потребуется, чтобы очистить город от грехов, которыми его теперь пятнают".

Даже помимо обещания, данного папе, Гус почти не решался выйти на улицу. Сидя в своей комнатке, он писал. Сначала Гус думал о самозащите, но, увлекшись ходом мыслей, стал писать о реформе церкви. Он набросал великолепную речь, которую надеялся произнести на соборе. Гусу стоило взглянуть на любого из приехавших в Констанц прелатов, чтобы понять главную причину зла, разъедавшего католический мир. "Как далеки эти духовные пастыри, — писал Гус, — от цели, указанной Христом! Вместо того чтобы жить в простоте и смирении, они владеют землей, они хотят подчинить себе даже королей. Кто узнает в этих прелатах, окруженных свитами рыцарей, блистающих золотом и серебром, учеников смиренного Распятого? Сколько времени им надо, чтобы забыть свою клятву? Они не могут видеть женщины без нечистых помыслов; они забывают о людях, как и о Боге. Откуда все это зло? Я трепещу, боюсь сказать, но не смею и умолчать. Я не хочу, чтобы сказали обо мне: "Горе ему! он молчал и запятнал свои уста молчанием". Причина, источник всей этой заразы — римский двор, не только потому, что он не исполняет своего назначения, но и потому, что сам продает веру и церковь. Народ гибнет, и мы все виновны в его гибели, мы, обязанные вести его к жизни, а не к смерти!"

Кто знает, какое впечатление могла бы произвести подобная речь, если бы Гусу дозволили произнести ее на соборе на публичном заседании? Но Гус не знал всей хитрости и проницательности прелатов, с которыми имел дело.

Надо было придумать какой-либо предлог для лишения Гуса свободы. С этой целью в городе был пущен слух, будто Гус хотел бежать, спрятавшись на возу с сеном, и будто он, нарушив данное папе обещание, публично проповедовал и, с целью привлечения слушателей, давал будто бы каждому по червонцу. Хотя все это была явная и бесстыдная ложь, прелаты сочли возможным воспользоваться ею, чтобы придать своим действиям хотя бы тень права.

28 ноября к Гусу явились два епископа в сопровождении констанцкого бургомистра и одного рыцаря, будто бы с целью проводить его к папе на аудиенцию. Гус еще не успел выйти к гостям, когда бывший здесь Ян из Хлума, предугадывая предательство, резко возразил, что он отвечает перед императором за каждый волос Гуса и что до приезда императора в Констанц никто не смеет ничего предпринять против Гуса.

— Что ты, рыцарь! — ответил один из епископов. — В уме ли ты? Мы пришли с самыми миролюбивыми намерениями.

В это время вышел сам Гус со словами:

— Я приехал сюда не с целью вести переговоры с кардиналами, а затем, чтобы публично оправдаться перед собором. Тем не менее я готов по первому требованию кардиналов являться к ним и отвечать на вопросы. Но знайте, что я предпочту смерть отказу от истины!

Гус все еще не подозревал низкого обмана. Он не знал и того, что дом, где он жил, и соседние дома были оцеплены вооруженными людьми. Когда Гус спускался с лестницы, он встретился с своей домовою хозяйкой.

— Благослови тебя Бог! — сказал Гус.

Хозяйка, подозревавшая, в чем дело, не ответила и расплакалась.

Гус сел на свою малорослую лошадку и поехал к папскому дворцу в сопровождении прибывших за ним прелатов и рыцаря Яна Хлумского, не желавшего оставить его ни на минуту.

Гуса привели не к папе, но в собрание кардиналов. Один из них сказал Гусу:

— Мы хотим от тебя услышать, что ты скажешь о разных лжеучениях, распространяемых тобою в Праге?

Гус почтительно, но твердо ответил:

— Я скорее готов умереть, чем упорствовать во лжи, если знаю, что это ложь. Я приехал сюда по доброй воле. Если мне докажут, что я заблуждаюсь, я готов с покорностью сознать свою ошибку.

Некоторые из кардиналов одобрительно кивнули головами; затем все собрание удалилось, оставив Гуса под прикрытием бывшей в зале военной стражи. Только верный рыцарь Ян остался подле Гуса.

Прошло несколько часов. Кардиналы опять собрались во дворце с целью выслушать главных чешских доносчиков. Были, впрочем, допрошены и некоторые друзья Гуса. Когда совещание окончилось, папский гофмейстер вошел в комнату, где находился Гус, и сказал рыцарю Яну, что он может идти, куда хочет, но Гус должен остаться.

Верный Ян пришел в сильнейшее негодование. Не долго думая, он отправился к самому папе и в присутствии кардиналов сказал, что, при всем уважении к его святейшеству, должен назвать подобные действия вероломством. Ян напомнил папе о его обещаниях и с гневом сказал:

— Я подниму голос против всех, кто осмеливается оскорблять охранную грамоту императора.

Папа слабо защищался.

— Мои братья, — сказал он, указывая на кардиналов, — знают, что я никогда ничего не приказывал.

В тот же вечер Гуса отвели под стражей в дом одного констанцкого каноника и здесь держали 8 дней. 6 декабря Гуса перевезли в доминиканский монастырь, находившийся на Констанцском озере, на островке, и посадили здесь в мрачную, сырую, смрадную тюрьму, примыкавшую к клоаке. Вскоре Гус заболел здесь так, что одно время опасались за его жизнь.

Рыцарь Ян сделал все, что мог, стараясь освободить Гуса. Он ездил с императорской грамотой к вельможам и к прелатам, жаловался городским властям, наконец, прибил на воротах соборной церкви воззвание по-латыни и по-немецки, в котором протестовал против оскорбления, нанесенного кардиналами, в лице Гуса, самому императору.

Протест этот был вывешен накануне рождественского праздника. В тот же вечер приехал наконец в Констанц сам император Сигизмунд. Император еще по дороге узнал об аресте Гуса. В первую минуту он пришел в состояние сильнейшего гнева и велел немедленно освободить Гуса, угрожая в противном случае сломать тюрьму, в которой тот находился. Кардиналы не обратили ни малейшего внимания на эту угрозу. По приезде в Констанц император стал упрекать прелатов и однажды оставил даже город, но вскоре приехал опять. Прелаты убеждали его с помощью хитрой софистики; один из них сказал Сигизмунду знаменитые слова: "Не следует сдерживать обещание, данное еретику". На угрозу императора опять оставить Констанц кардиналы ответили, что в таком случае они распустят собор. Этот довод стоил для Сигизмунда всех других: неудача собора была бы слишком чувствительна для его тщеславия. Император решился поступить своей честью: сначала он предоставил кардиналам действовать, как они хотят, а потом даже сам стал подстрекать их против Гуса.

Еще 4 декабря 1414 года папа назначил по делу Гуса следственную комиссию из трех епископов, которые пригласили всех свидетелей в количестве 15 человек, привели их к присяге и допросили в присутствии Гуса, в его темнице. Гус был в это время так болен, что едва мог говорить, но на это не обратили внимания и весь допрос произвели в один день. Гус просил, чтобы ему назначили по крайней мере защитника. Члены комиссии обещали, но на следующий день Гусу было объявлено, что подозреваемого в ереси никто не вправе защищать. Как только Гус немного оправился от болезни, ему подсунули бумагу, содержащую 42 обвинительных пункта, с требованием ответить на них. Обвинительный акт этот был составлен чешским магистром Степаном Палечем. Первые 37 пунктов были выбраны из сочинения Гуса "О церкви", последние 5 — из разных его писем и проповедей.

Несмотря на болезнь и крайний упадок сил, Гус написал превосходный ответ. По некоторым пунктам он доказал, что цитаты были извлечены из его сочинений самым недобросовестным образом, с урезками, прибавками и искажениями. Другие пункты Гус защищает, доказывая, что это не лжеучения, а истины, основанные на Писании и признаваемые отцами церкви и светилами средневекового богословия.

Между тем из Праги пришло известие, еще более ухудшившее положение Гуса. Один из его друзей, магистр Иаков, прозванный за весьма малый рост Якубеком, стал доказывать, что миряне должны принимать причастие под обоими видами, как принято в восточных церквях. От рассуждений Якубек тотчас перешел к делу и стал причащать мирян из чаши. Многие пражские священники последовали его примеру. Архиепископские увещания не помогли: над анафемой смеялись. Сам Гус из-за нелюбви к догматичес-

*Император Сигизмунд на Констанцском соборе.
Из хроники Рихеняля*

*Папа Иоанн XXIII на Констанцском соборе.
Из хроники Рихеняля*

ким спорам прежде никогда не высказывался по вопросу о причащении мирян; поэтому даже среди пражских гуситов явилось на этот счет разногласие, и проповедник Гавлик, заменивший Гуса в Вифлеемской часовне, прямо выступил против Якубека. Об этих раздорах узнал Ян из Хлума и тотчас написал Гусу в тюрьму. Ответ Гуса снова доказывает справедливость нашего мнения, что собственно догматические споры имели для него весьма малое значение. Гус написал, что в вопросе о причащении следует поступать по убеждению. Для спасения души вовсе не обязательно причастие под обоими видами; но кто хочет так причащаться, тому нельзя препятствовать. Во всем этом споре Гуса занимал лишь вопрос об улаживании распри среди своих сторонников. "Ради Бога, — писал он Гавлику, — не противодействуй более Якубеку; враги наши будут ликовать при виде раздора в нашей среде".

* * *

Для врагов Гуса всякий новый повод к обвинению удобен, и они ухватились за вопрос о причащении мирян как за новое доказательство еретических мнений Гуса. Лишь на время внимание кардиналов было отвлечено от Гуса побегом папы Иоанна XXIII, который, опасаясь низложения и даже суда, бежал, переодевшись конюхом. Гуса стерегла папская стража, которая, узнав о бегстве папы, также предпочла уйти. Перед уходом ключи от тюрьмы Гуса были отправлены самому императору. Теперь, казалось, настало для Сигизмунда самое удобное время восстановить свое слово. Даже Гус питал некоторую надежду, что император велит освободить его. Еще ранее чешские и моравские феодалы, бывшие в Констанце, составили письмо к Сигизмунду, в котором требовали, чтобы он, ради своей императорской чести, велел освободить того, кто был ввергнут в темницу "вследствие дерзкого презрения к императорской охране".

Но император был теперь совсем не в таком настроении духа, чтобы обратить внимание на это заявление. Сигизмунда успели убедить в том, что Гус — один из главных противников того дела, от которого император ожидал приобрести бессмертную славу восстановителя единства католического мира. Император не только не велел освободить Гуса, но отягчил его участь. Созвав святых отцов Констанцкого собора, Сигизмунд передал Гуса в их распоряжение, поручив его епископу Констанцкому. Тот немедленно приказал перевезти узника в свой замок Готтлибен, находившийся подле Рейна (в кантоне Тургау). В последнее время пребывания в прежней доминиканской тюрьме Гус чувствовал себя немного лучше благодаря доброте сторожей и влиянию некоторых чешских вельмож. Ему позволяли писать письма, принимать друзей, читать книги. Гораздо более суровое обращение пришлось испытать Гусу в Готтлибенском замке. Целый день на нем были оковы, на ночь руки Гуса приковывались к стене; пища была отвратительная, и Гус опять стал сильно хворать. Переписка с друзьями была ему запрещена, присылаемые книги попадали в епископскую библиотеку.

По случаю бегства папы Иоанна XXIII кардиналы должны были подтвердить его распоряжения. Был, между прочим, подтвержден и приказ о содержании Гуса под стражей. Назначили новую следственную комиссию, но какого рода допрос был сделан этой комиссией Гусу — неизвестно, так как следствие велось теперь с соблюдением строжайшей тайны. Эта неизвестность окончательно вывела из терпения чешских сторонников Гуса. Император Сигизмунд стал получать письма, в которых вместе с просьбами звучали угрозы. 12 мая в Праге собралось 250 дворян, которые подписали на имя императора прошение, где было сказано, что арест Гуса нанес обиду и позор всей чешской нации. На следующий день в Констанце многие чешские и даже польские дворяне подали записку представителям четырех главных "наций" Констанцкого собора, в которой жаловались на незаконный арест Гуса и варварское обращение, испытываемое им в тюрьме.

Чешские дворяне добавили к этой записке опровержение клеветнических слухов, распространяемых на соборе, что будто бы в Чешском королевстве (Богемии) причастие раздают в бутылке и что вместо священников народ исповедуют башмачники.

Эти жалобы не остались без ответа. Чешский "железный епископ" Ян из Литомышля написал возражение, и 31 мая патриарх антиохийский объявил от имени собора, что Гус не будет освобожден, хотя бы за него явилась тысяча поручителей. Единственная уступка, которую пришлось, однако, сделать по требованию чешских дворян, состояла в том, что было обещано допросить Гуса на публичном заседании. В это время был пойман беглый папа Иоанн, и его посадили в том же замке, где находился Гус, так что Гус провел двое суток под одной кровлей с тем папой, который подписал приказ об его аресте.

Вслед за тем Гуса перевели в новую, уже третью по счету, тюрьму. Первый публичный допрос был назначен на 5 июня 1415 года.

* * *

Собрание прелатов состоялось в францисканском монастыре и было весьма многолюдно. Сначала, в отсутствие подсудимого, прочли обвинительный акт и показания свидетелей. Затем прелаты хотели просто голосовать вопросы, осудить приписанные Гусу тезисы и тогда лишь ввести обвиняемого, которому останется только покориться решению собора.

Заметив это, секретарь Яна из Хлума, Петр из Младеновиц, тотчас предупредил своего патрона, а последний, вместе с другими чешскими дворянами, обратился к императору, настойчиво требуя, чтобы Сигизмунд не допустил такого явного несправедливости. Император должен был уступить и приказал, чтобы Гуса сначала допросили публично.

Когда Гус был введен в собрание, перед ним положили экземпляр его книги "О церкви" и его полемические сочинения против Станислава из Цнойма и Степана из Пальча, написанные его собственной рукой.

— Признаешь ли ты эти книги за свои? — спросили Гуса.

Гус взял книги, внимательно просмотрел, затем поднял вверх и сказал, что это действительно его книги; но если ему докажут, что он написал что-либо ошибочное или ложное, он готов исправить ошибки. Тогда один из прелатов стал читать сделанные в обвинительном акте выдержки из его сочинений, значительно искаженные и урезанные. Гус несколько раз пытался возразить и восстановить истину. Тогда в зале поднялся неистовый шум.

— Оставь свою софистику, — кричали ему, — отвечай прямо: да или нет!

Гус пытался сослаться на отцов церкви:

— Оставь отцов, — кричали ему, — им здесь нечего делать!

Видя невозможность говорить, Гус замолчал.

— А, ты молчишь! — закричали прелаты. — Это служит доказательством, что ты действительно веришь в свои лжеучения!

Посреди этого крика и шума один Гус сохранял спокойствие и достоинство. Когда ему наконец удалось добиться слова, он сказал:

— Я думал, что встречу на этом соборе более пристойности, более доброты и более порядка.

— Вот как ты теперь разговариваешь! — сказал на это председатель собрания, кардинал-епископ Броньи. — Пока ты сидел в Готтлибенском замке, ты был скромнее!

— Да, — ответил Гус, — потому что там никто не кричал на меня, а здесь вы все кричите!

Некоторые более благоразумные кардиналы поняли, что поведение большинства прелатов может уронить значение собора. Они предложили поскорее закрыть заседание. Второй допрос был назначен на 7 июня.

Это второе заседание было значительно приличнее первого, чему содействовало личное присутствие на нем императора Сигизмунда. От имени императора было объявлено, что всякий нарушитель спокойствия, кто бы он ни был, будет выведен из зала.

На этот раз Гуса старались уличить главным образом в том, что он будто бы усвоил учение Уиклифа о "пресуществлении", то есть о том, что хлеб и вино в таинстве евхаристии остаются хлебом и вином. Председательствовавший в собрании кардинал Петр д'Альи¹ и некоторые английские богословы стали при этом доказывать, что учение Уиклифа об евхаристии составляет неизбежный логичный вывод из его реалистической философии и что Гус, будучи реалистом, неизбежно должен принять все логические последствия реализма. Гус возражал, но наконец один из англичан покончил спор, сказав:

— Философия тут не у места. Учение Гуса об евхаристии несомненно католическое, тут и толковать не о чем.

Тогда Гусу предложили вопрос: как смел он высказаться против осуждения 45 тезисов Уиклифа. Гус возразил:

— Я не поддерживал упорно ни одного из этих тезисов, но не мог не воспротивиться осуждению их без всяких доказательств.

— Но ты говорил, что чтить личность Уиклифа? — сказали ему.

— Я не отрицаю, — ответил Гус, — что считаю Уиклифа благочестивым человеком. Я желаю одного: чтобы моя душа была там же, где находится его душа.

Эти слова вызвали среди прелатов громкий взрыв смеха. Некоторые, менее смешливые, сурово качали головами.

— Но как ты осмелился апеллировать на папу к Христу?

— Что же, — ответил Гус, — нет судьи более праведного.

"Святые отцы" Констанцкого собора опять расхохотались.

— Правда ли, — спросили Гуса, — что ты осмелился утверждать, будто пришел сюда добровольно и что ты хвалился тем, что, если бы не захотел прийти, тебя не могли бы привезти сюда ни король Вацлав, ни император?

¹ Д'Альи, Пьер (1350—1425) — известный французский богослов, канцлер Парижского университета, затем папский легат в Германии.

— Это правда!— сказал Гус. — За мною стоит столько людей, не исключая многих могущественных вельмож, что я мог бы совершенно спокойно жить в их замках.

Тут встал рыцарь Генрих из Хлума и сказал:

— Это правда!

— Я простой рыцарь, — прибавил Ян из Хлума, — но я сумел бы защищать Гуса целый год в своем замке. Есть много более сильных, чем я, вельмож, которые сумели бы защищать его против Вацлава вместе с Сигизмундом.

Это заявление не могло понравиться присутствовавшему императору. Сигизмунд давно искал случая отказаться от слова, данного Гусу, и теперь, обращаясь к подсудимому, сказал:

— Я дал тебе охрану с той целью, чтобы ты имел возможность защищаться в публичном заседании. Ты видишь, что я в точности исполнил свое обещание. Собор сделал тебе сегодня публичный мирный и кроткий допрос, за что я приношу ему свою сердечную благодарность. Тебе же советую: брось упорство и положишься на милость или немилость собора. Ты ошибаешься, если еще рассчитываешь на мое покровительство. Еретик, каков бы ни был его сан, не найдет пощады у римского императора.

После этих слов Сигизмунда заседание было отложено до следующего дня.

Третий и решительный допрос Гуса произошел 8 июня 1415 года, опять в присутствии императора. Гусу снова не давали возразить на что-либо обстоятельно. Прелаты поняли слабую струну Сигизмунда и на этот раз особенно напирала на то обстоятельство, что учение Гуса опасно не только для церкви, но и для монархии. Между прочим разбирали обвинительный пункт, гласивший, что по учению Гуса священник, совершивший смертный грех, — не священник. Сигизмунду, однако, успело наскучить следствие, и он, вместо того чтобы слушать, разговаривал с немецкими князьями и выглядывал в окно. В одном из сочинений Гуса нашли место, где было сказано, что церковь может существовать и без папства. Тут англичанин Стокс заметил Гусу:

— Ты напрасно хвалишься своим учением: ты все украл у Уиклифа!

— Так по-твоему, — сказал один прелат, — священник не священник, если он в смертном грехе; ну а что если император в смертном грехе?

Услышав, что речь идет об императоре, Сигизмунд обернулся и стал слушать. Гус сказал, что не отрицал того, что император всегда — император; но монарх, совершающий смертные грехи, не достоин своего сана.

— Никто не без греха!— сказал на это Сигизмунд.

Председатель еще раз спросил Гуса, желает ли он подчиниться решению собора? Гус ответил:

— Я затем и явился сюда, чтобы собор указал мне, в чем я заблуждаюсь; но пусть укажут и докажут, и пусть не заставляют меня отречься от того, чему я никогда не учил.

— Послушай, Гус, — сказал на это император, — почему ты не хочешь отречься и все уверяешь, что тебе ложно приписали то или другое? Да я, например, сейчас готов был бы отречься от какого угодно лжеучения, хотя я никогда не исповедовал ни одной ереси.

Императора начало удивлять то, что он считал смешным упорством Гуса. Флорентийский кардинал Забарелли в свою очередь сказал Гусу, что предложит ему самую "умеренную" форму отречения, а там пусть делает, что хочет.

Конец заседания вышел очень бурным. Англичане осыпали Гуса упреками за то, что он показывал документ Оксфордского университета с одобрительным отзывом о Уиклифе, и кричали:

— Ты опозорил наш университет!

Гус ограничился указанием на подлинность документа. Героическая защита Гуса против целого собора бешеных прелатов особенно сильно повлияла на присутствовавших чехов. Даже враг его, Степан Палеч, был тронут и торжественно заявил собору, что обвиняет Гуса не по фанатизму и не из личной мести, но согласно своей докторской присяге. Совесть заговорила в нем, Гус промолчал, но когда такое же заявление было сделано низким доносчиком Михаилом, Гус не выдержал и сказал:

— Я стою перед Божьим судом. Он меня рассудит с вами и воздаст каждому по достоинству.

* * *

Суд был кончен. Архиепископ рижский фон Валленрод повел Гуса опять в тюрьму. По дороге Ян из Хлума успел пожать Гусу руку. В одном из последних своих писем Гус пишет: "Как дорого было мне это рукопожатие рыцаря Яна, который не побоялся подать руку мне, отверженному, скованному еретiku!"

Император Сигизмунд окончательно убедился в том, что Гус человек опасный не только для церкви, но и для престола. Когда Гуса увели, Сигизмунд сказал прелатам:

— Вы слышали его еретические мнения! Если он откажется отречься, сожгите его или сделайте все, что велит закон. Если же он отречется, не верьте ему. Возвратившись домой, он опять возьмется за свое. В случае отречения запретите ему всякую проповедь. Его и всех его последователей надо преследовать со всевозможной строгостью.

Эти слова, услышанные Яном из Хлума, впоследствии стоили Сигизмунду чешской короны¹...

После третьего допроса сам Гус уже несколько не сомневался в том, что будет осужден на смерть. Письма его доказывают, что с этих пор он готовился к смерти. Если Гуса не казнили в тот же день, а продержали еще 4 недели в тюрьме — это произошло по той причине, что прелаты желали во что бы то ни стало добиться его отречения. Кроме того, угрожающие письма чешских дворян заставили Сигизмунда медлить с окончательным решением. Император и многие прелаты предпочли бы уничтожить Гуса нравственно и, по отречении, заточить его где-нибудь в монастыре. Один из членов собора долго переписывался с Гусом, стараясь привести его к отречению и прибегая при этом ко всевозможным софизмам, вроде того, что

¹ В июне 1421 г. сейм, собравшийся в Чаславе, объявил Сигизмунда лишенным чешского престола.

если Гус действительно не виновен, то вина падет не на его совесть, а на совесть членов собора. Гус решительно отклонял все эти предложения. Помимо той высокой любви к истине, которая составляла главную черту его характера, Гусом руководило при этом сознание, что весь вопрос именно и сводится к провозглашению им права личного убеждения, которое стоит выше всякого принудительного внешнего авторитета.

Ухищрения, к которым прибегали прелаты, чтобы вынудить у Гуса отречение, были самого разнообразного свойства. Ему выставляли на вид, что подчиниться решению церковной власти составляет величайший долг и заслугу верующего. Убедившись в невозможности добиться отречения, прелаты спросили Гуса, не желает ли он исповедаться. Гус попросил, чтобы ему прислали в качестве исповедника того самого Степана Палеча, который был одним из главных его чешских обвинителей. Эта просьба Гуса изумила всех, но он знал, что делал. Не об одной исповеди думал при этом Гус; он хотел в последний раз повлиять на бывшего друга. Степан, изумленный более всех, отказался от роли исповедника, но не смел отказать Гусу в свидании. Он в свою очередь стал убеждать его подчиниться собору.

— Поставь себя в мое положение! — ответил ему Гус. — Что бы ты сделал, если бы был убежден в том, что ты никогда не разделял известного заблуждения, а тебя заставляли бы отречься от него?

— Да, это тяжело! — ответил Степан, глубоко тронутый.

— Теперь, — сказал Гус, — прости меня, если во время суда я употребил по отношению к тебе какое-либо резкое слово.

Это было слишком. Степан не выдержал; он зарыдал и, простившись с Гусом как лучший друг, поспешил уйти; Гус простил не только Степана, он от всей души простил даже ничтожного Михаила, который постоянно вертелся перед дверьми его тюрьмы и говорил сторожам:

— Ну, теперь с Божьей милостью мы скоро сожжем этого еретика. Я уж на него истратил пропасть денег!

Бывали, однако, минуты, когда у Гуса вырывались жалобы. Он оплакивал свое дело, скорбел о друзьях, жалел о своей милой Вифлеемской часовне, которую не надеялся более увидеть. Несколько горьких жалоб вырвалось у него против императора Сигизмунда и некоторых ученых богословов. Они были виновнее какого-нибудь доносчика Михаила. Гус знал, что "кому много дано, с того много и спросится". Об императоре Гус сказал: "У него даже нет благоразумия Пилата". Что касается ученых докторов, то Гуса возмущало, что эти люди из всей своей учености не извлекли даже простого чувства справедливости, свойственного самому невежественному простолюдину.

Но чем ближе была смерть, тем тверже и спокойнее становилось нравственное состояние Гуса. Почти накануне казни он давал советы и наставления друзьям.

Шестого июля 1415 года Констанцкий собор открыл свое XII заседание, происходившее в соборной церкви. Председательствовал Броньи, присутствовал император Сигизмунд. Огромная толпа народа была в соборе. По окончании литургии ввели Гуса и поставили на возвышение посреди храма, Гус упал на колени и молился. Епископ любекский произнес краткую проповедь на ту тему, что Римский император должен искоренять всякую ересь. Прочли несколько пунктов из книг Уиклифа и Гуса; затем стали читать протокол о процессе Гуса. При первом же искажении его слов Гус стал просить, чтобы ему позволили сказать несколько слов в оправдание.

— Молчи, ты нас оглушаешь, — закричал флорентинский кардинал и велел сторожам принудить Гуса молчать.

В одном месте протокола было сказано: "Гус учит, что божество имеет не три, а четыре лица и что четвертое лицо — это он сам". Гус с негодованием прервал чтеца: ему опять велели молчать. Однако Гус еще раз два сделал возражение и в последний раз торжественно заявил, что приехал сюда добровольно, пользуясь императорской охраной и с целью доказать свою невиновность и высказать публично свои убеждения. Некоторые историки утверждают, что, когда Гус говорил об императорской охране, Сигизмунд сильно покраснел. Это сомнительно: новейшие исследования этого вопроса показали, что император был неспособен даже краснеть...

Наконец началось чтение ужасного приговора. Гуса провозгласили упорным еретиком.

— Никогда я не упорствовал в заблуждениях! — заметил Гус и, упав на колени, стал громко молиться "за неправедных судей и ложных свидетелей".

Услышав это, некоторые прелаты засмеялись, другие кричали, чтобы Гус перестал. Когда Гус замолчал, наконец было прочитано, что он, как упорный еретик, приговорен к лишению священнического сана и к сожжению на костре. Все его книги должны быть сожжены, его память проклята, а душа ввергнута в ад.

За чтением приговора тотчас последовало исполнение: Гуса взвели на подмости и сначала надели ему полное священническое облачение, чтобы потом снять. Еще раз от него потребовали отречения. Гус прослезился и, обращаясь к народу, сказал:

— Смотрите! Эти епископы увещевают меня отречься; но я боюсь сделать это, чтобы не стать лжецом перед Богом и перед своею совестью и чтобы не опозорить себя в глазах тех, кому я проповедовал, и перед другими верными проповедниками!

Тогда приступили к позорному обряду лишения сана. Гуса осыпали поруганиями, он отвечал на эту брань спокойно и с достоинством. Ему дали, например, в руки чашу, затем отняли со словами: "О проклятый Иуда, оставивший совет мира и совещавшийся с иудеями, отдай нам чашу искупле-

*Сожжение Яна Гуса.
Рисунок XV века*

ния". Гус ответил: "Не от вас получил я благодать, и не вы ее у меня отнимете". Затем сорвали с Гуса облачение, испортили ему тонзуру и на голову надели бумажный колпак, вышиною в локоть, с рисунком, изображавшим чертей, тащивших его душу в ад. При этом говорили: "Поручаем твою душу дьяволу". — "А я, — сказал Гус, — поручаю свою душу Христу. Христос, — прибавил он, — носил еще более тяжелый терновый венец; я, бедный грешник, покорно снесу этот позорный, но более легкий венец", — он указал при этом на колпак.

Лишив Гуса священнического сана, прелаты сделали свое дело и передали Гуса светской власти, то есть императору, причем лицемерно умыли руки, сказав: "Если император пожелает, он может не казнить Гуса, а заточить". Но Сигизмунд тотчас передал Гуса пфальцграфу Людвигу, сказав: "Поступи с ним, как с еретиком".

Людвиг в свою очередь призвал констанцского фохта Хагена и сказал уже вполне откровенно:

— Возьми его и сожги, как еретика.

Отцы Констанцкого собора преспокойно продолжали заседание и перешли к другим очередным делам.

Под прикрытием нескольких тысяч вооруженных людей Гуса повели через соборную площадь. На пути он увидел горящий костер: это жгли его книги. Гус улыбнулся и сказал окружающим:

— Не верьте, что я умираю за еретические учения. Меня обвинили враги и лжесвидетели.

Затем он стал молиться по-латыни.

Место казни находилось за городскими воротами, между садами, подле Рейна и недалеко от того самого замка Готтлибен, где был в заточении Гус и куда потом посадили папу Иоанна. Прибыв на место, Гус упал на колени и продолжал молиться. Когда палач велел ему взойти на костер, Гус выпрямился и сказал так громко, что его слышали даже в значительном отдалении:

— Иисусе Христе! Эту ужасную позорную смерть я терплю ради Евангелия и ради проповеди твоего слова; потерплю покорно и со смирением!

Палачи раздели Гуса и привязали ему руки назад к столбу; ноги Гуса стояли на скамье. Вокруг него положили дрова пополам с соломой. Костер достигал Гуса до подбородка. В последний раз имперский маршал фон Поппенгейм предложил Гусу спасти жизнь отречением от ереси.

— Нет, — сказал Гус, — я не знаю за собой вины.

Тогда палачи зажгли костер.

Гус запел гимн: "Христе, сын Бога живого, помилуй меня". Но пламя, раздуваемое ветром, поднялось высоко, и Гус вскоре умолк.

Пепел мученика был тщательно собран палачами и выброшен в Рейн, чтобы ничего не осталось от еретика.

Таковы исторические подробности смерти Гуса. Известно предание о старухе, подложившей полено дров под костер Гуса, причем Гус будто бы воскликнул: "О, святая простота!" Эта подробность не подтверждается историческими исследованиями: она характеризует лишь позднейшие взгляды на личность Гуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учение Гуса и его историческая роль

Гус был сожжен не за ересь, а за свою устную и письменную проповедь, содержащую резкую критику господствующей церковной системы. Необходимо поэтому сказать несколько слов об этой критике.

Нравственная сторона учения Христа и правильная организация церкви — таковы две основные идеи, около которых вращаются все рассуждения Гуса. Для него главным чудом является самое христианское учение о любви к ближнему. Веру во внешние чудеса и особенно требование чудес он считает доказательством маловерия. В деле церковной реформы Гус выступает не как решительный противник всякой организации, но как обличитель

всех нехристианских действий духовенства. В вопросе об источнике христианской истины Гус не является рационалистом в новейшем смысле этого слова, он не отвергает откровения; но Гус уже дает почетное место разуму и личному убеждению, утверждая, что разум и самостоятельное логическое мышление являются такими же источниками познания истины, как и откровение, и что самое откровение может быть усвоено лишь при посредстве разума. Если Гус иногда утверждает, что Евангелие есть единственный источник истины, то этим он вовсе не ставит авторитет книги выше авторитета разума, так как проводит различие между самой истиной и средством ее познания; а таким средством является разум по отношению к евангельской истине, как всякой другой. Гуса поэтому нельзя упрекнуть в том, в чем упрекали Лютера, говоря, что тот создал нового "бумажного папу", заменив авторитет папы авторитетом Библии. Стоит прочесть полемическое сочинение Гуса против Станислава, чтобы убедиться в том, что, по мнению Гуса, евангельская истина усваивается посредством разума и разумных доводов. Евангельский авторитет поэтому противопоставляется в сочинениях Гуса не внутреннему нравственному авторитету — с этим последним он, наоборот, постоянно совпадает, — а единственно внешнему авторитету церковной иерархии. Этот последний отвергается Гусом безусловно. По его мнению, суждения как отдельного иерарха, так и целой совокупности иерархии нисколько не более непогрешимы, чем суждения любого члена церкви. Ни один человек, будь то священник или мирянин, не обязан, без разумных доводов, основанных на изучении Писания, поверить на слово ни папской булле, ни даже изречениям отцов церкви. Опровергать евангельскую истину нельзя, так как божество не может заблуждаться; но даже целый собор иерархов может заблуждаться и, что еще того хуже, может заставлять других силой верить в свои заблуждения.

В тесной связи с этой критикой церковного авторитета находится и учение Гуса о самой церкви.

Исходя из известных слов одного из отцов церкви, именно Августина, что церковь есть совокупность "избранных", Гус дает этому положению весьма своеобразное истолкование. У Августина избранные "предопределяются" фаталистическим образом; у Гуса это понятие играет совсем иную роль. По мнению Гуса, истинными членами церкви являются не люди, внешним образом к ней принадлежащие, но все праведники от самого сотворения мира. Одна внешняя принадлежность к христианской вере, хотя бы сопряженная с высоким духовным саном, не включает человека в число "избранных". Люди, внешним образом числящиеся среди христиан, а на деле распутные или негодные, на самом деле члены "антихристовой церкви". Папа, стремящийся стать на место Христа, есть не апостолический папа, а "наместник Иуды Искарюта". Если члены коллегии кардиналов живут не по-христиански, они хуже язычников, совершающих грехи по неведению.

Повиновение папской и вообще церковной власти должно быть условным. Если духовная власть идет против учения Христа, ей надо сопротивляться. Любой мирянин не только может, но должен проверять повеления духовной власти Писанием.

*Папская монета, отчеканенная
в связи с расправой над Гусом*

Если духовная власть оскверняет храмы и грабит народ, светские правители имеют полное право изгонять таких пастырей из храмов и даже конфисковать неправильно расточаемое церковное имущество.

Таковы главные положения, развитые Гусом в его сочинениях. Нечего и говорить, что это учение шло вразрез с духом и стремлениями католицизма и что оно было, в социальном отношении, более опасно для Рима, чем любая догматическая ересь. Но осудить Гуса за одно его учение о церкви было бы трудно, так как в этом случае пришлось бы открыто защищать злоупотребления. Вот почему враги Гуса избрали кратчайший и вернейший путь, приписывая ему такие догматические положения (например, об евхаристии), о которых он и не помышлял. Для Гуса вопрос о догме постоянно стоял на втором плане. Он являлся прежде всего реформатором в области чисто нравственной и именно поэтому был для господствующей церковной системы опаснее других, даже, по-видимому, более смелых и резких реформаторов.

Гус погиб; но, по известному изречению, пламя от его костра охватило все чешские земли и потрясло основания самой Римской империи. Гуситские войны, победы Жижки и других гуситских вождей были ответом палачам Гуса. Влияние Гуса на умственное развитие чешского народа сказывается до сих пор. В минуты великих национальных бедствий гуситский дух, живущий в чешских народных массах, не раз спасал их от материального и нравственного порабощения.

МАРТИН ЛЮТЕР

Его жизнь и реформаторская деятельность

Биографический очерк
Б. Д. ПОРОЗОВСКОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

60

I. ДЕТСТВО И ГОДЫ УЧЕНИЯ

Происхождение Лютера и его воспитание. — Школьное "чистилище". — Последствия такого воспитания. — Годы учения в Магдебурге и Эйзенахе. — Пребывание в доме Котта. — Университетская жизнь. — Занятия схоластикой. — Лютер — магистр. — Поступление в монастырь

65

II. ЛЮТЕР — ВЕРНЫЙ СЫН ЦЕРКВИ

Лютер в монастыре. — Аскетизм и душевные терзания. — Штаупиц и его влияние. — Идея об оправдании верой. — Приглашение в Виттенберг. — Поездка в Рим и ее значение. — Лютер — доктор богословия. — Деятельность Лютера в роли проповедника и профессора

71

III. РАЗРЫВ С РИМОМ

Теория индульгенций. — Тецель и торг человеческими грехами. — Первый протест. — Обнародование тезисов. —

Содержание и значение их. — Впечатление, произведенное тезисами. —

Приерий и Гогстрастен. — Поездка в Гейдельберг. — Resolutiones. —

Отношения к папе и собору. — Письмо к Льву X. — Отношение Рима к Лютеру. — Аугсбургский сейм и переговоры с Лютером. — Кастан и Мильтиц. — Лейпцигский диспут. —

Первая характеристика Лютера современником. — Результаты диспута. —

Разрыв с церковью

80

IV. ЛЮТЕР — РЕФОРМАТОР ГЕРМАНИИ

Союз с гуманистами. — Меланхтон и его роль в реформационном движении. — Эразм о Лютере. — Ульрих фон Гуттен и Франц фон Зиккинген. — Лютер в роли национального вождя. — Его программа: "Послание к христианскому дворянству". — Сочинение "О Вавилонском пленении церкви". — Революционный тон сочинений. — Последнее обращение к папе. — "О свободе христианина". — Сожжение буллы. — Настроение общества. — Карл V и его церковно-политические принципы. — Вормский сейм. — Осуждение Лютера. — Похищение

97

V. ЛЮТЕР И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Лютер в Вартбурге. — Перевод Библии и его значение. — Виттенбергские беспорядки. — Карлштадт и Цвикауские пророки. — Возвращение Лютера. — Письмо к курфюрсту. — Реформа в богослужении. — Церковные песни. — Успехи реформации. — Начало реакции. — Разрыв с гуманистами. — Рыцарское восстание. — Томас Мюнцер и крестьянское восстание. — 12 статей. — Отношение Лютера к князьям и крестьянам. — Реакция Лютера. — Последствия восстания. — Лютер пред судом истории

115

VI. ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

Второй период реформаторской деятельности Лютера. — Союз с князьями. — Письмо к Генриху VIII. — Консерватизм Лютера. — Догматика Лютера. — Учение об оправдании одной верой и его влияние на народ. — Подчинение церкви государству. — Осмотры церквей и приходов. — Катехизисы Лютера. — Отступления от прежней программы. — Роль проповедника. — Заботы о народном образовании. — Полемика с Эразмом. — Учение о несоводе воли. — Борьба с сектантами и сакраментариями. — Учение об евхаристии у Лютера и Цвингли. — Марбургский диспут и нетерпимость Лютера. — Аугсбургский сейм. — Лютер в Кобурге. — Нюрнбергский религиозный мир

131

VII. ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮТЕРА

Женитьба Лютера. — Катерина фон Бора. — Лютер в кругу семьи и друзей. — "Застольные речи". — Трудолюбие реформатора. — Его слог. — Физические и нравственные страдания. — Испытания Лютера. — Вера в дьявола. — Сомнения и самоуверенность реформатора

149

VIII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛЮТЕРА

Приготовления к собору. — Неуступчивость Лютера. — Новые разочарования. — Бигамия Филиппа Гессенского. — Прогрессирующий упадок нравственности и жалобы Лютера. — Несогласия среди теологов. — Трагизм положения Лютера. — Ожидание страшного суда. — Стойкость и непримиримость Лютера. — Смерть его

157

ВВЕДЕНИЕ

В конце XV века католическая церковь, казалось, достигла кульминационного пункта своего могущества. В лице папы и многочисленной духовной иерархии она держала под своим несокрушимым гнетом, под своим не допускавшим никаких сомнений авторитетом всю средневековую жизнь. А между тем уже в начале следующего столетия в Германии — стране, в которой римская курия распоряжалась особенно самовластно, вспыхивает религиозная революция, охватившая всю Западную Европу и оторвавшая от римской церкви всю северную Германию, часть Швейцарии, Нидерланды, Скандинавские государства, Англию, Шотландию и часть Франции. Чем же объяснить столь резкий переворот?

На самом деле, при всей грандиозности этого переворота в нем не было ничего неожиданного или случайного. Реформация XVI века, как и все великие исторические перевороты, подготовлялась долго, целыми веками. Уже давно церковь, несмотря на свое возрастающее могущество, шла по пути, который неизбежно должен был привести к катастрофе. Уже давно внутреннее состояние ее — невежество духовенства, его мирские привычки, жадность и безнравственность вызывали громкие жалобы во всех странах католического мира. Основная причина этого упадка, бесспорно, заключалась в светской политике папства, в его отступлении от спиритуалистического начала. Поставив целью всей своей деятельности одни земные интересы, одну заботу об увеличении церковной территории, папы, естественно, должны были вмешаться в политику, оставив совершенно в стороне свое духовное назначение и заботясь главным образом о деньгах, без которых ничего нельзя было достигнуть в политическом отношении. Они стали эксплуатировать христианское учение, искажая догматы и делая почти из каждого из них доходную для себя статью. Таким путем выработалась сложная и коварная финансовая система, опутавшая всю Западную Европу, но с особенной беззастенчивостью эксплуатировавшая слабую в политическом отношении Германию.

Результаты этой системы более или менее известны. Продажа должностей повлекла за собой испорченность высшей иерархии. Обязанные своим назначением не своим личным достоинством, а большей или меньшей суммой, внесенной в папскую канцелярию, высшие духовные лица большей частью мало заботились о духовных нуждах папства и преследовали свои личные мирские цели. С высшего духовенства деморализация скоро перешла на низшее, и в особенности на монашество. Образование, которым в средние века отличалось духовенство, почти совершенно исчезло из этого сословия. Большая часть духовных лиц не имела никакого образовательно-

го ценза, а если что и изучала, то лишь бесплодную схоластическую философию. О Библии большинство имело более чем смутное представление. Легко понять, какое влияние могло оказывать подобное духовенство на народ. Невежество, суеверие, формальное отношение к религии даже намеренно поддерживались духовенством, так как давали ему возможность эксплуатировать массу.

Но подобный порядок вещей, естественно, должен был вызывать протест со стороны людей благомыслящих. И действительно, уже с XII века мы замечаем во всех странах более или менее сильную оппозицию против церкви. Эта оппозиция выразилась в образовании сект; таковы были секты катаров или альбигойцев в конце XII века, вальденсов¹ и др. Все они имеют один общий идеал: все стремятся преобразовать церковь в принципе, воскресить первые времена христианства, положить в основу церковного устройства Библию и устранить все учреждения и догматы, находящиеся с нею в противоречии. Но и в самой церкви уже давно возникали движения к ее возрождению. Уже Арнольд Брешианский около 1140 года проповедовал, что духовенство для своего спасения должно отказаться от всякого земного имущества. Против политической власти пап ратовал и знаменитый Бернард Клервосский в первой половине XII века. Еще сильнее оппозиция против светского характера церкви выразилась в мистицизме. Немецкие мистики XIV века, как, например, Экхарт, Таулер, Сузо² и другие, хотя и не выступали прямо против церкви, не отрицали ее авторитета, но сильнее всего восставали против крайнего формализма в религии, громили разврат духовенства и стремились к нравственному возрождению человечества путем проповеди и чтения Библии на родном языке. Но одновременно с этим направлением в разных концах Европы обнаруживались идеи, клонившиеся к полной революции в церкви. Таково было прежде всего учение знаменитого оксфордского профессора Уиклифа, отрицавшего всю церковную иерархию и монашество и признававшего единственным источником веры Священное Писание³. Затем в первой половине XV века подобная же попытка преобразования церкви возникла в Чехии под влиянием проповеди Гуса и его единомышленников. Учения эти были осуждены как еретические и подавлены; но в народе идеи этих "реформаторов до Реформации" не переставали жить и отчасти подготовили почву для деятельности более счастливых реформаторов XVI столетия. Вся литература XIV и XV веков, как ученая, так и народная, проникнута сознанием порчи церкви и необходимости реформы. В народных немецких сатирах XV и начала XVI века зло

¹ Вальденсы — сторонники сектантского движения, возникшего в XII в. во Франции (основатель — купец Пьер Вальдес, или Вальд). Учение вальденсов было осуждено на IV Латеранском соборе (1215).

² Речь идет о философах-мистиках, подготовивших идейную оппозицию католицизму, — Иоганне Экхарте (ок. 1260—1327), Иоганне Таулере (ок. 1300—1361) и Генрихе Сузо (ок. 1295—1366).

³ Под Священным Писанием понимают книги Ветхого Завета, четыре Евангелия, Деяния апостольские, послания апостолов и Откровения Иоанна (Апокалипсис).

и едко высмеиваются нравы католического духовенства. Мало того, сама церковь, в лице своих лучших представителей, отцов Констанцского и Базельского соборов¹, открыто высказала мысль о необходимости своего преобразования. Таким образом, оппозиционное течение, замечаемое рядом с возрастающим могуществом римской церкви, никогда не прекращалось и при известных благоприятных обстоятельствах должно было проявиться с особенной силой. Вот это-то благоприятное для церковной революции положение вещей и наступило в Германии в начале XVI века.

Дело в том, что великое реформационное движение, которым открывается новая эра в истории Западной Европы, не было явлением исключительно религиозным или церковным. В этом движении выразился протест против всего средневекового порядка вещей и средневекового мирозерцания. Как мы уже заметили, средневековый католицизм в своем историческом развитии перестал быть только вероисповеданием; он сделался целой системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и социальную организацию католических народов. Своим универсализмом и теократизмом он давил национальность и государство; его клерикализм создавал духовенству привилегированное положение в обществе, его догматизм замыкал мысль в самые тесные рамки. Понятно, что против него в конце концов должны были начать борьбу и национальное самосознание, и государственная власть, и светское общество, и усилившееся в последнее время образование. К началу XVI века идеи Реформации назрели почти везде. Возрождение классического мира, замечательные открытия в области географии и астрономии будили мысль, усыпленную и подавленную церковным авторитетом, указывали ей новые пути. Книгопечатание давало возможность широкого распространения новых знаний, новых идей. Но практические выводы из этих идей были немислимы благодаря гнету церкви, не допускавшей никаких изменений в том, что было установлено ею из своекорыстных целей. Естественно, что мысль, перестав питаться прежней мертвечиной и окрепнув от новой свежей и здоровой пищи, скоро расправила свои крылья и попыталась сбросить с себя давившие ее оковы. Борьба Рейхлина² и других

¹ Базельский собор (1431—1449) подтвердил верховенство собора над папой, признал причащение под обоими видами, проповедь на национальном языке и т. д. В ответ на созыв в 1439 г. Флорентийского собора провозгласил папой Феликса V, но в 1449 г. тот отрекся от папского престола.

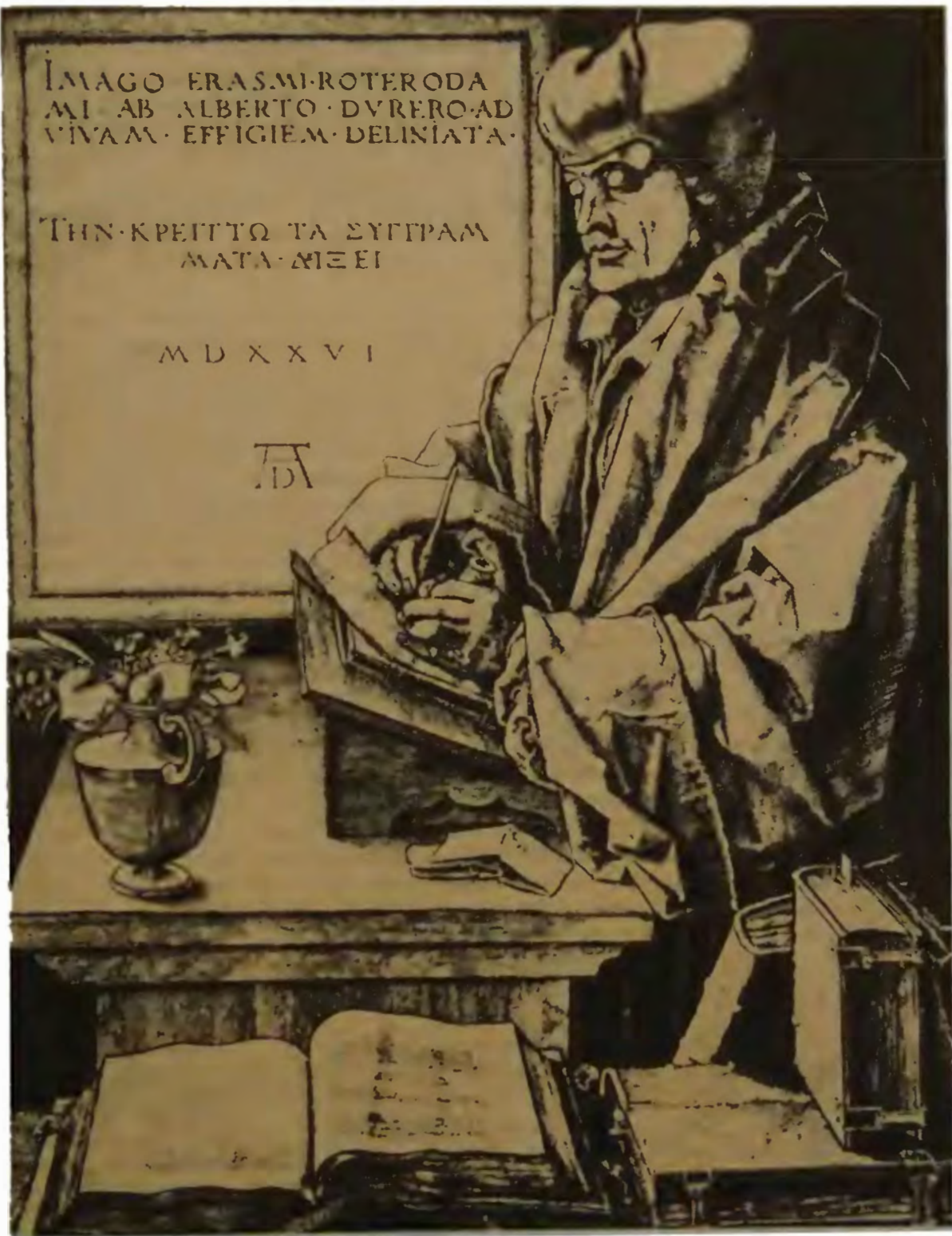
² Рейхлин, Иоганн (настоящая фамилия Капнион, 1465—1522) — немецкий гуманист, выдающийся филолог, предвестник Реформации. В 1509 г. выступил против императорского указа об уничтожении еврейских книг, так как среди них немало таких, которые имеют важное значение для понимания христианства.

IMAGO ERASMI ROTERODAMI
AB ALBERTO DVRERO AD
VIVAM EFFIGIEM DELINIATA.

ΤΗΝ ΚΡΕΙΤΤΟΤΑ ΣΥΓΓΡΑΜ
ΜΑΤΑ ΜΙΞΕΙ

M D X X V I

AD

гуманистов с "темными людьми", едкие сатиры Эразма Роттердамского, направленные против обскурантизма и схоластики, являются как бы прелюдией церковной революции. Особенно важны в этом отношении труды знаменитого Эразма. Его издание греческого текста Нового Завета, его комментарии к латинскому тексту и отцам церкви и многие другие труды, положившие начало науке библейской критики и экзегетики¹, послужили подготовительными ступенями для Реформации в научном отношении. Недаром у современников сложилась поговорка: "Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел".

Таковы в общих чертах были причины, сделавшие новые попытки к освобождению от церковного порабощения более энергичными и более плодотворными, чем все предшествующие. А то, что церковная революция должна была начаться именно в Германии, понятно само собой. Нигде религиозное чувство не было так сильно развито, как у немцев, и в то же время нигде это чувство не эксплуатировалось с такой беззастенчивостью римской курией, которая при этом даже не стеснялась выказывать свое презрение к обираемой ею нации. Но особенный успех возникшего в Германии движения объяснялся еще и другими обстоятельствами, не имевшими прямого отношения ни к порче церкви, ни к гнету курии. Дело в том, что в Германии в то время происходило сильное брожение во всех слоях общества. Все были недовольны: и рыцари, сильно обедневшие и потерявшие свое прежнее значение, и крестьяне, которых обедневшее дворянство притесняло все больше и больше, и низший слой городского населения, среди которого происходило социальное движение против возраставшего капитализма. Но интересы этих недовольных групп не совпадали; между ними, напротив, существовал редкий антагонизм. Необходимо было поэтому найти такой пункт, на котором сошлись бы интересы всех сословий, а таким пунктом было общее недовольство курией. Понятно, что за церковную реформу должны были ухватиться все: и князья, увидевшие в ней средство противодействовать могуществу императора и его объединительным планам, и рыцари, мечтавшие поправить свои делишки присвоением богатых церковных имуществ, и горожане, во внутреннее управление которых постоянно вмешивалась церковь. А о простых людях и сельском населении и говорить нечего, если вспомним, что над ними-то главным образом и тяготели все эти аннаты, паллии², индульгенции, десятины

¹ Экзегетика (от греческого слова *exēgeōtai* — истолковываю) — искусство и теория толкования текстов, первоначальный смысл которых неясен вследствие их древности или неполной сохранности.

² Аннаты (от латинского слова *annus* — год) — сбор в пользу римской курии с епископов, аббатов и др., получивших вакантную церковную должность, обычно равнялся годовому доходу (отсюда название сбора). Паллий (от латинского слова *pallium*) — часть облачения католического архиепископа, белая шерстяная повязка вокруг плеч. По решению IV Латеранского собора (1215) папы давали паллий в знак утверждения в архиепископском сане за определенный денежный взнос. Папа Лев X сильно повысил этот взнос, что, в свою очередь, усилило поборы архиепископов.

и другие денежные поборы, под разными названиями шедшие в сундуки местного духовенства и отчасти самих пап.

Итак, почва для того громадного переворота, который известен под названием Реформации, была уже давно подготовлена. Недоставало только человека, который явился бы истолкователем того, что смутно сознавалось всей Германией, и бросил бы искру в этот веками накопившийся горючий материал. Этим истолкователем явился Мартин Лютер, а искрой, от которой вспыхнула религиозная революция, был знаменитый спор об индульгенциях.

I

ДЕТСТВО И ГОДЫ УЧЕНИЯ

Знаменитый германский реформатор родился 10 ноября 1483 года в Эйслебене, главном городе тогдашнего графства Мансфельд в нынешней Саксонии. Родители его, Ганс и Маргарита Лютеры, были бедные крестьяне из деревни Мёра того же графства, недавно только переселившиеся в Эйслебен, чтобы искать заработка в местных рудниках. О крестьянском происхождении Лютера свидетельствует он сам в своих автобиографических заметках. "Я сын крестьянина, мой отец, дед и прадед были истые крестьяне", — говорит он даже с некоторой гордостью. И действительно, хотя отец Лютера по своим занятиям стоял ближе к сфере промышленной и сам он провел юность в бюргерской обстановке, тем не менее крестьянское происхождение оставило на нем отпечаток на всю жизнь. Из крестьянского дома он вынес свое необыкновенное, для нынешних нравов прямо немислимое трудолюбие; отсюда же его трезвый взгляд на вещи, его врожденный практический смысл при всем его несомненном идеализме; наконец, крестьянским же происхождением в значительной степени объясняется консерватизм этого человека, произведшего одну из величайших революций, — консерватизм, благодаря которому он так медленно порывал со старинной, а порвав, старался сохранить из нее все, что только прямо не противоречило его учению.

Будущему реформатору было шесть месяцев, когда родители его из Эйслебена переселились в городок Мансфельд, славившийся рудниками. Здесь Лютер провел первые 14 лет своей жизни — период, о котором он сохранил весьма тяжкие воспоминания. Первое время родители его сильно бедствовали. Только упорный труд и крайняя умеренность спасали их от нищеты. Отец работал в каменоломнях, мать на спине носила дрова. Впоследствии, однако, Ганс Лютер благодаря своей энергии достиг значительного благосостояния и даже был избран в члены городского магистрата.

*Родители Мартина Лютера.
Портреты Лукаса Кранаха*

Детство реформатора протекло, таким образом, среди материальных лишений, в суровой трудовой обстановке. Но еще более, чем эти лишения, повлияло на его характер то суровое воспитание, которое дали ему родители. Ганс Лютер представлял из себя тип настоящего немецкого крестьянина — прямого, откровенного, энергичного и страшно упрямого. Более развитый, чем большинство людей его круга, он, несмотря на свою глубокую религиозность, был чужд суевериям окружающей среды; монахов он прямо ненавидел. Зато мать Лютера, по свидетельству современников, обладая всеми качествами доброй и благочестивой матери семейства, была крайне суеверна и такого же крутого нрава, как и отец. К воспитанию своих детей оба супруга относились очень серьезно. Несмотря на скудость средств, Ганс Лютер старался дать своему первенцу приличное образование

и, когда ему минуло семь лет, отдал его в мансфельдскую школу. Маленький Мартин рано обнаружил блестящие способности, так что отец из всех сыновей предназначал его одного к ученому званию.

Несмотря, однако, на эту заботливость родителей, мальчику, как мы уже сказали, жилось далеко не весело. Из-за сурового характера родителей, не допуская проявлений нежных чувств, в связи с тогдашней системой воспитания, в которой главную роль играли частые телесные наказания, мальчик жил в вечном страхе. От природы пылкий и несколько упрямый, он проявлял иногда дурные наклонности, которые родители старались искоренить не иначе как мерами строгости. Лютер сам рассказывает, что мать из-за какого-то ореха избила его однажды до крови. В другой раз отец его наказал так сильно, что мальчик бежал из дома и долго не мог потом привыкнуть к отцу и опять полюбить его. "Родители мои, — говорит Лютер, — держали меня сурово, отчего я и сделался робким. Их строгость и суровая жизнь, которую я вел с ними, были причиной того, что я впоследствии ушел в монастырь и сделался монахом. Побуждения их были прекрасны; но они не умели различать особенностей характера, с которыми всегда должны быть соразмеряемы и наказания".

Жизнь в школе была продолжением домашней. Учителя маленького Мартина отличались еще более бестолковой строгостью, чем родители. Даже в зрелые годы он не мог без ужаса вспомнить "о школьном чистилище, где ученики ничему не научались, благодаря частым сечениям, трепету, страху и воплям". Достаточно сказать, что сам Лютер, несмотря на свои способности и прилежание, в один день был 15 раз "знатно исполосован". Из этого "чистилища", где он оставался до 14 лет, Мартин вынес очень мало — кроме чтения и письма, он научился лишь 10 заповедям, Символу веры, молитве Господней, грамматике и духовному пению.

В такой неприглядной обстановке протекли детские годы Лютера. Бедность и лишения только закалили его мужество, приучили его к трудолюбию и умеренности, но безотрадная жизнь в угрюмом родительском доме и наводившей ужас школе сделали его робким и запуганным и рано заставили уйти в свой внутренний мир. Религиозность родителей придала этому миру религиозную окраску. Но религия не доставляла мальчику никакой отрады. В этом отношении на Лютере сказалось влияние матери. Христос казался ему грозным неумолимым судьей, при одном имени которого мальчик бледнел от страха. "Я постоянно был занят мыслью, — рассказывает Лютер о своем детстве, — сколько мне нужно совершить добрых дел, чтобы умиловать Христа, от которого, как от неумолимого судьи, как мне говорила мать, многие убежали в монастырь".

В 1497 году родители отправили 14-летнего Мартина в Магдебург для поступления в тамошнюю францисканскую школу. Здесь ему жилось еще хуже. Родители еще не были в состоянии содержать его, и мальчик, предоставленный самому себе, должен был поддерживать свое существование нищенством, обходя с своими товарищами деревенские дворы и распевая псалмы. Подобная жизнь, да еще воспитание под надзором монашества, не

могли, конечно, развить в нем более светлое мирозерцание. Магдебург, находившийся в ведении майнцкого архиепископа, представлял картину самого строгого церковного управления. Нищенствующие монахи, пользуясь выгодами своего положения, словом и примером распространяли уважение к иноческому житию и привлекали в свой орден самых избранных учеников. Особенно сильно потрясло душу Лютера одно впечатление, которое не изгладилось и в счастливые дни его жизни.

”Я видел своими глазами, — рассказывает он, — ангальтского принца, бледного, как смерть, измогдившего свое тело суровым постом и бдением. Он ходил в монашеском капюшоне, сгибаясь до земли под тяжестью нищенской сумы, и просил хлеба Христа ради, между тем как впереди шел крепкий здоровый монах, которому в 10 раз легче было бы снести его бремя; но благочестивый князь не давал ему этого. Кто смотрел на него, невольно приходил в умиление и начинал стыдиться своего светского состояния”.

В Магдебурге Лютер оставался не более года. Отец, узнав о претерпеваемых им лишениях, приказал ему отправиться в Эйзенах: здесь у него было много родственников, и старик рассчитывал, что они окажут поддержку его сыну. Но его надежды не оправдались. Родственники не захотели или не могли помочь молодому Лютеру, и он по-прежнему должен был жить подаянием. Не раз приходилось ему выслушивать отказ, сопровождаемый обидными замечаниями, и возвращаться домой голодным, с пустыми руками. Ему уже приходила в голову мысль отказаться от образования и вернуться к родителям, чтобы по примеру отца добывать свой хлеб в рудниках. Наконец судьба сжалилась над ним. Однажды, после того как юный Лютер тщетно стучался в несколько дверей, он остановился, погруженный в грустные думы, у дома богатого гражданина Котта, жена которого, Урсула, давно уже обратила внимание на молодого школьника и любила его за приятный голос и усердную молитву. В это время она случайно выходила из дома. Увидав печального юношу, она сжалилась над ним, накормила его, а через несколько дней окончательно приняла в свой дом. Это обстоятельство имело громадное и благодетельное влияние на жизнь Лютера. Наконец-то он почувствовал себя свободным от того материального гнета, под которым жил до сих пор. Спокойная обеспеченная жизнь в доме богатых людей, их приветливость и ласка подействовали на него возрождающим образом. Прежняя запуганность и забитость мало-помалу исчезли, и в юноше проснулось бодрое жизнерадостное чувство. В доме Котта он впервые узнал значение семьи, влияние женщины и родительской любви; дома он никогда не знал их мягкого согревающего света. Здесь же в нем проснулось и чувство изящного. Во время одной болезни он самоучкой выучился играть на флейте и лютне, и с тех пор музыка навсегда осталась его любимым искусством.

Благодетельное влияние новой обстановки сказалось и на его школьных занятиях. Эйзенахская школа была одна из лучших в то время. Ректор ее, Иоганн Требоний, по-видимому, находился под влиянием гуманистов.

Он имел обыкновение, входя в класс, снимать свой докторский берет перед учениками, так как, говорил он, в числе их могли оказаться будущие бургомистры, канцлеры и ученые. После бесчеловечного обращения школьных "палачей" в Мансфельде подобное отношение, конечно, должно было производить сильное впечатление на Лютера. Оно будило в нем чувство собственного достоинства, доверия к своим силам, благородное честолюбие. И действительно, Лютер с жаром предавался занятиям и в короткое время не только пополнил многие пробелы прежнего образования, но и опередил всех своих товарищей.

После трехлетнего пребывания в Эйзенахе 17 июля 1501 года Лютер, которому минуло 18 лет, переселился в Эрфурт и поступил в тамошний университет.

С университетской жизнью для Лютера, по-видимому, начинается новая эра успехов, сулящих ему блестящую будущность. Он был записан на философский факультет под именем Martinus Ludher ex Mansfeld. Здесь преподавание носило еще старый схоластический характер, хотя рядом с такими представителями схоластической философии, как ректор университета Иодокк Трутфедер, в Эрфурте подвизался уже кружок молодых гуманистов. Лютер с жаром занялся изучением схоластической философии. Он усердно читал сочинения Оккама, Скота, Фомы Аквинского, не пропускал ни одной лекции, обращался за советами и указаниями к профессорам, работал в библиотеке. Диспуты, устраиваемые при университете, развивали его природный ораторский талант и подготавливали будущего замечательного диалектика. Но в то же время он не пренебрегал и классиками, читал Цицерона, Вергилия, Ливия, хотя читал их не просто для выработки стиля, как это делали гуманисты, а обращая главное внимание на внутренний смысл и извлекая из них полезные практические наставления. Одаренный прекрасной памятью и живым восприимчивым умом, он усваивал все чрезвычайно легко и скоро стал обращать на себя всеобщее внимание. Уже в 1503 году Лютер получил степень бакалавра и с нею право читать философские лекции. Материальное положение его к тому времени было лучше, чем когда-либо. Дела отца настолько понравились, что он нашел возможным назначить сыну определенное содержание. Ганс Лютер возлагал большие надежды на своего первенца. Гордый его талантами, он готовил его к юрису и мечтал о том, что со временем его Мартин займет место советника при каком-нибудь князе. По его желанию молодой Лютер стал теперь заниматься юриспруденцией, хотя его самого гораздо более влекло к теологии, науке, как он выражается, "исследующей ядро ореха, мозг пшеничного зерна и костей". Поэтому он наряду с юридическими науками с гораздо большей охотой и успехом стал изучать отцов церкви, Августина и сочинения мистиков, взгляды которых расходились с господствующими церковными взглядами, а вся суть религии для них заключалась в вере. Но особенно сильное впечатление произвело на него чтение Библии, на которую он случайно наткнулся в университетской библиотеке. До сих пор он не имел о ней понятия; он знал лишь те отрывки Евангелия

и апостольских посланий, которые читаются в церкви по воскресеньям, и думал, что это все. Легко представить себе, с какой жадностью он набросился на свою находку. Лютер только и мечтал о том, как бы приобрести самому подобную книгу. Вообще религиозное настроение, воспитанное в нем в детстве, с годами только усиливалось. Он молился часто и долго; но это, впрочем, не мешало ему теперь быть веселым студентом, которого все товарищи любили за живой общительный нрав. Успехи в университете немного кружили ему голову, рождали честолюбивые мечты. Он сам рассказывал впоследствии, что в Эрфурте у него был друг, который во время одной его болезни на выраженные им опасения о своем здоровье сказал: "Не беспокойся, любезный бакалавр! Ты еще будешь некогда великим мужем!" Очевидно, слова эти запали Лютеру в душу; он верил им, как предопределению Божию. В предчувствии чего-то великого, ожидающего его в будущем, он работал неутомимо. В 1505 году он получил степень магистра. Возведение в эту степень сопровождалось в то время торжественными церемониями, факельными процессиями и т. п. Это льстило тщеславию молодого ученого. Даже в зрелые годы, когда реформатор был пресыщен славой, он с удовольствием вспоминал о своих тогдашних ощущениях. По-видимому, Лютер вполне проникся честолюбивыми планами старика Ганса. А между тем, к величайшему изумлению друзей, к невыразимому огорчению и негодованию отца, он в том же 1505 году покидает свет и вступает в монастырь. Как же это случилось?

После того, что мы сказали о студенческой жизни будущего реформатора, о его страстном увлечении наукой, этот шаг, конечно, должен показаться совершенно неожиданным и непонятным. На самом деле вся совокупность религиозных представлений, действовавших на него с детства, незаметно влекла его в монастырь. Лютер не был из числа тех, которые любят науку ради нее самой; при всех своих занятиях он всегда преследовал субъективные практические цели: он искал в науке лишь ответа на те вопросы, которые занимали его с детства, — вопрос об отношении человека к божеству, вопрос о том, как умилоствовать грозного Судью, как заслужить свое спасение. И теперь, среди занятий наукой, среди упоения успехами и славой и веселых развлечений молодости его не покидали те же неотвязные думы. Каждая мысль о смерти, о вечности и Страшном суде потрясала его душу. Таким, каким он был — он чувствовал это, — он не мог бы предстать пред Господом. Но сухая, бесплодная схоластическая философия не могла разрешить его сомнений. Оставалось одно средство, то, на которое указывала постоянно церковь, как на единственный верный путь к спасению, — поступление в монастырь. Два случая окончательно повлияли на решение Лютера. Рассказывают, что один из университетских его товарищей, некий Алексей, умер неожиданно — по одним известиям, был поражен ударом молнии, по другим же, — был убит возле Лютера рукой изменника. Это событие сильно потрясло душу молодого человека. Он невольно стал задавать себе вопрос, что станется с ним, если он также внезапно будет призван Богом. Скоро после того, возвращаясь после летних каникул от

родителей в Эрфурт, Лютер был настигнут в дороге страшной грозой. Оглушительный удар грома раздался вблизи, молния ударила в нескольких шагах от Лютера. В ужасе он воскликнул: "Святая Анна, помоги мне! Я буду монахом!"

Этот обет вырвался у него нечаянно, но он не был из тех людей, которые вступают в сделки с совестью. Через две недели он исполнил свой обет. В 1522 году, посвящая отцу сочинение о духовных и монашеских обетах, он откровенно сознается, что не по доброй воле принимал пострижение, а в минуту отчаяния, среди ужасов смерти; что он шел в монастырь без ведома родителей в то самое время, когда отец уже выбрал для него в невесты богатую и хорошую девушку; когда сам он чувствовал всю немощь плоти 22-летнего юноши. Лютер расставался со светом не без сожаления, не с холодным чувством старческого разочарования, а приносил действительно великую жертву своим убеждениям. Он бежал в монастырь от мирской суеты и соблазнов, чтобы тяжкими подвигами умерщвления плоти заслужить спасение души своей у гневного Бога.

II

ЛЮТЕР — ВЕРНЫЙ СЫН ЦЕРКВИ

Это великое событие в жизни будущего реформатора совершилось 17 июля 1505 года. Накануне он в последний раз созвал друзей своих на товарищескую пирушку, забавлялся с ними пением и музыкой и только при прощании поразил их неожиданной вестью. Напрасно упрашивали они его отказаться от своего намерения. Эта вечерняя пирушка была последней данью его миру, юности, дружбе. Уже в ту же ночь он поспешил в августинский монастырь, отослав университету свой магистерский перстень. Из книг он взял с собой лишь Вергилия и Плавта, все прочие возвратил книгопродавцам. Родителей и отсутствовавших друзей он уведомил письменно о совершившемся факте.

Легко представить себе горе старика Ганса, когда все надежды, возлагавшиеся им на сына, внезапно рухнули. "Он чуть не сошел с ума, — рассказывает сам Лютер, — написал мне письмо, в котором снова обращался ко мне на "ты" — с тех пор, как я стал магистром, он писал мне "вы" — и навсегда отрекался от меня". Только спустя два года, благодаря смерти двух других сыновей и распространившемуся слуху о мнимой смерти Мартина, старик смягчился и простил непокорного сына, хотя никогда не мог совершенно примириться с его монашеством.

Но Лютер в то время не обращал внимания на гнев и горе отца. Он видел перед собой одну лишь великую цель, и по сравнению с нею никакая жертва не казалась ему слишком великой.

Монахи приняли его с радостью. Предпочтение, оказанное их званию и ордену одним из наиболее уважаемых членов университета, конечно, было им очень на руку. Но в то же время они считали нужным смирить его гордость ученого, показать ему, что его знания не имеют никакой ценности в стенах монастыря. Сами отличаясь невежеством, члены конвента даже боялись умственного преобладания тех из монахов, которые обнаруживали любовь к просвещению. И вот, отчасти с целью приучить его к главной монашеской добродетели — смирению, отчасти для того, чтобы не оставлять ему времени на книжные занятия, на нового послушника был наложен особенно тяжелый искус. Он должен был прислуживать старшим, быть привратником, заводить часы, подметать церковь, исполнять самые грязные работы. А по окончании работы бывший магистр отправлялся по городу с нищенской сумой и выпрашивал подаяние. Но Лютер безропотно переносил все налагаемые на него испытания. Ведь он для того и поступил в монастырь, чтобы путем смирения и подвигов добиться святости. Впрочем, это тяжелое послушание продолжалось недолго. Университет заступился за своего бывшего члена, и его избавили от унижительных обязанностей.

”Если когда-нибудь монах достигал спасения монашеством, то и я должен был достигнуть его”, — говорил впоследствии Лютер, вспоминая о своих первых годах в монастыре. И действительно, по отзывам всех, в монастыре не было более ревностного монаха. Лютер не только добросовестно исполнял все, что предписывалось строгим уставом, но ставил себе еще более аскетические требования, морил себя голодом, холодом и бдением и довел себя до того, что из цветущего юноши превратился в скелет, обтянутый кожей. Было что-то титаническое в этой борьбе, в этом яростном стремлении полным умерщвлением чувственного человека достигнуть идеала святости: он хотел, по собственному выражению, ”присупом взять царство небесное”.

Через год его постригли под именем брата Августина. Теперь, по-видимому, он достиг цели. Среди обычных поздравлений ему твердили, что теперь он чист, как дитя, только что вышедшее из купели. И Лютер старался верить этому: ведь он исполнял закон с величайшей строгостью, а сколько тысяч людей обрели душевный покой в этом сознании!

Но уввы! Его душа по-прежнему была полна смятения. До пострижения Лютер был убежден, что в монашеском звании нет искушений, что за стенами монастыря дьявол бессилен. А между тем оказывалось, что искушения осаждают слабого человека и в святой обители, что дьявол и тут ставит человеку ловушки. Эта мысль, что монашество не избавляет человека от греховных вожделений, мучила его невыразимо. Он считал себя погибшим, когда чувствовал в себе плотское желание, гнев, ненависть, зависть. Тогда он прибегал ко всем обычным средствам самоистязания, исповедовался каждый день; но ничто не помогало — плотские вожделения возвращались снова. И он стал отчаиваться в своем спасении. Но самая ужасная мысль, превращавшая его внутренний мир в настоящий ад, была

та, что он, может быть, принадлежит к числу тех осужденных, которым, по учению святого Августина о предопределении, не помогут никакие добрые дела. Эта мысль доводила его иногда до того, что он чувствовал ненависть к Богу, ибо "кто может любить Бога, который гневается, судит и осуждает?". Конечно, выдавались и оградные минуты успокоения, но они были непродолжительны, сменяясь страшными картинами гнева Божия: "И днем, и ночью меня смущал внутренний голос: кто знает, угодны ли подвиги твои Господу?"

Среди этих мук Лютер искал успокоения в богословских занятиях. Смутное чувство толкало его к Библии. Но и в ней он не находил света, потому что на глазах его лежала тройная повязка. Первая заключалась в его уверенности, что одно лишь соблюдение закона делает человека святым. Поэтому все утешительные изречения вроде того, что "Господь не хочет смерти грешника", оставались для него непонятными, когда он противопоставлял им ужасные слова: "Я Господь Бог твой — Бог ревнитель". Вторая повязка заключалась в его фанатической приверженности к папству и всей церковной традиции. Когда однажды в монастырской библиотеке ему попался том проповедей Гуса и он из любопытства заглянул в него, то его страшно поразило, что еретик мог так по-христиански толковать Священное Писание. Но вспомнив, что Гус осужден, Лютер поспешил захлопнуть книгу. Ему казалось, что если он даже только подумает доброжелательно о еретике, то "стены должны почернеть, а солнце померкнуть". С такой повязкой на глазах Лютер, читая Писание, конечно, видел в нем лишь то, что подсказывала церковь. Но важнее всего было то, что он не обращал внимания на самый латинский текст, а постоянно руководствовался приложенными к нему комментариями. В то же время Лютер продолжал читать и схоластических богословов. Читал он и сочинения Жерсона и Вильгельма Оккама, восстававших против всемогущества папы; но их довольно свободные взгляды на церковь пока не привлекали его внимания. Его интересовали лишь практически-религиозные вопросы, а их-то ни один из названных мыслителей не мог разрешить ему.

Через два года после поступления в монастырь Лютер получил сан священника; 2 мая 1507 года он в первый раз служил литургию. По этому-то случаю старик Лютер и примирился с сыном и даже лично приехал на торжество. С трепетом приступил Лютер к алтарю. Когда во время богослужения он дошел до известных слов католической мессы: "Приношу Тебе, Богу вечному и живому, сию жертву", то почувствовал дрожь во всем теле и отступил бы от алтаря, если б его не удержали присутствующие, "ибо, — думал он, — кто может предстать перед величием Господа без посредника? Как могу я беседовать с Богом, когда люди боятся предстать и перед земным царем?"

Такое постоянное внутреннее раздвоение, уединение монастырской кельи и аскетический образ жизни, естественно, должно было сильнейшим образом расшатать его нервы. Здоровье Лютера сильно расстроилось. Раз его нашли в келье в глубоком обмороке, и только звуки музыки привели его

в чувство. В обращении с товарищами он стал раздражителен, нетерпим. Его не любили, хотя не могли не уважать. Самая наружность его внушала одновременно и страх, и уважение. Монах с бледным изможденным лицом, на котором отпечатлелось внутреннее страдание, с мрачным взглядом глубоких сверкающих глаз обращал на себя общее внимание. Еще в 1518 году, когда Лютер обрел уже душевное спокойствие, кардинал Каетан говорил про него: "Я едва мог смотреть этому человеку в глаза: они сверкали таким дьявольским огнем". В монастыре действительно многие думали, что он одержим бесовской силой. Один из его биографов-современников рассказывает, что однажды за обедней, во время чтения Евангелия об изгнании беса из глухонемого, Лютер пал на землю с восклицанием: "Не я! Не я!" Да он и сам верил, что его смущает дьявол, с которым и впоследствии, как известно, беседовал нередко целые ночи, препирался в богословских вопросах, причем иногда выходил победителем, иногда падал под гнетом борьбы.

Что же, однако, спасло Лютера, что сделало из этого робкого, истерзанного сомнениями монаха того уверенного в себе, мощного бойца, который не побоялся восстать против величайших, веками освященных авторитетов?

Конечно, главным образом Лютер был обязан своим спасением собственной здоровой натуре, которая в конце концов должна была найти выход из пучины сомнений. Но сам он приписывал начало своего исцеления чудесной силе, с какой подействовали на него слова простого старого монаха в его монастыре. Член апостольского символа: "верую в отпущение грехов", был для него до сих пор страшной загадкой. Но вот однажды он слышит от монаха, что христианин должен понимать эти слова не в общем смысле, веруя вообще в возможность отпущения грехов тому или другому человеку, а в таком, что отпущение дается всем и каждому и дается ему самому тогда и настолько, когда и насколько он будет веровать в него. Эти простые слова бесхитростного старика произвели на Лютера сильное впечатление, но еще большее влияние оказало на него сближение с генеральным викарием его ордена, Штаупицем.

Этот мягкий высокообразованный человек, который, по словам Лютера, "первый возжег в мраке его сердца свет Евангелия", был врагом схоластики и по своим религиозным воззрениям являлся отчасти последователем мистиков, отдававших внутреннему настроению преимущество пред внешними делами, отчасти учеником святого Августина, говорившего об оправдании через Божью благодать. К Священному Писанию он питал глубокое уважение и старался ввести его изучение в монастырях, ему подчиненных. Штаупиц ясно сознавал испорченность римской церкви, хотя по мягкости натуры и не думал выступать в роли реформатора. Обезжая монастыри своего ордена, он приехал и в Эрфурт — неизвестно, в котором году. Как знаток человеческого сердца, он тотчас же обратил внимание на бледного молодого монаха, который своей наружностью и поведением резко выделялся из окружающей среды. Он заставил его разговориться

и горячо заинтересовался им. С тех пор между этими столь несходными людьми завязались короткие отношения и лично и письменно, не прекращавшиеся почти до самой смерти Штаупица. Лютер никогда не забывал, чем он обязан этому наставнику, которого называл своим духовным отцом, и до самой его смерти, несмотря на возникшие между ними впоследствии разногласия в мнениях, относился к нему с искренней любовью. И действительно, Штаупиц имел на него самое благотворное влияние. Он старался успокоить запуганную совесть молодого монаха, отвлечь его внимание от вечных помышлений о мнимых грехах и постоянно указывал ему на любовь к Господу, отдавшему Своего Сына в жертву за людей, как на единственный и несомненный источник спасения.

Таким образом, приблизительно с 1508 года начинается поворот в богословских представлениях Лютера. До сих пор он разделял все крайности воззрений схоластиков, а так как схоластика в большинстве своих представителей пришла к убеждению, что человек может достигнуть единения с Богом в духовном совершенстве без посредствующего действия благодати, при помощи собственных лишь сил, то и Лютер во всей полноте разделял это убеждение. Но собственная неудовлетворенность, с одной стороны, и влияние Штаупица — с другой, сильно пошатнули это убеждение, а чтение Библии под новым углом зрения довершило дело. Теперь, читая Священное Писание, Лютер с особенным вниманием останавливается на таких изречениях, в которых Христос называется Всемирным Ходатаем, а вера — единственным средством примирения с Богом. Особенно, по его словам, поразило его изречение пророка Аввакума: "Праведный от веры жив будет", которое он истолковал в том смысле, что праведный и есть человек, оправданный пред Богом своей верой.

Конечно, Лютер в данное время был еще очень далек от своих позднейших религиозных представлений, сделавших из него реформатора. И вообще трудно определить, сколько времени продолжался этот внутренний процесс. По всей вероятности, борьба была продолжительна, тем более что Лютер продолжал еще изучать схоластику, привлекавшую его тем, что в ней все было так стройно, тогда как в учении Штаупица многое было непонятно и недостаточно обосновано. Однако благодаря новому направлению, которое приняли его мысли, в душе его мало-помалу водворяется покой. Он работает с новым жаром, проверяет свои прежние выводы, и каждый шаг на новом пути ведет его к большей ясности, умиряет прежнюю тревогу. Он не старается больше взять приступом небо и возлагает все свои упования на благодать Творца. Но он еще долго не сознает всех логических последствий нового принципа; не сознает, что с той минуты, как религия становится чисто личным делом между Богом и верующей душой, рушится все здание католической церкви. Идея об оправдании верой не мешает ему еще долго оставаться таким же ярым поклонником папы и верным сыном церкви, каким он был в момент поступления в монастырь.

В ноябре 1508 года во внешнем положении Лютера произошла значительная перемена. По рекомендации Штаупица он был приглашен курфюрс-

*Город Виттенберг в XVI веке.
Гравюра Лукаса Кранаха*

том Саксонским, Фридрихом Мудрым¹, в качестве преподавателя в недавно основанный им Виттенбергский университет. Здесь Лютер вначале должен был читать лекции об Аристотелевой диалектике и физике, но занятия философией были ему не по душе. Его по-прежнему влекло лишь к науке, исследующей сущность всех вещей, — к теологии. Уже с марта 1509 года он был утвержден библейским бакалавром, то есть получил первую учено-богословскую степень и с нею право читать лекции о некоторых книгах Священного Писания. Впрочем, его профессорская деятельность продолжалась на этот раз недолго: его скоро отозвали по орденским делам в Эрфурт, а в 1511 году по тем же делам послали в Рим.

Подробности этого путешествия мало известны. Единственный источник — воспоминания самого Лютера, рассеянные в разных сочинениях, в особенности в "Застольных речах". Но воспоминания, записанные в позднейшее время, вряд ли могут дать вполне верное представление о первоначальных впечатлениях Лютера. Они все окрашены мрачным оттенком его позднейших пристрастных суждений обо всем, что имеет какое-нибудь отношение к Риму. На человека с воображением Рим, как безгласный свидетель многовекового славного прошлого, и в настоящее время производит сильное, граничащее с благоговением впечатление. Как же он должен был поразить путешественника, проникнутого высшим религиозным одушевлением? И действительно, даже в позднейших воспоминаниях Лютера о Риме, проникнутых горечью и негодованием, еще звучат отголоски его тогдашних благочестивых восторгов. Он сам рассказывает, что, когда перед ним засверкали священные купола храмов Вечного города, он пал ниц, поднял руки к небу и воскликнул с умилением: "Приветствую тебя, священный Рим, трижды священный от крови мучеников, здесь пролитой!" По приезде в город он немедленно принялся бегать по церквам и везде служил обедню. По его собственным словам, он так усердно пользовался своим

¹ Фридрих III Мудрый (1463—1525) — курфюрст Саксонии в 1486—1525 гг., покровитель М. Лютера.

правом священнослужения, что "ему почти приходилось жалеть, что отец и мать его оставались в живых, так как он охотно избавил бы их от чистилища своими молитвами". Он посетил все церкви и пещеры, прикладывался ко всем мощам. Но самое сильное впечатление произвела на Лютера базилика Святого Петра, как олицетворение здания церкви Христовой. На колснях поднялся он по лестнице, ведущей к храму, для получения назначенного за этот подвиг отпущения грехов.

Таковы были чувства и настроение Лютера по приезде в Рим, настроение и чувства пламенного католика и монаха. Но именно эта поездка, на которую он раньше возлагал столько надежд, должна была в значительной степени охладить его слепое поклонение папе. Уже при самом вступлении на почву Италии его поразила контраст между немецкой религиозностью и индифферентизмом, даже неверием итальянцев. Он был возмущен кощунством, с которым итальянские монахи нарушали церковные постановления о посте. Лютер явился в столицу христианского мира со всем религиозным одушевлением немца, с глубокой верой в святость служителей западной церкви, но его ждало полное разочарование. Он с ужасом вспоминает впоследствии о виденном им нечестии римлян, об алчности и разврате духовенства и передает пословицу, бывшую тогда в ходу, что если есть ад под землей, то Рим построен на его сводах. И что было для него всего ужаснее — всей этой грязью, всеми этими чудовищными пороками, о которых он боится распространяться из опасения осквернить слух своих соотечественников, было запятнано не только низшее духовенство, но в еще большей степени высшие сановники духовной иерархии, сам папа. На такого слепого обожателя папства, каким был до сих пор Лютер, римские впечатления должны были подействовать убийственно отрезвляюще. Недаром он говорил впоследствии, когда отрешился от связывавших его уз традиции, что не взял бы и ста тысяч талеров за свою поездку в Рим, которая ему открыла глаза.

Тем не менее мы сильно преувеличим значение этого путешествия, если вообразим, что оно-то и произвело переворот в убеждениях Лютера, сделало его из горячего приверженца папства его страстным врагом. Как ни потрясло Лютера все виденное и слышанное в Риме, оно все-таки не поколебало его основных воззрений; ненависть и презрение, которые вызывали в нем недостойные служители церкви, только усиливали его сострадание к самой церкви. Его позднейшее враждебное отношение к ней произошло не от разочарования в лицах, а от изменившегося взгляда на самые корни начала религии. Еще в продолжение многих лет после этого путешествия мы замечаем в Лютере то же строго церковное отношение к верховному авторитету тогдашнего христианства, которое он усвоил себе с юношеских лет, и даже в 1517—1518 годах он еще делает строгое различие между папством, в лице данного его представителя, и первоначальным призванием папы как главы католической церкви.

Зато впоследствии все эти римские впечатления, в которых Лютер в свое время боялся даже разбираться, должны были ожить в его памяти

с новой силой и послужить материалом для тех пламенных обличений Рима, которые, находя отклик в общественном мнении, нанесли столь тяжкий удар могуществу церкви. Одно только ясно осознанное чувство вынес он из этого путешествия — нерасположение доброго немца к итальянцам. Его национальная гордость возмущалась пренебрежением, которое последние открыто выказывали немцам. В Риме Лютер слышал хвастливые речи монахов, утверждавших, что папский мизинец сильнее всех немецких властителей, взятых в совокупности; слышал обидные клички, даваемые добродушным, но неповоротливым его соотечественникам. Он уловил отличительные свойства итальянского характера; коварство, интриги, двоедушие итальянцев, обилие красивых лицемерных фраз, внешний лоск и мягкость, под которыми часто скрывалась внутренняя пустота и бессодержательность, — все это внушало и негодование, и отвращение прямодушному тюрингенскому крестьянину. Можно сказать, что в Италии Лютер научился ненавидеть Италию.

С римской поездки до 1512 года не сохранилось о Лютере почти никаких известий; но в 1512 году в жизни его совершилось новое знаменательное событие. Он получил степень доктора богословия с правом толкования Библии. В этом опять-таки сказалось влияние Штаупица, возлагавшего на него большие надежды. Сам Лютер очень неохотно принял новое звание, боясь великой ответственности, связанной с ним, но в конце концов должен был уступить настояниям Штаупица.

Важность этого события заключается в том, что докторская степень положила начало общению Лютера с народом. Он вступил теперь на поприще, для которого обладал исключительными дарованиями. Сначала он сам не знал, какими обладает способностями, и в первые годы всегда со страхом всходил на кафедру. Но постепенно он преодолел эту робость, вынесенную еще из родительского дома, и тогда-то проявилась во всей силе мощь его таланта, его умение владеть словом. Помимо проповедей в монастыре и лекций в университете Лютер стал еще проповедовать и для народа, так как в 1516 году назначен был проповедником в соборной Виттенбергской церкви. И успех его на этом поприще был громадный. Когда он проповедовал, церковь переполнялась народом; его слушали затаив дыхание. Необходимо, впрочем, заметить, что Лютер действовал на толпу не ораторскими приемами, не новизной учения, а главным образом своей искренностью и теплотой, благодаря которым слова его шли прямо к сердцу слушателей.

Не меньшим успехом Лютер пользовался и на университетской кафедре. И тут он пока не заявлял о себе особенной новизной взглядов. Он и сам еще продолжал учиться, изучал Библию, не довольствуясь уже латинским текстом, а прибегая к оригиналу, для чего ему пришлось серьезно заняться греческим и еврейским языками, и результатами своих исследований делился со слушателями. Одно только было для него уже и тогда вполне ясно и несомненно — это идея об оправдывающем значении веры, чему он находил теперь подтверждение на каждом шагу. Вот почему он с особенной

любовью изучал ту часть Нового Завета, где говорится о значении веры с особенной выразительностью, именно Послание к Римлянам, которое и пояснял в своих чтениях наряду с другими посланиями апостола Павла и Псалмами. Но вообще в университетских лекциях Лютера, насколько можно судить по дошедшим до нас отрывкам, выражается еще чисто правоверный, то есть католический, взгляд на церковь. Хотя он и замечал ее испорченность, но твердо верил, что она в лице своего высшего представителя — папы с любовью примет и оценит всякое благородное усилие вернуть ее к первоначальной чистоте.

Более решительна была его борьба со схоластикой. Лютер не мог примириться с тем, что христианская истина, при схоластической системе преподавания, доказывается не из ее первоначального источника — Священного Писания, а на основании философии языческого мудреца Аристотеля, с помощью всевозможных диалектических ухищрений. Его лекции были полны нападок на Аристотеля и схоластиков и находили себе отклик не только в сердцах молодежи, но и многих профессоров, которые постепенно примыкали к нему и начинали знакомиться со Священным Писанием.

В этом стремлении к преобразованию системы преподавания Лютер является отчасти союзником гуманистов. Во время спора Рейхлина с кельнцами он открыто принимает сторону первого. Но образ действий гуманистов, подвергших в "Письмах темных людей" жестокому осмеянию схоластиков и невежественных монахов, ему не понравился: по его мнению, насмешки и ругательства ни к чему не ведут. По той же причине он был недоволен и Эразмом Роттердамским, так как он хотя и уличает монахов и священников в невежестве, но мало говорит об учении Христа. "Читая сочинения Эразма о порче церкви Христовой, — жаловался Лютер, — нельзя не смеяться, тогда как, напротив, следовало бы плакать".

Таким образом, вся деятельность Лютера за этот период имеет более положительный, чем отрицательный характер. Он только старается поставить на первое место авторитет Писания и передать своим слушателям те утешения веры, которые вернули покой его собственной душе. Даже борьба со схоластикой вряд ли могла иметь какие-нибудь выдающиеся последствия, по крайней мере непосредственно, так как для массы она была лишь спором между учеными. Еще менее опасности для церкви представляла деятельность Лютера как проповедника. Идея о спасении верой, об оправдывающем действии благодати высказывалась, как мы уже видели, и до Лютера, а между тем, несмотря на это течение в церкви, рядом с ним все сильнее развивалась система противоположная, в результате которой истинное религиозное чувство выродилось в массу в чисто формальное внешнее благочестие. Если бы Лютер остался на этой теоретической почве, то из него никогда бы не вышел тот реформатор, который вывел церковь на новый путь. И действительно, великое дело реформы началось не от серьезного догматического спора, а от одного, по-видимому, довольно незначительного вопроса церковной практики — вопроса об индульгенциях. Почему? Это сейчас выяснится.

III РАЗРЫВ С РИМОМ

Прежде чем перейти к знаменитому спору, положившему начало Реформации, мы должны сказать несколько слов о самой теории индульгенций.

Индульгенция состояла первоначально в отпущении церковной епитимии, с согласия всех членов общины. Эту епитимию, заключавшуюся в бичевании, путешествии к святым местам и т. п., дозволялось в некоторых случаях заменить уплатой денег. Следовательно, индульгенция касалась только внешней части покаяния, но не освобождала от грехов; для отпущения последних служило таинство покаяния, в котором верующий и раскаявшийся грешник разрешался от греха самим Богом, устами священника. Однако с течением времени в западной церкви индульгенция перешла и на самое разрешение грехов. А так как духовенство хотело обратить ее в особенную для себя привилегию, то в силу теории, созданной главным образом великим систематиком западной церкви Фомой Аквинским, в основу индульгенции была положена совершенно другая идея — именно идея о преизобилующей заслуге Христа и святых. Христос, — учила церковь, — принес большую, чем нужно было, жертву правосудию Божью; одной капли пречистой крови Его было бы достаточно для очищения грехов всего рода человеческого; все же остальное, вместе с заслугами праведников, также совершивших более требуемого, откладывается главою церкви в виде особого капитала или запаса, который в случае нужды обращается в частную пользу немощного члена церкви, восполняя недостаток его добрых дел и заглаживая грехи его соответствующим количеством чужих заслуг. Но так как уже в крови Христовой запас бесконечно велик, то ни количество, ни срок раздаваемых отпущений никогда не могут его истощить. Папа один имеет право распоряжаться этими сокровищами, как полной собственностью церкви. Со стороны получающего не требуется даже веры в действительность отпущения, потому что разрешительная благодать сообщается ему независимо от его личного достоинства. Правда, требовалось сокрушение сердца, то есть желание получить индульгенцию, и предварительная исповедь, но продавцы разрешительных грамот не особенно настаивали на этом пункте.

С XIV века начинаются особенные злоупотребления отпущением грехов под покровом всемирных юбилеев. Папа Бонифаций VIII, назначив столетний юбилей в 1300 году, обещал полное прощение грехов всем христианам, которые в этом году посетят всемирную столицу с обязанностью совершить в ней разные подвиги благочестия. Конечно, богатые подаяния стекались этим путем в папскую казну, но они предоставлены были личному усердию паломников. В 1350 году Климент VI, рассудив, что предшественник его слишком мало позаботился о потомстве, сократил срок

юбилея на целых 50 лет. А преемники его уже с большей смелостью шли по этому пути и "из любви к христианству" сократили юбилейный срок на четверть столетия, а потом и еще больше. Так, вслед за юбилеем 1470 года были назначены юбилеи в 1475, 1489, 1500, 1509, 1517 годах. Но огромные суммы, стекавшиеся этим путем в римскую курию, с удивительной скоростью поглощались безумной расточительностью наместников святого Петра. Массовые отпущения оказывались недостаточными. И вот от лица папы, за собственной печатью его, стали исходить буллы, утверждавшие за известными храмами и монастырями право частной продажи индульгенций.

В начале XV века Германия сделалась главной жертвой римской эксплуатации. Здесь папы прямо отдавали на откуп сокровища церкви высшим сановникам иерархии, которые и делились с ними сборами. Комиссары эти в свою очередь на тех же условиях панимали субкомиссаров, большей частью купцов, торговавших, таким образом, грехами человечества. Иннокентий VIII присвоил себе даже право выводить из чистилища души умерших грешников. Из всех народов Европы немцы, благодаря своей религиозности и простодушию, особенно легко попадались на эту удочку. Несмотря на правительственное противодействие периодическому разорению народа, несмотря на частые опровержения этой теории многими учеными, она действовала с непрерывно возрастающей силой.

В 1508 году Юлий II открыл для римского престола новый источник доходов известной буллой, обещавшей полное отпущение грехов за пожертвование чего-либо для постройки базилики Святого Петра. Его преемник Лев X продолжал его дело. Этот папа, из знаменитого дома Медичи, был в высшей степени образованным человеком, но лишенным всякого нравственного чувства. К религии он относился совершенно индифферентно, признавая ее необходимой только для массы, как средство держать последнюю в повиновении, и все свое время проводил в кругу гуманистов, художников и литераторов, совершенно пренебрегая своими пастырскими обязанностями. Чтобы докончить постройку базилики Святого Петра, которую он желал сделать восьмым чудом света, он издал в 1517 году буллу о всеобщем прощении грехов.

Единственным средством для борьбы с подобными злоупотреблениями могла быть сильная центральная власть, но в Германии ее не было. Император должен был из политических соображений потворствовать папе: курфюрст и архиепископ Майнцский и Магдебургский, примас (глава церкви) Германии Альбрехт Бранденбургский, бывший, подобно Льву X, гуманистом и покровителем наук и искусств, даже сам предложил свои услуги в качестве главного комиссара по продаже индульгенций в своей епархии. Альбрехт, конечно, соединял с этой операцией свои личные выгоды: не имея средств заплатить за свой архиепископский паллий 30 000 гульденов, он принужден был сделать заем у богатого банкирского дома Фуггеров во Фрункфурте. Этот долг он и надеялся уплатить вырученными от продажи индульгенций деньгами. С этой целью он пригласил для проповеди и прода-

жи отпущений доминиканца Тецеля, человека с сомнительной репутацией, но с несомненным ораторским дарованием. Тецель избрал ареной своей деятельности Лейпциг и его окрестности. В пламенных выражениях он восхвалял народу чудодейственную силу своего товара; у него была особая такса для каждого преступления: 7 червонцев для простого убийства, 10 — для убийства родителей, 9 — за святотатство и т. д.

Тецеля принимали с великим почетом во всех городах. Мужчины и женщины, богатые и бедные сбегались к нему за разрешительными грамотами; даже нищие приносили свои последние гроши, чтобы смыть свои грехи и избавить души близких от мук чистилища. Несметные суммы стекались таким образом в ящик ловкого продавца. Люди более развитые негодовали, но никто не осмеливался громко протестовать против вопиющего злоупотребления. Университет, духовные власти, магистраты оставались безгласны. И вот, среди этого позорного молчания, в невзрачной церкви небольшого немецкого городка вдруг раздался обличительный голос, пронесшийся с неслыханной силой по всему католическому миру.

Уже при первом появлении Тецеля Лютер в разговорах с близкими выражал свое негодование по поводу этого возмутительного торга человеческими грехами, но высказываться публично о подобном вопросе он считал себя непризванным. Для этого понадобилось, чтобы Тецель, так сказать, вторгся в его собственные владения. Правда, курфюрст Саксонский, несколько не сомневавшийся в действительности индульгенций, но только не желавший выпускать из своей страны деньги, запретил Тецелю продажу индульгенций в Саксонии, и тот, таким образом, должен был остаться на земле своего патрона, архиепископа Магдебургского. Но он приближался к Саксонии насколько мог и летом 1517 года появился в Ютербоке, в 4 милях от Виттенберга. Тогда только, видя, что собственные его прихожане начинают бегать к Тецелю за покупкой индульгенций, Лютер счел своим долгом протестовать и в своих проповедях стал доказывать народу, что отпущение грехов дается только людям, искренно раскаявшимся и живущим согласно заповедям Божиим, и что лучше давать деньги нищим, чем платить за индульгенцию. Когда первые опыты оказались безуспешными, он решился довести дело до сведения своего непосредственного начальства. Лютер не мог не знать, что архиепископ Альбрехт — глава и душа экспедиции, но он полагал, что тот грешит по неведению и что его долг — открыть архиепископу глаза на совершающиеся под его покровительством безобразия. Обращался он и к окружным епархиальным начальникам, прося их заступничества за народ. Но только один из них удостоил его ответа, да и то советовал не браться за такое опасное дело и не наживать себе врагов. Не довольствуясь проповедью, Лютер стал заводить и в университете, и в монастыре частные диспуты об этом вопросе. Между тем многие прихожане возвращались назад с индульгенциями и, к великому ужасу Лютера, объявляли ему на исповеди, что не хотят изменить своего образа жизни, а когда он отсылал их без разрешения, то ссылались на папские разрешительные грамоты и жаловались Тецелю. Эти безобразия

решили дело. Лютер убедился, что простым протестом с кафедры ничего не поделаешь и что торг индульгенциями может в скором времени развратить всю его общину. Его прямой долг пастыря требовал, чтобы он употребил все доступные ему средства против угрожающего зла. К этому же побуждали его с разных сторон. Хотя власти молчали, но благомыслящие люди давно уже возмущались проделками Тецеля. Лютер был самым выдающимся и уважаемым ученым при университете. К нему и устно, и письменно, друзья и незнакомые обращались за советом, спрашивали его мнения о действительности отпущения. Сам Штаупиц давно уже уговаривал его публично высказаться и обсудить этот вопрос. Лютер не мог дольше колебаться и наконец заговорил.

1 ноября 1517 года, в праздник всех святых, в дворцовую Виттенбергскую церковь ожидался большой прилив светских и духовных лиц, так как участникам церковного празднества было обещано широкое отпущение грехов. Обычай требовал, чтобы университет почтил торжество академическим актом. Этим обычаем и воспользовался Лютер, чтобы открыто поставить вопрос о действительности отпущений и пригласить всех участников к серьезному обсуждению. С этой целью он написал 95 тезисов и накануне праздника, 31 октября, прибил их к воротам церкви.

Что представляют собой эти знаменитые тезисы? Это ряд положений, доказывающих, что покаяние требует внутреннего перерождения человека и что всякий внешний акт для примирения с Богом, в виде денежной жертвы и т. п., недействителен. Те отпущения, которые в состоянии дать церковь, касаются только канонических, установленных людьми наказаний, но не ниспосылаемых Богом, и особенно наказаний в чистилище. В существование последнего Лютер еще верит. Папа, по его мнению, может только заступиться своими молитвами за души грешников, но от Бога зависит, услышать его или нет. Вообще отпущения следует ценить не выше, чем другие добрые дела, даже ниже, ибо давать бедным и нуждающимся лучше, чем покупать индульгенцию. Всякий истинно раскаявшийся христианин получает полное отпущение греха и наказаний и принимает участие в сокровище церкви и без индульгенций, благодаря единственно благодати Божьей. Истинное сокровище церкви не заслуга Христа и святых, ибо эти заслуги, по словам Писания, действуют постоянно и без помощи церкви, — это святое Евангелие, возвещающее славу и благодать Божью.

Очевидно, Лютер здесь не пропагандирует никаких еретических идей. Это давно уже бывшее в ходу августино-бернардовское учение о том, что жизнь христианина должна быть непрерывным подвигом покаяния, непрерывным стремлением к самоусовершенствованию и выражаться в постоянных внешних делах благочестия. Об оправдании верой здесь почти не говорится, и не от веры, а от раскаяния Лютер ставит в зависимость отпущение грехов. В своем осуждении индульгенций он не идет дальше многих других богословов, уже раньше высказывавшихся против них. Папу также не обвиняет прямо, даже отчасти выгораживает. "Надо учить христиан, — говорит он в 50-м тезисе, — что если бы папа знал про вымогательст-

ва продавцов индульгенций, то лучше пожелал бы, чтобы церковь Святого Петра сгорела, чем строить ее из пота и крови своей паствы". В своих прежних проповедях об оправдании Лютер затрагивал гораздо более опасные для церкви вопросы. А между тем именно эти тезисы выдвинули его на арену всемирной истории и с этой точки зрения справедливо считались еще современниками началом Реформации. Это был пункт, где сходились самые разнородные интересы. Начиная от князей и кончая последним поденщиком, всякий так или иначе был заинтересован в решении вопроса. Не только светские, но и многие духовные владетели были недовольны тем, что немецкие деньги переводятся за Альпы в таком громадном количестве. Интересы экономические тесно соприкасались здесь с религиозными. Наконец, вся патриотически национальная и социальная оппозиция, в течение столетий накапливающаяся в Германии, могла найти в этом вопросе своего рода лозунг. Лихорадочно возбужденные умы современников читали между строк тезисов многое такое, о чем Лютер и не думал, когда писал их. Современникам поступок Лютера казался более важным и богатым последствиями, чем ему самому. До сих пор подобные вопросы обсуждались только в кабинетах ученых — теперь они были отданы на суд толпы. Это ошеломляло, возбуждало восторг; казалось, свежая струя воздуха проникла в невыносимо душную атмосферу, в которой задыхалось тогдашнее общество. Все вздохнули свободнее и разом заговорили.

Итак, впечатление, произведенное тезисами, было громадное. Хотя они были написаны по-латыни, но скоро появились немецкие переводы; пилигримы разнесли их по домам. Не прошло и 14 дней, как тезисы обошли всю Германию, а через 4 недели они стали известны всем христианам. Везде — в хижинах бедняков, лавках купцов, кельях монахов, дворцах князей — только и было разговору, что о знаменитых тезисах и смелости виттенбергского монаха. Сам император, как рассказывают, велел сказать курфюрсту, чтобы он приберег монаха, так как он может еще понадобиться.

Но сам Лютер вовсе не был доволен поднявшимся шумом. Он не ожидал его и боялся последствий. "Я был один, — рассказывал он впоследствии, — и лишь по неосторожности вовлечен в это дело... Я не только уступал папе во многих и важных догматах, но и чистосердечно обожал его, ибо кто был я тогда? Ничтожный монах, походивший скорее на труп, чем на живое тело". Эта мысль о том, что он против воли был вовлечен в спор, повторяется в самых разнообразных формах в позднейших его сочинениях, когда ему не было причины скрывать истину. И что бы ни говорили некоторые писатели-католики, желающие представить реформатора коварным, действующим исподтишка агитатором, не подлежит сомнению, что, выставляя свои тезисы, Лютер и не думал бросать вызов Риму. Он просто назначал ученый диспут, так как в то время прибитие тезисов к стенам собора, на воротах ратуши или на других открытых местах было обычным приемом, посредством которого известие о готовящемся диспуте доводилось до всеобщего сведения.

Но если сам Лютер не видел в своем поступке ничего противозаконного, то в противном лагере сразу почувствовали силу удара и подняли страшный шум. Первый выступил, конечно, Тецель. Он выставил против тезисов Лютера свои 106 антитезисов, в которых очень ловко старался свести спор на почву папской непогрешимости. Доминиканцы устроили демонстрацию в честь своего собрата и праздновали победу. Но в Виттенберге тезисы Тецеля потерпели фиаско. Студенты собрали до 800 экземпляров и торжественно сожгли их на площади.

Скоро против Лютера раздался голос и из Рима. Фанатик доминиканец Сильвестр Прерий, папский цензор и инквизитор, высказался против тезисов самым решительным образом. Другой доминиканец, Гогстратен, известный своим участием в рейхлинновском споре, прямо требовал сожжения "еретика".

Лютер, как мы уже сказали, первое время был сильно встревожен неожиданным оборотом дела. Члены его ордена не могли поддержать его мужества — они, напротив, советовали замять дело. Книга Прерия показывала, как взглянет на дело Рим. Но страх за будущее не ослабил в Лютере решимости твердо стоять за дело, которое он считал правым. Борьба разбудила дремавшие в нем инстинкты борца. К тому же, когда прошло первое изумление, вызванное его смелостью, он стал получать с разных сторон выражения сочувствия. Университет, вначале выказывавший некоторую нерешительность, теперь окончательно принял его сторону. Курфюрст, дороживший Лютером, как незаменимым профессором, которому близкий его сердцу университет был обязан своим процветанием, также выказывал ему особенное благоволение и, когда Лютер в апреле 1518 года отправился на конвент своего ордена в Гейдельберг, дал ему охранную грамоту. По этому поводу в Гейдельберге был устроен диспут, результатом которого было то, что на сторону Лютера перешли некоторые молодые ученые и студенты.

Нападки противников, с одной стороны, и поддержка друзей — с другой, побудили Лютера сделать еще один шаг по новому пути. По возвращении из Гейдельберга он закончил свои латинские объяснения к тезисам, под названием *Resolutiones* — самое значительное произведение его в этот период. Здесь он идет уже дальше, чем в тезисах. Он делает различие между решением папы и постановлением собора, которое одно только может считаться непогрешимым, а по поводу отпущения грехов говорит, что хотя Бог и дарует его через служителя церкви, но дарует лишь за одну веру в божественную благодать, причем самое прощение может быть выражено и устами простого мирянина. Из этого логически следовало, с одной стороны, что отпущение, даваемое священником, и самое таинство не приносят исповедующемуся никакой пользы, если он внутренне не проникся верой, а с другой — что истинно верующий получит прощение от Бога и в том случае, если священник самовольно откажет ему в отпущении. Таким образом, Лютер порывал могучую цепь, с помощью которой церковь приковала души к своим иерархическим органам. Лютер глубоко

смирил человека перед Богом, отказывая ему в возможности спастись при помощи собственных заслуг и добрых дел и ставя его спасение в зависимость от одной лишь благодати Божьей (так как и вера дается человеку лишь в силу последней). Но зато он сделал человека свободным от людей — это и была та "христианская свобода", которую реформатор возвестил своим учением.

Впрочем, Лютер еще не отрицал обязательности внешних наказаний, налагаемых церковью и папой. В этой чисто внешней области он признавал еще за папой власть, происходящую от Бога. Во всем, что не касается веры, писал он, христианин должен терпеливо сносить даже злоупотребления властей и незаслуженные страдания.

Но тут возникал вопрос, кому же принадлежит авторитет в делах веры, где вообще следует искать высших норм и источников христианской истины. В этом отношении Лютер лишь постепенно и после сильной внутренней борьбы выработал в себе ясный и последовательный взгляд. Впрочем, в самой католической церкви на этот счет еще не было вполне установленного мнения. Учение о непогрешимости папы и безусловном авторитете его решений, хотя и провозглашенное фомистами и принятое папами, не было еще догматом; оно стало таковым лишь в недавнее время — именно в 1876 году¹. Наряду с этим учением многие теологи, не рискуя прослыть еретиками, доказывали, что и папа может ошибаться и что последнее решение в вопросах веры принадлежит вселенскому собору. Таково было, между прочим, мнение Парижского университета. В XV веке высказывались безнаказанно даже такие взгляды, что и решения соборов не всегда отличаются непогрешимостью. В одном только не допускалось сомнения — именно что те постановления соборов, которые были признаны и папами, представляют безусловную божественную истину и что вселенская церковь не может ошибаться.

Фактически Лютер давно уже признавал единственным авторитетом Священное Писание, но в то же время не хотел еще отказаться от согласия с церковью. И теперь еще он жалуется на недобросовестность противников, клеветующих на него, будто в его сочинениях кроется "чешский яд". Он не допускает еще и мысли, что собор может ошибаться, и готов отдать свое учение на суд подобного собрания, хотя в то же время нигде не заявляет прямо, что наперед и безусловно подчиняется его решению. Он так убежден в истине своего учения, что, по-видимому, и не сомневается в его торжестве при беспристрастном исследовании.

Также не вполне выработался еще взгляд Лютера на папу. Хотя он и отрицает непогрешимость последнего, но не отказывается от подчинения ему. Он еще убежден, что главенство в церкви и вся власть, обозначенная

¹ Догмат о непогрешимости папы римского утвержден I Ватиканским собором в 1870 г. Согласно этому догмату, когда папа выступает по вопросам веры и морали "с амвона", или с кафедры (*ex cathedra*), то есть как пастырь всех христиан, он обладает непогрешимостью.

в каноническом праве, получены папой от Бога. Смирение и покорность, свойственные ему, как монаху, не менее, чем страх перед опасностями, угрожающими христианству в случае раскола в церкви, заставляют его делать папе всевозможные уступки. Лютеру важно только одно — чтобы папа разрешил свободную проповедь Евангелия, под которым он разумел главным образом свое учение об оправдании одной верой, и прекратил несовместимый с этим учением торг индульгенциями. При таких условиях он считает еще возможным оставаться верным сыном церкви. Даже самые Resolutions он посвящает папе. Письмо от 30 марта 1518 года, при котором Лютер препровождает Льву X свое сочинение, лучше всего рисует нам тогдашнее двойственное состояние души реформатора. Вначале он жалуется на обстоятельства, которые заставили его, охотнее всего остающегося в тени, выступить на арену, уверяет, что совесть его чиста и что он не может взять своих слов назад. В конце же послания он смиренно бросается к ногам папы, готов признать его голос голосом самого Христа, говорящего его устами, говорит, что если заслужил смерть, то не откажется принять ее. Заявления же, что он не может отказаться от своего учения, он все-таки не берет назад.

Но надежды Лютера, что церковь сама возьмет в свои руки дело преобразования и избавит его от тяжелой необходимости объявить ей войну, не могли, конечно, оправдаться. Рим не мог и не желал пожертвовать ни одним камешком из того стройного, веками создававшегося здания, которое было им воздвигнуто для порабощения умов, и рано или поздно должен был поразить смелого новатора всей силой своего гнева.

Вначале, впрочем, церковь отнеслась очень легко к возникшему спору. Лев X увидел во всем этом деле простой спор между двумя соперничающими монашескими орденами, а про тезисы выразился, что они написаны пьяным немцем, который, протрезвившись, конечно, поспешит взять их назад. Но скоро окружающие убедили его, что дело более серьезно. В Риме

*Георг Слалатин.
С поздней гравюры*

была назначена комиссия для разбора его, и сам Лютер получил приглашение явиться на суд, для чего ему дан 60-дневный срок. Чего можно было ожидать от этого суда, было ясно уже из того, что единственным ученым-теологом в комиссии был Прерий, еще раньше называвший Лютера еретиком. В то же время папский легат, кардинал Каетан¹, получил поручение ходатайствовать у императора об искоренении "гуситского яда".

Лютер ясно видел надвигающуюся грозу. Он понимал, что ехать в Рим — значит идти на верную гибель, и через своего друга Спалатина², бывшего советником у курфюрста, просил последнего не давать ему разрешения на поездку. Университет также заступился за него и ходатайствовал, чтобы Лютера судили в Германии. Против ожидания Рим оказался довольно сговорчивым, и Каетан, ввиду выраженного курфюрстом желания, милостиво согласился выслушать строптивого монаха в Аугсбурге, где в то время заседал имперский сейм.

Дело в том, что наряду с религиозным протестом Лютера в Германии в это время стали настойчиво раздаваться другие протестующие голоса, с которыми папа поневоле должен был считаться.

В то время как вопросы чистой догматики, вопросы об основаниях и источниках христианской истины, находящиеся в связи с учением об индульгенциях, были впервые подняты только Лютером, злоупотребления папы на внешней церковной почве, тесно соприкасавшейся с политическими и экономическими интересами страны, давно уже возбуждали всеобщие жалобы в Германии. Эти жалобы высказывались князьями и имперскими чинами, которых нельзя было запугать никакими теориями о непогрешимости папы и угрозами церковного отлучения, высказывались без всякого отношения к вопросу о божественном праве папства. Сам Лютер вначале обнаруживал поразительное незнание с той дашним положением вещей. Восставая против продажи индульгенций в интересах спасения душ, он и не думал о том, что этим самым играет на руку церковной оппозиции. Но у людей более дальновидных, естественно, должно было возникнуть опасение, что недовольные члены нации и церкви воспользуются проповедью монаха для своих целей.

При таком-то настроении умов на сейме в Аугсбурге летом 1518 года папский легат от имени папы потребовал новых денежных жертв от Германии. Деньги эти предназначались для похода против турок, но злые языки утверждали, что деньги нужны папе для иных, менее бескорыстных целей. Против ожидания, император Максимилиан, несмотря на свои прежние столкновения с папой, стал на его сторону. Престарелый монарх хлопотал тогда о том, чтобы обеспечить императорскую корону за своим внуком Карлом, и боялся противодействия папы. Оставалось только склонить на свою сторону имперские чины. Но тут-то и сказалось недовольство нации. Сейм не только отказал в требуемых деньгах, но открыто заговорил

¹ Кардинал Каетан — настоящее имя и фамилия Томас Вио.

² Спалатин, Георг (1485—1545) — немецкий гуманист, теолог, историк и государственный деятель, секретарь курфюрста Саксонского Фридриха Мудрого.

о злоупотреблениях курии, об огромных суммах, которые она вытягивает из Германии, о постоянном нарушении конкордатов. Это-то обстоятельство и оказалось спасительным для Лютера. Чтобы не поднять слишком много шума и не обратить внимания сейма на опасную деятельность виттенбергского монаха, Каетан решил быть с ним как можно более мягким и, когда Лютер явился в Аугсбург, принял его весьма ласково и отечески увещевал отречься от своих заблуждений. Но на Лютера эта любезность мало подействовала. Он рассчитывал, что будет иметь возможность открыто защищать свои взгляды, готовился даже положить за них голову. Но вышло совсем не то. Правда, при втором свидании кардинал, видя, что Лютер не поддается, попытался даже вступить с ним в спор и стал доказывать ошибочность его взглядов. Но точки зрения обоих людей были слишком различны, чтобы они могли понять друг друга. Один ссылался на учение Фомы и папские буллы, другой требовал доказательств из Священного Писания. Наконец Каетан потерял терпение и оборвал спор лаконическим возгласом: "Отрекись!" Лютер в пылу спора также утратил свою сдержанность и высказал противнику несколько горьких истин. Тогда разгневанный кардинал приказал ему удалиться и вернуться только в том случае, если он согласится отречься.

Тем и кончилось свидание, на которое Лютер возлагал такие большие надежды. Опасаясь за свою безопасность, он по совету друзей ночью 20 октября тайно оставил Аугсбург, предварительно написав обычную апелляцию к папе.

Каетан пожаловался курфюрсту, требуя от него, чтобы он послал Лютера в Рим или изгнал из своих владений. Но Фридрих ответил на его письмо только через 4 недели; он говорил, что нельзя требовать от Лютера отречения, пока ему не доказана ложность его учения, и что надо дать ему возможность защищаться и выслушать мнения университетов.

Попытки к примирению со стороны Рима не ограничились, впрочем, одними Аугсбургскими переговорами. Новый посланный папы, Карл Мильтиц, сам родом саксонец, имевший, между прочим, поручение задобрить Фридриха высшим знаком папского благоволения — Золотой Розой, по-видимому, взялся за дело очень ловко. Он вызвал к себе Лютера в Альтсбург (в начале 1519 года) и обошелся с ним необыкновенно любезно, даже сердечно. Он сам стал горячо осуждать перед Лютером поведение Тецеля, откровенно сознавая, что в течение целого столетия ни одно дело не причинило Риму столько забот, как настоящее; рассказывал, что во время своего путешествия изучал настроение умов и нашёл, что на каждой приверженца папы приходится по три сторонника Лютера; открыто восхищался его мужеством, но в то же время говорил, что ему не следовало брать на себя такую ответственность и так сильно огорчать его святейшество. Говоря о вреде, который Лютер нанес святой церкви, Мильтиц даже прослезился. На прощанье он поцеловал Лютера.

Дипломатия Мильтица, по-видимому, оказалась успешной. Лютер, правда, отнесся недоверчиво к его искренности: в письме к одному другу он даже называет его слезы "крокодиловыми", а поцелуй — "поцелуем Иуды". Тем не менее, видя такую мягкость со стороны курии, он не мог отказаться

от некоторых уступок. Таким образом, Лютер согласился написать папе письмо, в котором признавал, что был слишком резок в своих нападках на церковь, и снова выражал ей свою покорность. В таком же духе было написано им воззвание к народу. Самое же дело его, по условию с Мильтицем, должно было быть передано на суд немецкого епископа, но с тем, чтобы, в случае если Лютер не сумеет подчиниться его решению, он имел право апелляции к собору. В ожидании же этого решения он отказывался от дальнейших споров, лишь бы и противная сторона соблюдала молчание.

Но хотя Лютер в письме к папе (от 3 марта) и уверяет, что "никогда не имел и не имеет намерения нападать на власть римской церкви и папы", и признает, что "церковь выше всего", его смирение на этот раз уже не было искренне. 13 марта он писал Спалатину: "Я не знаю, есть ли папа сам антихрист или только апостол его", а в другом письме он уже прямо заявляет, что антихрист, о котором говорит апостол Павел, управляет римской курией, прибавляя при этом: "Еще большее готовит теперь мое перо. Я и сам не знаю, откуда берутся у меня эти мысли. Это дело, по моему разумению, еще не началось, хотя высокие господа в Риме ожидают уже его конца". И действительно, чем больше Лютер, продолжавший работать с лихорадочным жаром, углублялся в изучение папских декретов и сравнивал их со Священным Писанием и постановлениями первых времен христианства, тем более раскрывалась перед ним непроходимая пропасть, которая лежит между теми и другими. Тем не менее узы, связывавшие его с Римом, были еще настолько крепки, что он решился не высказывать открыто этих новых взглядов и сделать все возможное для миролюбивого соглашения.

Но события шли своим чередом, и движение, раз начавшись, не могло уже быть насильно остановлено. Один из прежних почитателей Лютера, ингольштадтский профессор Экк¹, вначале, по-видимому, сочувствовавший новым идеям, теперь решительно перешел на сторону Рима. В последнее время он вел литературную полемику с профессором Виттенбергского университета Карлштадтом², разделявшим многие взгляды Лютера, и вызвал его на диспут. Но оказалось, что тезисы, выставленные Экком, не столько направлены против Карлштадта, сколько против самого Лютера, так как в них затрагивались такие вопросы, о которых писал только последний. Лютер принял это за вызов со стороны противного лагеря и, не считая себя более обязанным сохранять молчание, решился принять участие в готовящихся прениях.

¹Экк (настоящая фамилия Майер), Иоганн (1486—1543) — католический богослов.

²Карлштадт (настоящие имя и фамилия Андреас Рудольф фон Боденштайн, 1480—1541) — немецкий богослов, профессор Виттенбергского университета. Сначала сподвижник Лютера, затем с ним разошелся и был вынужден покинуть Саксонию. Отойдя от лютеранства, сблизился с Цвингли, а в 1534 г. занял кафедру богословия в Базеле.

LVCAE + OPVS + EFFIGIES + HAEC + EST + MORITVRA + LVTHERI +
AETHERNAM + MENTIS + EXPRIMIT + IPSE + SVAE +
M D · X · X · I ·

Handwritten signature or mark.

Диспут состоялся в университетском городе Лейпциге, столице герцога саксонского Георга¹, который сам и устраивал его, несмотря на противодействие местного епископа. Георг был также в числе недовольных курией. Это была честная, прямая натура. Хотя и воспитанный в строгом почитании церковной традиции, он искренно стремился к уяснению истины и надеялся, что личный обмен мыслей между враждующими сторонами даст им возможность лучше понять друг друга и прийти к соглашению. Диспут начался 27 июня. Открытие его произошло с обычной торжественностью, какой отличались все теологические состязания. Но при этом, по огромному стечению народа, по напряженному ожиданию собравшихся, чувствовалось, что дело идет не о простом схоластическом турнире. Главные противники были каждый в своем роде выдающимися диспутантами. Экк славился как искусный диалектик; в этом отношении он не уступал Лютеру, а познаниями в философии и теологии, особенно же в церковной истории и церковном праве, решительно превосходил его. Зато Лютер был силен в другой области. Лютер знал Августина основательнее, чем кто-либо; кроме того, он был очень начитан, знал и других отцов церкви — восточных и западных — и благодаря 15-летнему изучению превосходно помнил соответствующие отрывки из Библии. После этого диспута появилась первая характеристика реформатора, принадлежащая одному из присутствовавших, профессору Мозеллану.

”Мартин Лютер, — пишет Мозеллан, — среднего роста, до того истощен заботами и трудами, что можно бы пересчитать все кости на его сухощавом теле; впрочем, в полной свежести и силе зрелого возраста. Голос имеет звучный и громкий. Он исполнен учености и знает в совершенстве Священное Писание, которое помнит почти наизусть. По-гречески и еврейски разумеет достаточно, чтобы судить о достоинстве толкований. Он обладает огромным запасом фактических сведений, и речь его льется свободно. В обращении он учтив и приветлив, не имеет ничего стоически сурового и напыщенного, умеет принаравливаться к лицам и обстоятельствам. В обществе он весел, шутлив и остроумен. У него всегда ясное лицо, как бы сильно ни угрожали ему противники. Трудно думать, чтобы он без благословения Божия мог предпринимать такие дивные вещи. Один лишь справедливый упрек делают ему все, а именно: он не соблюдает меры в полемике и обнаруживает больше едкости, чем это подобает теологу и учителю веры”.

Прения сначала завязались между Экком и Карлштадтом. В продолжение 4 дней оба противника диспутировали о свободе воли и отношении человека к благодати. Карлштадт, бойкий и самоуверенный на университетской кафедре, видимо, пасовал перед уверенностью и находчивостью Экка. Особенно вредила ему его слабая память, и он должен был поминутно рыться в разложенных перед ним книгах, чтобы отыскать нужный текст. Заметив эту слабую сторону, Экк потребовал, чтобы справки были запреще-

¹ Георг (1471—1539) — герцог Саксонии в 1500—1539 гг., противник М. Лютера.

ны. Спор нагнал на всех тоску, присутствующие засыпали; кончилось по обыкновению тем, что каждая из сторон осталась при своем мнении.

Но интерес собрания внезапно возрос, когда 4 июля взошел на кафедру Лютер. Эрк сразу постарался свести спор на самую жгучую тему — на вопрос о папской власти. Лютер прежде всего стал настаивать на том, что нужно еще доказать, будто власть римского папы — установление столь же древнее, как и сама церковь Христова; по его мнению, папская власть не древнее четырех столетий. Тут Эрку легко было опровергнуть его. Но когда он вслед за тем стал утверждать, что папство ведет свое происхождение от начала церкви и что все, что вне ее, достойно вечного осуждения, он сделал большую оплошность, которой Лютер и не замедлил воспользоваться. "Где в Писании, где у отцов церкви первых веков говорится о папстве? — спрашивал он. — И неужели Эрк считает подлежащими вечному осуждению всю греческую церковь и ее величайших отцов Григория Назианзина¹ и Василия Великого?"

Теперь была очередь Эрка смутиться. Но он ловко вышел из затруднения, сославшись на соборы. "В Констанце, например, было признано главенство папы: разве Лютер не признает авторитета соборов? Собор осудил Гуса, также отрицавшего безусловный авторитет папы, — признает это почтенный отец справедливым или нет?" Это была ловушка. О гуситстве в Саксонии сохранилась самая дурная память. Нельзя было спльнсе оскорбить немца, как назвав его чехом. Все это Лютер знал и потому поспешил протестовать против позорящего его сравнения. По его мнению, гуситы заслуживают порицания уж за то, что отделились от церкви. Но когда после перерыва заседание было возобновлено, Лютер твердо заявил, что в высказываниях Гуса есть такие, которые вполне согласны с Евангелием, например, что существует только одна вселенская церковь (к которой принадлежит и восточная, хотя она и не признает папы) и что вера в верховенство римской церкви не необходима для спасения. При этом он прибавил, что никто не имеет права навязывать христианину такие верования, которые чужды Писанию, и что суждение отдельного христианина должно иметь больше значения, чем мнения папы или собора, раз оно было основательно.

Момент, когда Лютер высказался подобным образом об учении Гуса, осужденном собором как еретическое, был самый важный во всем диспуте. В зале произошло сильное движение. Герцог Георг покачал головой и громко произнес проклятье. И действительно, случилось нечто неслыханное, небывалое. Противоположность двух взглядов, которые в Лейпциге существовали во всей их непримиримости, не имела ничего общего с разногласиями средневековых партий. Здесь не только подвергалась сомнению прямая преемственность пап от св. Петра, то есть прямо отрицалось историческое оправдание папской власти, но и оспаривался самый принцип авторитета. Никогда еще подобные вопросы не поднимались перед целой нацией. С этой минуты всякая надежда на примирение должна была исчезнуть.

¹ Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 330 — ок. 390) — один из отцов церкви, автор богословского сочинения, посвященного обоснованию догмата о Троице.

PAPA AGIT GRATIAS CAESARIBVS
PRO IMMENSIS BENEFICIIS.

Gros gut die Keiser han gethan
Dem Papst: vnd vbel gelegt an.
Dafür Im der Papst gedäckt hat
Wie dis bild dir die warheit sagt.
Mar. Luth. D.

А между тем сам Лютер в первую минуту даже не заметил, как далеко он зашел, и когда Экк выразил удивление, что "почтенный отец" противоречит признанному всем западным христианством Констанцскому собору, он прервал его словами: "Это неправда, я не говорил против Констанцкого собора". Но на следующий день, поразмыслив, он привел 4 тезиса Гуса, которые, по его мнению, являются вполне христианскими, хотя и осуждены собором. Правда, он все еще старался смягчить впечатление, произведенное его словами, указывая на то, что собор только отчасти признал эти тезисы еретическими, отчасти же только необдуманно, и даже выразил мысль, что они по ошибке были названы в числе еретических. Но за папством он еще раз решительно не признал божественного происхождения, разве только в том смысле, в каком он признавал его за всякой властью, например императорской. Точно так же он остался при своем мнении в том, что и собор может ошибаться.

Пять дней продолжался спор на эту тему, но, конечно, без всякого результата. Другие прения, касавшиеся чистилища, отпущения и покаяния, имели лишь второстепенное значение. 15 июля диспут прекратился, так как герцогу понадобился зал для приема гостей. Решено было, что протоколы заседаний будут переданы для произнесения приговора Эрфуртскому и Парижскому университетам. Ни тот, ни другой, впрочем, не исполнили этой задачи.

Итак, Лейпцигский диспут не только не привел к соглашению, но вскрыл непроходимую пропасть между обеими сторонами. Признав открыто Священное Писание единственным авторитетом, он тем самым отмежевался от церкви.

Приверженцы папы, уверенные в том, что Лютер окончательно погубил себя в общественном мнении, праздновали победу. Экка везде чувствовали как победителя. Лютер и сам был недоволен результатами диспута. Он говорил, что в Лейпциге время было напрасно потрачено, что Экк и лейпцигские теологи заботились лишь о внешней победе, а не о торжестве истины. Особенно он был недоволен тем, что на диспуте мало говорили о самом важном пункте его учения — об оправдании верой.

Как бы то ни было, решительное слово было сказано и Лютер не думал брать его назад. В изданном им отчете о диспуте он повторял все свои заявления, сделанные в пылу спора, с еще большей настойчивостью. Вообще, с этого времени Лютер пошел по новому пути уже без всяких колеба-

*Сатирическая листовка Мартина Лютера
об отношениях между папами
и императорами.
Рисунок Лукаса Крапах*

ний, хотя и знал, что Рим не оставит его в покос, и был готов при первом требовании курфюрста отправиться в изгнание — в Париж или к чехам. Вся страстность его натуры, вся могучая энергия, которые раньше были обращены на борьбу с внутренним врагом, с собственными греховными наклонностями, теперь обратились на борьбу с врагом внешним, с его прежними кумирами. Не довольствуясь пропагандой своих идей в проповедях и лекциях, он начинает с этих пор поразительную литературную деятельность. Сочинение за сочинением — то на латинском, то на немецком языке — выходят из-под его пера. Большинство из них полемического характера: ответы на новые нападения из римского лагеря. В этих произведениях сказывался громадный писательский талант, поразительное умение владеть словом, тот свойственный Лютеру полемический задор, та несдержанность в выражениях, которую, как мы видели, осуждал в нем уже Мозеллан. Правда, и противники его не отличались умеренностью. Литературная полемика в те времена редко обходилась без ругани, но Лютер в этом отношении превзошел всех. Он сам сознавал в себе этот недостаток и оправдывал его своей горячностью.

”Не могу, — пишет он Спалатину, — отрицать, что я более резок, чем следует, но ведь мои противники отлично знают это — зачем же они дразнят собаку?.. Оттого-то я и неохотно выступаю на арену, но чем мне это неприятнее, тем более я увлекаюсь против своего желания, и это по милости гнуснейших обвинений, которые они возводят на меня и слово Божье. Что ты думаешь о Христе? Разве Он сквернословил, когда называл иудеев прелюбодеями и змеиным отродьем, ханжами, детьми дьявола? Или апостол Павел, называвший их собаками, соблазнительями и т. п.? Почему же Павел не прибегает к лести, чтобы обратить ложного пророка, а мечет громы?..”

О смутах, о гибельном расколе в церкви, которые могут возникнуть благодаря его пропаганде, он более не думает. Напрасно при дворе стараются удержать его от новых шагов. Всякий раз, когда Спалатин именем курфюрста просит его не печатать нового воинственного сочинения, он получает ответ, что уже поздно, что корректурные листы уже отпечатаны и разошлись по рукам. Монах в реформаторе замолк: Лютера не пугают более никакие последствия. ”Заклинаю тебя, — отвечает он на опасения Спалатина, — если ты предан Евангелию, то не должен думать, будто можно вести его дело без смут, соблазнов и возмущения. Нельзя сделать из меча — перо, из войны — мир. Слово Божье — это меч, война, разрушение, соблазн, гибель, яд...”

Тон, очевидно, совершенно новый. И причину его следует искать не в одном только внутреннем освобождении Лютера от сдерживавших его уз. Дело в том, что, когда реформатор заговорил новым языком, он имел уже союзников, с которыми мог спокойно ожидать громов римского престола.

IV

ЛЮТЕР — РЕФОРМАТОР ГЕРМАНИИ

”Я был один и лишь по неосторожности вовлечен в это дело”, — писал Лютер о том времени, когда он вступил в борьбу с Тецелем. Не прошло, однако, и двух лет, как все совершенно переменялось. Теперь Лютер не стоял один на арене борьбы: за него и его дело ломала копыя целая толпа ученых и богословов. Многочисленные типографские станки были заняты печатанием произведений его сторонников, распространявших его идеи и прославлявших его на разные лады. Его собственные латинские сочинения немедленно переводились на немецкий язык, а о сочинениях, написанных им прямо для народа, по-немецки, и говорить нечего — они покупались нарасхват и обогащали книгопродавцов. Воодушевление нации все росло, по мере того как Лютер приближался к разрыву с Римом, и в неудержимом потоке увлекало его самого.

Особенно важное значение имело для Лютера его сближение с гуманистами. Вначале, когда только появились его тезисы, последние отнеслись к ним довольно индифферентно. Один из наиболее видных представителей гуманизма, Гуттен¹ отозвался о споре Лютера с Тецелем так же, как Лев X: он назвал его ссорой двух монахов и выразил желание, чтобы обе враждующие стороны взаимно перегрызли друг друга. Вообще, религиозно-догматическая точка зрения, на которой стоял Лютер, была чужда этим свободомыслящим людям. Да и самое учение Лютера о несвободе воли, об испорченности человеческой природы шло вразрез с гуманистическим мирозерцанием, которое явилось плодом изучения классической древности и в котором как будто возродились идеалы гордого, свободолюбивого и уверенного в своих силах языческого мира.

Однако гуманисты поняли, куда ведет протест виттенбергского монаха, и один за другим стали переходить на его сторону. Одним из первых заинтересовавшихся новым учением был молодой, только что приглашенный в Виттенберг на кафедру древних языков Филипп Меланхтон², ставший скоро главным сподвижником реформатора, а после смерти Лютера — его преемником и продолжателем. Несмотря на свою молодость, Меланхтон слыл уже одним из главных светил среди гуманистов. Это был блестящий, необыкновенно рано развившийся ум. В двенадцать лет он поступил в Гейдельбергский университет, в четырнадцать имел степень бакалавра. В 1512 году Рейхлин, принявший под свое покровительство рано осиротевшего мальчика, отправил его в Тюбинген, где было много выдающихся ученых. Здесь Меланхтон проходил одновременно курсы теологии, медицины

¹ Гуттен, Ульрих фон (1488—1523) — немецкий гуманист и политический мыслитель, идеолог рыцарства и один из руководителей рыцарского восстания 1522—1523 гг.

² Меланхтон, Филипп (настоящая фамилия Шварцерд, 1497—1560) — немецкий гуманист и богослов, профессор греческого языка в Виттенбергском университете, ближайший соратник и друг Лютера.

и юриспруденции; не было такой отрасли знания, которой бы он не интересовался. В 1514 году, семнадцати лет от роду, он был уже доктором философии и читал лекции, привлекавшие массу слушателей, а в двадцать один год был приглашен Фридрихом Мудрым в Виттенберг на вакантную тогда кафедру древних языков. Первое впечатление, произведенное Меланхтоном на своих коллег, было невыгодное и совершенно не соответствовало ожиданиям. Профессора увидели перед собой совсем еще молодого человека, который казался даже моложе своих лет, маленького, тщедушного, невзрачной наружности, робкого и с виду совершенно ничтожного. Но зато когда спустя 4 дня (29 августа 1518 года) этот невзрачный юноша прочел, в присутствии всего университета, свою первую вступительную лекцию, в которой излагал программу гуманистического образования, все были поражены. В короткое время "маленький грек", как прозвал его Лютер, сделался самым популярным профессором; слава его привлекала в Виттенберг студентов со всех концов Европы, так что иногда в аудитории собиралось до двух тысяч человек. Его лекции греческого языка, в которых он объяснял Гомера и послания апостола Павла, посещались даже многими профессорами, в том числе и Лютером, отзывавшимся о нем с непритворным восхищением. Со своей стороны Меланхтон скоро увлекся учением реформатора и содействовал его распространению. Особенно сблизил их Лейпцигский диспут, на котором присутствовал и Меланхтон. Между ними весьма скоро завязались самые дружеские отношения, не прекращавшиеся до самой смерти Лютера, несмотря на все различие их характеров и темпераментов. И действительно, трудно представить себе людей, более непохожих друг на друга. Один — весь порыв, непосредственность, смелость и настойчивость, доходящая подчас до слепого упрямства. Другой — мягкий, кроткий, сдержанный и уступчивый. Но это различие характеров, может быть, больше всего и скрепляло их дружбу, так как оба прекрасно дополняли друг друга. Лютер одушевлял Меланхтона, внушал ему больше уверенности, Меланхтон сдерживал горячность Лютера, сглаживал его шероховатости. Для реформатора он был незаменимым сотрудником. Не будучи сам выдающимся теологом, Меланхтон мог, однако, предоставить к услугам своего друга обширную эрудицию гуманиста, изящный латинский стиль и — что всего важнее — систематизирующий ум, благодаря которому он сделался первым систематиком протестантизма. Лютер метко охарактеризовал свою роль и роль своего главного сподвижника в деле реформы: "Мне самому приходится выдергивать пни и колоды, обрывать шипы, осушать трясины; я — грубый дровосек, прокладывающий дорогу, но мейстер Филипп работает чистенько и тихонько, обрабатывает и насаждает, сеет и орошает, ибо Бог щедро одарил его".

*Филипп Меланхтон.
Гравюра А. Дюрера*

1526
VIVENTIS·POTVIT·DVRERIVS·ORA·PHILIPPI
MENTEM·NON·POTVIT·PINGERE·DOCTA
MANVS

AD

Меланхтону в значительной степени Лютер обязан был и своим сближением с гуманистами. Пример его подействовал заразительно на других молодых гуманистов, так называемых "поэтов", которые также стали изучать Новый Завет и проявили небывалый интерес к вопросам теологии. Сам Эразм Роттердамский, которому Лютер по совету Меланхтона написал весьма почтительное письмо, отнесся очень сочувственно к идеям, высказанным в тезисах, и при случае давал о них благоприятные отзывы, хотя и не скрывал своих опасений, как бы смута, возбужденная Лютером, не повредила "благородным наукам". Хотя Эразм также искренно стремился к очищению церкви, к поднятию религиозно-нравственной жизни, однако забота о гуманистическом образовании всегда стояла у него на первом плане. Враг всякого насилия, он был уверен, что умственное развитие само по себе способно освободить людей от всякого зла и что реформы, которых он желал, совершатся, хотя и медленно, но неизбежно, по мере того как будет расширяться горизонт человеческих знаний.

Но еще важнее было для Лютера его сближение с другим знаменитым гуманистом, Ульрихом фон Гуттенем, привлечшим на сторону реформатора всю национально-политическую и социальную оппозицию XVI века. В сущности, в реформационном движении Гуттен играл почти такую же роль, как Лютер. В то время как последний — представитель религиозной реформы, первый — вождь политической и социальной революции.

Личность Гуттена одна из наиболее интересных в эту эпоху. Происходя из старинного, но обедневшего рыцарского рода, Гуттен с юных лет ненавидел монахов. Дело в том, что отец его, вероятно, вследствие какого-нибудь благочестивого обета отдал его еще мальчиком в Фульдский монастырь, где он должен был учиться и принять духовный сан. Но живой, любознательный юноша совершенно не разделял планов отца и в шестнадцать лет, познакомившись с гуманистом Кротом Рубианом¹, бежал при его содействии из монастыря. С тех пор для него началась тяжелая скитальческая жизнь. Без всяких средств к жизни, терпя вечно голод, болезни, лишения всякого рода, но поддерживаемый горячей любовью к знанию, Гуттен обошел в качестве странствующего студента многие земли, побывал почти во всех университетах Германии и Италии и в совершенстве усвоил классические знания и легкую грацию классического стиля. С любовью к науке в нем соединялся пламенный патриотизм, и Гуттен ревниво оберегал честь и независимость родной нации. В Италии этот патриотизм нашел себе новую пищу. Здесь Гуттен столкнулся лицом к лицу с исконным врагом германской нации — с папством, обратившим Германию в дойную корову и употреблявшим выжимаемые из нее деньги на борьбу с ее же императором. Здесь же он познакомился с глубоким упадком нравов, царившим в столице духовной державы, под гнетом которой томилось его отечество. С тех пор основным мотивом его политических и публицистических произ-

¹ Крот Рубиан (настоящие имя и фамилия Иоганн Егер, 1480—1540) — немецкий гуманист, один из авторов "Писем темных людей" (1515—1517).

ведений является едкая сатира на нравы духовенства и пылкий призыв к освобождению от Рима. Впрочем, был еще один предмет, весьма близкий сердцу Гуттена, — это интересы его собственного рыцарского сословия, все более и более приходившего в упадок вследствие возрастающего могущества князей и городов. К последним он относился особенно враждебно и в процветании их видел лишь торжество торгашеского духа. Вообще, Гуттен, при всем благородстве своих стремлений и любви к науке, всегда оставался настоящим средневековым рыцарем и никак не мог примириться с теми новыми порядками, которые были с таким трудом водворены в Германии для обеспечения мира и безопасности. Каждый раз, когда он считал себя оскорбленным или замечал какое-нибудь нарушение справедливости, он прибегал к обычным аргументам кулачного права.

Таким образом, еще раньше, чем Лютер выразил свой первый протест против искажения догмы церковью, Гуттен стоял уже во главе партии, которая, наряду с довольно туманными позитивными задачами политического переустройства Германии, преследовала самые недвусмысленные антиримские тенденции. Едкие сатирические памфлеты Гуттена ходили по рукам и будили ненависть к римской курии. В 1517 году он нанес последней довольно чувствительный удар изданием найденной им рукописи знаменитого, давно уже умершего итальянского гуманиста Лоренцо Валла о так называемом "Даре Константина", где раскрывалась подложность эдикта, по которому император будто бы подарил папе Рим, Италию и даже весь Запад. Влиянию Гуттена и его единомышленников следует приписать отчасти и тот неожиданный отпор, который встретили папские притязания на Аугсбургском сейме.

Тем не менее в своей борьбе с общим врагом Гуттен и Лютер до сих пор шли каждый своей дорогой, совершенно не заботясь друг о друге, даже не подозревая о своей солидарности. Первым обратил внимание на это обстоятельство известный уже нам друг Гуттена, Крот Рубиан, один из авторов "Писем темных людей". Со времени Лейпцигского диспута он проникся восторженным удивлением к мужественному монаху и в пламенных выражениях стал увещевать своих друзей и единомышленников открыть глаза на движение, вызванное Лютером, и понять, что дело его может иметь великое значение для освобождения умов от той тьмы, с которой они все борются. По его настоянию Гуттен решился наконец поближе познакомиться с сочинениями монаха и воспринял их также с удивлением и восторгом. Он понял наконец, что дело виттенбергского монаха есть чисто народное дело и что только с его помощью римский вопрос может разрешиться. Он сам обращается к изучению Священного Писания и начинает цитировать из него тексты; он переходит также к употреблению немецкого языка в своих сочинениях, и, наконец, в письме от 4 июня 1520 года он обращается к Лютеру, предлагая ему союз и поддержку от себя и от имени своего друга Франца фон Зиккингена, которого он также склонил на сторону нового учения.

Необходимо заметить, что на последнего партия Гуттена возлагала большие надежды. В лице Франца фон-Зиккингена, пользовавшегося огромным влиянием среди своего сословия, национально-гуманистическая оппозиция заручилась содействием всего рыцарства. Зиккинген, так же как и Гуттен, глубоко скорбел об упадке своего сословия и рассчитывал, что император наконец поймет всю выгоду союза с рыцарями и с их помощью не замедлит сбросить с себя иго Рима и смирить слишком зазнавшихся светских и духовных князей. Теперь, узнав от Гуттена об опасности, грозящей Лютеру со стороны Рима, он предложил ему убежище в своих укрепленных замках на случай, если ему придется оставить Виттенберг. Точно такое же приглашение получил Лютер от другого рыцаря, Сильвестра фон Шауенбурга, который также просил его не удаляться на чужбину, предлагая свою помощь и помощь ста храбрых рыцарей, заключивших между собой союз с целью оберегать его от всяких опасностей, пока дело его не будет решено окончательно.

Эти письма особенно подняли дух Лютера. Теперь ему нечего было бояться отлучения, незачем было отправляться в изгнание: целое сословие, обладавшее материальной силой, готово было принять его под свое покровительство. Общение с Гуттеном повлияло на Лютера еще в одном отношении. Он обратил наконец серьезное внимание на политические настроения в Германии. Впечатления, вынесенные им из Аугсбурга и еще раньше из путешествия в Рим, ожили с удвоенной силой и придали новую окраску его произведениям. Теперь вместе с Гуттеном он также заговорил в патриотическом тоне и обратил свои надежды на светскую власть, которую и стал призывать к реформе. Еще 15 января 1520 года Лютер в письме к новоизбранному императору¹ объявлял, что хочет умереть верным и послушным сыном церкви и готов подчиниться решению всех незаинтересованных в его учении университетов. Но в феврале, получив приглашение Шауенбурга и пересылая его Спалатину, он уже пишет:

”Для меня жребий брошен. Я презираю ярость римлян, как и их благосклонность. Я не хочу во веки веков ни примириться с ними, ни иметь с ними что-нибудь общее. Пусть осуждают и сжигают мои книги; в возмездие за это я осуждаю и публично сожгу все папское право, эту Лернейскую гидру ереси”. А в другом месте: ”Сильвестр Шауенбург и Зиккинген избавили меня от страха перед людьми. Теперь я ничего не боюсь и издаю уже книгу на немецком языке против папы, об улучшении христианского общества...”

Эта книга, появившаяся в начале августа 1520 года, адресованная ”Его императорскому величеству и христианскому дворянству немецкой нации”,

¹ В июне 1519 г. императором Священной Римской империи под именем Карла V был избран внук императора Максимилиана I Габсбурга. В 1516 г. он унаследовал от своего другого деда, Фердинанда V Арагонского, испанский престол под именем Карла (Карлоса) I (дочь Изабеллы Кастильской и Фердинанда V Арагонского Хуана Безумная была замужем за сыном Максимилиана эрцгерцогом Филиппом Красивым).

— настоящий военный манифест лютеро-гуттеновской революционной партии.

“Пора молчания прошла; теперь настало время говорить!” — восклицает Лютер, посвящая новое произведение своему коллеге Амсдорфу. И действительно, более энергичного, более вдохновенного языка нельзя и представить себе. Послание к дворянству — это целая программа преобразований не только церкви, но и государства. Цель его — освободить Германию от постыдного ига, возбудить в ней стремление к самостоятельной жизни, доказать, что ее зависимость от Италии не следствие исторической необходимости, а добровольно возложенное на себя иго.

“Романисты, — говорит Лютер в введении к главной части послания, — чтобы помешать реформе церкви, окружили себя тройными стенами: когда реформы требуют светские государи, они отвечают, что светская власть не имеет права вмешиваться в церковные дела и что власть духовная стоит выше ее; если реформы требуют на основании Священного Писания, они возражают, что право толковать Писание принадлежит одному только папе; если же, наконец, им угрожают собором, то они отвечают, что только папа имеет право созывать соборы и руководить ими”.

Но эти “картонные и соломенные” стены не останавливают Лютера — одна за другой они должны обрушиться под натиском его принципа всеобщего священства христиан.

По мнению Лютера, все члены церкви, духовные и миряне, имеют одинаковые права, как христиане; все приобретают в крещении духовное звание, и так называемое духовенство отличается от мирян только тем, что оно избрано “ведать в общине слово Божье и таинства”. Таким образом, все различие между теми и другими заключается только в должности, и если священник почему-либо отставлен от своей должности, то становится таким же крестьянином или бюргером, как и другие. А из этого следует, что духовенство не должно иметь никаких особых преимуществ, ни особенной святости, ни собственной юрисдикции, ни неподсудности светской власти; последняя должна быть свободна в своей сфере, и никакой папа или епископ не имеет права мешать ей.

Тем же положением о всеобщем священстве христиан разрушается вторая стена. Так как папа в духовных делах не стоит выше, чем всякий другой истинный христианин, то и последний может понимать Священное Писание не хуже его, и наоборот, папа, если он дурной христианин, не поймет смысла Писания. А затем третья стена падает уже сама собой. В тех случаях, когда папа поступает вразрез со Священным Писанием, община должна сама вмешаться в дело, а община или христианство должны быть представлены в соборе. Собор же, как это было с Никейским собором и другими, должен быть созван императором, а в случае необходимости всяким, кто только имеет соответствующую власть. Относительно вопроса о том, как должен быть составлен собор, Лютер не вдается в подробности, но зато в 26 параграфах перечисляет пункты, которые подлежат его обсуждению и требуют реформы. Так, он особенно энергично восстает против

светской политики и роскоши пап, величающих себя наместниками Христа, хотя Господь странствовал по земле в бедности и говорил, что царство Его не от мира сего. При этом он рисует всю сложную сеть злоупотреблений и вымогательств, с помощью которых папы удовлетворяют свои прихоти. Он восстает против аннатов, паллиев, против присяги епископов, благодаря которой они становятся в рабскую зависимость от Рима, симонии (продаже и покупке церковных должностей) и других злоупотреблений. Для искоренения их Лютер советует даже не дожидаться собора. Всякий светский владелец должен сам отменить их в своих владениях. Вообще, Лютер, как и Гуттен, хочет, чтобы отдельные церкви, в особенности немецкая, самостоятельно управляли своими делами. Немецкие епископы должны подчиняться избранному из их среды примасу, при котором находится общая консистория, куда поступают апелляции из всех немецких земель. Папе Лютер готов уступить лишь высшее место в общей христианской церкви; его суду подлежат важные вопросы, относительно которых примасы не могут прийти к соглашению.

Переходя к реформе церковно-нравственных порядков, Лютер прежде всего требует уничтожения безбрачия духовенства. Монашество должно быть по крайней мере ограничено. Лютер хотел бы, чтобы аббатства и монастыри были превращены в христианские школы и чтобы монахам было предоставлено право выходить из монастырей. В связи с этим он требует отмены обязательности постов, противоречащей христианской свободе, отмены многочисленных праздников, способствующих праздности, пьянству, игре, запрещения пилигримств, из-за которых богомольцы проживают в чужих краях последние деньги, оставляя дома голодающую семью. Особенную заботу он проявляет о бедных: нищенство должно быть запрещено, каждый город обязан заботиться о своих бедных и не допускать чужих. Лютер требует также реформы университетов, до сих пор, подобно низшим школам, находившихся в подчинении у церкви, причем восстает против возрастающего влияния римского права. Он желает, чтобы были учреждены школы не только для мальчиков, но и для девочек. Наконец, он затрагивает вопрос о гуситах, советуя бросить прежнюю вражду к ним. Относительно Гуса он замечает, что если бы даже он был еретиком, то и еретиков следует побеждать Писанием, а не огнем, иначе палачи были бы самыми учеными теологами в мире.

Недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на этом замечательном произведении, в котором реформатор с ловкостью настоящего дипломата сумел разбросать приманки для всех сословий. В сущности, программа Лютера мало отличается от предложений на Аугсбургском и других сеймах. Но новое обоснование старых требований, искренний и вдохновенный тон автора придавали его произведению особенную значительность. Поэтому нетрудно представить себе тот иступленный восторг, который вызвало послание к дворянству во всех слоях общества. Все сословия находили свои выгоды в предлагаемом здесь плане преобразований. Высшему духовенству он развязывал руки, освобождая его от тягост-

ной опеки римской курии, владетельным князьям и могучим дворянам возвращал права покровительства над духовными ленами¹, обедневшим дворянам средней руки давал некоторым образом право на богатые имения духовенства, пожертвованные некогда их предками в пользу монастырей, а с низшего сословия слагал разом невыносимое бремя поборов в пользу папской казны. Лютер сразу сделался народным героем, немецким пророком. Даже те, которые раньше пугливо отворачивались от него как от еретика, теперь были увлечены, покорены его патриотическим тоном.

Если обращение к дворянству заключало в себе программу церковной и общественной реформы, то в вышедшем вслед за тем латинском сочинении "О вавилонском пленении церкви" Лютер подвергает радикальной реформе догматическую сторону католицизма. Лютер сокращает число таинств и указывает их истинное значение. Он признает только три таинства — крещение, причащение и покаяние (впоследствии он сохранил только первые два). Говоря о причастии, он отвергает католическое учение о транс-субстанции, настаивая на буквальном смысле слов: "Сие есть тело мое" и т. д. Брак он считает гражданским установлением, а требования чувственности признает вполне законными, причем с почти античной непринужденностью допускает даже в некоторых случаях возможность бигамии. Впрочем, эти вольности, вызвавшие большие нарекания, были вычеркнуты из позднейших изданий.

Эти два сочинения завершают разрыв Лютера с римской церковью. Хотя в глазах многих современников и отчасти в его собственных разрыв с папством все еще был яснее, чем разрыв с самой церковью, но люди более проницательные не могли теперь не заметить, что Лютер восстает уже не против одних только искажений догмы и злоупотреблений курии, но против самих основ и сущности римского католицизма. В то же время изменился и самый характер борьбы с Римом. Если вначале реформатор только желает указать душам истинный путь к спасению и сражается за свое учение лишь с помощью слова, то теперь он ждет уничтожения антихристианских установлений уже не от самой церкви, а призывает к этому светскую власть. На этой стадии своего развития Лютер является не только реформатором, но и революционером, хотя, конечно, слово "революционер" не следует понимать в современном значении этого слова. Революция, которую проповедовал он, должна была начаться не снизу, а сверху, так как он хотел, чтобы реформу церкви взяло в свои руки правительство.

А что же делал в это время Рим? Почему церковь, до сих пор не церемонившаяся с еретиками, медлила обратиться к своему последнему и неотразимому аргументу — к церковному отлучению и проклятию? Объясняется это очень просто. Дело в том, что внезапная смерть Максимилиана в 1519 году и образовавшееся междуцарствие дали возможность

¹ Лен — в средние века в Западной Европе наследственное земельное владение, пожалованное крупным феодалам вассалу при условии несения военной службы, участия в суде и т. п., а также уплаты установленных обычаем взносов.

*Аллегория на выступление Лютера
против отлучения его от церкви.
Старинная гравюра*

курфюрсту Фридриху главенствовать в Германии, а этот государь так открыто выказывал свои симпатии к еретик-монаху, что римским политикам волей-неволей приходилось сдерживаться. Однако после Лейпцигского диспута Лютер так быстро и решительно порывал одну за другой все нити, еще связывавшие его с Римом, что дальнейшая снисходительность становилась уже опасной. Доктор Экк сам поехал в Рим, чтобы выхлопотать буллу против своего противника, и сам же привез ее в Германию. Но оказалось, что благоприятное время было упущено, булла явилась слишком поздно.

Книга "О вавилонском пленении церкви" вышла в свет в начале октября, но Лютер еще раньше знал, что Экк приехал с буллой против него: 21 сентября она была уже открыто вывешена в Мейсене. Папа, осудив учение Лютера как еретическое, давал ему 60 дней срока, чтобы одуматься и отречься от этого учения. В то же время Мильтиц — по-видимому, уже на

свой страх — не переставал хлопотать о мирном соглашении. Он уверял Лютера, что если он напишет папе, что ничего не имеет против его личности, то последний возьмет буллу назад. Чтобы исполнить желание друзей, Лютер согласился на этот шаг, хотя и не придавал ему никакого значения. Открытое письмо к Льву X было помечено числом, предшествующим обнародованию буллы, как будто он и не знал о ее существовании, но по своему содержанию и тону не имело уже ничего общего со смирением. Оно является скорее прощальным посланием, чем попыткой к примирению. Правда, Лютер уверяет, что никогда не высказывался лично против Льва X, что было действительно верно; но в то же самое время он говорит ему прямо в лицо самые резкие упреки по поводу образа действий папского престола. "Он сам, папа, — пишет Лютер, — должен признаться, что этот престол хуже и гнуснее Содома и Гоморры". Лютер уверяет, что желает папе всего лучшего, поэтому советует ему отказаться от своей власти и довольствоваться маленьким приходом или жить доходами со своего отцовского наследия.

К этому письму Лютер присоединил небольшую, только что вышедшую из-под его пера книжку под заглавием: "О свободе христианина". Это не полемическое сочинение, а небольшой богословский трактат, предназначенный для массы. Лютер излагает здесь всю "сумму христианской жизни". Он выдвигает два положения: 1) Христианин есть свободный властелин над всем и никому не подчинен и 2) христианин всем слуга и всякому подчинен. Дело в том, что христианин вмещает в себе двоякое естество — духовное и телесное. Верой в Христа, а не добрыми делами этот внутренний духовный человек достигает спасения. Оправданный таким образом христианин не нуждается уже ни в каких внешних актах, ничто не может ему повредить, и он сам становится господином всего. Но христианин не только "духовный и внутренний" человек, но и телесный и наружный, поэтому он должен смирять свою плоть и творить добрые дела; и как Христос, живя среди людей, унижал себя и служил людям, так и он должен сделаться рабом людей и служить им — не ради спасения, чтобы угодить Богу, ибо спасение дается только верой, а добровольно, в силу любви, проистекающей из веры.

К замечательному прощальному посланию к папе эта книжка была не менее замечательным приложением. Ею реформатор хотел показать папе, какого рода работами он занимался бы охотнее всего, если бы "безбожные льстецы папские" ему не мешали. И действительно, после прежних страстных полемических и обличительных трудов эта книжка особенно поражает своей спокойной задушевностью. Вместе с посланием к дворянству и "Вавилонским пленением церкви" она является одним из главных реформационных произведений Лютера.

Что касается буллы, то Лютер вначале делал вид, что считает ее подложной; но скоро написал сочинение "Против буллы антихриста" и возобновил свою апелляцию к свободному христианскому собору, в котором, по его мнению, должны были заседать не только духовные лица, но и миряне.

*Лютер сжигает в Виттенберге папскую буллу.
Гравюра из исторической хроники Готфрида*

Рядом с ним Гуттен бурно призывал нацию к всеобщему восстанию против римской тирании. Из Эбернбурга, замка Зиккингена, где Гуттен устроил свою собственную типографию, он высылал одно за другим горячие воззвания к императору, князьям, духовенству, ко всем "свободным чадам немецкой земли". Здесь вышла знаменитая "Булла ревущего Льва" с язвительными примечаниями Гуттена и с предисловием к возлюбленным немцам: "Меч папский, — говорилось в нем, — повис над головой не одного Лютера, а всего народа; его дело есть дело всей Германии".

Результаты этой агитации сказались в том приеме, который был оказан булле. Только немногие правительства согласились опубликовать ее при явном недовольствии народа. Курфюрст Фридрих наотрез отказался ис-

полнить волю папы, пока не будет доказана виновность Лютера беспристрастными судьями. Видя такое настроение народа, Лютер решился на неслыханный шаг: 10 декабря 1520 года торжественное шествие из студентов и профессоров, приглашенных реформатором, направилось к Эльстерским воротам Виттенберга, и здесь папская булла, предшественницы которой не раз свергали с престола гордых королей и бросали в пламя смелых новаторов, была истреблена огнем при восторженных возгласах собравшейся толпы. Этим актом разрыв с Римом был оповещен всему миру.

Итак, средство, столько раз успешно практиковавшееся церковью, оказалось недействительным. Проклятие церкви не лишило еретика народных симпатий, и смелость его только возрастала, по мере того как Рим обнаруживал свое бессилие. Оставалось одно — обратиться за помощью к высшей власти в империи.

Но на нее же возлагала свои надежды и партия Лютера. Положение вещей было таково, что Лютер мог писать в ответ на призыв Гуттена к насильственным действиям: "Я не хотел бы, чтобы боролись за Евангелие насилием и убийством. Словом побежден был мир, словом была создана церковь, словом она опять будет восстановлена".

И в самом деле, если внимательно присмотреться к тем факторам, которые участвовали в движении против церкви, то надежда реформатора на то, что реформа совершится только силой слова, без кровавой борьбы и насильственных переворотов, покажется нам вполне основательной. Ведь с тех пор, как появились знаменитые тезисы, движение успело принять такие размеры, каких никто и не ожидал вначале. Самый могущественный и влиятельный из немецких князей явно сочувствовал делу Лютера и не обращал внимания на папские протесты. Дворянство и городское сословие, среди которых проповедь реформатора имела особенный успех, были хорошо представлены в сеймах. Из духовных князей архиепископ Магдебургский и Майнцкий, который более всего должен был считать себя задетым проповедью Лютера против индульгенций, сохранял двусмысленно-выжидательное положение и, по-видимому, не прочь был занять место примаса в национальной германской церкви. Старые жалобы сеймов на церковные злоупотребления раздавались теперь особенно громко и настойчиво. Таким образом, сейм мог взять в свои руки церковную реформу, а епископат сделал бы со своей стороны необходимые изменения в богослужении.

Все зависело от того, как отнесется к религиозному движению в Германии новый император Карл. Никто еще не знал его образа мыслей и характера. Тем не менее приверженцы реформы возлагали на него большие надежды, так как он, по-видимому, питал большое доверие к Фридриху Мудрому, содействовавшему его избранию, и выражал желание руководствоваться его советами. Кроме того, — и это самое важное — собственные политические интересы должны были побудить императора принять сторону Лютера против папы. Вспомним, что Рим в течение последних десятков лет стал более чем когда-либо светским государством и в силу собственных политических интересов всегда поддерживал Францию. Новое движение

против курии могло оказать императору большие услуги, и это понимали многие при мадридском дворе: 12 мая Мануэль, поверенный Карла V, писал ему: "Ваше Величество должны поехать в Германию и там оказать некоторую благосклонность некоему Мартину Лютеру, который находится при саксонском дворе и предметом своей проповеди внушает опасение римскому двору".

Но надежды приверженцев реформы, несмотря на всю их основательность, не оправдались. Проповедью Лютера император действительно воспользовался, но совершенно в другом смысле, чем они ожидали.

Карл, несмотря на свое немецкое происхождение, не имел в себе ничего немецкого — он даже плохо говорил на этом языке, и вся национальная сторона движения не находила в его душе никакого отклика. К тому же он был воспитан в строго католическом духе. Свое правление он мыслил не иначе как в тесной связи с единством церкви, которую он считал своим долгом поддерживать при любых обстоятельствах, все равно, какова бы ни была церковь сама по себе. "Папство и императорская власть, — говорил Карл, — установлены Богом, как две высшие власти, долженствующие идти рука об руку". Таким образом, с его стороны не могло быть и речи о разрыве с Римом. Проповедь Лютера сослужила ему, однако, свою службу. Обещанием уничтожить ересь в Германии он добился от папы обещания помощи в предстоявшей войне с Францией. В сущности, Карл принял решение по делу Лютера еще раньше, чем состоялся сейм, на котором он должен был по приезду обсуждать с имперскими чинами важнейшие дела Германии. И только благодаря заступничеству Фридриха и давлению общественного мнения Карл наконец согласился пригласить Лютера в Вормс, и то лишь для того, чтобы предложить ему отречься от своего учения.

Лютер с радостью принял это приглашение. Он горел желанием засвидетельствовать перед лицом всей Германии истину своего учения. Ни предостережения друзей, опасавшихся за его жизнь, ни угрозы врагов не могли поколебать его решимости. Когда на последней остановке перед Вормсом Спалатин советовал ему вернуться назад, напоминая об участии Гуса, Лютер отвечал: "Гус был сожжен, но истина не погибла с ним. Я пойду вперед, хотя бы в меня целилось столько дьяволов, сколько черепиц на крышах".

На самом деле путешествие отлученного от церкви еретика походило на настоящее триумфальное шествие. Впереди Лютера ехал посланный за ним императорский герольд; по пути к нему присоединялись многие друзья. Во всех городах, через которые он проезжал, народ толпами выбегал ему навстречу, горя желанием увидеть человека, осмелившегося бросить перчатку римскому колоссу. Особенно блестящий прием был оказан Лютеру в Эрфурте. Весь состав университета вышел ему навстречу за две мили от города; его приветствовали речами и стихотворениями. В самом Вормсе, куда он прибыл 10 апреля, народ встречал его с бурным энтузиазмом.

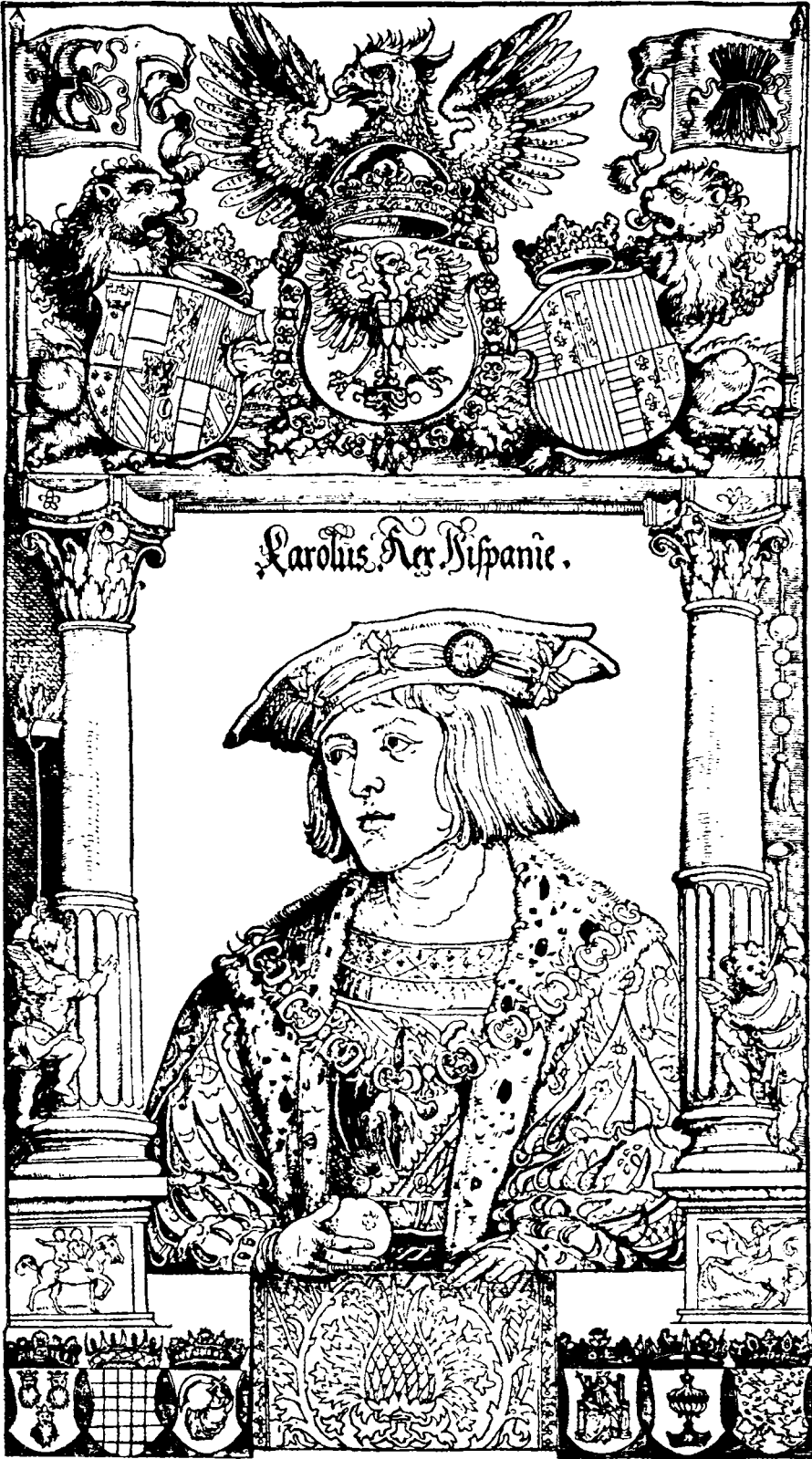
На следующий день Лютер был приглашен на собрание сейма, и тут только он узнал, что ему не дадут возможности публично защищать

свое учение. Это обстоятельство и подавляющее впечатление, которое должно было произвести на непривычного к свету монаха блестящее собрание высших сановников империи, на короткое время как будто поколебало его мужество. Он был смущен, говорил тихо, едва внятно. Ему предложили только два вопроса: признает ли он все перечисленные тут сочинения своими и хочет ли отречься от них? На первый вопрос он ответил утвердительно, а для ответа на второй вопрос, ввиду его важности, попросил дать ему время на размышления. Император согласился ждать до следующего дня.

Но когда на следующий вечер он снова явился в собрание, в тоне его уже не было заметно ни малейшего смущения и колебания. На этот раз вчерашний вопрос был предложен ему в более мягкой форме: хочет ли он защищать все свои сочинения или готов отказаться от некоторых пунктов своего учения? На это Лютер отвечал решительно и ясно: в некоторых из своих книг он излагает такие евангельские истины, которые признаются и его врагами; от них он, конечно, отказаться не может. В других он нападает на превратное учение и законы папства. Никто не станет отрицать, что они насиляют совесть христиан и поглощают все богатство германской нации: если он отречется от этих книг, то станет сам пособником тирании и алчности. И, наконец, он нападает на отдельных лиц, защищающих эту тиранию; он сознается, что в своей полемике с ними бывал часто более резок, чем подобало, но и от этих сочинений отречься не может, так как это приведет к торжеству противную сторону. Он готов отказаться от своего учения лишь в том случае, если ему докажут его ошибочность на основании Священного Писания. Речь Лютера разрослась в настоящий обвинительный акт против папства. Он закончил просьбой, обращенной к императору и нации, не осуждать божественного слова, чтобы не навлечь на себя много бед и не омрачить нового правления таким зловещим началом.

После небольшого перерыва, во время которого происходили совещания о том, следует ли дать Лютеру возможность защищать свое учение, представитель Трирского архиепископа сказал ему от имени императора о неприличии его речи и потребовал ясного, категорического ответа на предложенный раньше вопрос. Вступать с ним в состязание и доказывать ошибочность его мнений нет никакой надобности, так как они давно уже осуждены Констанцским собором. Если же он откажется от ереси в целом, то об отдельных пунктах его учения будет возможно потолковать.

На это Лютер отвечал: "От меня хотят прямого, ясного и категорического ответа. Хорошо, я отвечу вам прямо. Я не могу подчинить своей веры ни папе, ни соборам, ибо ясно, как день, что они часто впадали в заблуждения и даже противоречия с самими собою. Поэтому если меня не убедят свидетельствами из Священного Писания или очевидными доводами разума, если меня не убедят теми же текстами, которые я привел, и если таким образом мою совесть не свяжут словом Божьим, то я не могу и не хочу отказываться ни от чего, ибо не подобает христианину поступать против вести. Я весь тут перед вами. Я не могу иначе. Бог да поможет мне. Аминь".

Carolus Rex Hispanie.

Речь Лютера, которую он произнес на латинском языке, а потом повторил по-немецки, произвела на присутствующих совершенно различное впечатление. Испанцы не могли понять, как мог этот незначительный человек, обнаруживший в своей речи так мало учености, произвести в Германии столь сильное впечатление, а Карл, как передают, заметил вслух: "Меня-то, по крайней мере, этот монах не сделает еретиком". Но немецкие князья, Фридрих Мудрый, Эрих Брауншвейгский и Филипп Гессенский¹, видимо, гордились своим мужественным соотечественником.

Дело, однако, на этом не кончилось. Большинство имперских чинов, желавших церковной реформы, не могло мириться с безусловным осуждением человека, который являлся таким красноречивым и мощным выразителем всеобщих стремлений, и готово было взять его под свое покровительство с одним условием — чтобы он отказался от тех положений, которые противоречили постановлениям Констанцского собора и неминуемо вели к расколу в церкви. Была назначена даже комиссия из высших светских и духовных лиц под председательством одного из курфюрстов, архиепископа Трирского, чтобы склонить Лютера к уступкам. Но и эта попытка осталась без результатов. Лютер был прежде всего религиозным реформатором, и как ни близка была его сердцу национальная оппозиция папству, никакая перспектива внешних церковных реформ не могла побудить его к уступкам в том, что касалось вечного спасения людей. Видя, что срок, предоставленный ему охранной грамотой, истекает, он попросил позволения вернуться в Виттенберг.

Скоро разъехались и князья, расположенные к реформатору, и тогда только, 25 мая, император решился представить оставшимся чинам декрет об опале Лютера, написанный папским нунцием и помеченный задним числом (8 мая) — с очевидной целью убедить народ, будто постановление это составлено по единодушному приговору.

Благодаря Вормскому эдикту папская булла получала наконец силу и значение. Лютер, как осужденный церковью еретик, подвергался опале вместе со своими последователями, друзьями и покровителями. Всякий верный подданный императора и добрый католик обязан был схватить его и передать в руки властей. Сочинения же его обрекались на сожжение.

Но Фридрих Мудрый, уезжая из Вормса, решил не покидать Лютера на произвол врагов. По условленному заранее плану Лютер на обратном пути из Вормса подвергся в одном лесу нападению неизвестных вооруженных людей и, разлученный со своими спутниками, не посвященными в тайну, отвезен в уединенный замок Вартбург.

¹ Филипп I (1504—1567) — ландграф Гессенский, сторонник М. Лютера.

Биографы-протестанты не могут найти достаточно восторженных выражений, чтобы прославлять мужество Лютера, отправившегося на Вормский сейм, несмотря на угрожавшую ему опасность. Вряд ли, однако, эта опасность была так велика, как ее представляют. Не говоря уже об охранной грамоте императора (всеобщее осуждение, вызванное вероломством Сигизмунда по отношению к Гусу, служило гарантией, что подобный поступок не повторится еще раз), Лютер не мог не знать, что найдет в Вормсе могущественных заступников. Уже одни упорные старания папских легатов отговорить императора от приглашения на сейм опасного монаха доказывали, что Лютера не только не хотели завлечь в западню, но даже боялись его появления. И действительно, малейшая попытка посягнуть на свободу народного героя могла привести тогда к серьезным беспорядкам. Дворяне, собравшиеся в Вормсе, все время составляли при нем добровольную стражу. К нему на квартиру приходили рыцари и князья и громко выражали ему свое сочувствие. Когда стало известно в народе, что Лютер на сейме соглашался отречься, если ему докажут его заблуждения, но никто не захотел опровергать его, что было принято за доказательство бессилия, общее волнение достигло крайних пределов. Папские легаты боялись показываться в народе. Ночью к воротам ратуши прибито было объявление о заговоре 400 рыцарей против архиепископа Майнцкого и о готовящемся восстании крестьян.

Тем не менее, хотя Лютер, отправляясь в Вормс, и не шел на явную мученическую смерть, момент этот по справедливости считается самым блестящим в жизни реформатора. И действительно, трудно представить себе зрелище более величавое и захватывающее, чем то, какое представлял зал заседаний Вормского сейма в достопамятный день 18 апреля 1521 года. С одной стороны, эта блестящая толпа светских и духовных государей с императором Карлом во главе, встревоженная голосом ничтожного монаха и желающая заглушить его во что бы то ни стало, с другой — этот самый ничтожный монах, одинокий во всей толпе, но сильный своей верой, громко и бесстрашно объявляющий всем, что в жизни человеческой есть сторона, в которую не может вмешиваться никакая посторонняя сила. Лютер в Вормсе — не основатель новой церкви; он еще не замкнул своего учения в известные неподвижные рамки, не воздвиг на месте поверженного кумира — церковной традиции, нового кумира в виде буквы Писания, отступление от которой грозит вечным осуждением слишком пытливым умам. Лютер в то время лишь представитель самого чистого индивидуализма, и его речь, обращенная к представителям нации, является не только смелым вызовом Риму, как принято говорить, но торжественным провозглашением неведомого до сих пор принципа свободы совести, свободы мысли.

V

ЛЮТЕР И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Итак, последнее решительное слово в деле Лютера было сказано. Папа и император одинаково осудили его. От этого признанного еретика, объявленного вне закона, всякий благомыслящий немец, конечно, не замедлит отвернуться с отвращением. К тому же виновник недавней смуты исчез и никто не знал, что с ним случилось. Одни говорили, что он захвачен врагами и убит, другие — что он бежал в Богемию; во всяком случае, Лютер, по-видимому, навсегда сошел со сцены, а с помощью Вормского эдикта нетрудно будет справиться и с его помощниками и принудить их к молчанию.

Так ликовали приверженцы Рима. В таком убеждении оставил император Германию, отправляясь осуществлять свои сложные политические планы.

Но расчеты хитроумных политиков не оправдались. Дело Лютера давно уже перестало быть его личным делом: оно сделалось достоянием всего народа, который в отсутствие первоначального вождя выдвинул из своей среды новых деятелей, новых вождей. Эти люди продолжают борьбу с Римом, и притом ведут ее часто совсем иными средствами и в ином направлении, чем допускал сам реформатор.

В биографии Лютера время, проведенное им в Вартбурге, является некоторым образом романтическим эпизодом. Прямо с театра борьбы, из водоворота страстей и интриг он был вдруг, точно волшебством, перенесен в тихое уединение тюрингенского замка, куда, казалось, совсем не достигали вести из внешнего мира. За исключением Спалатина и немногих советников курфюрста, никто не знал о его местопребывании — даже Меланхтон. Что же касается самого курфюрста, то он и не хотел знать, где именно находится реформатор, чтобы не лгать в случае расспросов.

Целых полтора года провел Лютер в вартбургском уединении. Чтобы лучше сохранить тайну, он сбросил с себя монашеское одеяние, отпустил себе бороду и одевался рыцарем. В замке его называли "юнкером Георгом" и считали пленником; к нему был приставлен паж для услуг, и вообще обращались с ним самым предупредительным образом. Раза два-три он принимал даже участие в охоте; но мысли его были далеки от этой рыцарской забавы. Можно было ожидать, что этот невольный отдых после тяжелых трудов, тревог и волнений последнего времени будет отчасти приятен человеку, так неохотно расставшемуся с монастырской кельей и против воли вовлеченному в борьбу. Но этого не было. Лютер не мог теперь жить без борьбы. Он называет Вартбург "своим Патмосом, своей пустыней" и горько жалуется на свое вынужденное бездействие, в то время как друзья его подвергаются больше прежнего всем опасностям борьбы.

Комната Лютера в Вартбурге

Даже на физическом состоянии Лютера перемена в образе жизни отразилась вначале весьма неблагоприятно. Обильный стол в замке после скудного монастырского питания оказался вредным для здоровья реформатора, а под влиянием физического расстройств и угнетенного душевного состояния его стали одолевать галлюцинации, вроде видений дьявола, смущавшего его религиозными сомнениями и греховными искушениями. Известно предание о чернильнице, брошенной Лютером в дьявола во время одного из таких искушений. И поныне еще любознательным путешественникам показывают на стене одной из вартбургских комнат чернильное пятно, оставленное будто бы употребленной таким оригинальным образом чернильницей. Впрочем, подобное же пятно и с такими же пояснениями показывают и в кобургском замке, и так как в сочинениях самого Лютера

нигде не упоминается об этом случае, то его, по-видимому, следует отнести к области позднейших преданий. От самого реформатора мы узнаем лишь о том, как дьявол показывался ему в образе свиньи или блуждающих огней, как он грыз приготовленные для Лютера орехи и бросал скорлупу в его постель или с шумом и треском скатывал ведра вниз по ступеням лестницы. По-видимому, злой дух, тревоживший Лютера, не любил показываться в особенно зловещем или наводящем ужас образе; гораздо страшнее были те черные мысли и сомнения, которые он нашептывал ему под покровом уединения.

Впрочем, против всех искушений и сомнений, по временам закрадывавшихся в его душу и приписываемых им козням демонических сил, Лютер имел превосходное, всегда действенное средство — труд. Лишенный возможности лично участвовать в борьбе, он хочет по крайней мере работать пером на пользу близкого его сердцу дела. Он снова принимается за труды, прерванные поездкой в Вормс, и скоро весь свет узнает, что Лютер жив и вопреки всем буллам и эдиктам и не думает отказываться от своих реформаторских планов. Одно за другим появляются его новые сочинения — тут и трактат об исповеди, и толкования к псалмам, и собрание проповедей, и полемические брошюры.

Здесь же, в Вартбурге, "юнкер Георг" принялся за труд, который должен был сделаться самым значительным из всех его трудов: он начал переводить Библию для немецкого народа. Мысль перевести Библию на родной язык сама по себе вовсе не была новой, особенно в Германии. Можно указать довольно много немецких переводов Библии и до этого времени, но все они забыты, а перевод Лютера при всех своих недостатках остается до сих пор единственным непревзойденным, не имеющим соперников. Это объясняется совершенством языка, с неподражаемым мастерством передающего дух подлинника, что при тогдашнем состоянии немецкого языка, который у гуманистов был в полном пренебрежении, являлось более чем трудным делом. Большие трудности должны были представлять для перевода языки греческий и еврейский в то время, когда еще не было самых необходимых предварительных работ ни по тому, ни по другому. Сравнительно легок был для Лютера Новый Завет, который он закончил переводить в 1523 году, перевод же Ветхого Завета был закончен только 10 лет спустя. В этом деле реформатор в значительной степени пользовался помощью и советами своих сотрудников и профессоров университета, которые, по словам одного биографа, "как некий синедрион, каждую неделю собирались на несколько часов перед ужином в монастыре доктора". Лютер писал: "Мы теперь выбиваемся из сил, чтобы перевести пророков на наш родной язык. Милосердный Боже! Какой громадный и тяжкий труд заставить говорить по-немецки еврейских писателей, которые так противятся этому и не хотят подражать варварскому языку немцев". Но этот громадный труд почти в совершенстве удался Лютеру, и даже те, которые относятся к нему враждебно как к реформатору, должны признать его заслуги в выработке литературного немецкого языка, благодаря которому

Passional Christi und

Antichristi.

Christus.

So ich ewre fusze habe gewaschen / so ich ewre hert vñ meyster bin / vill mehr solt yr anander vnter euch die fusze waschen. So ic mit habe ich auch ein anzeygung vñ beyspiel geben / wie ich ym than habe / also solt yr hinfur auch thun. Warlich warlich sage ich euch / so die welt nicht mehr dan seyn hetze / so ist auch nicht so geschickte botte mehr da / so yn gefandt hat / Wilt yr das! Selig seye yr so yr das thun werdent. Johan. 13.

Antichristus.

Der Babst maßt sich an iglichen Tyrannen und heydnischen fursten / so yre fusz den leuten zu fuszen dar getricht / nach zu volgen / damit es waer werde das geschriben ist. Wiltcher dieser bestien bilde nicht anbetter / soll getodt werden. Apocalip. 13. Die fuszere darff sich der Babst yn seynen decretalen vnvor / schribet rōman. c. cā oli de pa. de. Si summus pon. de sen. 1708.

*Листовки периода Реформации
с текстами из Священного Писания.
Рисунки Лукаса Кранаха*

в Германии сохранилось, по крайней мере, единство языка после утраты ею политического и церковного единства.

Но помимо литературного значения, перевод Лютера имел громадное значение для самой религиозной Реформации. Этим переводом впервые в руки народа было передано чистое учение Библии, без всяких комментариев от лица церкви. Теперь уже духовенство не могло более составлять новые догматы, а мирянам не приходилось принимать их на веру. Библия,

Passional Christ und

Antichristi.

Christus.

Sehe hyn zum mecht/ vñ laß yn dynen hant/ dem ersten sich
der sich vff wirfft/ thue das maud auff/ doumen wirftu sind
einm gulden/ den gib zu holl vo: mich vnd dich. Math. 17
Gebt der oberteit die das schwert in yren henden hat/ syne ge
bete/ das gins/ wem der gins zusaget/ das goll der er gebürt.
Paulus Rom. 13.

Wir sagen vnd ordnen das dat mit nicht gezimen fall so dem
weltlichen gerichtz zwängt habz stewart vñ schoß die geystlichen
personen vffzulegen aber den zu fordern von yren heusern vñ
allen andern guttern bey der puß des schweren bans vnd inter
dictis/ des gleychen sollen die geystlichen diese alle nicht halen
sonder vnser erlaubnis .c. i. de immut. eccl. ii. vi. Also hat der
Pabst gots gebot durch syne gebot ruffen / wachz syner
vñchustlichen decretal cymys wurd st. 2

Листовки периода Реформации
с текстами из Священного Писания.
Рисунки Лукаса Кранаха

единственный источник религиозных верований, проникала, благодаря Лютеру, во все слои общества, делалась залогом нравственного совершенствования народа, и в этом отношении труд Лютера не остался без благих последствий и для католиков.

Но в то время как реформатор вдали от света предавался этим мирным созидаящим трудам, народное движение, предоставленное самому себе, принимало все более разрушительный характер, предвещавший близость социального переворота.

Да иначе и быть не могло. Старое церковное здание было расшатано; новое еще не было создано. Все было поколеблено, но никто не давал себе ясного отчета в том, чем следует заменить или подкрепить расшатанные основы средневековой жизни. Брожение в народе росло с каждым днем. Странствующие проповедники, в числе которых было много беглых монахов, возбуждали народные страсти ярким изображением злоупотреблений и происков Рима. Множество памфлетов, песен и стихотворений — целая революционная литература на народном языке, осмеивавшая духовенство, учение церкви, — приглашала народ разом покончить со всеми его кровопийцами. Тон для этой народной литературы был дан самим Лютером, страстность которого в обличениях Рима все возрастала. Правда, он не хотел, чтоб народ сам взялся за оружие; его пламенные воззвания к освобождению народа из-под ига иноземцев обращены были к лицам, облеченным властью. Но последователи его смотрели на дело иначе. В самом Виттенберге образовалась партия реформаторов, шедших гораздо дальше Лютера; они находили его образ действий слишком осторожным и умеренным и желали раз и навсегда покончить со всем наследием старой церкви. Во главе этих более радикальных новаторов стоял теперь А. Карлштадт. Он требовал отмены католической обедни, уничтожения икон и распятий и горячо ратовал против монашества и безбрачия духовенства. В том же духе проповедовал при большом стечении народа и один августинский монах, некто Цвиллинг. Под влиянием этой проповеди монахи действительно стали покидать монастыри; месса была отменена, причастие раздавалось под обоими видами. Толпа, разгоряченная иконоборческими проповедями, врывается в церкви, останавливала католическое богослужение, надругивалась над святынями.

Лютер в своем уединении все-таки узнавал через Спалатина о том, что происходило в Виттенберге. Сначала он был доволен тем, что его отсутствие не охладило ревности его учеников. Как раз в это время Меланхтон стал писать сочинение под заглавием "Общие принципы теологии", которое являлось первой попыткой систематического изложения принципов протестантизма. Лютер и сам писал в Вартбурге сочинения против мессы и обетов, доказывая, что монахи, не чувствующие призвания, могут выходить из монастырей, а духовные лица вступать в брак. Когда один из его последователей, священник из Фельдкирха, действительно отважился открыто вступить в брак, он горячо одобрил его шаг. Но в то же время он высказывался против излишней поспешности, против всякого принуждения в деле нововведений. Он вообще считал все обряды, всякий чин богослужения делом второстепенным, так как, по его учению, существо религии заключается не в внешних формах, а в вере, во внутреннем настроении, и поэтому не считал нужным торопиться с введением новых форм, предоставляя народу постепенно привыкать к ним. Поэтому, узнав о чрезмерном усердии новаторов, он не выдержал и в декабре внезапно приехал в Виттенберг. Здесь он тайно провел в доме своего друга Амсдорфа три дня и, снабдив своих сотрудников советами и наставлениями, уехал обратно.

Вернувшись в Вартбург, Лютер написал "Увещание христианам, чтоб они воздерживались от возмущения и мятежа". Искоренение злоупотреблений есть дело законных властей, — писал он, — и все, что исходит от последних, не есть возмущение. Масса же не имеет права прибегать к насильственным действиям, хотя бы в пользу правого дела. На основании собственного опыта он верит в силу слова: ведь словом он принес папе, священникам и монахам больше вреда, чем все императоры и князья. К тому же он предвидит близкое наступление Страшного суда, когда Христос окончательно поразит антихриста.

Однако беспорядки в Виттенберге не прекращались. К чрезмерной ревности Карлштадта присоединилась еще проповедь так называемых "Цвиккауских пророков". Это были два сукошника из саксонского городка Цвиккау, к которым примкнул еще бывший виттенбергский студент Маркус Штюбнер. Место, откуда они явились, служило издавна плодотворной почвой для развития разных сект; таборитские и средневековые сектантские идеи сказывались и в проповеди этих лиц. Они не довольствовались уже одним Священным Писанием; гораздо выше его они ставили откровение внутреннее, совершающееся в душе осененных Святым Духом лиц, к которым причисляли и себя. С Лютером они расходились в том, что требовали не только веры, но и добрых дел, без которых вера мертва, и учили, что человеческая воля свободна. Так как для детей вера невозможна, то они проповедовали, что крещение должно совершаться только над взрослыми, и сами перекрещивались, отчего и получили название анабаптистов, или "перекрещенцев". В Цвиккау они сошлись с знаменитым демагогом Томасом Мюнцером, и под его влиянием их учение получило революционный и коммунистический оттенок. Изгнанные из своего города, эти "Цвиккауские пророки" явились в Виттенберг, где проповедь их произвела сильное впечатление среди антикатолического движения, руководимого Карлштадтом, который сам до известной степени подпал под их влияние. Этот беспокойный, увлекающийся человек, столь гордившийся своей ученостью, стал отрицать теперь науку как излишнее и мертвое дело и приглашал студентов заняться лучше каким-нибудь ремеслом или земледелием, ибо сказано: "в поте лица добывай хлеб свой". Принимая буквально слова Евангелия, что оно принадлежит бедным, он ходил к бедным людям в дома и спрашивал у них объяснения непонятных мест в Писании. И действительно, под влиянием этой проповеди ректор школы распустил своих учеников по домам; студенты толпами бросали университет, разнося повсюду слух, что не надо больше учиться. Власти и образованные люди растерялись. Сам Меланхтон был потрясен вдохновенным тоном "пророков" и не решался высказаться против них. В городе царилась невообразимая смута.

Весть о новых беспорядках сильно огорчила Лютера. "Все мои враги со всеми дьяволами, — писал он, — не причинили мне столько горя и забот, сколько причиняют теперь наши". Он писал, увещевал, но ничто не помогало. Наконец, сам магистрат обратился к нему с просьбой вмешаться в дело. После этого Лютер не мог уже дольше оставаться в Вартбурге. Напрасно

курфюрст старался удержать его от возвращения, указывая на опасность проезда через владения враждебно настроенного герцога Георга и на то, что он сам не может теперь открыто защищать его. Не дожидаясь его разрешения, Лютер прямо поехал в Виттенберг и уже с дороги ответил на письмо курфюрста. Ответ этот весьма интересен. Он дышит удивительным бесстрашием и гордой уверенностью в себе и своем призвании:

”Я хорошо знаю о себе, — говорит он в ответ на предостережения курфюрста, — что если бы в Лейпциге дела были в таком же положении, как в Виттенберге, то и тогда я поехал бы туда, хотя бы там девять дней шел дождь из герцогов Георгов и каждый из них был бы в девять раз свирепее его. Пишу это вашей Курфюршеской Милости с тем, чтобы В.К.М. знали, что я еду в Виттенберг под защитой гораздо более высокой, чем защита курфюрста. Потому я и в мыслях не имею просить защиты у В.К.М. В этих делах не должен и не может помогать меч; их должен решать один Бог, помимо всяких человеческих забот и участия. Поэтому кто больше верует, тот и будет в них лучшим защитником. А так как я замечаю, что В.К.М. еще очень слабы в вере, то я никоим образом не могу считать В.К.М. человеком, который мог бы защищать или спасти меня”.

Лютер вернулся в Виттенберг в четверг (в марте 1522 года) и в ближайшее воскресенье появился на кафедре. Восемь дней подряд проповедовал он, осуждая беспорядки, и авторитет его был так велик, что ему удалось успокоить город. Цвиллинг и Карлштадт снова на время сошлись с реформатором. Что же касается ”Цвиккауских пророков”, то они должны были оставить город и, убедившись в том, что им нечего более рассчитывать на Лютера и властей, понесли свою проповедь к давно уже волновавшимся крестьянам.

Скоро, впрочем, и сам Лютер, правда постепенно и взвешивая каждый шаг, стал вводить перемены в чине богослужения. Вся пышность католической службы была отменена, в центре богослужения поставлена проповедь. Чтобы дать общине возможность самой участвовать в богослужении, Лютер ввел духовное пение. С этой целью он отчасти воспользовался существовавшими в старой церкви латинскими гимнами, переводя их на народный язык, отчасти вводил новые, причем ему самому приходилось часто не только сочинять текст, но и музыку к нему. Его стихотворные переложения псалмов, в которых он с неподражаемым мастерством сумел передать всю поэтическую прелесть подлинника, останутся навсегда лучшими образцами духовной песни. Кто не знает чудного лютеровского гимна: ”Eine feste Burg ist unser Gott”, дышавшего геройской отвагой испытанной в бедствиях торжествующей веры. Эти песни сослужили в деле Реформации важную службу. Они быстро облетели Германию, незаметно овладевая сердцами и делая их доступными для восприятия самого учения. Один иезуит метко определил их значение. ”Песни Лютера, — сказал он, — погубили больше душ, чем его книги и проповеди”.

Между тем учение Лютера продолжало распространяться в Германии почти беспрепятственно. Не только во владениях Фридриха Мудрого, но и нигде в Германии не было предпринято ничего решительного против сторонников реформатора. На настойчивые требования нового папы Адри-

ана VI об исполнении Вормского эдикта имперское правление, заседавшее в Нюрнберге в 1522—1523 годах, прямо отвечало, что огромное большинство народа разделяет убеждения Лютера, что римская курия сильно возбудила против себя нацию и что на всякую попытку прибегнуть к силе последняя ответит возмущением. А в ответ на вторичное требование папского легата чины представили известные "сто жалоб", в которых перечислялись все злоупотребления папства с угрозой, если эти жалобы не будут услышаны, прибегнуть к самоуправству. Вместе с тем было постановлено, что отныне должно проповедовать только "истинное, чистое и неповрежденное святое Евангелие".

Таким образом, Вормский декрет был отменен, приговор над Лютером и его последователями взят назад и проповеди нового учения открыт полный простор. Благодаря этому учение распространялось очень быстро. Особенно много приверженцев оно находило среди населения вольных имперских городов. В 1523—1524 годах учение Лютера утвердилось в Магдебурге, Франкфурте-на-Майне, Галле, Нюрнберге, Ульме, Страсбурге, Бреславле, Бремене. Некоторые князья также выказывали открыто свое сочувствие новому учению, особенно молодой Филипп Гессенский. Под влиянием Лютера же гроссмейстер прусского ордена маркграф Альбрехт решил превратить свое владение в светское, и король польский объявил его наследным герцогом прусским. Таким образом, Пруссия была первой страной, открыто присоединившейся к Реформации, так как Фридрих Мудрый до самого конца сохранял пассивное отношение к ней. Учение Лютера проникало также в другие европейские государства. Во Франции, в Испании, в Нидерландах, Швеции, Дании, Польше и Венгрии — везде читались его произведения, везде новые идеи находили горячий отклик в сердцах людей, недовольных церковью. Казалось, через каких-нибудь 5—6 лет расшатанная старая церковь рухнет окончательно, по крайней мере в Германии.

Правда, одновременно с этими успехами Лютер терял также многих из своих прежних союзников. Беспорядки и волнения, начавшиеся после исчезновения Лютера, не ограничивались одним Виттенбергом. По всей Германии стали шнырять толпы голодных оборванных монахов, бежавших из своих монастырей и вносивших разврат и полную деморализацию в общество, и без того уже деморализованное. Бесчинства в церквях, иконоборческие выходы черни были обычным явлением в городах. Лютер всячески старался противодействовать беспорядкам. Водворив спокойствие в Виттенберге, он отправился в другие саксонские города и везде призывал народ к умеренности и послушанию. Но его проповедь, устная и письменная, не имела уже прежнего успеха. Он не мог больше справиться с народным течением, становившимся все более и более бурным и принимавшим, как мы сказали, совершенно новый характер. Благодаря вызванному им брожению умов всплыла наружу вся та темная сила, которая всегда всплывает в моменты полного разложения общественного строя. Приверженцы старинны получили таким образом новое оружие против Лютера. Но даже многие из тех, которые прежде стояли за реформу и вообще за уничтожение

церковных злоупотреблений, теперь испугались тех последствий, к которым, по-видимому, должен был привести упадок прежних авторитетов. Даже Штаупиц, прежде сам побуждавший Лютера к борьбе, теперь отошел от него и выразил покорность Риму. Но еще важнее был разрыв между Лютером и Эразмом Роттердамским. Эразм давно уже с неудовольствием смотрел на деятельность реформатора; он видел, что смута и беспорядки, вызванные его проповедью, грозят совершенно погубить дорогие его сердцу науки. Рим также требовал, чтобы знаменитый гуманист наконец высказался открыто. И вот в 1524 году Эразм выступил против Лютера с сочинением "О свободной воле", в котором напал на самую суть его учения. Результатом возникшего между ними спора было то, что большинство гуманистов, по примеру своей главы, оставило Лютера.

Несмотря, однако, на эту начинающуюся реакцию, успехи Лютера, как мы уже сказали, и после возвращения из Вартбурга были очень велики и оказались бы еще более значительными, если бы не помешали известные события, которые были тем опаснее, чем теснее была связь между ними и источником Реформации. Дело в том, что за церковную реформу уцепилась революция.

Мы видели уже, что сближение Гуттена с Лютером было вызвано не столько сочувствием первого догматической стороне учения реформатора, сколько солидарностью интересов обоих в борьбе с общим врагом — Римом. На первом плане для Гуттена, как и для Зиккингена, стояли интересы рыцарства, врагами которого являлись князья, в особенности духовные. Для борьбы с ними Гуттен и мечтал объединить под знаменем религиозной Реформации все сословия — не только рыцарей и города, но и крестьян, и горячо пропагандировал подобный союз в своих сочинениях. Но Зиккинген, по-видимому, считал возможным обойтись без помощи других сословий. Когда, после Вормского сейма, надежды, возлагавшиеся патриотами на Карла V, не оправдались, Зиккинген решился действовать на свой страх и под предлогом, что хочет проложить путь Евангелию, напал на Трирского епископа. Он рассчитывал, что к нему примкнет все рыцарство и что постоянно враждовавшие между собой князья не сумеют оказать энергичного отпора. Но его расчеты не оправдались. Фридрих Мудрый и Филипп Гессенский тотчас же поняли угрожающую им опасность и, прежде чем Зиккинген успел получить подкрепление от своих друзей, разбили его и заставили запереться в его замке Ландштул, при осаде которого он был смертельно ранен и умер (1523 год). Через несколько месяцев умер и Гуттен, нашедший убежище в Швейцарии. Впрочем, это движение, в котором религиозный элемент был весьма слаб, не принесло делу Лютера большого вреда. Гораздо опаснее было восстание крестьян, разразившееся в 1525 году все под тем же знаменем Евангелия.

*Томас Мюнцер.
Позднейшая гравюра*

TOMAS MUNCER PREDIGER ZV ALSTET IN DVRINGEN

Wichon 1541

Ermanung zum
Fried / auf die zwölff
artickel d baur
schafft ynn
Schwa
ben.

Martinus Luther.

M. D. XXV.

Уже не раз крестьянское население в разных частях Европы пробовало подыматься против тяжелых феодальных условий. Французская Жакерия должна была быть еще в памяти у всех. В 90-х годах XV столетия крестьяне восставали в Нидерландах и успели добиться лучшего положения. В начале XVI века вспыхивали уже отдельные восстания в Швабии. В Австрии и Мадагьярии также начинались волнения среди крестьян. В этих первых, хотя разрозненных и быстро подавленных вспышках сказывались уже зловещие симптомы. Нетрудно понять, какие плоды должны были дать семена новых религиозных учений, попадавшие на подобную почву. Проповедь странствующих проповедников и сектантов, изгоняемых из городов, бесчисленные памфлеты и летучие листки, распространяемые коробейниками, открывали недовольным крестьянам новые горизонты, ставили их требования под защиту религии и вселяли в них фанатическую уверенность в своей правоте. Вместе с крестьянами стал волноваться городской пролетариат. Мюнцер ходил с товарищами по южной Германии и возвещал о близком низложении всех властей, как светских, так и духовных, о наступлении царства евангельской свободы и братства. Отсюда эта пропаганда проникла к Шварцвальду и Боденскому озеру, в соседние места Швейцарии, и в 1525 году начались быстрые решительные восстания в разных местах, одно за другим. Вскоре они охватили Швабию, Эльзас, Франконию, Гарц, Тюрингию. Большинство восставших формулировало свои понятия о реформе в так называемых "12 статьях", в которых выразился их протест против феодального строя. Они требовали уничтожения крепостного права, уменьшения десятины и других феодальных повинностей, свободного пользования охотой, рыбной ловлей и лесными участками, возвращения общественных пастбищ, захваченных дворянами, а на первом плане — права выбирать своих пасторов и евангелической проповеди. Требования эти подкреплялись ссылками на Священное Писание, причем крестьяне выражали готовность отказаться от своих притязаний, если будет доказано, что эти притязания не согласуются со словом Божиим.

Сначала восставшие ограничивались только демонстрациями, которые должны были подкрепить их требования, предлагали дворянам третейское разбирательство, называя в числе судей Лютера и Меланхтона; но когда они убедились, что такой образ действий ни к чему не приведет, то решились прибегнуть к оружию. В тех местностях, где агитировали анабаптисты, восстание приняло особенно кровавый характер. Томас Мюнцер не допускал никаких мирных сделок с господами, он проповедовал, что их надо истреблять как язычников, и возбужденная толпа с восторгом следовала его призыву. Дело шло уже не об облегчении прежних тягостей, но о полном ниспровержении существующего социального строя и замене его совершенно новым идеальным обществом.

Как же отнесся Лютер к этому новому движению, подобному предыдущему, рыцарскому, бравшему под свою защиту свободу евангельской проповеди? До сих пор, несмотря на все его желание расположить правящие классы в пользу своего дела, несмотря на то, что реформа церкви стояла у него на первом плане, Лютер всегда выражал горячее сочувствие к нуждам простого народа и со свойственной ему страстностью обличал его притеснителей, угрожая им массовым взрывом народного негодования. В своем сочинении "О светской власти", которое было написано им после рыцарского восстания 1523 года и в котором он проводил мысль о безусловном повиновении властям во всем, что не касается веры и совести, он в то же время не стеснялся обращаться к ним с самыми резкими обличениями по поводу их злоупотреблений.

Эти обличения, распространявшиеся в народе с необыкновенной быстротой, конечно, только усиливали всеобщее брожение и делали реформатора не менее популярным в массе, чем его борьба с Римом. Неудивительно, что, решившись поднять оружие в защиту своих столь долго попираемых человеческих прав, крестьяне питали полную уверенность в том, что Лютер станет всецело на их сторону и поддержит их справедливые требования всей силой своего авторитета. Тем сильнее было поэтому всеобщее разочарование, когда реформатор совершенно отрекся от народа и стал призывать князей к быстрому и беспощадному подавлению восстания.

Вначале, впрочем, Лютер отнесся к требованиям крестьян с полным сочувствием. В "Призыве к миру", написанном им по поводу "12 статей", он обращается к князьям с прежними обличениями и уговаривает их для собственного же блага внять претензиям крестьян. Правда, вслед за этими грозными обличениями и предостережениями Лютер обращается и к крестьянам с упреками в том, что они слишком плотски понимают Евангелие, прикрывая им чисто мирские требования, и призывает их к покорности властям. "Христианин сражается не мечом и оружием, — писал он, — а крестом и страданием... Христианин должен сто раз предпочесть смерть, чем хотя бы малейшим образом принимать участие в восстании". В том же духе проповедовал он и устно, для чего сам отправлялся в некоторые местности, где волновались крестьяне. Но все эти увещания, конечно, производили мало впечатления на лихорадочно возбужденную массу. Князья за редким исключением также не выказывали склонности к уступкам, и восставшие, над которыми анабаптисты приобретали все больше влияния, скоро предалась самым необузданным и кровавым выходкам против господ.

Для Лютера это решило дело. Испугавшись размеров восстания, грозившего разрушить весь общественный строй, боясь за участь реформы, которая могла быть непоправимо скомпрометирована солидарностью с социальной революцией, он окончательно перешел на сторону князей и издал брошюру "Против кровопийц и мятежников-крестьян", в которой с неслыханной жестокостью приглашал князей убивать крестьян, как бешеных собак, колоть, рубить и душить их сколько возможно, обещая в награду

за эти подвиги царство небесное. Правда, он говорил и о милосердии к побежденным и просящим пощады, но эти немногие фразы о милосердии совершенно терялись в бурном потоке гневных восклицаний и призывов к мщению.

Князья и не нуждались в подобных поощрениях. Нестройные, плохо вооруженные толпы крестьян не могли долго защищаться против соединенных сил курфюрста Саксонского, ландграфа Гессенского и других. При Франкенхаузене они потерпели решительное поражение, причем был взят в плен (а потом казнен) Томас Мюнцер. Скоро восстание было окончательно подавлено в потоках крови, а положение крестьян стало еще хуже прежнего.

Но этот роковой 1525 год, оставивший такой печальный след в истории немецкого крестьянства, нанес также громадный вред делу Лютера. Как он и опасался, приверженцы старых порядков не замедлили указать на тесную связь между церковными преобразованиями и общественным переворотом и представить реформатора истинным виновником восстания. То, что Лютер со всем пылом своей страстной природы выступил против мятежных крестьян, дало лишь повод обвинить его в том, что он вероломно и бессердечно предал соблазненный им же народ, чтобы расположить в свою пользу победителей-князей. В результате во многих землях не только южной, но и северной Германии государи, которые до сих пор выжидали, теперь начали усердно подавлять новое учение, изгонять проповедников и даже предавать их казни. Среди самих сторонников Реформации стало замечаться недоверчивое и даже враждебное отношение к народному движению. Как мы увидим ниже, впечатления этих лет отразились и на всей дальнейшей деятельности реформатора.

Немало толков и осуждений не только со стороны противников, но и друзей вызвало само поведение Лютера во время восстания. И необходимо заметить, что при всей преувеличенности некоторых обвинений, повторяемых и в настоящее время католическими писателями, поведение Лютера в 1525 году останется навсегда мрачным пятном в биографии реформатора.

То, что Лютер не был виновником восстания — в том обвиняли его в свое время противники, — это, кажется, не требует доказательств. Крестьянская война, как и рыцарская, была вызвана причинами чисто социального характера, хотя нельзя отрицать и того, что необычайно резкий тон памфлетов Лютера, направленных против духовенства, его пламенные призывы к освобождению церкви, обращенные ко всей нации, его беспощадная критика властей значительно усиливали революционное настроение массы. Как бы то ни было, сам реформатор, по-видимому, совершенно не сознавал той ответственности, которая падала на него в этом деле, и в ответ на обвинения противников с полным убеждением указывал на то, что всегда и самым категорическим образом отрицал за народом право вооруженной самопомощи. Призывая князей к подавлению восстания, он оставался, таким образом, верным себе. Однако самый тон статьи "Против кровопийц

Der onpflafer vnd der zwayungig ist verflucht, dan will die fride
gehabt haben hat er becuibe vnd verwirret. Eccle. 28.

Mit kayserlicher freyheit Drey jar.

Титульный лист памфлета 1525 года,
направленного против Лютера

и мятежников-крестьян” не может быть оправдан ничем. К этой дикой, необузданной проповеди ”меча и гнева” его ничто не обязывало, как не было никакой необходимости объявлять поход против крестьян крестовым походом, а господам, и без того ожесточенным против мятежников, обещать царство небесное за их истребление. Тут, очевидно, сказалось удивительное самообольщение реформатора, непоколебимо убежденного в том, что его слово — слово Христа, а все, кто вредят его делу, слуги антихриста. Таким образом, и восставшие крестьяне, компрометировавшие его дело, представлялись ему слугами дьявола, истребление которых могло быть только угодно Богу. Лишь с этой точки зрения и можно понять то печальное и кощунственное мужество, с которым реформатор, в от-

вет на раздавшиеся со всех сторон обвинения, взял на себя всю ответственность за пролитую кровь: ”Я, Мартин Лютер, убил всех погибших в восстании крестьян, потому что приказывал убивать их. Кровь их да падет на мою главу. Но я сделал это потому, что Господь приказал мне говорить так”.

Но еще более непростительным, на наш взгляд, является поведение Лютера после восстания. Теперь, когда страсти улеглись и голос благоразумия и справедливости мог быть скорее услышан, реформатору представлялся удобный случай снова напомнить торжествующему победителю о необходимости улучшить положение побежденных. Но Лютер, раньше так настойчиво внушавший правящим классам, что только уменьшением тягостей, лежащих на бедном народе, они могут обезопасить себя от будущих восстаний, теперь не нашел ни одного слова в защиту интересов крестьян. Мало того, с этого времени мы замечаем с его стороны совершенно новое отношение к народу. Как и все страстные натуры, Лютер всегда переходит от одной крайности к другой. Подобно тому как из пламенного поклонника папы он сделался самым непримиримым врагом его, так и теперь, потеряв веру в народ, в его способность отрешиться от чисто мирских интересов и ценить выше всего духовную евангельскую свободу, он стал относиться к нему с величайшим презрением и советовал правителям держать его в самом строгом повиновении и не делать никаких уступок.

Неудивительно, что и доверие народа к реформатору с тех пор было радикально подорвано. Недавний кумир и вождь народа сделался теперь для него предметом ужаса и ненависти. После восстания еще долгое время Лютер не решался показываться в некоторых местностях, опасаясь народной мести. Вместе с тем народ охладел к самой реформе, и дальнейшими успехами своими она обязана уже не религиозному одушевлению масс, а воздействию властей, усердие которых в деле реформы в значительной степени обуславливалось соображениями чисто политического характера.

VI

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

С 1525 года реформационное движение вступает, таким образом, в новую фазу. За периодом национальной оппозиции Риму и широких реформаторских задач начинается период церковной организации, а последняя, в свою очередь, из чисто народного дела становится делом князей.

И то и другое является неизбежным следствием того положения, в которое социальная революция поставила реформатора. Мы проследили его прежнее развитие. Мы видели, как за первым, почти бессознательным шагом на новом пути перед ним стал быстро раздвигаться горизонт идей, весьма скоро увлекших его на упорную борьбу с Римом. Мы видели также, как это расширение круга идей сопровождалось соответственным расширением круга деятельности, как один за другим примыкали к нему все слои общества: сначала университетская молодежь и более подвижное городское население, потом гуманисты, рыцари, князья (не только светские, но и некоторые духовные) и крестьяне. В Вормсе Лютер достигает апогея своей популярности и духовного могущества. В это время все классы общества, как ни разнородны их сословные интересы, видят в нем своего вождя и пророка, выразителя самого заветного стремления нации. Осуждение Лютера только увеличивает его популярность — его считают мучеником, его портреты в эту пору окружены сиянием. Некоторое время ему еще удается удержаться на этой высоте. Одного его слова по возвращении из Вартбурга достаточно, чтобы успокоить разыгравшиеся страсти и задержать хоть на время готовую разразиться бурю.

Но это затишье непродолжительно. Сословные интересы, на время заслоненные общей ненавистью к Риму, снова выступают на первый план — происходит восстание рыцарей, а вслед за ними поднимаются и крестьяне. Восстания эти оканчиваются неудачей. И рыцари, и крестьяне побеждены князьями, которые одни и выигрывают от социальной революции, отняв у побежденных последние остатки их прежних вольностей.

Но и для религиозной Реформации наступил теперь критический момент. Почти все прежние опоры ее рухнули. А между тем религиозное безначалие, вызванное падением старых авторитетов, требовало безотлагательного введения нового церковного устройства. Оставался один только якорь спасения — именно князья, восторжествовавшие в общем разгроме и получившие вдобавок, со времени Шпейерского сейма 1526 года, право, впредь до решения спора на вселенском соборе, действовать в религиозном вопросе так, как подскажет им совесть. Как нам уже известно, Лютер с самого начала ожидал содействия реформе со стороны светских властей. Теперь он окончательно отдает в их руки организацию новых евангельских общин, признав князей светскими епископами и подчинив таким образом церковь государству.

После крестьянской войны Реформация принимает постепенно чисто правительственный характер. До взрыва социальной революции в самой Германии ни один князь еще не решился открыто примкнуть к делу реформы. Демократический дух, которым была проникнута в то время проповедь Лютера, его смелые отзывы о немецких князьях, про которых он между прочим говорил, что "умный и благочестивый правитель среди них — редкая птица", — все это, вместе взятое, не могло не действовать охлаждающим образом даже на тех, кто вполне проникся религиозными принципами Реформации. Но с тех пор как Лютер открыто перешел на сторону господствующего класса в крестьянском вопросе, последние колебания должны были исчезнуть. Князья поняли теперь, какую громадную силу может дать им учение, которое освобождало их от тягостной опеки церкви и давало возможность увеличить свое богатство за счет секуляризованных церковных имуществ. Результатом было то, что уже в 1526 году новый курфюрст Саксонский Иоганн¹, наследник осторожного, до конца остававшегося нейтральным Фридриха Мудрого, и Филипп Гессенский заключили между собой союз для защиты нового учения, а к этому союзу скоро присоединились и князья Брауншвейг-Люнебургские, Анхальтский, Мекленбургский, маркграф Бранденбург-Кульмбахский и некоторые имперские города. Для последних "новое Евангелие" представляло такие же выгоды, как и для князей, так как освобождение от всяких податей епископам и духовным корпорациям, конфискация церковных имуществ, уничтожение церковной юрисдикции и переход ее в руки магистрата давали и им возможность усилить свою территориальную власть.

К этому времени, между прочим, относится замечательное письмо Лютера к Генриху VIII Английскому, с которым он с 1522 года вел жестокую литературную полемику по следующему поводу. Генрих VIII, претендовавший на славу теолога, написал сочинение в защиту семи таинств, наполненное грубыми выходками в адрес Лютера. Тот со свойственным ему полемическим задором не замедлил ответить опровержением, и притом таким, которое по едкости и неистощимому богатству ругатель-

¹ Иоганн (1468—1532) — сначала герцог Саксонский, а с 1525 г. — курфюрст Саксонии.

ных эпитетов далеко оставляло за собой сочинение его августейшего противника. Но теперь, под влиянием распространившихся слухов, будто король начинает сочувственно относиться к реформе, Лютер счел нужным сделать попытку к примирению. В самом униженном тоне он просит у короля прощения за свое бестактное поведение, оправдывая его наущениями дурных людей, выражает готовность публично извиниться и в то же время умоляет короля отнестись без предубеждения к новому учению, в истинности которого он не замедлит тогда убедиться. Почти одновременно и в таком же духе Лютер написал другому своему ожесточенному противнику — Георгу Саксонскому.

Эти попытки к примирению были безуспешны, и Лютер потом горько упрекал себя за свою наивность и напрасное унижение, но сам факт лучше всего доказывает, в какой степени реформатор в то время дорожил союзом с князьями.

Новые союзники, действительно, поставили дело реформы на твердую почву. Но с этих пор деятельность реформатора утрачивает тот смелый и универсальный характер, которым она отличалась в первом ее периоде. Лютер уже не стоит во главе прогрессивного умственного движения. В своих сочинениях он не касается более, как в "послании к дворянству", вопросов политической и социальной жизни народа. В этой области он отказывается от всяких реформаторских попыток, ожидая помощи лишь от времени. Национально-религиозная реформа сводится, как мы уже сказали, к чисто церковной перемене, но даже в этом вопросе он становится гораздо консервативнее и на практике отступает от многих начал своего первоначального религиозного протеста.

Конечно, такая перемена не может быть объяснена одной зависимостью от князей. В сущности, несмотря на революционный тон его сочинений, несмотря на всю смелость затеянной им борьбы с Римом, в характере Лютера всегда было много консерватизма. Мы видели, как медленно, почти против воли он отрывался от старой церкви, как медленно отрешался от старых форм даже после того, как сжег папскую буллу. Увлекаемый общественным мнением, он часто делал шаги, к которым собственные убеждения, быть может, никогда бы не привели его. Так, мысль о совершенном уничтожении монастырей зародилась не в нем. Отмена католической обедни, причащение под обоими видами — все это началось без него. Тогда как все ученики и друзья его пережились, сам он по какому-то инстинктивному чувству оставался всрен монашескому обету и даже долгое время не снимал монашеской рясы. Женился он лишь в 1525 году, но это был как бы вызов врагам, говорившим, что у него не хватает мужества сделать то, что он советует другим.

Неудивительно, что под влиянием горьких разочарований, причиненных реформатору революцией и успехами сектантства, этот врожденный консерватизм значительно усилился, заставляя его по возможности удерживать из старых порядков все, что только прямо не противоречило его учению, да и само учение значительно смягчить в применении к народу.

Чтобы понять особенности второго периода преобразовательной деятельности Лютера, нам придется остановиться на догматической стороне его учения, которая, как известно, всегда была у него на первом плане и в которой в одно и то же время вся сила и вся слабость его как религиозного реформатора.

* * *

Исходной точкой всей догматики Лютера, как мы уже не раз говорили, является его учение об оправдании, находящееся в связи с христианским догматом о первородном грехе. Человеческая природа, учит христианство, в результате грехопадения Адама испортилась: человек рождается в грехе, с склонностью к греху; его разум и воля не в силах возвести его на высоту, утраченную первым человеком. Для спасения человечества и явился Иисус Христос, искупивший Своей крестной смертью первородный грех и открывший таким образом человечеству возможность спасения. Но какими путями достигнуть спасения? В западной церкви существовали два решения вопроса. Одно — выразившееся в учении Пелагия¹, систематически развитом и приведенном в научную систему схоластиками в соответствии с философией средних веков; другое — проповедуемое святым Августином. Первое, проникнутое рационализмом языческой философии древних, ставило нравственное совершенство человека в зависимость от усилий безгранично свободной воли и дела милосердия и самоотвержения считало необходимым условием спасения, хотя бы они исполнялись не с любовью, а только внешне, для исполнения закона. Второе, к которому примкнул Лютер, ставило на первый план веру, понимаемую не в смысле уверенности в бытии Божьем, а в смысле убеждения, что крестная смерть Спасителя, несомненно, спасает нас от гибели. Но в учении Лютера это августиновское воззрение получило еще более резкую формулировку. Сущность ее такова: оправдание человека совершается одной верой в милосердие Божье, которое дарует человеку заслугу Христову без каких-либо его собственных дел. Соблюдение заповедей остается непрременной обязанностью христианина, но само по себе, без веры, не имеет никакого значения в деле спасения. Добрые дела необходимы, но не как путь к вечной жизни, а как средство испытания веры, как признак очищенного сердца. Вера покрывает всякий грех, как бы сильно он ни оскорблял величие Божье, но грех со стороны верующего может быть только минутным падением, ибо "нет возможности, чтобы вера могла пребывать без многих постоянных и великих дел благочестия; с другой стороны, если бы можно было, сохраняя веру неприкосновенной, совершить какое-либо преступное дело, оно не было бы грехом".

На основании этих и подобных выражений о значении добрых дел как фактора спасения противники Лютера с самого начала не переставали

¹ Пелагий (умер после 418 г.) — церковный деятель из Британии, проповедовавший в Риме.

обвинять его в прямом отрицании необходимости добрых дел как излишних для христианина, оправданного верой в Христа. По существу подобные обвинения, конечно, были неосновательны. И в проповедях, и в сочинениях Лютер не перестает повторять, что добрые дела составляют необходимую принадлежность истинно христианской жизни, как неизбежное следствие веры. "Нельзя сказать,— поясняет он в одном месте свою мысль,— солнцу: ты должно светить, грушевому дереву: ты должно родить только груши, а не другие плоды. Все это делается само собой, по самой природе вещей. Точно так же нельзя предписывать вере соединяться с добрыми делами, ибо истинная вера не может по сущности своей не сказываться в праведной жизни".

Нетрудно, однако, понять, что на практике подобное учение должно было часто быть истолковываемо в самом пагубном для нравственности смысле. Этому содействовал и сам реформатор. Он в увлечении полемикой и чтобы сильнее оттенить свое отличие от учения церкви, превратившей истинное благочестие в автоматическое исполнение внешних актов, постоянно придавал положениям своего учения самые резкие формулировки и, говоря об оправдании *одной* верой, не только напирал с особенной силой на слово *одной*, но каждый раз считал нужным прибавлять: "без участия добрых дел". Неудивительно, что грубая невежественная масса часто толковала возвещенное Лютером "новое Евангелие" и "христианскую свободу", в смысле отмены обязательности нравственных предписаний, так что противники реформатора не совсем были неправы, говоря, что своим быстрым распространением Реформация была обязана угождением страстям человеческим. Таково было, между прочим, глубокое убеждение герцога Георга, искренно желавшего реформы церкви, но ненавидевшего Лютера за соблазнительный характер его проповеди.

Но сам реформатор долго не понимал опасной стороны своего учения. Для него самого, как мы знаем, идея об оправдывающем действии веры была не философской доктриной, не плодом холодных умозрений; это было глубокое всепроникающее убеждение, выстраданное им в течение многих лет душевной борьбы в тиши монастырской кельи. Для него это было яркое солнце, осветившее мрак его измученной совести, якорь спасения, давший ему силу жить и уповать на жизнь в будущем. Как истинный идеалист, Лютер и других людей мерил на свой аршин. Ему казалось, что и другие, подобно ему, мучаются теми же сомнениями и бесплодными усилиями, и он счел своей обязанностью поделиться со всем светом сделанным им драгоценным открытием. Между тем большинство, как мы видели, совсем не интересовалось догматической стороной нового учения и отнеслось к нему сочувственно лишь в силу тех практических выводов, которые из него вытекали и которые для самого Лютера были второстепенными. События последних лет открыли ему наконец глаза. Он потерял доверие к народу, к "Господину Всем", как он его называл, и, оставаясь верным своим основным воззрениям, постепенно на практике отказался почти от всех логических выводов, которые вытекали из них. Эта перемена сказалась

прежде всего при решении вопроса о том, на каких началах должно быть основано новое церковное устройство. Судя по "Посланию к дворянству" и некоторым позднейшим сочинениям, следовало ожидать, что новая церковь будет воздвигнута на демократическом принципе всеобщего священства. И действительно, исходя из этой идеи, Филипп Гессенский в октябре 1526 года пригласил в Гамбург земское духовенство, дворян и горожан, которые и выработали проект нового церковного устройства. По этому проекту все христиане, примкнувшие к новому учению, должны были добровольно записываться в члены евангелической общины, которая на собраниях могла сама выбирать духовных пастырей и епископов и затем посылать своих духовных, равно как и светских, делегатов на ежегодные синоды для решения спорных дел. Но Лютер теперь смотрел на дело иначе. Отдать в руки народа избрание духовенства значило открыть широкий простор проповеди всевозможных сектантов, "фантазеров", как он их называл. В свою очередь, из-за потери популярности реформатора можно было ожидать, что многие из простого народа не захотят больше иметь дело с евангельскими проповедниками и предпочтут остаться при своих старых католических священниках и "ужасах католического идолопоклонства". А по отношению к католикам Лютер уже давно отказался от принципа терпимости и свободы совести. Поэтому он решил, что назначение новых проповедников должно принадлежать светским властям. В 1526 году Лютер так писал об этом курфюрсту Саксонскому: "Среди людей замечается столько неблагодарности к слову Божью, что если бы я мог это сделать по чистой совести, то оставил бы их жить без пастырей, как свиней; но мы не можем так поступить. Так как папский порядок отменен, то все учреждения делаются вашим достоянием, как верховного главы. Ваше дело всем этим управлять; никто другой не может и не должен об этом заботиться".

Новым сильным ударом, нанесенным идеализму Лютера и окончательно повлиявшим на направление его деятельности, были наблюдения и впечатления реформатора 1527 года. Чтобы приступить к правильной организации церкви, курфюрст по совету Лютера назначил несколько комиссий для осмотра церквей и приходов. Инструкция для них была написана Меланхтоном, но просмотрена и одобрена Лютером. Интересно, что уже в этой инструкции высказывается принцип, что нужно как можно больше оставлять из старых церемоний, ибо всякие новшества причиняют только вред, когда имеешь дело с простым народом. В одной из комиссий участвовал и Лютер. Осмотр обнаружил весьма печальные вещи. В предисловии к малому катехизису, изданному Лютером по возвращении, он сам описывает глубокое падение веры и нравственности в местностях, им осмотренных:

*Факсимильный титул
карманной латинской Библии,
которой пользовался Лютер*

Florus Carolus Bibli
 Beneficentiam
 Exordium legum
 Legimus Caeremonias

Hesperus
 1542

Imprimatur
 et sic servari debent
 Johann de
 Christophorus
 Johann de
 Johann de

**Biblia cū pleno apparatu
 summariorum / cōcordantiarū et quadru-
 plici repertoriū siue indicij numeriq; folio
 rum distinctioe Basilee nuper impressa.**

Quis posterior dypnibus
 et prioris.

1. Unde hyst. Dr. J. de G. C. C. C.
 2. Unde hyst. Dr. J. de G. C. C.
 3. Unde hyst. Dr. J. de G. C. C.

1542
 Non solum hoc...
 1542

Matthie Sambucelli pro libri cōmendatione herastichon.

Emendata magis scaturit nunc biblia tota:
 Que fuit in nullo tempore visa prius.
 Qua loca canonici concordant singula iuris:
 In summa casus que tenet et capitum.
 Qua legum veterisq; noni argumenta vident:
 Omine felici quam Basilea premit. 11870

1542
 1542
 1542

”Написать катехизис, привести его в простую, понятную форму принудила меня горькая необходимость, испытанная в то время, когда я был визитатором. Господи, Боже мой! Каких вещей ни насмотрелся я! Простой народ решительно ничего не знает о христианском учении, особенно по деревням, и, однако, все называют себя христианами, все крещены и принимают св. Тайны. Ни один не знает ни Молитвы Господней, ни Символа веры, ни 10 заповедей, живут, как скоты бессмысленные, и, однако, не успело появиться Евангелие (т. е. учение Лютера), уже мастерски научились употреблять во зло христианскую свободу”.

Как видно, Лютер не ожидал встретить в народе такое невежество и нравственное одичание; все виденное и слышанное им сильно потрясло его и заставило задуматься о причинах. Он понял наконец, что проповедь его о христианской свободе и ненужности добрых дел для спасения — опасное орудие в руках черни, и с этих пор действительно в проповедях и сочинениях, предназначенных для народа, старается восстановить утраченное равновесие между верой и нравственностью. Это особенно заметно в двух написанных им после осмотра церквей и приходов катехизисах — большом (для учителей и пасторов) и малом (для народа), причисленных к главным вероисповедным книгам лютеранской церкви. Здесь мы не находим решительно ничего напоминающего любимые идеи реформатора. Оставшись верным своим прежним религиозным воззрениям и продолжая развивать их с прежней страстностью в своих специально богословских трудах, он, по-видимому, совершенно отказывается от мысли сделать их достоянием народа. Христианская свобода, не допускавшая обязательности каких бы то ни было внешних форм и обрядов и, судя по прежним его сочинениям, предназначенная стать краеугольным камнем церковного устройства новой евангельской общины, по отношению к народу вовсе отвергнута. Проповедникам вменяется в непременную обязанность сохранять постоянно одни и те же формулы для преподавания учения веры. ”Молодой и глупый народ следует учить всегда в одних и тех же выражениях; в противном случае неизбежны заблуждения... Кто не хочет учиться, того не допускать к Святому причастию; детей его оставлять некрещеными...” Выбор той или другой формулы Лютер оставляет на усмотрение самих проповедников, но, видно, не особенно полагается на их усердие и умение и предлагает их сам в малом катехизисе в виде вопросов или ответов. В дополнение к катехизису Лютер размеряет всякий шаг христианской жизни; на каждый случай предписывает либо молитвы, либо благочестивые изречения. В сильных выражениях он обличает народ, который из всей Евангельской проповеди извлекает только одно необузданное своеволие. О необходимости одной только веры для спасения здесь нет уже и речи; непременным условием его ставится исполнение закона. В то время как прежде он ратовал против соблюдения постов и разных благочестивых обрядов, теперь он признает их весьма полезными для обуздания плоти. Точно так же он оставляет большинство обрядов старой церкви, если они прямо не противоречат Священному Писанию, требует исповеди перед

причащением. Наконец, самое важное право — свобода толковать слово Божье, свобода религиозной мысли, предоставленная им прежде каждому человеку окончательно отнято у мирян новым церковным устройством, в котором только проповедник или приходской священник получал право толковать Священное Писание и вместе с этим неограниченную власть над совестью своих прихожан.

Необходимо заметить, что роль, которую Лютер предоставляет проповеднику, является одним из вопиющих противоречий его реформы. Понятна была власть католического духовенства, получавшего, благодаря помазанию или рукоположению, священный характер. Но, поставив назначение проповедника в зависимость от распоряжений гражданской власти и определив все различие между духовным лицом и мирянином лишь в самой должности, реформатор, очевидно, не имел никакого основания требовать от прихожан безусловной веры в учение, передаваемое им проповедником, тем более что сам вложил в руки паствы Евангелие на родном языке, а вместе с этим возможность обличать проповедника в ложном толковании слова Божья. В сущности, объем духовной власти евангелического пастора мало отличается от иерархического значения католического духовенства, так как первому предоставляется не только право обличения, но и духовного наказания, доходящего, как и в западной церкви, до отлучения от церкви. И надо заметить, что это противоречие было прекрасно понято народом. То влияние, которым ныне пользуется пастор в протестантской церкви, приобретено им лишь с течением времени. При жизни же Лютера положение проповедников, несмотря на все его заботы о них, было самое жалкое. Народ, приученный ненавидеть и презирать своих прежних духовных пастырей, перенес эти чувства и на новых, считая их совершенно ненужными для своего спасения. Городское и сельское население отказывалось давать деньги на содержание приходским священникам, а князья и дворяне и не думали выделять кому-либо средства для этого из присвоенных ими монастырских и церковных имуществ. До конца своей жизни Лютер не переставал хлопотать о том, чтобы хоть часть доходов от секуляризованных имуществ шла на содержание храмов и священников, школ и учителей.

Несомненно, консервативный характер второго периода преобразовательной деятельности Лютера привел многих современников к заключению, что реформатор с течением времени возвратился незаметно к воззрениям католицизма. Мнение это было, однако, совершенно неосновательно. Несмотря на все уступки и ограничения в деталях реформы, вызванные главным образом убеждением в неподготовленности к ней простого народа, в основных пунктах своего учения Лютер до конца оставался верен себе. Его ненависть к папству с годами не только не уменьшалась, но увеличивалась. В нем действительно проснулся прежний монах и папист, но не в смысле возвращения к старым верованиям, а в смысле усиливающейся нетерпимости к чужим мнениям и сведения к нулю провозглашенного им раньше принципа личной свободы в делах веры. Правда, Лютер не доходил до той

степени фанатизма, которую проявил впоследствии Кальвин сожжением Сервета, но и не считал больше нужным бороться с сектантами одним лишь словом, и везде, где только можно было, требовал вмешательства государственной власти против "богохульства", каковым именем он окрещивал все, что выходило за рамки его учения.

Более последовательным является Лютер в своих заботах о народном образовании и возрождении университетов, пришедших в страшный упадок в последние смутные годы. Опасения Эразма оправдались. Период расцвета гуманизма на немецкой почве кончился. Одни бросали занятия гуманистическими науками потому, что считали их слишком ничтожными по сравнению с богословской наукой; другие полагали, что, имея Священное Писание на родном языке, незачем уже изучать древние языки. Немало содействовали этому обстоятельству и прежние нападки Лютера на университеты, которые он называл "разбойничьими вертепами, вратами ада, синагогами дьявола" и т. п. Правда, эти нападки относились лишь к университетам с схоластическим направлением и имели целью свергнуть "слепого язычника", Аристотеля, и вызвать преобразование их, а не уничтожение. Но и тут, как и в проповеди Лютера о значении добрых дел, истинный смысл его слов не был понят большинством. Родители отзывали назад своих сыновей, университеты пустели, даже в Виттенберге число студентов значительно убавилось, несмотря на блестящий состав профессоров. Не менее плачевно было состояние низших школ. Одни из них закрылись вместе с монастырями, при которых существовали; другие — потому, что прекратились пожертвования, на счет которых они содержались. Одной из главных причин, побуждавших народ отдавать детей на учение, было желание подготовить их к духовному званию. Но вследствие постоянных нападков на духовенство перспектива попасть в духовное звание потеряла всю свою заманчивость и недостаток более или менее подготовленных людей был так велик, что после осмотра церковей и приходов во многих из них пришлось оставить старых священников, если только они знали Отче Наш и Символ веры.

Лютер горячо принял к сердцу упадок образования. Разочаровавшись в современном ему обществе, он, естественно, должен был возложить все свои надежды на подрастающее поколение, которому религиозная истина должна была внушаться с самого раннего возраста. Не уставая, призывал он власти к повсеместному учреждению новых школ и возрождению старых.

Одним из выдающихся трудов Лютера по этому вопросу является его "Воззвание к представителям городов", в котором он проводит идею необходимости народной школы для всех классов общества. По его мнению, повсеместное учреждение школ является одной из важнейших обязанностей христианской власти и "такое дело гораздо достойнее и важнее, чем ведение войн, постройка крепостей и т. п.". Он же первый высказывает мысль, что обучение должно быть обязательное, а для детей неимущих

классов — бесплатное. Он рекомендует также устройство народных библиотек, для которых предлагает выбирать не ученые труды, а такие книги, из которых читатели могли бы почерпнуть нужные им в жизни сведения. Что же касается программы университетского образования, то древним языкам и теперь уделялось в ней значительное место, но лишь как вспомогательному средству при изучении Священного Писания. При этом Лютер рекомендовал также изучение юридических и других светских наук для подготовки государственных людей; с особенным уважением он относился к истории. В его программу входили естественные науки и даже музыка.

Заслуги Лютера как возродителя школы несомненны, хотя ему удалось осуществить на практике лишь самую малую долю своих обширных проектов обязательного обучения юношества всех полов и состояний. В этом отношении более заметны заслуги Меланхтона, прозванного за свои заботы об образовании "учителем Германии". Но Меланхтон больше всего заботился о подготовке ученых, преимущественно теологов, тогда как Лютер стремился к организации национальной и общеобразовательной школы. В этом отношении уже один перевод Библии имел громадное значение: благодаря ему родной язык получил право гражданства в школе; исчезла пропасть, которая отделяла прежде школьную науку от жизни вследствие господства в этой науке чужого мертвого языка. Между школой и народной мыслью была создана естественная связь, которая впоследствии не могла быть уже прервана.

* * *

Наряду с трудами по организации новой церкви, в которые реформатор вкладывал всю свою энергию, несмотря на то что прежняя радостная вера в возможность обновления мира вновь найденной им истиной уже значительно поколебалась, наряду с заботами о народном образовании все время шла упорная литературная борьба с врагами, которые и извне, и изнутри старались подкопать строящееся здание. Борьба эта не прекращалась ни на минуту, поддерживая Лютера в состоянии постоянной раздражительности и усиливая его недоверие к людям и нетерпимость. Ни один из старых противников его не сошел со сцены — Эрк, Фабер, Эмзер, Кохлей и другие не переставали вредить делу реформы, часто пользуясь для этого самыми недостойными средствами, вроде клеветы на частную жизнь реформатора и его близких. Впрочем, полемика с католиками теперь мало задевала Лютера, хотя он редко оставался у кого-нибудь в долгу. Гораздо сильнее волновало его враждебное отношение людей, которых он прежде считал своими и из которых самым значительным противником был, конечно, Эразм, как известно, выступивший против него в 1524 году с сочинением в защиту свободной воли.

Doctor

Martinus

Luther

Ecclesiast

Schwärmee

Billic

Parabas

Martinus Luther
Siebenkopff.

Чтобы понять силу удара, нанесенного знаменитым гуманистом богослову Лютеру, необходимо указать еще на одну сторону в догматике Лютера, также заимствованную им от святого Августина. Если спасение зависит только от веры, то может ли человек собственными усилиями воспитать в себе эту веру? Чтобы еще более смирить человека перед Богом, Августин — а вместе с ним и Лютер — учит, что и сама вера не зависит от человека, а дается ему только в силу Божьей благодати, как особый дар. Таким образом, у человека окончательно отнимается свобода воли, и в этом уже заключается зародыш фатализма. Вначале, однако, Лютер делал тут известную оговорку, именно что к восприятию благодати человек должен подготовиться благочестивыми упражнениями, сердечным сокрушением и т. п., следовательно, признавал еще некоторое участие личной воли. Но впоследствии в одном сочинении он выразил мысль, что существует одна только воля — божественная — и что поэтому все существующее, всякий поступок должны считаться происходящими от Бога. Это замечание, которое логически вело к утверждению, что Бог является и источником зла, в свое время шокировало даже Меланхтона, и на эту-то слабую сторону и направил свои удары Эразм.

Как истый гуманист, Эразм, хотя и разделял идею об оправдывающем действии веры, конечно, не допускал отсутствия у человека свободной воли. Последняя только ослаблена грехопадением, но не совершенно уничтожена; благодать Божья укрепляет ее, человек же может с помощью добрых дел стать достойным божественной милости. Если же, как утверждает Лютер, природа человека совершенно испорчена и сам он в состоянии творить одно лишь зло, то зачем Господь делает его ответственным за его поступки, зачем Он призывает грешника к покаянию, к возвращению на путь истины?

И Лютер хотя и возмущается религиозным индифферентизмом гуманиста, тут же заявляющего, что вообще человеку совсем не следует задаваться подобными неразрешимыми вопросами, а стараться только вести нравственную жизнь, хотя и выражает свое презрение к слабости противника на богословской почве, но, очевидно, чувствует себя не на шутку задетым этим возражением. Это сказывается в той слепой запальчивости, с которой он в своем ответном сочинении, озаглавленном "О порабощенной воле", идет навстречу всем логическим выводам, какие только можно сделать из полного отрицания свободы воли.

"Зачем Господь призывает несвободного в выборе человека к покаянию?" — спрашивает Эразм. Лютер дает на это следующее курьезное объяснение: для того, чтобы доказать человеку его собственное бессилие. Все заповеди, весь нравственный закон даны только с целью доказать нам,

*Листовка против Мартина Лютера.
С современной гравюры*

что мы не можем соблюсти их во всей строгости, что мы не можем спастись, если Господь не придет к нам на помощь. Ответ нелепый и жестокий. Это значит связать человеку ноги и наказывать его за то, что он не может ходить.

Но, преследуемый логикой Эразма, Лютер заходит еще дальше. Так как несомненно, что лишь немногие имеют настоящую веру, большинство же ведет жизнь, не согласную с нравственностью, и, следовательно, лишено истинной веры, то выходит, что Бог, не дарующий последним Свою благодать, наказывает их за зло, которому Сам был виновником. Как же согласовать подобное заключение с проповедью о благодати Творца, со словами Писания, что Господь не хочет смерти грешника? И чтобы вырваться из этих тисков, Лютер создает теорию о Боге откровений, выразившем Свою волю в Писании, и о скрытом непостижимом Промысле, который заранее predeterminedил одних людей к спасению, а других — к вечной гибели. Но человек не должен стараться проникнуть в тайны этой скрытой непостижимой Воли: высшая степень веры заключается именно в том, чтобы считать истиной даже логически несообразное и верить, что Бог не только справедлив, но и милостив, хотя и осудил большинство людей на гибель. Разум потому только не мирится с этим фактом и считает его нелогичным, что хочет применять к Божественным делам свою собственную мерку. Но если бы к Божественной воле могла быть приложима мерка человеческих понятий о справедливости и причинности, то она не была бы Божественной.

Таким образом, Лютер в споре с Эразмом договаривается до тех же крайних выводов протестантского учения о благодати, которые были впоследствии систематически развиты в учении Кальвина. Но то, что у мрачного женева реформатора было плодом его беспощадной логики, не допускавшей никаких смягчений и оговорок, и что тот упорно защищал как один из величайших догматов христианства, у Лютера вырвалось почти невольно, в пылу полемики, и хотя никогда не было взято им назад, но никогда и нигде больше не повторялось. Напротив, в своих позднейших проповедях Лютер постоянно говорит о благодати Творца, не желающего смерти грешника. Очевидно, несмотря на презрительные отзывы о противнике, несмотря на собственные заявления, что сочинение "О поработанной воле" является одним из его лучших богословских трудов, Лютер в глубине души чувствовал, что в этой борьбе он пожал мало лавров. Этим отчасти и объясняется та жгучая непримиримая ненависть, которую реформатор с тех пор стал чувствовать к Эразму как человеку, доведшему его до последних безнравственных выводов из его ученья. До самой смерти он не переставал внушать сотрудникам и даже своим детям, чтобы они оставались врагами "этой ядовитой змеи, этого неверующего эпикурейца" — Эразма.

Не прекращалась и борьба с сектантскими ересями, носившими общую кличку анабаптизма, хотя среди сектантов были люди самой различной религиозной и социальной окраски — одни были мистиками, другие — ком-

мунистами, третьи — тем и другим вместе; были и скептики, и люди, отрицавшие божественность Христа, и т. п. После смерти Мюнцера и неудачи крестьянского восстания анабаптисты перенесли свою деятельность в города, где находили многочисленных приверженцев среди рабочего люда. В 1535 году им даже удалось на время овладеть Мюнстером и устроить в нем пародию на царство Божье. Лютер написал немало брошюр против анабаптистов, которые в то же время ревностно преследовались властями как протестантских, так и католических стран. Но еще больше забот и огорчений приносили ему несогласия в собственном лагере, вызванные различным пониманием догмата об евхаристии (причащении). Первый разошедшийся с Лютером по этому вопросу был тот же неугомонный А. Карлштадт, которого с тех пор, и не за одну эту "ересь", реформатор преследовал своей непримиримой ненавистью. Но гораздо серьезнее была борьба с швейцарским реформатором, в 1524 году давшим людям такое учение об евхаристии, которое встречало повсюду самый сочувственный отклик.

Гуманистически образованный и более последовательный в своей деятельности, Цвингли¹, еще раньше Лютера начавший проповедовать в Цюрихе об оправдании верой и недействительности папских индульгенций, пришел к своим убеждениям совершенно иным путем, чем германский реформатор. То, что у последнего было результатом мучительной душевной борьбы, у Цвингли явилось плодом добросовестного, чуждого всяких предвзятых идей изучения Священного Писания. В основных пунктах оба реформатора вполне сходились, но зато в понимании таинств сказалось все различие их характеров. Для Цвингли, отличавшегося более рационалистическим направлением, считавшего искреннюю христианскую веру вполне совместимой с разумом, таинства были только символами. Слово "есть" в евангельском тексте "сие есть тело мое" он толковал в смысле "знаменует", и таким образом таинство евхаристии получало у него значение символической трапезы любви в память об искупительной жертве Христа. Лютер, по его собственному признанию, одно время и сам был близок к подобному пониманию. Но с тех пор как право толкования Писания, предоставленное всякому человеку, породило самые крайние религиозные учения, он решил не отступать более от буквального смысла Писания. Уже в 1525 году, в брошюре против "Небесных пророков", он объявил, что вера несовместима с разумом, "с этой блудницей дьявола, только позорящей и оскверняющей то, что говорит и делает Бог, и что необходимо закрывать глаза и уши и верить". В данном вопросе всякие толкования казались ему теперь тем более неуместными, что имелся совершенно ясный

¹Цвингли, Ульрих (1484 · 1531) — гуманист и знаток древности, вождь швейцарской Реформации с центром в Цюрихе. Начал проповедовать Евангелис раньше Лютера. Погиб в битве при Каппеле 11 октября 1531 г. при столкновении протестантских городских кантонов с Цюрихом и Берном во главе с превосходящим войском католических "лесных" кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден, Цуг и Люцерн).

текст Писания. Таким образом, несмотря на то что этим он отчасти приближался к католическому воззрению, Лютер стал толковать слово "есть" в смысле реального присутствия тела и крови Христовой в хлебе и вине евхаристии.

Спор между реформаторами длился долго. Из обоих лагерей вышло много сочинений на эту тему, причем Цвингли вел полемику в спокойном, сдержанном тоне, а Лютер становился все более и более резким и заносчивым и постоянно ставил своих противников на одну доску с сектантами и ненавистным ему Карлштадтом. Перевес в полемике склонялся, однако, на сторону Цвингли. Его учение было принято не только на его родине, в Швейцарии, но и во многих южногерманских городах. Но что было всего важнее, ему, очевидно, симпатизировал ландграф Филипп Гессенский. Для устранения беспокойства, вызываемого этим расколом, и из-за надвигающейся опасности со стороны католиков ему пришла в голову мысль привести реформаторов к соглашению путем диспута.

Свидание обоих реформаторов, состоявшееся в Марбурге в 1529 году, окончилось, однако, безрезультатно. Лютер, очень неохотно принявший приглашение на диспут, явился с предвзятым решением не уступать ни на одну йоту. "Одна сторона должна принадлежать дьяволу", — говорил он заранее, и уж конечно не себя и свою партию мог он причислить к этой категории. В самом начале диспута Лютер написал перед собою на столе куском мела слова: "Сие есть тело мое", и какие бы доводы ни представлял Цвингли, упрямо указывал на эти слова, требуя буквального толкования их.

То, что марбургское собеседование осталось безуспешным в богословском отношении, в этом Лютера нельзя особенно обвинять: несомненно, что он действовал по искреннему убеждению. Но в том, что диспут остался без результатов и с точки зрения терпимости — вина падает исключительно на германского реформатора. Вся нетерпимость его, вся старая закваска паписта, не допуская возможности спасения вне известных рамок, сказались в том, как он расстался со своим противником. Напрасно Цвингли со слезами на глазах просил его считать швейцарцев братьями и не забывать, что вне этого спорного пункта у них все общее. Лютер никак не мог понять такой просьбы. Он не допускал мысли, что можно любить, как братьев, людей, у которых другая вера, и считал такую терпимость доказательством того, что сами противники не придают большого значения защищаемому ими делу. Единственное, что он считал возможным обещать им, — это та любовь, которую христианин обязан питать и к врагу. И когда Цвингли на прощание протянул Лютеру руку, тот оттолкнул ее с жестким замечанием: "У вас другой дух, чем у нас".

Правда, по настоянию ландграфа обеими сторонами все-таки подписано было соглашение из пятнадцати пунктов, определявших сходство обоих учений и то, в чем они расходятся в вопросе об евхаристии. На это соглашение Филипп Гессенский и Цвингли, носившиеся с планами широкого политического союза против императора, возлагали большие надежды, но Лютер расстроил все их планы. Он уговорил курфюрста не допускать

в союз протестантских князей не только швейцарцев, но и принявшие учение Цвингли германские города и до конца своей жизни не хотел иметь ничего общего с цвинглианцами. Когда Цвингли в 1531 году умер геройской смертью на поле сражения при Каппеле, Лютер, когда-то написавший умирающему и всеми покинутому Тецелю примирительное, дружелюбное письмо, не мог удержаться от проявлений злорадного чувства по поводу этого "суда Божия" и выразил сожаление, что католики не истребили окончательно заблуждений "сакраментариев". Правда, в 1536 году, ввиду новой опасности со стороны императора и благодаря ревностному посредничеству страсбургского теолога М. Буцера¹, добившегося больших уступок со стороны цвинглианцев, Лютер согласился подписать так называемую

*Памятная монета,
посвященная Ульриху Цвингли*

Виттенбергскую конкордию, но уже в следующем году он открыто в "Шмалькальденских" статьях² отказался от всякой солидарности с ними. Даже чисто политического союза он не допускал с людьми, не согласными с ним в одном пункте учения, и эту страстную нетерпимость, причину губительного раскола в протестантском лагере, он оставил в печальное наследие всему последующему периоду до Тридцатилетней войны.

Филипп Гессенский, как мы сказали, имел особенные причины хлопотать об устранении раскола и о согласии между всеми приверженцами нового учения. В 1529 году император, заключив мир с папой и Францией, решил серьезно заняться делами в Германии и стал настаивать на исполнении Вормского эдикта. Вот тут-то и сказалась та реакция, которая успела произойти в настроении общества за последние годы. Теперь большинство имперских чинов соглашалось уже подчиниться требованию императора, так что меньшинству, состоявшему из 5 князей и 14 имперских городов², пришлось составить протест против их постановления (отсюда и название

¹ Буцер, Мартин (настоящая фамилия Кугорн, 1491—1551) — деятель Реформации, проповедовал в Страсбурге. Стремился примирить Лютера с Цвингли и пытался добиться компромисса с католиками. Остаток жизни провел в Англии, помогая Томасу Кранмеру проводить Реформацию.

² К протестантам примкнули Саксония, Гессен, Ангальт, Франкония, Люнебург, Верхняя Фрисландия, Шлезвиг-Гольштейн, Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Страсбург и др.

”протестанты”). В основу протеста был положен принцип, что в делах веры не может быть решений по большинству или меньшинству, а только по внушениям собственной совести:

Решительный для Реформации момент наступил в следующем году на Аугсбургском сейме, на котором присутствовал сам император. После того как протестантские князья, приехавшие со своими теологами, представили свое исповедание веры, написанное Меланхтоном, Карл V назначил комиссию из князей, юристов и богословов обеих партий для выработки соглашения.

Лютер лично не мог участвовать в работах комиссии. Как опальный, он не мог явиться на Аугсбургский сейм, где решался вопрос о действительности декрета о его опале. Он остался поэтому в Кобурге, в замке курфюрста, на расстоянии двух дней пути от Аугсбурга, и оттуда с неослабным вниманием следил за всем происходящим на сейме и своими письмами старался поддержать мужество своей партии. Меланхтон в особенности поддавался унынию. Его Аугсбургское исповедание было составлено в самом умеренном, так сказать, дипломатическом духе, так как в нем особенно подчеркивалось все, в чем учение протестантов сходно с католическим и чем, наоборот, отличается от цвинглианского. В самой комиссии Меланхтон, испуганный угрозами католиков, чувствовавших свою силу под покровительством императора, опасаясь взять на себя ответственность за неизбежную междоусобную войну, проявил еще большую умеренность и уступчивость. Он дошел до того, что готов был даже признать папскую власть при условии свободы евангельской проповеди. Но Лютер и слышать не хотел об уступках. Для него было важно только то, что на этом сейме значительная часть Германии открыто исповедала то самое учение, за которое он девять лет тому назад был осужден в Вормсе. О соглашении же с католиками он и не помышлял. ”Чудное дело затеяли вы, — писал он протестантским теологам, — примирить папу с Лютером. Но папа не хочет, а Лютер не просит”. Одно за другим летели из Кобурга его послания к князьям и теологам, в которых реформатор со всей энергией прежних лет убеждал своих не поддаваться малодушию и твердо уповать на то, что Бог не допустит гибели правого дела. Чтобы устранить возможность соблазна, Лютер сам торопил своих коллег с отъездом из Аугсбурга. ”Вы отдали Кесарю Кесарево и Богу Божье, — писал он им. — Так, именем Господа я вас отпускаю с сейма. Домой, друзья мои, домой!”

И действительно, отчасти благодаря влиянию Лютера, отчасти вследствие неуступчивости католиков, требовавших полного подчинения, критический для Реформации момент прошел благополучно. А в ответ на угрозы Карла протестантские князья в начале 1531 года заключили в Шмалькальдене союз с целью взаимной обороны на случай нападения.

Лютер долго противился этому союзу; он допускал лишь пассивное сопротивление в делах веры: поднять оружие против императора, хотя бы для защиты своих религиозных убеждений, противоречило самым основным его убеждениям. Правда, в конце концов юристам удалось убедить его,

что император Германии, выбираемый наследственными князьями, не имел прав неограниченного императора Древнего Рима; что власть свою он получил лишь в силу договора, за нарушение которого ему можно оказывать сопротивление. Но со стороны Лютера это была уступка вынужденная; всю ответственность за нее он возлагал на юристов.

Впрочем, князьям не пришлось прибегнуть к оружию. Новая опасность со стороны Франции и турок заставила Карла быть сговорчивее, и таким образом летом 1532 года в Нюрнберге было принято соглашение, по которому князья и города, принявшие уже Аугсбургское исповедание, могли оставаться при нем впредь до решения религиозных споров собором или по крайней мере имперским сеймом, взамен чего они обещали оказать императору помощь против турок, уже подступавших к Вене. После заключения мира Карл уехал в Испанию, и опасность вооруженного столкновения враждебных партий на время была устранена.

VII

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮТЕРА

В предыдущих главах мы видели Лютера при таких условиях, при которых могли проявиться лишь известные стороны его натуры. Мы видели перед собой главным образом реформатора, глубоко убежденного в своем божественном признании бойца, отстаивающего свои идеи со всей неустрашимой отвагой и неутомимой энергией мощной, богато одаренной, но страстной, недисциплинированной, нетерпимой натуры. Конечно, в этой борьбе, в способе ведения ее, как и в самом характере германской Реформации, должны были ярко сказаться и все основные черты характера реформатора. Тем не менее наш портрет окажется слишком односторонним, если мы не дополним его теми штрихами, которые может дать только интимная жизнь человека. Нам остается поэтому последовать на короткое время за реформатором в его тесный домашний кружок, посмотреть на него в те немногие часы, которые он мог посвящать своей семье и друзьям и в течение которых он набирался новых сил для великого труда своей жизни. Мы пойдем еще дальше и постараемся заглянуть в его душу в те моменты, когда он оставался наедине с самим собой, со своей чуткой неутомимой совестью, требовавшей у него отчета за каждый сделанный им шаг. Особенного труда это не представит, так как реформатор со свойственной ему экспансивностью и искренностью посвящает нас в своей обширной переписке и в "Застольных речах" во все детали своей интимной жизни и даже в богословских трудах то и дело переходит от строго логической аргументации к доказательству, почерпнутому из личного опыта своей богатой впечатлениями и испытаниями жизни.

С 1529 года в переписке Лютера, отражающей все перипетии разыгравшейся вокруг него великой общественной драмы, появляется новый чисто личный мотив — это радости и печали его семейной жизни.

Лютер, как известно, женился в самый разгар крестьянского восстания, и притом совершенно неожиданно даже для самых близких друзей. Несмотря на свое высокое представление о браке как о состоянии, вне которого человек не может спастись, Лютер еще в ноябре 1524 года писал Спалатину, что совершенно не имеет намерения жениться. Тем большую сенсацию должна была произвести весть о его женитьбе, случившейся как раз в такое время, когда общественное мнение и без того было сильно возбуждено против него.

Что было мотивом этого внезапного решения — до сих пор остается не вполне выясненным. Сам Лютер дает на это разные объяснения: в одном месте он говорит, что решился на этот шаг по желанию родителей и чтобы прекратить дурные толки, распространившиеся про него и Катарину. В другом же письме он объясняет свою внезапную женитьбу тем, что, ожидая ежедневно смерти от ярости мятежников, хотел предварительно показать пример и опровергнуть клевету врагов, уверявших, будто бы у него не хватает смелости сделать то, что он так настойчиво рекомендует другим.

Сам выбор невесты является в известном смысле чисто случайным. Женщина, которая сделалась подругой жизни реформатора, знаменитая благодаря этому обстоятельству, Катарина фон Бора также была прежде монахиней. Когда в 1523 году, благодаря проповеди реформатора и его последователей, монахи и монахини сплошь и рядом стали нарушать свои обеты, Катарина фон Бора¹ вместе с восемью подругами бежала из своего монастыря, куда ее отдали еще в детском возрасте, и искала убежища в Виттенберге. Лютер принял горячее участие в их судьбе и всячески старался их пристроить. Когда он стал серьезно помышлять о женитьбе, то прежде всего остановил свое внимание на одной из этих монахинь — Еве фон Шенфельдт, но, по-видимому, его влечение к ней было мимолетным. Была у него на примете еще одна невеста, также из монахинь бюргерского сословия. Во всяком случае о Катарине он, по-видимому, не думал и даже сам сватал ее за доктора Глаца. Но девушка в разговоре с другом Лютера Амсдорфом выразила свое недовольство по поводу этого сватовства и тут же чистосердечно заявила, что охотнее всего вышла бы за него самого или Лютера. Вероятно, эти слова, доведенные до сведения реформатора, произвели на него впечатление. Он заинтересовался Катариной, и когда под влиянием родителей, которых он навестил в это время в Мансфельде, мысль о женитьбе у него окончательно созрела, он не стал откладывать дела в долгий ящик. 13 июня реформатор был повенчан проповедником Бугенгагеном в присутствии только немногих свидетелей, а 14 дней спустя

¹ Катарина фон Бора (1499—1552) родила Лютеру трех сыновей и трех дочерей (две из них умерли при жизни Лютера). После смерти Лютера получала материальную помощь от курфюрста Саксонии Иоганна Фридриха и датского короля Кристиана III. Умерла в Торгау.

назначил брачный пир, на который пригласил всех друзей — близких и дальних — и родителей. Опустевший Виттенбергский монастырь, в котором он жил до сих пор с престарелым приором, теперь был навсегда отдан курфюрстом во владение новой четы.

Весть о женитьбе Лютера наделала много шума. Толкам и пересудам не было конца. Не только противники издевались над браком бывшего монаха с бывшей монахиней, но и многие друзья неодобрительно покачивали головой, находя, что момент для такого рискованного шага выбран самый неподходящий; некоторым не нравился и сам выбор. Но Лютер не обращал внимания на эти толки и с вызывающей иронией писал по этому поводу Спалатину: "По милости своей женитьбы я теперь внушаю такое презрение, что, наверное, ангелы ликуют, а дьяволы плачут".

Лютеру, действительно, не пришлось раскаяться в своем выборе: брак его оказался в высшей степени счастливым. Катарине было 26 лет. Если судить по портрету, нарисованному Лукой Кранахом, то она не была красавицей, но обладала открытой, привлекательной, типично немецкой внешностью; при этом она отличалась и всеми добродетелями, свойственными немецкой женщине, — скромностью, домовитостью, трудолюбием. Правда, она обладала также и значительной дозой властолюбия, так что Лютер в шутку называл ее *Herr Ketha*, или *Dominus Ketha*, но это не мешало ей, по свидетельству самого реформатора, быть любящей, преданной женой, окружавшей мужа самым заботливым уходом и создавшей ему ту уютную атмосферу, основанную на взаимном уважении и любви семейной жизни, которую он научился ценить еще в молодости, в доме Урсулы Котта. В своем доме, в обществе жены и детей, которых она ему подарила, Лютер как будто совершенно преобразался; страстный, неутомимый боец, потрясавший Европу своими революционными, колебавшими вековые устои речами, становился в кругу своих безобидным добродушным буржуа, находившим ин-

*Катарина фон Бора, жена Лютера.
С картины Лукаса Кранаха*

терес во всех мелочах домашнего хозяйства, с наслаждением работавшим на токарном станке или копавшим грядки для дынь и огурцов в монастырском огороде. С детьми он умел быть настоящим ребенком — он смеялся, шутил с ними, участвовал в их играх и искренно восхищался их наивностью и доверчивостью. Печальный опыт собственного детства показал ему, как вредно действует на впечатлительную детскую душу чрезмерная строгость, и хотя он далеко не был слабым отцом, но всегда придерживался правила, что "рядом с розгой должно лежать яблоко". Даже в Кобурге, несмотря на тяжкие заботы, вызванные положением дел в Аугсбурге, он находил время сочинять сказочки для своего первенца Ганса и писать жене теплые, полные добродушного юмора письма. Лютер величает ее "Виттенбергским светильником", а сами письма надписывает: "Моему любезному господину, Catharina Lutherin, докторше, проповеднице в Виттенберге". В письмах к друзьям он не может нахвалиться своей подругой жизни, говорит, что она "дороже ему французской короны, богатств Венеции", что она редкоеместилище всех добродетелей, хотя подчас и подтрунивает над ее экономностью или болтливостью. Вообще, даже самая недоброжелательная критика не может набросить тени на образцовую семейную жизнь реформатора.

В отношениях к друзьям — та же преданность и сердечность. Обмениваясь с ними в письмах мыслями по поводу жгучих вопросов дня, он в то же время всегда выражает самый искренний интерес ко всему, что касается их личного благосостояния. Особенно горячо он был привязан к Меланхтону, заслуги которого всегда высоко ценил. Ему, "своему Филиппу", он прощал даже такое, чего никогда не простил бы другим, — его малодушие, его колебания и даже неправоверие в некоторых пунктах учения. И друзья прекрасно чувствовали все величие этого преданного, любящего сердца. Как ни тяжело приходилось им подчас от его раздражительности и нетерпимости, как ни жаловались они в интимных беседах на его деспотизм, но все-таки не покидали его до конца и до конца относились к нему с искренней любовью и почти благоговейной преданностью.

Не менее прост, обходителен и сердечен он был со всеми, с кем только ему приходилось лично общаться. Даже враги должны были признать, что не было человека, более чуждого корыстолюбию, чем он. Лютер никогда не мог решиться брать гонорар от своих слушателей или за сочинения, хотя издатели и книгопродавцы наживали на них целые состояния. Даже за свою должность проповедника он не соглашался брать жалованье, а жил лишь на скромное профессорское жалованье, которое назначил ему курфюрст. Но при всей ограниченности его средств он никогда не отказывал тем, кто обращался к нему за денежной помощью, хотя бы для этого пришлось заложить единственные фамильные драгоценности — различные кубки, которые преподносили ему в дар почитатели. В доме у него ежедневно обедали бедные студенты, проповедники без мест, изгнанники. Для всех двери его дома гостеприимно раскрывались, хотя ему не раз приходилось выслушивать по этому поводу воркотню жены, не знавшей очень часто,

в особенности в первые годы, как свести концы с концами. С течением времени, впрочем, материальное положение реформатора значительно улучшилось. Прибавки к жалованью, небольшие наследства, подарки от князей и магистратов увеличивали благосостояние дома, чему способствовали также хозяйственные таланты фрау Катарины.

Лютер любил общество. С каким гостеприимством, с каким безграничным радушием он открывал свой дом в Виттенберге — об этом свидетельствуют его "Застольные речи". У него всегда можно было встретить кучу гостей — теологов из других городов, приехавших для совещаний, любознательных путешественников из разных стран Европы, молодых протестантских князей, жаждавших увидеть великого вождя, — и все уезжали очарованные его простотой, его вниманием, его готовностью оказывать всякому всевозможные услуги. Но всего лучше реформатор чувствовал себя в обществе друзей и сотрудников, в известные дни собиравшихся у него по вечерам для работ по переводу Библии. Обыкновенно по окончании работы они оставались ужинать, и вот тут-то, за стаканом пива или вина, в Лютере, несмотря на его возраст и прежде времени состарившие его заботы, словно просыпался прежний веселый, жизнерадостный эрфуртский студент. Из уст его лились тогда шутки, глубокомысленные или остроумные афоризмы, воспоминания о пережитом, перемежаемые подчас гневными и не совсем пристойными выходками по адресу литературных и иных врагов. Эти речи (с 1531 года), записывавшиеся обыкновенно благоговейно внимавшими слушателями (иногда в довольно извращенном виде), и составили обширное собрание его "Застольных речей". Отсюда, между прочим, заимствовано и популярное двустигийе, превратившееся у немцев в поговорку: "Кто не любит вина, женщин и песен, тот останется дураком на всю жизнь". Вообще, в Лютере, несмотря на его религиозность и фанатическую преданность одушевлявшей его идее, нет ничего мрачного, аскетичного; земля для него не юдоль плача, пользование благами жизни — не грех. "Если Господь наш, — передаются его слова, — создал таких больших вкусных шук и доброе рейнское вино, то я имею право спокойно есть их и пить". "Ты можешь позволить себе всякую радость в мире, — говорит он в другом месте, — если она не греховна, этого не запрещает тебе твой Бог, даже желает этого. Любвеобильному Богу приятно, когда ты от глубины души радуешься или смеешься". Лютер любил природу и с истинно поэтическим чутьем улавливал ее красоты. Но самым любимым его занятием в те часы, когда он разрешал себе отдых, была музыка. За столом и после стола он часто пел, играл на лютне; иногда устраивал у себя небольшие домашние концерты, в которых принимали участие жившие у него шахлебники-студенты, а потом и подраставшие дети. К музыке он обращался и в тяжелые минуты жизни, чтобы прогнать дурные мысли, рассеять гложущую сердце тоску. После богословия он считал ее наиболее угодным Богу занятием, так как с ее помощью можно легче всего побороть наваждения дьявола.

Даже сама религиозность Лютера носит какой-то особенный, детски наивный и доверчивый характер. Он часто молился и всегда носил с собой

Псалтирь; при этом он чрезвычайно просто поверял Богу свои желания и не сомневался в том, что они будут услышаны. Когда в 1530 году Лютер ждал в Кобурге известий об Аугсбургском сейме, спутник его Вейт Дитрих писал о нем Меланхтону: "Не проходит дня, чтобы он не употребил на молитву по крайней мере трех часов, и притом самых удобных для занятий. Однажды я случайно услышал его молитву. Боже мой! Какая великая душа, какая громадная вера звучала в его словах! С таким благоговением он молится, будто представляет себя разговаривающим с Богом, с такой надеждой и верой, словно он говорит с отцом и другом"... Властный и нетерпимый с людьми, он умел с покорностью принимать постигавшие его удары судьбы. Его тихая скорбь, его истинно христианское смирение у постели умирающей горячо любимой маленькой дочери производят невыразимо трогательное впечатление. Вообще, трудно представить себе человека, более исполненного противоречий, чем реформатор. Его характер весь соткан из контрастов, это вечная смена света и теней. Мечтатель и мистик, он в то же время был практическим деятелем, человеком дела, отлично умевшим принимать в расчет те обстоятельства, среди которых ему приходилось действовать.

"Его мысли, — как говорит Гейне, — имели не только крылья, но и руки. Он был в одно и то же время холодным схоластическим диалектиком и исполненным вдохновения пророком. Просидев весь день над разработкой догматических отвлеченностей, он вечером брал в руки флейту, устремлял взор на звезды и расплывался в звуках и благоговейном созерцании. Тот самый человек, который умел ругаться, как рыбная торговка, бывал по временам деликатен, как нежная девушка. Он то неистовствовал, как буря, вырывающая с корнем дубы, то становился кроток, как зефир, ласкающий фиалки..."

Словом, в характере Лютера соединяются такие качества, которые обыкновенно считаются непримиримыми контрастами, и таких же противоречий исполнена, как мы видели, вся его общественная деятельность как реформатора. Но, быть может, именно в этом обстоятельстве, в этой сложности и удивительном богатстве натуры следует искать причину того обаяния, того впечатления наивно демонической гениальности, которое Лютер производит даже на людей предрасположенных.

* * *

Мы видели Лютера в часы досуга. Но такие часы выпадали у него редко. Основной тон его жизни — труд, труд упорный, почти непрерывный, труд, превышающий обыкновенные человеческие силы. Уже одна литературная плодовитость его необычна. Мы упомянули только о самых выдающихся его сочинениях, но они составляют лишь незначительную часть его произведений, собрание которых насчитывает 22 объемистых тома (в издании Walch'a). А между тем Лютер вовсе не был писателем по призванию. До

1517 года он фигурировал на литературном поприще только предисловием к изданному им мистическому сочинению "Немецкая теология" (1516 год). Все почти произведения его рождались под влиянием минуты, писались наскоро, без всякой отделки, но именно поэтому жизнь так и бьет в них ключом. Самый слог Лютера является верным отражением его натуры. Невольно спрашиваешь себя, как могли из-под одного и того же пера выйти такие поэтические, идущие к сердцу строки и такие потоки ругательств, оскорблявшие по временам даже не особенно утонченный слух современников. Как бы то ни было, своими произведениями, написанными без всяких литературных претензий, Лютер, сам того не сознавая, сделался творцом нынешнего литературного немецкого языка, и некоторые писатели с него и начинают историю новейшей немецкой литературы.

За работой Лютер часто забывал о еде и сне. Рассказывают, что когда он был занят толкованием псалма, то, боясь, чтобы ему не помешали, захватил с собой хлеба и воды и, никого не предупредив, заперся в кабинете, где провел за письменным столом целых три дня и три ночи. Домашние тщетно искали его повсюду, наконец догадались взломать дверь, и только тогда Лютер очнулся. При всем том он находил еще время читать лекции в университете, проповедовать 2 раза в день, вести обширную корреспонденцию. Со всех концов Германии обращались к нему за советом не только по религиозным вопросам, но и по совершенно частным делам. Всякий написавший что-нибудь по богословию посылал свое произведение Лютеру с просьбой прочесть, исправить и позаботиться об издателе, а если возможно, как шутливо жаловался Лютер, то даже о покупателях. Особенно строго реформатор относился к своим обязанностям духовного пастыря. В годы эпидемий, когда весь университет разбежался, он один, презирая опасность, оставался в зачумленном городе и бесстрашно исполнял свои обязанности, утешая больных, напутствуя умирающих.

Что такая напряженная деятельность в конце концов должна была сокрушить даже самое крепкое здоровье — это понятно само собой. Уже со времени Вартбурга Лютер стал страдать по временам головокружениями, обмороками, сильным звоном в ушах, мешавшим ему иногда по целым дням работать. С течением времени, несмотря на то что прежний худой как скелет монах превратился в дородного отца семейства, эти болезненные припадки стали повторяться все чаще и осложнились еще каменной болезнью, в результате которой он несколько раз был близок к смерти. Но гораздо мучительнее, чем физические страдания, были время от времени повторявшиеся у него душевные кризисы — те припадки сомнения и малодушия, которые знакомы всем новаторам и людям, порвавшим с традицией, но которые у Лютера имели особенно мучительный, чисто демонический характер. После вартбургских искушений особенно тревожно прошел у Лютера период 1527—1530 годов, то есть именно тот период, когда ряд разочарований — начавшиеся в Виттенберге беспорядки 1523 года, усиливающийся раскол в новой церкви, а в особенности неутешительные наблюдения, вынесенные из осмотра церквей и приходов — заставил его во многих

отношениях отступить от первоначальной программы. Оставаясь наедине с самим собой, реформатор все чаще и чаще задумывался о лежащей на нем ответственности, и в душу его закрадывалась тревога.

”Всякую ночь, когда я просыпаюсь, — пишет он в одном месте, — я чувствую присутствие дьявола. Он мучит меня вопросами: ”Кто велел тебе проповедовать Евангелие так, как ни один человек не проповедовал его в течение стольких столетий? Что, если Богу это не угодно и ты понесешь наказание за осуждение стольких душ?”

”Больше недели, — пишет он Меланхтону после одного из таких кризисов, — я был брошен в ад на смерть, так что, разбитый во всем теле, дрожу всеми суставами. Так как я почти совсем утратил Христа, то волны и приливы отчаяния и богохульства возмущают меня против Бога. Но, движимый молитвами святых, Бог начал жалеть меня и извлек мою душу из преисподней”.

В другой раз он пишет: ”Я, право, питаю подозрение, что не простой бес, а сам князь бесовский ополчился на меня; очень уж велики его сила и знание Писания, направленные против меня: если бы я не ухватился за слова других, то мое собственное знание было бы недостаточно”.

Читатель может подумать, что, говоря об искушениях дьявола, Лютер только употребляет образное выражение, что это, так сказать, мифологическая одежда, в которую он облекает переживаемую им душевную борьбу. Ничуть не бывало. Слова эти следует понимать в самом буквальном смысле. Лютер, как мы знаем, не только верил в личное существование злого духа, но приписывал ему громадную роль в судьбах всего мира. Пропитанный суевериями своего времени, реформатор развил до последних выводов слова Евангелия, по которым злой дух назван князем мира сего. В известном смысле мирозерцание Лютера не лишено даже поэзии и своеобразной суровой красоты.

Дьявол, по его представлениям, царствует в этом мире безраздельно, и человеческие страсти — его прислужники. Он вмешивается решительно во все; он изменяет ход природы, причиняет болезни и несчастья, но всего больше мучит души людей, вселяя в них сомнения, дурные мысли и уныние. Особенно заметно его могущество в делах государственных и вероисповедных. Дьявол посылает даже особых княжеских и дворянских чертей, чтобы совратить с пути истины сильных мира сего. Он ослепил анабаптистов и сакраментариев, он действовал через Мюнцера, все паписты — его слуги. На Аугсбургский сейм все прелаты привезли с собой массу чертей, помогавших им строить козни против приверженцев Евангелия. Против него же, Лютера, дьявол особенно изощрял свое искусство, стараясь смутить его душу и уловить ее в свои сети.

Как бы то ни было, периоды этих ”дьявольских” искушений были самыми мучительными в жизни реформатора. Обыкновенно столь жизнерадостный, служивший для других в дни испытаний неисчерпаемым источни-

ком утешений, он впадал тогда в отчаянное малодушие и слезно просил друзей молиться за него. Бывали моменты, по его собственному признанию, когда он был близок к самоубийству. Даже всякая проповедь на новую тему повергала его в борьбу с самим собой. Во время спора с Цвингли он "извивался, как червь", чтобы не дать себя опутать столь убедительными доводами противника. Однако в конце концов все эти колебания и сомнения только укрепляли его веру. После каждого приступа слабости он устремлялся в бой с удвоенной энергией и проявлял еще большую неуступчивость, чем прежде. Сама сила искушений укрепляла его в мысли, что он избранное орудие Божье. Он неоднократно заявляет, что его учение внушено ему Богом, что его слово — слово Христа, пославшего его вновь возвестить миру чистое евангельское учение, затемненное и искаженное католической церковью. Отсюда тон величайшей самоуверенности, с которой он постоянно говорит о себе как о проповеднике слова Божья. Смиренно признаваясь в своих личных слабостях, он в то же время предъявляет такие же претензии на непогрешимость в делах веры, какие предъявляла столь беспощадно бичуемая им старая церковь:

"Пусть мир порицает нас, пусть свирепствует против нас, как знает; но праведный суд ожидает нас на небе. Я, доктор Мартин Лютер, уверен, что проповеди моей воздадут свидетельство птицы, камни и песок морской. Там на небе у меня больше союзников, чем здесь на земле врагов". В другом месте он выражается еще решительнее: "Я, Лютер, не подчиню своего ученья ничьему суду, даже ангелов. Кто не принимает его, тот не может спастись".

Подобные заявления в связи с соответствующим образом действий, без сомнения, вполне оправдывают насмешливое прозвище "Виттенбергский папа", данное реформатору его противниками.

VIII

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛЮТЕРА

Нюрнбергский мир, хотя и обязывал членов шмалькальденского союза к сохранению status quo в ожидании собора, не помешал дальнейшим успехам Реформации. С отъездом императора протестантские князья перестали стесняться. При их содействии Реформация была введена в конце 30-х годов в Вюртемберге, Бранденбурге, Брауншвейге, герцогстве Саксонском и других частях Северной Германии. Особенным торжеством должен был наполнить сердце реформатора тот день, когда он мог всенародно проповедовать в Лейпциге, столице умершего врага своего Георга (1539). Еще значительно были победы, одержанные его учением

вне Германии, где оно сделалось господствующей религией в двух государствах — Швеции и Дании.

Особенность этого периода, продолжавшегося более 13 лет, — это почти непрерывные толки и переговоры об обещанном императором соборе. Чтобы выработать условия, на которых возможно было бы соглашение между обеими церквами, назначаются съезды, заседают комиссии. Лютер, хворавший все чаще и чаще, не принимает в них личного участия; его обыкновенно замещают Меланхтон и Буцер. Католики, напуганные успехами протестантизма, настроены в это время очень миролюбиво. Но Лютер менее чем когда-либо расположен к уступкам, и, когда в 1537 году на Шмалькальденском сейме князья-протестанты поручили ему составить исповедание веры для предполагавшегося в скором времени собора, он наметил основные положения своего учения, в особенности против мессы, с такой резкостью, что всякая надежда на примирение должна была исчезнуть. Вообще, Лютер при данных обстоятельствах желал лишь одного — чтобы протестантам была обеспечена свобода вероисповедания. Он был убежден, что папа никогда не даст согласия на тот "свободный христианский собор" в самой Германии. Протестанты добивались, чтобы единственным авторитетом на нем стало Священное Писание; от собора же, созванного на старых началах, он не ждал ничего хорошего. Поэтому, когда подобный собор наконец действительно был созван в Триденте¹, Лютер, а с ним и протестантские князья отказались принять в нем участие и подчиниться его решениям. Как известно, опасения реформатора вполне оправдались: Тридентский собор, отменивший, правда, наиболее вопиющие злоупотребления, в общем только содействовал усилению папства и послужил началом новой и более энергичной католической реакции. Результатом же самого отказа была война между императором и шмалькальденцами.

Лютеру не пришлось быть свидетелем этой роковой войны, которой он всеми силами старался избежать. До самого конца он сохранял глубокую преданность верховной власти в лице императора и его отношения к протестантам всегда объяснял кознями опутавших его папистов. С ужасом предвидел он тот момент, когда его партии придется, хотя бы для самозащиты, поднять оружие против священной особы императора, и молил Бога избавить его поскорей от зрелища тех бедствий, которые должны разразиться над его дорогой Германией.

Вообще, последние годы реформатора прошли в невыразимых заботах и огорчениях, заставлявших его по временам желать смерти как избавления.

¹Тридентский собор открылся 13 декабря 1545 г. в г. Тренто (латинское название Tridentum — Тридент) в Северной Италии. Заседал на трех сессиях с перерывами до 1563 г. Собор осудил протестантское учение об оправдании верой и о Священном Писании как единственном источнике истины. Тридентский собор идейно обосновал контрреформацию и упрочил папство.

Несмотря на новые победы, одерживаемые его учением, несмотря на поклонение, которым окружали его как "пророка Германии"¹, Лютер с горечью сознавал, что сам он и его дело все больше и больше становятся орудием для осуществления политических замыслов князей. Его охотно слушались в вопросах чисто богословских. Он мог с авторитетом настоящего "Виттенбергского папы" судить о правоте того или другого толкования догматов, мог остановить своим veto ту или другую попытку соглашения. Но как только затрагивались личные интересы князей, ему приходилось убеждаться в своей бессилии. Хищение церковных имуществ шло постоянно, особенно в землях, вновь принявших Реформацию, и протесты реформатора оставались без внимания. Церковное устройство, сосредоточенное в консисториях, приобретало все более и более бюрократический характер; преобладающее значение получили в них юристы, а последние, к великому негодованию Лютера, снова начали вводить осужденное им каноническое право. Ко всему этому прибавилось еще пресловутое дело Филиппа Гессенского, заставившее его особенно живо почувствовать свою зависимость от князей.

Филипп Гессенский был, несомненно, самым выдающимся и симпатичным из тогдашних немецких князей. Молодой, энергичный, полный рыцарской отваги и редкой лояльности, он был искренно предан Реформации и более всех проникся ее принципами. Он один, как мы видели, готов был построить новую церковь на демократическом принципе и в своих владениях оказывался более терпимым по отношению к другим вероисповеданиям, чем виттенбергские теологи. Один только недостаток знали за ним современники: молодой пылкий ландграф, не любивший своей жены, был далеко не образцовым семьянином. Он сам, впрочем, казнил себя более всех за свои частые измены супружескому долгу, в сознании своей недостойности не решался по целым годам идти к причастию и не переставал думать о средстве, которое могло бы примирить требования его темперамента с нравственным законом. Уже давно он обратил внимание на те идеи Лютера о браке, которые тот высказал в сочинении "О вавилонском пленении церкви". Обстоятельства заставили его снова вспомнить о них. Филипп влюбился в одну молодую девушку из благородной семьи, и так как та не соглашалась сделаться княжеской любовницей, а жена в свою очередь не соглашалась на развод, то он решил взять себе вторую жену. Шаг был вдвойне рискованный: двоеженство и по имперским законам считалось одним из самых тяжких преступлений. Но пылкий и отважный ландграф интересовался только мнением теологов. На первоначальный его чисто теоретический запрос Лютер и Меланхтон отвечали, что хотя моногамный брак более соответствует смыслу Евангелия, но прямого запрещения бигамии в последнем нет, примеры же из Ветхого Завета свидетель-

¹ Так он был назван на медали, выбитой в честь его после Аугсбургского сейма. - *Примеч. авт.*

ствуют, что в некоторых случаях она допустима. Однако, когда Филипп прямо попросил у них согласия на брак, они стали колебаться. Но ландграф был настойчив; он убедительно доказывал, что в данном случае настоятельная необходимость второго брака не подлежит сомнению, так как это единственное средство излечить его от прежней порочной жизни, и в то же время намекал довольно прозрачно, что в случае несогласия теологов ему придется обратиться за разрешением к императору, который, конечно, воспользуется этим обстоятельством, чтобы лишить его свободы действий в делах, касающихся защиты Реформации. Последний довод, вероятно, оказался решающим: Лютер и Меланхтон скрепя сердце дали согласие, но с тем, чтобы Филипп по крайней мере держал в строгой тайне как сам брак, так и их участие в этом деле, которое могло бы быть истолковано как прямое разрешение многоженства, по примеру анабаптистов. Меланхтон и Буцер были даже свидетелями бракосочетания (1540 год). Дело, однако, получило огласку и навлекло на Лютера сильнейшие нарекания. Напрасно он отрицал свою причастность к делу; скандал был так велик, что по требованию Лютера Филипп должен был объявить свой второй брак незаконным сожителем.

Меланхтон долго не мог простить себе выказанной им слабости; одно время угрызения совести довели его до того, что он был близок к смерти. Лютер же, страдавший, вероятно, не меньше, не показывал виду, чтобы не дать пищи, как он выражается, злорадству дьявола и папистов.

Но все эти разочарования и неприятности были ничтожны в сравнении с теми страданиями, которые причиняло ему внутреннее состояние основанной им церкви. Новые осмотры церковей и приходов, периодически устраиваемые курфюрстом, не приносили реформатору ничего отрадного. С глубоким отчаянием отмечает он усиливающееся безверие и падение нравственности. Жалобы его поистине потрясающи. Лютер не был из числа тех людей, которые предпочитают не замечать неприятной действительности. Напротив, он всегда бесстрашно смотрел в глаза истине и называл вещи своим именем, хотя бы его сердце обливалось при этом кровью. Он сам открыто признает положение вещей худшим по сравнению с прежним.

”В папстве, — пишет он, — мы жили некоторым образом в наружном иудействе, которое все же лучше язычества, ибо первое имеет от Бога и происхождение, и заповеди внешнего благоустройства. Теперь же, освободившись от папы, мы погрязли в язычестве: никто не делает добра, никто не молится”.

Даже в самом Виттенберге, несмотря на годы ревностного служения, учение его не содействовало улучшению нравов. Напротив, безнравственность среди горожан и студентов начала принимать ужасающие размеры.

”Мы живем здесь, как в Содоме и Гоморре”, — жаловался он друзьям. И что было всего ужаснее, реформатор сам должен был признать, что во

всем этом главным образом виновато его учение об оправдании одной верой, неверно понятое. "Это учение, — пишет он в одном месте, — должно было бы служить к исправлению людей, но выходит наоборот, и свет благодаря ему становится все хуже. Конечно, все это штуки дьявола, но люди теперь скупее, безжалостнее, развратнее — словом, гораздо хуже, чем раньше при папстве".

И такие жалобы в последние годы повторяются на каждом шагу.

Таково было настоящее. Но и будущее сулило мало хорошего. В собственном кружке, среди ближайших сотрудников реформатор не находил уже прежнего единомышленника. В то время как Меланхтон в учении об евхаристии с течением времени стал склоняться на сторону швейцарского реформатора и в каждом новом издании своих сочинений отводил добрым делам все большую и большую роль, другой сотрудник Лютера, Агрикола, хотел быть более правоверным, чем сам Лютер, и упрекал его за те смягчения, которые тот допустил в основном пункте своего учения, хотя бы только в применении к народу. Впоследствии идеи Агриколы дали начало новой секте антиномов, или законоборцев, совершенно отвергавших 10 заповедей, которые, по их мнению, относятся к области гражданского управления, но не могут быть предметом религиозной проповеди. Другие теологи также позволяли себе высказывать мнения, шедшие вразрез с доктриной реформатора. Правда, силою своего авторитета, могучим обаянием своей личности ему удавалось пока заглушать эти голоса и скрывать перед светом начинающийся разлад, но он не скрывал от себя, что после его смерти это с таким трудом поддерживаемое единство рухнет, а в минуты уныния даже открыто высказывал свои опасения.

Вообще, внутренняя жизнь реформатора в последние годы представляет настоящую потрясающую трагедию. Что в самом деле может быть трагичнее положения человека, положившего всю свою жизнь на служение одной идее, начавшего с такой светлой верой в то, что эта идея обновит весь мир, и вынужденного почти на пороге смерти сказать себе, что "весь его труд был напрасен", что папство и его "ужасы", против которых он столько ратовал, в сущности, совершенно под стать его времени и народу, что последний не созрел еще для возвешенной им истины, которая вместо обновления производит в нем один соблазн.

"Если бы, — передаются слова Лютера в "Застольных речах", — мне теперь пришлось снова объяснять народу книгу Бытия, я бы иначе распорядился; ибо кто хочет учить других и сам понимать эту книгу, должен обогатиться запасом житейской опытности и оглядеться хорошенько в мире. Огромное большинство неисправимых грешников я оставил бы под игом папы. Ведь учение Евангелия им впрок не идет, а только приводит к злоупотреблению свободой. Но истерзанным и отчаявшимся совестям я стал бы исключительно проповедовать утешения Евангелия. Проповедник должен прежде всего познакомиться с миром, убедиться, что он собствен-

*Карикатура на папу.
Гравюра Лукаса Кранаха*

полненные горечи уверения Лютера, что, имея он в начале своей деятельности приобретенный такой дорогой ценой опыт, он оставил бы все по-старому, срывались с его уст лишь в особенно тяжелые минуты. Несмотря на ничтожество мира, на греховность людей, на неблагоприятность народа, он все-таки хотел в течение немногих лет, которые еще должен просуществовать мир, спасти то, что можно было спасти. До самого конца он не переставал работать над исправлением капитальнейшего труда своей жизни — Библии, которая в 1545 году выходила уже четвертым изданием, исправлял и издавал свои проповеди для народа. И его ненависть к папе, в котором он видел антихриста и дьявола, осталась прежняя, даже усиливалась, принимая характер настоящей *idée fixe*. Он сам сознается в этом, говоря: "Я не могу молиться, не проклиная папы, не могу сказать: "Да святится имя Твое", не прибавляя: "И да будет проклято имя папистов". Воистину

ность дьявола, и не ожидать от него исправления. Он не должен быть таким простодушным агнцем, каким был я, который не на шутку верил в незлобие мира и полагал, что при первом звуке Евангелия все соберутся под кров его и примут его с восторгом. Теперь только я с душевным прискорбием узнал, как жестоко ошибался!"

Среди таких горьких мыслей, среди неурядиц и раздоров в церкви, с перспективой близкой междоусобной войны и еще больших неурядиц в будущем, реформатор находил одно грустное утешение в мысли, что близок день Страшного суда и что теперь именно наступили последние дни, когда перед окончательной победой добра злу предоставлено временное торжество. Правда, он отвергал все дерзновенные попытки человеческого ума, вроде тех, которые делал Меланхтон, чтобы вычислить на основании астрологических данных, когда именно погибнет мир, но что гибель его близка — в этом он не допускал никаких сомнений.

И, однако, такова была сила этой натуры, что никакие разочарования не могли ее сломить. Ис-

так молюсь я каждый день устно, а сердцем своим непрестанно". По сравнению же с тем могучим потоком гнева, презрения и ненависти, который Лютер изливает в своем последнем сочинении "Папство, учрежденное дьяволом в 1545 году" по поводу папского извращения идеи собора, все написанное им раньше против Рима может показаться умеренным, даже мягким.

Физические силы неукротимого бойца заметно истощались. Несмотря на свои 62 года, Лютер, правда, еще сохранил свою мужественную осанку с высоко поднятой головой, и тяжелая, полная испытаний жизнь, оставившая отпечаток невыразимой скорби на его дышащем суровой энергией лице, не сумела потушить яркого блеска его удивительных темных глаз. Но сам он уже давно называет себя стариком и горько жалуется, что не может работать по-прежнему. За последние 13 лет Лютер, в сущности, почти никогда не был совершенно здоров, а несколько раз был даже на волосок от смерти. Понятно, при таком физическом состоянии, не говоря уже о нравственном, трудно было сохранять ровное настроение, тем более человеку с темпераментом Лютера. Особенно страдали от его раздражительности его сотрудники, которых он постоянно — и не без причины — подозревал в отпадении от его учения. Несмотря на свою старость и слабость, он подумывал даже о том, чтобы совершенно уехать из Виттенберга. Еще в июле 1545 года он написал жене с дороги, чтобы она продала все имущество, так как он не хочет больше вернуться в Виттенберг: он готов лучше ходить с нищенской сумой, чем провести остаток жизни среди такого Содома. На этот раз, однако, дело обошлось без скандала. Курфюрст и университет отправили целую депутацию, которой удалось успокоить разгневанного реформатора. Но мысль об отъезде его не покидала.

Она осуществилась даже раньше, чем он ожидал, только на другой манер. Смерть, которую реформатор так часто призывал в последние годы, явилась наконец, чтобы освободить его от зрелища погибающего мира. В конце января 1546 года Лютер, не обращая внимания на холода и состояние своего здоровья, принял приглашение графов Мансфельд, просивших его быть посредником в одном их семейном споре. Дело он уладил, но из поездки уже не вернулся домой. Реформатор умер 18 февраля в Эйслебене, том самом городе, где он увидел свет: тело же его было перевезено в Виттенберг и погребено с большой торжественностью в той самой дворцовой церкви, к воротам которой он когда-то прибывал свои знаменитые тезисы.

* * *

Лютер умер вовремя. Несколько месяцев спустя разразилась Шмалькальденская война, принявшая вначале очень печальный для протестантов оборот. Правда, торжество императора было непродолжительно. Скоро князя

*Мартин Лютер
на смертном одре.
Картина Лукаса Кранаха*

вновь соединились для дружного отпора, и Аугсбургский мир 1555 года наконец санкционировал все главные приобретения их за реформационный период. Но этот мир был непродолжителен, и длинный ряд религиозных войн, последовавших за первой, закончился только в 1648 году знаменитым Вестфальским миром.

Оправдалось и другое мрачное предчувствие реформатора. Скоро после его смерти возгорелась война и между теологами. Меланхтон не обладал ни авторитетом, ни энергией Лютера, чтобы поддержать в протестантском лагере прежнее единство, и люди с более независимым умом не стеснялись больше высказывать свои взгляды. По поводу всякого пункта учения поднимался спор за спором, и каждый из них вызывал целый ряд публикаций, беспримерных по своей полемической резкости. Князья, как и духовенство, были заражены ортодоксией и не отступали ни перед какими суровыми мерами, чтобы утвердить в своих владеньях господство своей доктрины. Профессоров приглашали и уво-

льняли, часто даже изгоняли и сажали в тюрьмы, в зависимости от преобладания той или другой богословской партии. В университетах систематическое изучение Писания почти совсем прекратилось; изучение догмы ради нее самой царило абсолютно. Таким образом, вместо прежней католической схоластики появилась схоластика протестантская, придерживавшаяся тех же методов.

Дальнейшие успехи Реформации в Германии были уже ничтожны. Религиозное одушевление первого периода давно уже остыло. К тому же принцип "Подданный следует религии своего государя", провозглашенный Аугсбургским миром, имел своим следствием, в связи с усилением католической реакции, постепенное подавление всех протестантских элементов в странах с католической династией.

Но движение, вызванное Лютером, не остановилось. Из Германии оно проникло в другие страны, утратив свою национальную окраску; и, благодаря мощному организаторскому таланту Кальвина, сумело победоносно

выдержать борьбу со всем арсеналом усиленной Тридентским собором католической церкви.

Чего же достигла Германия с помощью Реформации? Осуществила ли она те надежды, которые возлагала на нее нация, когда с таким энтузиазмом приветствовала по пути к Вормсу провозвестника новых идей Лютера? По-видимому, нет. Реформация в Германии, как мы видели, не привела ни к полному освобождению от курии, ни к большему политическому единству, ни к лучшим государственным и общественным формам. Мало того, благодаря близорукости императора, не пожелавшего стать во главе народного движения, и неудаче социальной революции, Реформация сделалась только новым рычагом для политических замыслов князей. Давно уже они домогались ослабления императорской власти и действительно достигли этого. Для полного торжества своих стремлений им недоставало только уничтожения независимости церковной иерархии от светской власти и приобретения церковных имуществ.

Все это с избытком дала князьям Реформация, даже тем, которые остались верны старой церкви, так как последняя, чтобы удержать их при себе, расширила их права над местным духовенством и даже отдала им часть церковных имуществ. А Вестфальский мир завершил торжество князей, отняв у императора последние остатки его прежней власти и признав за ними почти совершенную самостоятельность не только во внутренних, но и во внешних делах их государств. Таким образом, Реформация в политическом отношении способствовала только раздроблению Германии и утрате ею политического и религиозного единства.

Не менее плачевными кажутся на первый взгляд и культурные последствия Реформации. Начатая во имя индивидуалистического принципа свободы совести, она, по-видимому, только заменила один авторитет в делах веры другим, установила известные обязательные для всех формы и, в результате своего отрицательного отношения к разуму, скоро уклонилась от свободного исследования, отвернулась от науки, затерявшись в лабиринте сухих теологических прений. Но при более внимательном взгляде Реформация все-таки окажется движением в высшей степени прогрессивным. Величайшая задача того времени заключалась в освобождении людей от нравственного и умственного гнета католической церкви, мешавшего улучшению жизни во всех ее проявлениях. От этого гнета нужно было освободиться прежде всего ради дальнейшего движения жизни, и этому великому делу освобождения совести и мысли служила Реформация и в значительной степени осуществила его. Правда, демократические и коммунистические теории, возникшие на почве свободного толкования Библии, заставили Лютера, а за ним и других реформаторов отступить на практике от провозглашенного им принципа свободы исследования и объявить войну разуму, как противнику веры. Но как ни ратовали они против разума,

принцип свободы мысли является все-таки несомненным продуктом протестантизма. Несмотря на преследования, брань и унижения, люди все-таки свободнее дышали в умственной атмосфере, созданной Реформацией, чем под властью церкви. "Задачей реформаторов, — говорит известный английский писатель Бэрд, — было открыть шлюзы; с этих пор поток, несмотря на их благонамеренные усилия остановить и ограничить его, с силой и шумом понесся дальше, где разрушая пограничные столбы, где оплодотворяя новую ниву, но везде принося с собой жизнь и освежение".

ЖАН КАЛЬВИН

Его жизнь и реформаторская деятельность

Биографический очерк
Б. Д. ПОРОЗОВСКОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

170

I. ДЕТСТВО И ВОСПИТАНИЕ КАЛЬВИНА

Двенадцатилетний капеллан. — Пребывание в Париже. — Матюрин Кордье. — Кальвин изучает юриспруденцию. — Альциати и Вольмар. — Религиозные сомнения Кальвина. — Комментарий к Сенеке. — Кальвин переходит к Реформации

171

II. КАЛЬВИН СТАНОВИТСЯ ПРОПОВЕДНИКОМ ЕВАНГЕЛИЯ

Речь в университете. — Бегство из Парижа. — Его пребывание в Ангулеме и Нераке. — Первое теологическое сочинение Кальвина. — Возвращение в столицу, история с летучими листками и "очищение" Парижа. — Кальвин поселяется в Базеле и издает "Наставление в христианской вере"

180

III. "НАСТАВЛЕНИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ" И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕФОРМАЦИИ

Кальвин радикальнее Лютера. — Учение об оправдании верой у Кальвина; догмат о предопределении; толкование таинства евхаристии. — Учение Кальвина о церкви и государстве; их взаимные отношения. — Ветхозаветный дух его учения. — Кальвинизм и католицизм. — Общая характеристика сочинения: его полемический тон, слог; его необыкновенный успех

186

IV. ЖЕНЕВА ДО КАЛЬВИНА

Ее история, оригинальное политическое устройство; характер города и населения; патриотизм жителей. — Политика Савойского дома и борьба с Савойей. — Союз с Берном и начало Реформации. — Гильом Фарель — первый женеvский реформатор. — Женева становится независимой и протестантской. — Внутреннее состояние города по окончании борьбы

196

V. КАЛЬВИН В ЖЕНЕВЕ

Кальвин попадает в Женеву и остается. — Характеристика Фареля и Кальвина. — Вире. — Первые успехи Кальвина: катехизис, исповедание веры. — Его усиливающееся влияние и чрезмерная требовательность. — Диспут с анабаптистами и Кароли. — Борьба с оппозицией и "Бернские обычаи". — Кальвин изгоняется. — Попытки добиться возвращения. — Уныние Кальвина; его отъезд в Страсбург

204

VI. ЖИЗНЬ В СТРАСБУРГЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Женитьба Кальвина и его материальное положение. — Сношения с немецкими теологами. — Вормс и Регенсбург. — Послание Садолета и ответ Кальвина. — Женева снова приглашает к себе Кальвина

213

VII. РЕФОРМЫ КАЛЬВИНА

Влияние Страсбурга на развитие реформатора. — Кальвин осуществляет свою программу. — Церковные ордонансы. — Роль проповедника. — Конгрегация и консистория. — Протестантские инквизиторы. — Кальвин — диктатор Женевы

223

VIII. ЖЕНЕВА ПРИ КАЛЬВИНЕ

Женева католическая и Женева протестантская. — Законодательство Кальвина. — Процессы "отравителей". — Церковная и гражданская дисциплина. — Женева походит на монастырь

228

IX. БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ

Причины успеха реформатора. — Роль эмигрантов. — Начало оппозиции. — Чума в Женеве и поведение духовенства. — Борьба с либертинами. — Кто такие либертины? — Процессы Амо, Фавра, Перрена и Грюэ. — Бертелье и окончательное поражение либертинов. — Оппозиция в духовенстве. — Мигель Сервет, его учение и мученическая смерть. — Роль Кальвина в процессе

234

X. КАЛЬВИН ДОМА И НА КАФЕДРЕ

Внутренняя жизнь Кальвина. — Семейные испытания; смерть Иделеты. — Его трудолюбие: лекции, проповеди и литературные произведения. — Корреспонденция Кальвина

245

XI. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ КАЛЬВИНА

Женева становится столицей протестантского мира. — Влияние Кальвина в Польше, Англии, Шотландии и Нидерландах. — Успехи кальвинизма во Франции. — Смерть реформатора. — Заключение

249

ВВЕДЕНИЕ

В конце первой половины XVI века в великом религиозном движении, охватившем Западную Европу, наступает новая фаза. Начавшись еще в XV веке на славянской почве, движение это, получившее свое название от знаменитого чешского реформатора Яна Гуса, отличалось чисто национальным характером. У гуситов борьба с римской церковью представляла вместе с тем и борьбу за права чешского народа, отнятые у него германцами. Та же национальная идея, хотя и не в такой сильной степени, сказывается и в реформационном движении Германии. Пламенные проповеди виттенбергского монаха представляют не один только религиозный протест во имя Евангелия, против искажений, внесенных в него католической церковью, — в них провозглашается в то же время и независимость немецкой нации от поработившей ее римской курии. Оттого-то учение Лютера имело главным образом успех у германских народов, а в других странах скоро было вытеснено более универсальным кальвинизмом.

Но великая церковная революция была вызвана не одними только политическими или национальными причинами. Новые идеи явились плодом долговременной работы, совершавшейся в умах всего католического мира. Лютер не был единственным реформатором. В то время как на воротах Виттенбергской церкви он вывешивает свои знаменитые тезисы, в Швейцарии священник Цвингли выступает с совершенно аналогичной проповедью. В самой Германии реформаторов была масса, только все они ступали перед мощным талантом Лютера. В романских землях, совершенно независимо от движения в Германии, также происходило религиозное брожение, вызванное гуманизмом, и только благодаря этому идеи Лютера находили и тут отголосок. Реформационное движение, таким образом, разрасталось все более, охватывало все большие районы, а вместе с этим и учение Лютера должно было претерпевать значительные изменения. Выйдя из пределов Германии, оно, естественно, должно было утратить свою национальную окраску и получить характер более универсальный.

Новая фаза, когда на арену церковной революции выходит романская нация, наступает в конце первой половины XVI века, и во главе этого нового движения становится крупная личность женеvского реформатора, так называемого "женеvского папы" — Жана Кальвина.

Момент выступления Кальвина представляется в высшей степени важным еще и в другом отношении. До сих пор роль реформаторов была, так

сказать, чисто воинствующая. Лютер в Германии, Цвингли в немецкой Швейцарии, Фарель в романских землях — все они направляли свои усилия главным образом на то, чтобы разрушить гордую, казавшуюся неодолимой крепость католицизма, чтобы подорвать могучий престиж папской власти, наложившей свои оковы на умы и совесть всех католиков. Усилия их увенчались успехом. Авторитет папства был поколеблен; брешь, пробитая в католицизме, была довольно значительна. Но в лагере самих нападающих происходит раскол — многочисленные секты, выросшие на почве религиозной революции, вносят между ними раздор, разделяют их силы, подрывают к ним доверие в то время, когда, оправившись от первых поражений, католическая церковь начинает собирать свои силы для новой, более ожесточенной борьбы. Тридентский собор, усиление инквизиции, грозная боевая дружина учеников Лойолы — все эти орудия католической реакции выдвигаются на арену борьбы как раз в такое время, когда со смертью Лютера протестантизм лишается даже своего духовного центра. Очевидно, задача, выпадающая на долю его преемника, хотя и менее блестящая, но не менее трудная. Для борьбы со старым врагом, сконцентрировавшим свои силы, недостаточно уже одной проповеди или обличительных выпадов против злоупотреблений курии. Против стройной католической системы необходимо выставить такую же стройную систему протестантских принципов: новая церковь должна получить строгую организацию, и, наконец, необходимо создать новый независимый центр, откуда могла бы смело вестись религиозная пропаганда. Таким центром с конца первой половины XVI века становится Женева, а задачу организатора церкви принимает на себя Кальвин.

I

ДЕТСТВО И ВОСПИТАНИЕ КАЛЬВИНА

Двенадцатилетний капеллан. — Пребывание в Париже. — Матюрин Кордые. — Кальвин изучает юриспруденцию. — Альциати и Вольмар. — Религиозные сомнения Кальвина. — Комментарий к Сенеке. — Кальвин переходит к Реформации

Жан Кальвин родился 10 июля 1509 года. Собственно настоящая фамилия его была Cauvin, но, по обычаю тогдашних ученых, он латинизировал ее в Calvinus. Дед реформатора был простым бочаром; но отцу его, Жерару, удалось упорным трудом добиться более выдающегося общественного положения: он был епископским секретарем, фискальным прокурором и синдиком соборного капитула в городе Нуайоне в Пикардии. Здесь-то и родился будущий реформатор.

Детство Кальвина, надо полагать, было не радостное. Про мать свою он никогда не упоминает, по всей вероятности, он лишился ее очень рано; что же касается отца, то и он не сумел внушить сыну особенно нежных чувств. Вечно занятый, суровый и деспотичный, он уделял детям очень мало внимания, хотя и заботился об их будущем. Из всего детства Кальвина только один эпизод оставил в нем благодарную память — это его отношения к аристократическому семейству Моммор, покровительством которого пользовался отец. Несмотря на почетную должность прокурора фиска, Жерар, у которого кроме маленького Жана было еще трое сыновей и две дочери, еле сводил концы с концами. Но у него были обширные связи среди местного дворянства, и он прекрасно умел ими пользоваться.

Робкий, необщительный мальчик уже рано стал обнаруживать редкие способности. В городской школе он был первым. Семейство Моммор, одно из первых в этой местности, обратило внимание на талантливого мальчика, приблизило его к себе и позволило заниматься под руководством своего домашнего учителя. В этом-то доме, в обществе своих аристократических сверстников, Кальвин получил свое первоначальное образование; здесь он усвоил себе те несколько утонченные манеры, которые отличали его всегда от германского реформатора, те аристократические симпатии, которые отразились даже на самом характере его учения. Эти годы, проведенные в кругу Момморов, были для него единственным светлым воспоминанием детства.

Способности мальчика возбудили честолюбивые мечты в его отце. В то время человек с талантом мог скорее всего сделать карьеру на духовном поприще, и Жерар решает посвятить сына духовному званию. В 1521 году, пользуясь своими связями, он добывает для 12-летнего мальчика пребенду¹, доходы с которой последний должен был получать в счет своей будущей службы, а в 1523 году, под предлогом появления в Нуайоне чумы, отправляет его в Париж для завершения образования.

В Париже Кальвин, приехавший вместе с молодыми Момморами, расстается с ними и поселяется у своего дяди, Ришара, занимавшегося слесарным мастерством. Но дружба молодых людей от этой разлуки не прекращается. Они продолжают встречаться в коллегии Ламарше, куда они все поступают для изучения грамматики, или по праздникам, в доме какого-нибудь вельможи, родственника фамилии Моммор. В коллегии в это время в числе преподавателей был Матюрин Кордые. Страстный любитель и знаток латинских писателей, поэт и приверженец новых реформационных идей, Кордые всей душой был предан своей преподавательской деятельности, для которой он отказался от гораздо более выгодного места. Он скоро заметил и стал отличать талантливого нуайонского воспитанника, который в свою очередь горячо привязался к своему учителю. Это была одна из тех немногих привязанностей, которые Кальвин сохранил до конца

¹ Пребенда — в католических странах доходы, определенные на содержание духовных лиц, а также определенное вознаграждение духовных лиц за совершение богослужения в церквах.

своей жизни. Впоследствии, будучи уже реформатором, он приглашает Кордые в Женеву ректором основанной им коллегии и не раз в своих произведениях с благодарностью вспоминает об этом благородном наставнике.

Из коллегии Ламарше, благодаря своим успехам, Кальвин скоро переводится в коллегию Монтегю, где, под руководством профессора-испанца, занимается изучением диалектики. По странному совпадению в этой самой коллегии несколько лет спустя слушал лекции другой знаменитый деятель, которому в истории церкви пришлось играть роль диаметрально противоположную той, какая выпала на долю нуайонского воспитанника. Это был испанец Игнатий Лойола.

Судя по тем немногим известиям, которые сохранились об этом периоде его жизни, Кальвин уже и тогда обнаруживал необыкновенно сосредоточенный характер. Он вел тихую, уединенную жизнь, был очень религиозен и работал с усердием и усидчивостью, приводившими в изумление его учителей. В коллегии Монтегю он не только был первым, но даже до срока переводился в высший класс. Товарищи его, однако, не любили. Его сдержанность, нелюдимость, строгий нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали их, вызывали к нему неприязнь. Они мстили своему обличителю насмешками и за склонность к обвинениям дали ему ироническое прозвище "винительный падеж". Зато учителя не могли нахвалиться талантливым, необыкновенно прилежным учеником и уже рано стали возлагать на него большие надежды.

Так прошло несколько лет, и Кальвин уже готовился перейти к занятиям теологией. Все — и сам склад его характера, и личные наклонности, и желание отца — казалось, предназначало его к духовному званию. Еще в 1527 году старик Жерар, не перестававший заботиться о карьере сына, выхлопотал ему новый приход Мартевилль, который Кальвин, спустя два года, променял на приход Pont l'Évêque, откуда была родом его семья. Здесь восемнадцатилетний юноша, принужденный вернуться на родину вследствие частых жалоб капитула на его отсутствие, выступает впервые в роли проповедника, впрочем, только на короткое время. При первой возможности он спешит снова в Париж, к своим любимым занятиям.

В это время старик Жерар, до сих пор мечтавший о духовной карьере для сына, советует ему бросить теологию и заняться юриспруденцией. Мечтал ли Жерар о более блестящей будущности для талантливого юноши, или в этом неожиданном решении играли роль его личные отношения к духовенству, которые в это время стали очень натянутыми (за какие-то злоупотребления он даже подвергся церковному отлучению), так или иначе, молодой Кальвин, воспитанный в строгом повиновении отцовской воле, беспрекословно оставляет свои любимые занятия и с свойственной ему добросовестностью принимается за изучение юридических наук. Из Парижа он отправляется в Орлеан, где работает под руководством известного юриста Петра Стеллы, а затем переходит в Бурже, привлекаемый славой

знаменитого миланского юриста Альциати, который был приглашен Франциском I читать лекции в Буржском университете.

Альциати произвел на Кальвина сильное впечатление. Это был самый блестящий юрист того времени. Он знал римское право так же хорошо, как если бы сам жил в эпоху Юстиниана, и с обширными познаниями и поразительной логикой соединял поэтический энтузиазм к своему предмету, благодаря которому эта сухая наука становилась в его устах в высшей степени увлекательной. Иногда, пораженный какой-нибудь новой мыслью, он тут же, экспромтом, излагал ее стихами, вызывая восторг в своих слушателях. На Кальвина, хотя и нечувствительного к поэзии, это блестящее изложение производило глубокое впечатление. Некоторое время он с жаром занимается новой наукой. С полураскрытым ртом, весь внимание, весь слух, он слушает лекции любимого профессора и затем, вернувшись домой в свою маленькую студенческую комнату, спешит записать все слышанное. По словам биографа, он просиживал до глубокой ночи за занятиями и, чтобы поддерживать себя в бодрствующем состоянии, отказывался даже от ужина; проснувшись, он оставался еще некоторое время в постели, заучивая наизусть и продумывая все, что записал накануне.

Изучение римского права имело большое влияние на умственное развитие Кальвина. Оно приучило его к ясности и точности выражений, развило его сильную логику, представляющую самое выдающееся достоинство его позднейших произведений; оно же, несомненно, послужило ему громадную службу в его организаторской деятельности в Женеве, сделало из него будущего законодателя.

Благодаря железному прилежанию, Кальвин и здесь, как в Париже, делает быстрые успехи. Скоро молодой, серьезный не по летам пикардиец обращает на себя внимание как учителей, так и студентов. Даже биографы из католического лагеря отдают справедливость "его живому уму, обширной памяти, способности быстро усваивать все и особенно той поразительной ловкости, с которой он излагал на бумаге лекции и прения профессоров в изящной и подчас остроумной форме". Уже в Орлеане он так выдвинулся из массы студентов, что на него смотрели скорее как на учителя, чем на ученика, и часто, в отсутствие лектора, ему случалось занимать его место.

Похвалы, сыпавшиеся со всех сторон и льстившие самолюбию молодого ученого, имели благотворное влияние на его характер. Есть основание думать, что в это время нелюдимый, недоверчивый нрав Кальвина значительно смягчился — он ближе сходитя с товарищами, становится доверчивее и общительнее. С некоторыми из них, наиболее способными и трудолюбивыми, он даже вступает в близкие дружеские отношения, особенно с одним талантливым молодым юристом из Орлеана, Франсуа Даниелем, к которому адресована большая часть его юношеских писем. Эта дружба с молодыми людьми его возраста вносит некоторый свет и оживление в его одинокую жизнь, всецело посвященную неусыпным занятиям, от которых его только с трудом можно было оторвать. Даже в Нуайоне, у смертного одра своего отца, в 1531 году Кальвин только и думает что о покинутых занятиях

и с нетерпением ждет минуты, когда их можно будет возобновить. Каким-то отталкивающим холодом, почти бесчувственностью веет от письма его к одному из друзей, в котором он сообщает о безнадежном состоянии отца. "Я обещал тебе при отъезде, — пишет он, — скоро вернуться назад; но болезнь отца задержала меня. Доктора сначала подавали надежду, но дни проходят — надежды больше нет, смерть неизбежна. Что бы ни случилось, мы свидимся опять. Кланяйся Даниелю, Филиппу и всему твоему кружку..." Вряд ли это письмо, единственное, где будущий реформатор говорит о своей семье, может свидетельствовать в пользу его сыновних чувств. Некоторые биографы-панегиристы объясняют эту сдержанность тем, что Кальвин в то время не мог уже сочувствовать своему отцу, умиравшему в заблуждениях католической церкви. Но не говоря уже о том, что Кальвин тогда еще сам оставался католиком, такое объяснение холодности сына к умирающему отцу, конечно, более чем натянуто.

Несмотря на увлечение лекциями Альциати, Кальвин скоро перестал удовлетворяться исключительными занятиями юриспруденцией. Он снова принимается за гуманитарные науки и под руководством Мельхиора Вольмара, одного из немецких гуманистов, читавшего тогда лекции в Бурже, усердно занимается изучением греческого языка и классических древностей. Смерть отца развязывает ему руки, и он окончательно бросает юриспруденцию.

Мельхиор Вольмар играет очень важную роль в истории научного и религиозного развития Кальвина. Это был человек, страстно любивший греческих писателей и относившийся к своим ученикам с отеческой нежностью. Он держал себя с ними совершенно запросто, принимал к сердцу их интересы и даже, в случае нужды, уплачивал их долги. Кальвина он любил в особенности, возлагая на него большие надежды. Дело в том, что немецкий гуманист был приверженцем новых реформационных идей и эти идеи старался привить и своему ученику. Часто, сходя с кафедры, он брал Кальвина под руку и, прогуливаясь с ним по двору, продолжал беседу о греческих писателях, в которых был буквально влюблен. Но это пристрастие не ослепляло его. Вольмар понимал, что Кальвин не рожден для того, чтобы комментировать Аристофана или какого-нибудь другого только что откопанного грека, и что с его находчивым умом и поразительной логикой он был бы превосходным приобретением для реформационной партии. И вот однажды, во время своей вечерней прогулки, Вольмар заметил своему ученику: "Знаешь ли ты, что твой отец ошибся насчет твоего призвания? Ты не призван, подобно Альциати, преподавать римское право или, как я, распространять знание греческой литературы. Посвяти себя теологии, ибо теология всем наукам наука".

Для Кальвина, впрочем, в этом предложении не было ничего неожиданного. Мы не знаем, когда именно религиозные сомнения начали впервые закрадываться в его душу. Но несомненно, что новые идеи уже давно ему были знакомы. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, он вряд ли мог оставаться совершенно безучастным к происходившему вокруг него религиозному брожению. Реформационные идеи быстро проникали во все

*Листовки периода Реформации
с текстами из Священного Писания.
Рисунки Лукаса Кранаха*

слои общества. Уже во время пребывания Кальвина в Париже в духовном и университетском кругах происходило сильное брожение, вызванное проповедью виттенбергского монаха. Сорбонна осудила учение Лютера, но от этого популярность его только увеличилась. Меланхтон, имя которого было известно всей образованной Франции, осыпал сорбоннистов своими едкими насмешками. Его памфлеты тайком ходили по рукам учащейся молодежи; имя мужественного монаха, осмелившегося громко требовать свободы совести, было у всех на устах. Теология стала модной наукой. Ею занимались не только ученый или духовный люд, но даже светские женщины. Любимая сестра Франциска I Маргарита Наваррская¹ сочиняла

¹ Маргарита Наваррская (1492—1549) — талантливая новеллистка французского Возрождения, автор сборника "Гептамерон". Ее первым мужем был герцог Карл Алансонский (1489—1525), вторым — король Наварры Генрих д'Альбре (1503—1555). Ее дочь Жанна д'Альбре (1528—1572) в 1548 г. вышла замуж за Антуана де Бурбона (1518—1562), а их сын Генрих IV был первым французским королем из династии Бурбонов.

духовные стихи и сочувствовала новым веяниям. Вполне естественно поэтому, что и молодой восприимчивый нуайонский воспитанник не мог оставаться глухим к оживленным толкам о новом учении, которому сочувствовал и его любимый учитель Кордые. В Орлеане и Бурже он также застал сильное религиозное движение. Здесь было много немецких студентов, живо интересовавшихся событиями на родине. Успехи Лютера составляли злобу дня; число его приверженцев все возрастало. Уже в 1528 году Орлеан делается ареной религиозного гонения. Понятно, что все эти горячие толки не могли не заставить и Кальвина задумываться подчас о религиозных вопросах, несмотря на то что он тогда всецело был поглощен изучением юридических и гуманитарных наук. Слова Вольмара попали, таким образом, на почву, давно уже подготовленную. Под его влиянием Кальвин с жаром принимается за теологию, усердно изучает Библию, на которую опирались сторонники нового учения, знакомится с сочинениями тогдашних реформаторов и вполне усваивает себе основное учение Лютера — об оправдании верой. Мы застаем его даже проповедующим это новое учение в маленьком соседнем городке Линьере, в доме одного местного аристократа, которому он очень понравился смелостью и новизной своих взглядов. Около этого же времени Кальвин вступает в непосредственные сношения с некоторыми выдающимися деятелями Реформации, например с Буцером, которого он посещает в Страсбурге, этом "Новом Иерусалиме", как называли его французские приверженцы реформы.

К этому времени относится также первое знакомство Кальвина с его будущим сподвижником и биографом Беза¹, которого он встречал в доме Вольмара. Это был молодой человек необыкновенно красивой наружности, с изящными манерами, с увлекательным красноречием, любимец женщин, муз и своего учителя Вольмара. В то время религиозные вопросы интересовали его очень мало. Его стихи, в которых он старался подражать Катулле, были безукоризненно изящны по форме, но часто отличались очень фривольным содержанием. Несмотря на совершенную противоположность натур, молодые люди сблизились между собой. Один уважал другого за строгость нравов, за ясный и глубокий ум, другой ценил в блестящем молодом человеке те качества, которых ему самому недоставало. Впоследствии эта дружба укрепилась еще более, и Беза, обратившийся к новому учению, становится верным помощником Кальвина в его реформаторской деятельности, его восторженным апологетом и защитником против ожесточенных нападков враждебной партии.

Было бы, однако, совершенно несправедливо видеть в Кальвине уже в это время человека с совершенно сложившимися религиозными убеждениями и вполне выяснившимся враждебным отношением к католицизму. Несмотря на возникавшие в нем сомнения, несмотря даже на проповеди,

¹ Беза, Теодор де (1519–1605) – деятель Реформации, проповедовал в Лозанне и Женеве. В 1561 г. прибыл во Францию защищать дело гугенотов, но вскоре возвратился в Женеву, где в 1564 г. стал преемником Кальвина.

в которых он высказывал многие реформационные идеи, Кальвин вовсе и не помышлял о полном переходе на сторону Реформации. Многие биографы считают его обращение в этот период уже совершившимся фактом. Но мнение это совершенно ошибочно. Решение окончательно порвать с католицизмом явилось у него значительно позже. При своей любви к порядку и системе он не мог мириться с тем хаосом, который представлялся ему неизбежным следствием устранения церковного авторитета. Строгое единство римской церкви, ее стройная организация импонировали ему так же сильно, как и многим другим ученым гуманистам, которые, при всем сознании недостатков и злоупотреблений католической церкви, не решались все-таки выходить из ее лона. Подобно многим свободномыслящим людям тогдашней Франции, Кальвин стоял лишь на почве легальной оппозиции папству и стремился не к разрушению церкви, а лишь к ее очищению. В этом духе, по всей вероятности, и держались его тогдашние проповеди.

Но и эти идеи умеренной церковной оппозиции занимали его далеко не всецело. Мучительное тревожное состояние, в которое повергали его занятия теологией, побуждало его еще сильнее искать успокоения в гуманитарных науках. Покончив с юриспруденцией после смерти отца, Кальвин решает посвятить себя науке. Он мечтает о том, чтобы составить себе имя в ученом мире. Робкий, не любящий света, молодой ученый не чувствует в себе призвания к общественной деятельности. Его более привлекает слава Эразма Роттердамского или Рейхлина, чем блестящее, но тревожное поприще Лютера и Цвингли.

С такими-то намерениями, ничего общего не имеющими с жадной пропаганды, которую ему приписывает большинство биографов, Кальвин, окончив курс наук со степенью лиценциата, отправляется летом 1531 года в Париж. Здесь он находит многих из своих прежних университетских приятелей, которые встречают его с радостью. Чтобы быть ближе к месту чтений ученого эллиниста Данеса, Кальвин поселяется в коллегии Фортэ и, не теряя времени, принимается за работу. Он усердно посещает лекции, роется в библиотеках и бывает только в обществе молодых ученых, из которых более всего сближается с молодым Копом, сыном знаменитого королевского лейб-медика. В немногих письмах к друзьям, относящихся к этому времени, довольно ясно обрисовывается его нравственный образ. Это молодой ученый, серьезный не по летам, строгий к себе и другим, но доступный для дружбы. Рядом с этими чертами мы замечаем в нем любовь к порядку, аккуратность, доходящую до педантизма, и значительную дозу раздражительности, даже мелочности. Он сердится, когда ему долго не возвращают взятой книги, и требует ее обратно, хотя и не нуждается в ней. Точный и аккуратный сам, Кальвин требует того же и от других; он очень чувствителен к недостатку вежливости и сильно обижается, если кто-нибудь, даже самый интимный его друг Даниель, забывает отдать ему визит или не кланяется в письме. Но ни в одном из писем мы не находим указаний на то, чтоб Кальвин занимался в это время богословскими вопросами. Когда Даниель, сестра которого хотела поступить в монастырь, поручает

ему переговорить об этом с настоятельницей, он исполняет это поручение с обычной добросовестностью, нисколько не думая протестовать против монашества.

В таких занятиях проходит почти год. Несмотря на далеко не блестящее материальное положение, так как дела его отца в последние годы были сильно расстроены, а доходы с обоих приходов также поступали неисправно, это время было самым счастливым в жизни Кальвина. Заботы друзей избавляли его от нужды, и благодаря этому он мог совершенно спокойно отдаваться любимому делу. Весной 1532 года Кальвин наконец решается открыто вступить на литературное поприще. "Наконец-то жребий брошен!" — такими словами возвещает он Даниелю о появлении своего первого научного труда. Это был комментарий к трактату Сенеки "О кротости" — сочинение, несомненно делающее честь молодому автору. Уже в этом юношеском произведении обнаруживаются в значительной степени редкая начитанность, ясность и точность выражений и самостоятельность суждений, которыми отличаются его позднейшие работы. В авторе, кроме того, сказывается прежний юрист. С удивительной смелостью Кальвин делает очень прозрачные намеки на политическое состояние своего времени, осуждая недостатки правосудия, злоупотребления администрации и особенно принцип абсолютизма, уверяя монархов словами Саллюстия, что самая надежная опора их трона заключается не в войске и деньгах, а в любви подданных.

Кальвин, очевидно, был очень озабочен успехом этого первого произведения своего пера, на которое он затратил все свои средства. Он рассылает повсюду экземпляры своего сочинения, прося друзей и профессоров содействовать его распространению. "Комментарий напечатан, — пишет он Даниелю, — но на мой счет, и это стоило гораздо больше, чем ты думаешь. Теперь надо продать его и вернуть затраченные деньги. Надо позаботиться также о своей репутации. Сообщи мне прежде всего, как была принята моя книга — с одобрением или холодно, и попроси Ландринуса прочесть о ней лекцию — это упрочит мою известность". Перед нами, очевидно, лишь начинающий ученый, очень ревнивый к своей славе, но в котором еще ничто не предвещает будущего реформатора.

Но этот будущий реформатор уже зреет в нем. Несмотря на успех книги, несмотря на открывшуюся перед ним перспективу блестящей будущности, Кальвин все сильнее и сильнее сознает необходимость покончить так или иначе с мучающими его религиозными сомнениями. "Я был тогда далеко от полного спокойствия, — писал он впоследствии об этом переходном периоде, — всякий раз, когда я погружался в себя или обращался душой к Богу, меня охватывал такой сильный ужас, что никакие покаяния не могли его рассеять. Чем более я анализировал себя, тем острее становились терзания моей совести, и поэтому, чтоб найти облегчение, мне не оставалось ничего другого, как обманывать себя забываясь..."

Кальвин и забывался некоторое время, как мы видели, за усиленной работой. Но долго это продолжаться не могло. Помимо внутреннего

состояния души внешние обстоятельства также побуждали его окончательно выяснить свое отношение к католической церкви. Вокруг него реформа ежедневно одерживала новые победы. Многие из его знакомых открыто перешли на сторону нового учения; родственник Кальвина, Роберт Оливетан, горячий приверженец Реформации, употреблял все усилия, чтобы обратить и его. Кальвин не мог дольше уклоняться от окончательного решения: он подвергает наконец свои религиозные воззрения строгой проверке, и результатом этой проверки является его переход на сторону Реформации.

В противоположность германскому реформатору, который в своих сочинениях очень часто и с большой словоохотливостью вспоминает историю своего обращения, Кальвин сохраняет о самом процессе своего внутреннего перерождения полнейшее молчание. В знаменитом предисловии комментария к Псалмам, где автор вкратце рассказывает свою жизнь, он только упоминает, что Божественная истина сразу, как молния, озарила его, что он понял тогда, "в какой бездне заблуждений, в какой глубокой тине погрязла до тех пор его душа. И тогда, о Боже, я сделал то, что было моим долгом, и со страхом и слезами, проклиная свою прежнюю жизнь, направился по Твоему пути".

Покончив со своими прежними сомнениями, Кальвин быстро и решительно становится на новый путь. Это — человек, не способный на компромиссы, не признающий полумер. Он отказывается от блестящей карьеры, которая ожидала его как на духовном, так и на ученом поприще, и решается сделаться проповедником нового учения. Прежние занятия гуманитарными науками брошены окончательно; комментарий к Сенеке — его первая и последняя философская работа. Гуманист становится теологом, Библия и отцы церкви навсегда вытесняют классиков.

II

КАЛЬВИН СТАНОВИТСЯ ПРОПОВЕДНИКОМ ЕВАНГЕЛИЯ

Речь в университете. — Бегство из Парижа. — Его пребывание в Ангулеме и Нераке. —
Первое теологическое сочинение Кальвина. — Возвращение в столицу,
история с летучими листками и "очищение" Парижа. —
Кальвин поселяется в Базеле и издает
"Наставление в христианской вере"

Это внезапное, хотя, в сущности, давно уже подготовлявшееся обращение произошло во второй половине 1532 года. Скоро маленькая евангелическая община в столице почувствовала, какое важное приобретение она сделала в лице своего нового члена. Не прошло и года, как ученый комментатор

Сенеки, несмотря на свою молодость, становится духовным центром всех приверженцев нового учения в Париже. "Все, что было предано чистому учению, — рассказывает он сам не без гордости, — собиралось вокруг меня, чтобы поучаться у меня, неопытного молодого человека".

В Париже Кальвин познакомился с одним ревностным приверженцем реформы, купцом Этьеном Делафорже, лавка которого служила обычным местом схода всех его единомышленников. Здесь Кальвин часто говорил свои проповеди, полные энергичных нападок на католицизм. Подобно Лютеру, он громил невежество духовенства, роскошный образ жизни прелатов, отрицал исповедь, называл бессмыслицей путешествия для поклонения Святым местам или чудотворным иконам. В пламенных выражениях оратор возвещал своим слушателям новое слово, долженствовавшее обновить мир, — основной догмат Реформации об оправдании верой. Его голос проникал и к томившимся в темницах единоверцам, которых он утешал и укреплял в вере своими письмами, обнаруживая в доставлении их замечательную изобретательность.

Но Кальвин не довольствовался этими успехами. У него возникла мысль вызвать движение сверху.

Обращение Кальвина произошло в такое время, которое было сравнительно благоприятно для Реформации. Франциск I, этот "король-рыцарь", покровитель наук и искусств, под влиянием своей сестры Маргариты Наваррской и фаворитки герцогини д'Этамп первое время относился снисходительно к новым идеям. Довольно равнодушный вообще к вопросам веры, он вначале смотрел сквозь пальцы на распространение протестантизма в своих владениях, покровительствовал гуманистам и даже сдерживал усердие Сорбонны в борьбе с новым учением. Но религиозный фанатизм новообращенных, их частые враждебные демонстрации против господствующей церкви сильно повредили им в глазах короля. Католическая партия сумела представить их Франциску I людьми опасными в политическом отношении, и после своего поражения при Павии¹, нуждаясь в поддержке папы для борьбы с германским императором, он усиливает строгости против "еретиков". Однако влияние любимой сестры по временам заставляло его ослаблять эти строгости. Она даже добилась того, что король согласился присутствовать на проповедях некоторых приверженцев Реформации и сделать строгий выговор Сорбонне, осмелившейся осудить сочинение Маргариты "Зеркало греховной души", в котором проводились некоторые реформационные идеи. Под ее влиянием он даже решил было вызвать из Германии знаменитого Меланхтона, чтобы выслушать его мнение, и по этому поводу вступил с ним в переговоры.

¹ 24 февраля 1525 г. французский король Франциск I потерпел жестокое поражение в битве при Павии и попал в плен к императору Карлу V. В тот же вечер в письме к матери он писал: "Все потеряно, кроме чести". По Мадридскому миру (1526) Франциск I пошел на большие уступки Карлу V, но, вернувшись из плена, нарушил условия договора. Вскоре война между Францией и Испанией возобновилась.

Пользуясь этим благоприятным настроением короля и горя нетерпением проявить свое религиозное усердие, Кальвин задумывает смелый план — он решается открыто, перед лицом всей Франции, возвестить новое, чистое ученье.

В праздник Всех Святых друг его, Николай Коп, избранный в октябре 1533 года ректором университета, должен был по обычаю произнести публичную речь. Речь эту составляет для него Кальвин. В назначенный день перед многочисленной аудиторией Коп произносит речь "О христианской философии", в которой, под очень прозрачным покровом, проводился основной принцип лютерового теологии — об оправдании верой и делались резкие нападки на "софистов", под которыми подразумевались теологи Сорбонны. Этот смелый вызов, брошенный католицизму, наделал, конечно, много шума. Сорбонна была возмущена такой неслыханной дерзостью и потребовала удовлетворения. Парламент также принял ее сторону. Ректор, призванный к ответу, спасся бегством в Базель. Против Кальвина, на которого молва указывает как на автора речи, также возбуждается преследование. Но друзья вовремя предупреждают его и, в то время как пришедшие арестовать его обыскивают его бумаги, Кальвин, выскочив через окно, пробирается в предместье города и, переодевшись, как гласит предание, в крестьянское платье, оставляет Париж.

Эта первая неудачная попытка подействовала отрезвляющим образом на религиозный пыл новообращенного. Он должен был убедиться, что своей смелой выходкой оказал евангельской партии медвежью услугу. Урок не прошел для него даром, и с тех пор он выказывает в своем образе действий более осмотрительности.

Общественное мнение было слишком возбуждено против смелых новаторов, и потому, несмотря на заступничество Маргариты Наваррской, Кальвин не решается вернуться в Париж и под именем д'Еспевилля отправляется в Южную Францию. С тех пор для молодого ученого начинается тревожная скитальческая жизнь. Достоверных сведений об этом времени у нас очень мало, несмотря на то что биографы Кальвина разукрасили период, последовавший за его бегством из Парижа, различными романтическими подробностями. Несомненно лишь то, что во время своих странствий он продолжал, хотя и с осторожностью, проповедовать новое учение и эти проповеди сопровождалась большим успехом. Более продолжительное время Кальвин проводит в Ангулеме, где еще долгое время спустя показывали виноградник, в котором молодой скиталец любил предаваться размышлениям. В это время он знакомится с каноником Луи дю Тиллье, у которого находит не только самый радушный прием, но и необыкновенно богатую библиотеку. У этого Тиллье, в его прелестном уединенном домике, он прожил сравнительно долгое время, и здесь-то был задуман, а может быть, и начат великий труд, вскоре прославивший его имя на весь реформационный мир. Отсюда Кальвин часто предпринимает поездки с такой осмотрительностью, что местное духовенство даже сочло возможным поручить ему составление некоторых "духовных увещаний" и разрешить публичные про-

поведи. В мае 1534 года мы застаем его на родине, в Нуайоне, где он окончательно отказывается от своих приходов, не считая возможным долее сохранять их за собой при своих изменившихся религиозных убеждениях. Впрочем, это не мешает ему уступить их другим лишь за известное вознаграждение — обстоятельство, которое часто ставили ему в вину его католические противники. Некоторое время он проводит также в Нераке, при дворе Маргариты Наваррской, которая приняла его с большим радушием. Наконец, к этому же периоду относится появление его первого теологического труда "Сон душ", в котором резко осуждается учение анабаптистов, утверждавших, что после смерти человеческие души пребывают в состоянии сна до наступления Страшного суда. Сочинение это представляет замечательный контраст с его предыдущим трудом. Резкий полемический тон, признание безусловного авторитета Библии ясно показывают в авторе теолога, который окончательно отказался от своих прежних гуманистических тенденций.

К концу того же года Кальвин даже решается вернуться в Париж.

Королеве Маргарите удалось договориться с братом о том, чтобы дело об университетской речи было потушено. Благодаря ее стараниям в Париже даже образовалась маленькая протестантская церковь, и можно было надеяться, что дальнейшее ее развитие не встретит сильных препятствий. Но этому мирному развитию помешали беспорядки в среде самих протестантов. Дело в том, что наряду с учением Лютера из Германии стали проникать в это время учения разных сектантов. Некоторые из них были не только враждебны католицизму, но даже отличались антихристианским направлением — каковы, например, секты анабаптистов и антитринитариев, отрицавших Святую Троицу. Все это, конечно, отражалось невыгодно на успехах нового учения, вносило раскол и беспорядок в неокрепшую еще церковь. Но еще более губило дело Реформации несвоевременное усердие и фанатизм ее поборников. Не довольствуясь мирной пропагандой своего учения, они позволяли себе открыто враждебные демонстрации против католической церкви, часто нападали на религиозные процессии, совершали разные бесчинства в церквях. Чтобы содействовать распространению новых идей, они составляли летучие листки, в которых осмеивалось папство и его заблуждения, и эти листки вывешивали ночью на церковных и монастырских дверях, на воротах Лувра и Сорбонны. В 1534 году количество подобных листов было особенно велико. Все эти демонстрации только усиливали раздражение католиков. Сам Беза осуждает эти излишества своих единомышленников, так как можно было ожидать, что "король в конце концов начнет находить вкус в истинах нового учения".

18 октября 1534 года Париж находился в сильном волнении. На всех общественных зданиях, даже на дверях королевского кабинета оказались вывешенными летучие листки, где в самых оскорбительных выражениях говорилось "о великих и отвратительных злоупотреблениях папской мессы", причем доказывалось, что католики только профанируют таинство причащения.

Король и все католики были возмущены таким богохульством. Решено было не давать больше пощады еретикам и немедленно предпринять "очищение" Парижа. 29 января 1535 года король, с факелом в руке и обнаженной головой, в сопровождении всего двора и громадной толпы народа, направился во главе грандиозной процессии к епископскому дворцу и, по совершении торжественного богослужения, объявил собравшемуся духовенству, парламенту и народу, что не потерпит более никакого оскорбления величия Божья и будет беспощаден к виновным, хотя бы в числе их оказался его собственный сын. В тот же день, в виде грозного предостережения, в различных частях города запылали костры, на которых погибли мученической смертью шесть арестованных протестантов. В числе их находился и друг Кальвина Делафорж.

При таких обстоятельствах оставаться во Франции было слишком рискованно. Кальвин решает поэтому оставить отечество и отыскать какой-нибудь уединенный уголок, где бы он мог в полной безопасности отдаться своим теологическим работам. В сопровождении Тиллье, который сделался его горячим приверженцем, он переходит границу. Недалеко от Меца один из слуг обкрадывает их, и они, почти без всяких средств, пешком добираются наконец до Страсбурга. Здесь Кальвин впервые может свободно вздохнуть. Буцер уговаривает его остаться, но он жаждет полного спокойствия и потому после короткого отдыха снова собирается в путь и достигает Базеля.

Этот гостеприимный город, служивший убежищем для многих французских эмигрантов, понравился Кальвину. Здесь жили в то время гуманисты Капито и Гринеус; здесь же доживал свои дни знаменитый Эразм Роттердамский, который, как рассказывают, увидев в первый раз Кальвина, сразу оценил его своим тонким критическим умом и заметил, что "в лице этого молодого человека против церкви готовится страшный бич".

Кальвин решает окончательно поселиться в Базеле и служить делу Реформации лишь литературными трудами. Чтобы не привлекать к себе внимания, он живет под чужим именем и ведет самую тихую, уединенную жизнь. Он принимает участие в французском переводе Библии, затеянном его родственником Оливетаном, и пишет к нему предисловие, где защищает право всякого верующего на беспрепятственное пользование Священным Писанием. В то же время он серьезно работает над своим давно уже задуманным трудом "Наставление в христианской вере".

Но, наслаждаясь этим давно уже не испытанным спокойствием, Кальвин все-таки не может не прислушиваться к вестям, приходившим с родины. А эти вести становились все тревожнее. Франциск I нуждался в союзе протестантских князей для борьбы со своим злейшим врагом Карлом V.

*Французская карикатура на папу.
Гравюра конца XV века*

Ego sum Papa.

Чтобы оправдать перед своими союзниками жестокости, совершавшиеся во Франции над их единоверцами, он распускал слух, что эти преследования направлены только против анабаптистов, которые не были терпимы и в Германии, и что казни их вызываются не их религиозными мнениями, а теми антимонархическими разрушительными идеями, которыми проникнуто их ученье.

Тогда Кальвин решается выступить в защиту своих оклеветанных братьев. "Я счел бы предательством молчать дольше", — говорит он про свое настроение. И он с усиленным рвением принимается за работу и заканчивает наконец свое знаменитое сочинение "Наставление в христианской вере".

III

"НАСТАВЛЕНИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ" И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕФОРМАЦИИ

Кальвин радикальнее Лютера. — Учение об оправдании верой у Кальвина; догмат о предопределении; толкование таинства евхаристии. — Учение Кальвина о церкви и государстве; их взаимные отношения. — Ветхозаветный дух его учения. — Кальвинизм и католицизм. — Общая характеристика сочинения: его полемический тон, слог; его необыкновенный успех

Первоначальный план Кальвина, когда он задумал этот труд, состоял в том, чтобы дать соотечественникам краткое популярное изложение основных принципов нового ученья. Теперь, ввиду изменившихся обстоятельств, план этот подвергся некоторым изменениям. Противники Реформации должны были убедиться, что последователи ее не только не придерживаются каких-либо разрушительных доктрин, но что они одни стоят на истинно евангельской почве, что истинная церковь лишь та, к которой принадлежат они, приверженцы так называемого нового, но в сущности первоначального, неискаженного христианского учения. Сочинение, таким образом, должно было приобрести характер апологетически-полемический. Кроме того, чтобы сделать его доступным всему образованному миру, необходимо было издать его на латинском языке.

В 1536 году в Базеле появилось первое издание "Наставления в христианской вере"; это был небольшой том. С тех пор одно издание следовало за другим и каждый раз объем книги все увеличивался. Это был главный, любимый труд реформатора, к которому он постоянно возвращался, отделявая детали, усиливая доказательства и пополняя пропуски. В первом издании книга состояла всего лишь из 6 глав; последнее (6-е, при жизни реформатора) издание 1559 года состояло уже из 4 книг, подразделявшихся

на 80 глав. За каждым латинским изданием обыкновенно следовал его французский перевод. Но несмотря на эти переработки, основные идеи сочинения остаются одинаковыми во всех изданиях. Двадцатипятилетний автор исповедовал те же принципы, которых защищал до конца своей жизни.

”Наставление в христианской вере”, бесспорно, было самым выдающимся произведением эпохи Реформации. Мысль изложить в стройном систематическом порядке основные начала протестантизма являлась уже и до Кальвина. Были и попытки этого рода — таковы например, ”Общие принципы теологии” Меланхтона (1521), ”Об истинной и ложной религии” Цвингли (1525), катехизис Фареля, но все эти произведения делали еще ощутимее недостаток такого труда, который представлял бы цельное и законченное изложение протестантской теологии. Появление сочинения Кальвина составляет поэтому эпоху в истории. С тех пор приверженцы реформы могли выставить свою ясную, отчетливую формулу веры и в борьбе с католицизмом, сильным своей стройной организацией, опереться на организацию не менее стройную и законченную.

Рассмотрим же в главных чертах это учение в том законченном виде, в каком оно является в последнем издании ”Наставления в христианской вере”.

Для биографа Кальвина сочинение это представляет двойную ценность: не только потому, что это — программа деятельности, которой он неуклонно следовал всю жизнь, но и потому, что в этом сочинении, точно в зеркале, отражается характер и склад ума реформатора. Действительно, его ясный, светлый ум, его беспощадная логика не знают середины, не признают полумер: то, что у его предшественников является только намеченным, у него развивается до последних логических выводов. Кальвин не входит ни в какие сделки с преданием. Без страха, без сожаления он разрушает все старое и на его обломках воздвигает гордое здание своего учения, величественное по своей смелости и неумолимой последовательности.

Если сравнить системы обоих реформаторов — германского и женеvского, то роль, которую играет в каждой из них личный характер и условия развития их творцов, становится еще заметнее. Лютер провел значительную часть своей жизни на службе католической церкви и проникся ее духом, от которого не может отрешиться и впоследствии. Кальвин, развитие которого совершалось уже под влиянием новых веяний, никогда, собственно, не был вполне убежденным католиком. То, что удерживало его так долго в старой церкви, было не столько твердое убеждение, сколько врожденная любовь к порядку, которая заставляла его видеть в единстве и образцовой иерархии католической церкви единственный идеальный, Богом установленный порядок вещей. Раз отрешившись от этого взгляда, он уже не останавливается на полдороге — он круто и бесповоротно порывает с прошлым и вступает в резкий антагонизм с католической церковью. Лютер отступает от церковной традиции лишь настолько, насколько его вынуждает к этому буква Писания. Он признал бы даже и папу, если бы тот не

мешал ему проповедовать. Кальвин гораздо радикальнее. Он признает только один безусловный авторитет — Священное Писание. По его мнению, Бог раз навсегда выразил свою волю в Писании и вся жизнь человечества — не только религиозная и нравственная, но политическое и церковное устройство — должна быть строго согласована с буквой этого закона. Церковная традиция для него пустой звук. Отцы церкви имеют значение лишь в той степени, в какой их учение соответствует прямому смыслу Писания, и в полемике с ними реформатор часто позволяет себе самые пренебрежительные выражения. Не менее решительно, чем церковное предание, он отвергает и помощь человеческого разума. "Лучше невежество верующего, чем дерзость мудрствующего" — таков отныне девиз недавнего гуманиста. Христианство в его учении становится, таким образом, "религией книги", неизменным и неподвижным, как ислам, раз навсегда заключенным в тесные рамки Священного Писания. Недоступное никаким влияниям истории и философии, сковывающее всякое развитие форм общественной и религиозной жизни, оно, как мы уже сказали, служит верным отражением жизни и характера самого реформатора, который, раз выяснив себе свою программу, ни в чем не отступал от нее до конца жизни.

Учение об оправдании верой, об абсолютной невозможности для человека собственными усилиями добиться спасения — этот центральный пункт лютеровской догматики — занимает и у Кальвина выдающееся место. Как известно, учение это явилось как протест против католического учения о добрых делах, под которыми разумели почти исключительно дела внешнего благочестия. Лютер ополчился против крайностей этой теории, приведшей к гнусной торговле индульгенциями. Он доказывал, что добрых дел недостаточно, что спасти человека может только вера, одна вера в искупительный подвиг Христа, причем, однако, полагал, что и сама вера является в человеке только вследствие Божьей благодати. Это учение, найденное им в сочинениях святого Августина и заключающее уже зачатки предопределения, германский реформатор старается все-таки примирить со свободной волей человека. Кальвин и тут идет гораздо дальше. С беспощадной логикой он доказывает, что если вера является лишь как действие благодати, если человек сам, без Божественной помощи, не может спастись, то из этого следует, что и спасение и спасение его зависит исключительно от Божественной воли, что свободы воли нет и не может быть, что допускать последнюю — значит ставить Бога в зависимость от человека. Человек существует лишь для прославления величия Бога, который одних — для возвеличения своего милосердия — предопределяет к спасению, других — для возвеличения своей справедливости — к проклятию. Чтобы исключить всякую мысль о свободе человеческой воли, Кальвин с особенной силой напирает на то, что под этим предопределением не следует понимать лишь то, что Бог наперед знает все человеческие дела. Спасение не зависит также от одной только веры. Истинно верующим может быть лишь тот, кто "избран". Подобно тому как Бог, не обращая внимания на заслуги, руководствуясь своей вечной, неизменной, непостижимой для нас

волей, одних избирает для спасения, точно так же он осуждает других — "еще раньше, чем они совершили что-либо хорошее или дурное" — на вечное проклятие. И при этом Он не ограничивается в отношении этих заранее осужденных одним только попустительством зла — Он сам ожесточает их сердца, толкает их ко злу. Дьявол, который творит зло лишь с разрешения Божества, может только мучить избранного, но не победит его. Божественная воля не знает перемен и колебаний. Кто раз был записан в книгу жизни, тот не может быть вычеркнут из нее; кто владеет Божественной благодатью, тот никогда не утратит ее, несмотря на все свои заблуждения. Только для избранного имеет значение молитва, вера, страх Божий. Тот же, кто записан в книгу смерти, остается неизменным "сосудом гнева Божья", и все, даже его добрые дела, ведет его к проклятию. Его добродетели, его вера — призрачны, спасение для него невозможно.

Это учение о божественном предопределении представляет излюбленный догмат реформатора, фундамент, на котором построена вся его система. На нем основано и его понимание всех остальных догматов христианства — учение об искупительном подвиге Спасителя, о первородном грехе и другие. Толкование таинства причащения, в котором Кальвин расходится как с Лютером, так и с Цвингли, представляет лишь применение того же основного догмата. Основываясь на словах Спасителя: "сие есть тело мое" (хлеб), "сие есть кровь моя" (вино), Лютер проповедовал реальное присутствие Христа в евхаристии; Цвингли, напротив, утверждал, что в данном случае слово "есть" значит "знаменует", и потому признал за причащением лишь символическое значение. Кальвин стоит на точке зрения, средней между Лютером и Цвингли. По его учению, приобщающемуся сообщается Божественная благодать, духовная субстанция Христа, но лишь в том случае, если он принадлежит к "избранным".

Это мрачное учение, отвергающее свободу воли, отнимающее у "осужденного" всякую надежду, делающее человека бессмысленной игрушкой непонятной ему высшей воли, по временам внушало "содрогание" и самому провозвестнику его. Кальвин не мог не понимать, что, отнимая у человека возможность путем нравственного самоусовершенствования добиваться вечного спасения, он этим самым открывает полный произвол человеческим страстям. Реформатор старается поэтому отвратить грозящую опасность. По его учению, человек не должен проникать в тайны божественных решений; он не может знать, принадлежит ли он к числу избранных или отверженных, и должен поэтому ревностно заботиться о том, чтобы по своему поведению оказаться достойным этого избрания. Необходимо отклонять от себя как опасное искушение всякое сомнение в своем конечном спасении и следовать по тому пути, который указал нам Господь в своем законе. "Человек падает, — говорит Кальвин, — потому что так постановлено свыше, но грешит он по своей вине".

В связи с этим догматом о предопределении находится и учение Кальвина о церкви. Истинная церковь состоит только из избранных, но так как в этой жизни нельзя знать, кто избран, то к ней должны принадлежать

*Истинные и ложные апостолы Христа.
Гравюра А. Дюрера*

все люди. Эта видимая церковь служит для невидимой церкви избранных как бы внешней оболочкой. Принадлежность к ней необходима, "вне нее нет спасения, нет прощения грехов", разрыв равносителен отречению от Бога и Христа. В этой видимой церкви должна господствовать величайшая чистота нравов. У верующего должна быть одна забота — спасение души; всякие другие земные желания греховны. Церковь должна заботиться о спасении своих членов; она имеет не только право, но и обязанность следить за ними как в общественной, так и в частной их жизни, и строго наказывать всех непокорных, причем важнейшим дисциплинарным средством должно служить церковное отлучение.

Но, спрашивается, в чьих же руках должна сосредоточиться эта воспитательная и наказующая власть церкви, кого Кальвин делает ее носителями и органами?

Учение о церкви представляет одну из важнейших сторон его системы. Отвергая церковную традицию, признавая единственным источником и нормой веры, единственным авторитетом Библию, доступную всякому верующему, он этим самым признает за последним такую компетентность

в делах веры, которая неизбежно должна вести к демократической организации церковной власти. Действительно, в теории Кальвин решительно высказывается за демократическую организацию. Церковная власть принадлежит самой церкви, то есть всем членам, из которых она состоит. Каждая община должна пользоваться самоуправлением в делах веры; она сама организует свое церковное управление, сама охраняет свою веру. Таков был теоретический взгляд Кальвина, высказанный им в его основополагающем сочинении. На практике же, когда ему пришлось реализовать свои идеи в Женеве, это самоуправление общины сделалось довольно призрачным. Кальвин — и по особенностям своей натуры, и по убеждениям — аристократ. Самое учение о предопределении отличается аристократическим характером. По этому учению только немногие избраны Богом для спасения; эти избранники, в своем роде аристократы духа, теряются среди массы осужденных, отверженных. Эти-то аристократические симпатии вытесняют на практике первоначальный демократический элемент в устройстве церкви. Носителями церковной власти являются проповедники, или пасторы. Правда, они избираются общиной, но предлагают их другие проповедники, которым принадлежит и решающий голос, так что, в сущности, выборы остаются в руках немногих. Мы увидим впоследствии, каким аристократическим характером отличалось то политическое устройство, которое он ввел в свободной Женевской общине.

Отличаясь от Лютера в своем взгляде на высокое призвание духовенства, которое, по его учению, должно служить духовным руководителем общины и в руки которого последняя отдает исправительную и наказующую власть церкви, Кальвин еще сильнее расходится с Лютером в определении роли светской власти, государства. Лютер подчинил церковь государству; Кальвин считает оба института одинаково необходимыми для блага людей и старается связать их в одно целое, в котором, однако, преобладает теократический элемент. Государство, по учению Кальвина, в какой бы оно ни выразилось форме, установлено самим Богом и так же необходимо для человека, как пища, свет и воздух. Он находит даже, что слишком строгое правительство лучше слишком слабого, признавая справедливость старой латинской поговорки, по которой государь, разрешающий все, представляет гораздо большее зло, чем тот, который не разрешает ничего. Правительство должно употреблять врученный ему Богом меч для защиты угнетенных, для наказания порочных, для поддержания общественного порядка и спокойствия, но оно не имеет никакой власти над совестью людей, не может присваивать себе авторитета в делах веры. Произвольное смешение светской и духовной власти противно слову Божью. Но вместе с тем, по учению Кальвина, не следует полагать, что обе эти власти должны существовать совершенно отдельно друг от друга. В сущности, они преследуют одну и ту же задачу. Подобно тому как внешняя, телесная жизнь — сфера деятельности государства — должна служить только высшей жизни души, так и государство исполняет свою задачу лишь в тесном союзе с церковью и хотя само по себе не имеет власти в сфере церковной жизни, но зато оно

обязано всеми зависящими от него средствами поддерживать деятельность церкви, проникнуться ее духом, следовать ее внушениям. Таким образом, Кальвин в этом вопросе, в сущности, придерживается католической точки зрения. Государство его получает теократический характер. Оно должно содействовать распространению слова Божья, поддерживать деятельность церкви в этом направлении, строго преследовать идолопоклонство и оскорбление Божьего величия. Религия и страх Божий — вот те основы, на которых должна быть построена государственная жизнь. Всякое политическое устройство, которое не удовлетворяет этим требованиям, достойно осуждения. Аристократические симпатии Кальвина сказываются и в выборе той формы правления, которую он считает наиболее обеспечивающей народное благо. Это именно аристократическая республика. Такая форма правления, по словам реформатора, была и у древних иудеев до Давида. Но какова бы ни была форма правления, какие бы злоупотребления светская власть ни позволяла себе по отношению к подданным, Кальвин предписывает последним полное, слепое повиновение. Единственное исключение допускается в том случае, когда требования этой власти противоречат слову Божью. В этом случае — но только в этом — подданные, в лице своих представителей, имеют право оказать сопротивление правительству.

Значение этого опасного исключения — особенно опасного ввиду той растяжимости, которой, по учению реформатора, отличается понятие о слове Божьем, — он старается ослабить тем, что во всем остальном требует от верующих безусловной покорности. Как бы велики ни были злоупотребления светской власти, как бы ни давило бремя налогов, как бы соблазнительно ни было поведение власть имущих, истинно верующий не должен позволять себе никакой критики их действий; он должен помнить, что величие трона, воздвигнутого Богом, неприкосновенно, что дурные правительства ниспосылаются нам свыше в наказание за грехи, и в смирении ждать помощи от Бога.

Таково в основных чертах учение Кальвина, проникнутое, по его мнению, истинным, неискаженным духом Священного Писания. Библейский дух, действительно, сказывается в некоторых частностях этого ученья, например в устройстве богослужения, в полном изгнании из него всех форм, говорящих чувству или воображению. Разделяя вместе с Лютером его непримиримую ненависть к папе, которого он считает антихристом, к католической церкви, называемой им Вавилоном, вавилонской грешницей, к католическому духовенству, для которого он не находит достаточно сильной брани, Кальвин в преследовании форм католического богослужения идет гораздо далее германского реформатора. Все, что только может напомнить старое суеверие, изгоняется с беспощадной строгостью. Вся католическая месса отменена, употребление в храмах икон или статуй, к которым он применяет смысл второй заповеди, преследуется как служение идолам. Все праздники, основанные на почитании памяти святых, отменяются; впоследствии Кальвин уничтожил и все остальные, сохранив значение церковного праздника лишь за одним воскресным днем. В своем неумолимом преследо-

вании всех чувственных форм католического ритуала Кальвин идет еще далее древнебиблейских требований. По его мнению, даже допущение музыки в богослужении, которая практиковалась в Иерусалимском храме, было только уступкой "слабости времени", и он требует поэтому ее изгнания. Его религия — религия духа и не нуждается ни в каких внешних формах. В системе наказаний за различные преступления против нравственности — та же беспощадная строгость, опирающаяся на Моисеево законодательство. Если последние издания "Наставления в христианской вере" представляют какие-либо изменения по сравнению с первыми, то эти изменения лишь в смысле большего усиления требований реформатора и развития его основных положений до последних логических выводов.

Несмотря на этот ярко выраженный антагонизм с католичеством, нельзя, однако, не заметить, что учение Кальвина имеет и несколько точек соприкосновения с ним. Недаром говорит пословица — крайности соприкасаются. Уже современники заметили эту черту и называли иногда в насмешку реформатора "женевским папой", а Женеву — протестантским Римом. Действительно, представляя самый резкий протест против католицизма, кальвинизм тем не менее имеет с ним много общего. Та же нетерпимость, то же подчинение человеческого разума, только в первом это подчинение церковному авторитету, а во втором — букве закона. Подобно католицизму, Реформация Кальвина отличается универсальным характером, чуждым всяких национальных тенденций. Ненавидя все католическое, женевский реформатор, однако, не может отделаться от чувства удивления перед стройной организацией римской церкви и старается ввести такую же организацию в своей. Сам теократический характер его республики представляет как бы осколок от всемирной теократии, к которой стремились папы. Кальвин отрицал монашество, но аскетический идеал католицизма он предьявлял всем верующим. Вольтер метко охарактеризовал эту особенность женевской Реформации. "Кальвин, — говорит он, — широко растворил двери монастырей, но не для того, чтобы все монахи вышли из них, а для того, чтобы загнать туда весь мир".

В читателе, который станет изучать "Наставления в христианской вере" с точки зрения современных понятий, это мрачное учение действительно не может не вызвать чувства "содрогания". Этот неумолимый, беспощадный Бог, который в своем непостижимом предвечном решении сделал нас, без всякой вины с нашей стороны, "сосудом своего гнева", который не смягчается нашими молитвами, который с какой-то сатанинской злобой толкает отверженных все дальше по пути гибели, этот Бог гнева и мести так мало совпадает с нашими представлениями о Боге любви и всепрощения. Мы не можем не считать систематическим подавлением человеческой личности, человеческой свободы это учение, которое требует слепого повиновения букве закона, отрицая всякое вмешательство разума в дела веры, и стремится раз навсегда замкнуть всю жизнь в одни и те же неподвижные мертвые формы. Для Кальвина наука, философия — только дерзкие попытки проникнуть в тайны непостижимой для нас воли Божества. Те формы жизни,

которые годились для человечества в эпоху библейскую, должны быть для нас обязательными и теперь.

Но еще более отталкивающе, чем содержание, действует на современного читателя сама форма сочинения, тон, который автор принимает в отношении своих противников. Кальвин считает свое учение единственно верным пониманием христианства. Убежденный в своей непогрешимости, он всех своих противников считает врагами Божественной истины, орудиями сатаны, злостными богохульниками. Все сочинение отличается страстным полемическим тоном. Нет наказания, которое казалось бы ему достаточно строгим для людей, не признающих Божественного слова, истинным глашатаем которого он считает себя; нет брани, достаточно сильной для них. "Нечестивые собаки", "шипящие змеи", "дикие звери" и т. п. — вот обычные эпитеты, которыми он награждает своих противников, не стесняясь употреблять их даже в отношении людей безупречной нравственности.

Но как ни неприятно поражает нас это отсутствие христианской терпимости и кротости в этом проповеднике "истинного" христианства, мы не должны забывать духа той эпохи, когда он выступил на арену борьбы. Эта резкость тона, эта несдержанность выражений была вполне в духе времени, и Лютер был так же нетерпим в своей полемике, как и Кальвин. Несмотря на свои недостатки, "Наставление в христианской вере" произвело фурор в тогдашнем реформационном мире. Кальвин не писал для массы, он не обладал популярным красноречием Лютера; его сочинения, отличавшиеся строгой логичностью и убедительностью, распространялись лишь в среде образованных классов. Но в этих кругах общества успех сочинения был необыкновенный. Не только протестанты, но и католики поняли, какую могущественную опору первые приобрели в этом произведении молодого писателя. Католический писатель Флоримон де Ремон называет его не иначе как "Кораном, талмудом ереси, главной причиной наших бедствий", и ненависть, с которой католические писатели всех времен обрушиваются на это важнейшее произведение реформационного гения, служит лучшим доказательством того вреда, которое оно нанесло католицизму.

Не менее поразительным, чем необыкновенная ясность и выдержанность системы в "Наставлении в христианской вере", чем громадная начитанность ее автора, является язык книги. В этом отношении даже самые ожесточенные противники Кальвина отдают ему полную справедливость. "Слог Кальвина ясен, прост, изящен, остроумен, отличается разнообразием форм и тона" — вот качества, признаваемые единогласно как за латинским, так и за французским изданием произведения. Но относительно французского языка Кальвину принадлежит еще другая заслуга. Подобно немецкому переводу Библии Лютера, французский перевод "Наставления" представляет первый образцовый памятник французской прозы. До тех пор ученые сочинения писались почти исключительно на латинском языке. Кальвину при-

ходилось часто создавать новые формы языка, изобретать новые обороты, и он справился с этой задачей блестящим образом. Некоторые части его сочинения, особенно те, где он говорит о величии Священного Писания, о значении молитв, производят глубокое впечатление — их ставят наряду с лучшими страницами Паскаля и Боссюэ. Но самое блестящее место в его сочинении представляет знаменитое посвящение Франциску I, в котором автор с пламенным красноречием берет под защиту своих оклеветанных единоверцев.

* * *

Выпуская в свет свое произведение, Кальвин, конечно, и не подозревал, что ему придется когда-нибудь самому осуществлять на практике свои идеи. После своего неудачного дебюта в Париже он решил вести лишь пером пропаганду нового учения. В Базеле он жил так уединенно, что даже близкие знакомые не знали про его планы и никто из окружающих не подозревал в этом молодом скромном ученом автора только что вышедшего и наделавшего столько шума произведения.

Впрочем, чтобы избежать возможного открытия своего авторства, Кальвин решает даже на время уехать из Базеля. Весной 1536 года он появляется в Ферраре, при дворе герцогини Феррарской — Рене, дочери французского короля Людовика XII¹. Подобно Маргарите Наваррской, молодая, необыкновенно образованная герцогиня уже и раньше высказывала сочувствие новым идеям. Приезд Кальвина окончательно склонил ее в пользу Реформации; ему удалось также обратить и некоторых придворных, но происки инквизиции скоро положили предел этим успехам. "Я увидел Италию лишь затем, чтобы опять покинуть ее", — говорил он с сожалением. С тех пор между Кальвином и герцогиней Феррарской завязывается оживленная переписка, которая не прекращается до самой его смерти.

Из Италии Кальвин еще раз отправляется в свой родной город, где окончательно приводит в порядок свои домашние дела, и отсюда думает пробраться в Базель, чтобы поселиться в нем навсегда. Но в это время из-за войны пройти через Лотарингию было невозможно. Пришлось сделать обход через Савойю, и таким образом Кальвин проездом попал в Женеву.

¹ Рене Французская (1510—1575) — дочь французского короля Людовика XII и Анны Бретанской. Получила прекрасное гуманистическое образование. На ее руку претендовало много женихов, в том числе Карл Австрийский (будущий Карл V), сын курфюрста Бранденбургского, коннетабль де Бурбон, английский король Генрих VIII. В 1528 г. вышла замуж за сына герцога Феррарского Альфонса I д'Эсте — Эрколе (1508 — 1559). Около 1540 г. перестала посещать церковь и примкнула к Реформации. Когда ее муж в 1534 г. стал герцогом Эрколе II, двор герцогини стал прибежищем гонимых за свои религиозные убеждения, в том числе Клемана Маро, Жана Кальвина и др. После смерти мужа в 1560 г. вернулась во Францию.

IV

ЖЕНЕВА ДО КАЛЬВИНА

Ее история, оригинальное политическое устройство; характер города и населения; патриотизм жителей. — Политика Савойского дома и борьба с Савойей. — Союз с Берном и начало Реформации. — Гильом Фарель — первый женеvский реформатор. — Женева становится независимой и протестантской. — Внутреннее состояние города по окончании борьбы

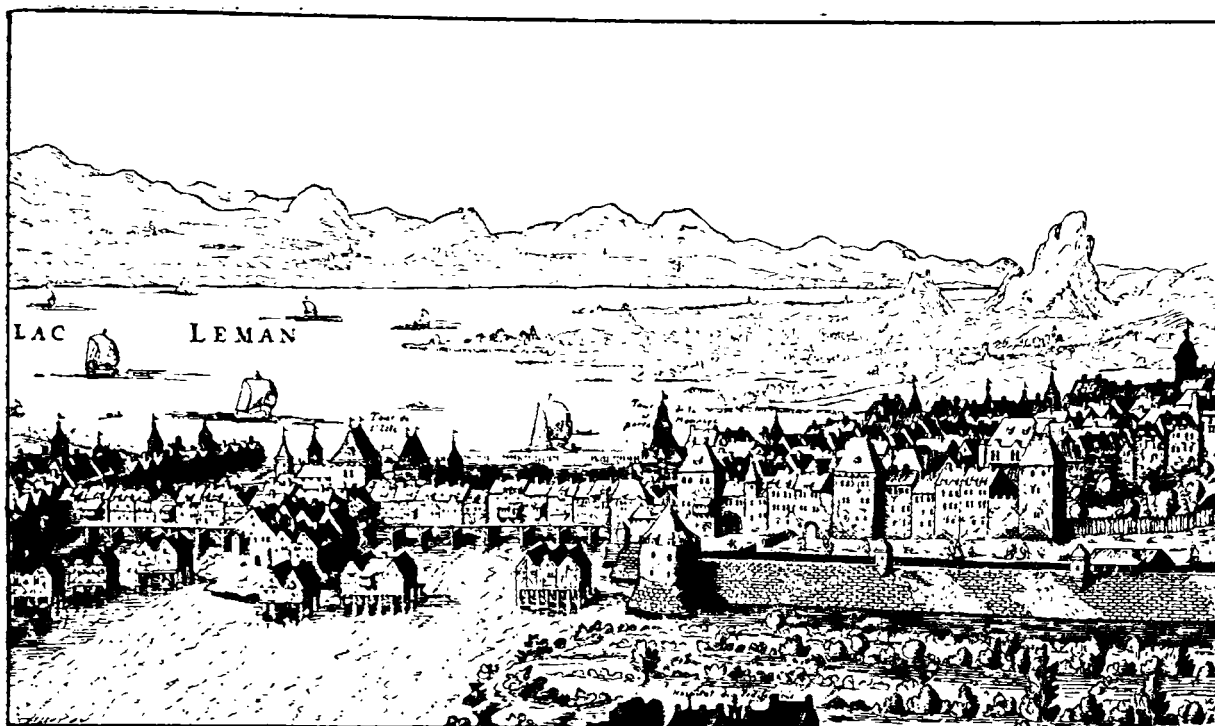
На южном берегу прелестного Леманского озера¹, утопая в зелени, увенчанный сверкающими вершинами Альп расположен тот город, которому суждено было сделаться новым центром религиозного движения, оплотом Реформации. Город этот принадлежит к числу древнейших в Европе. После распада монархии Карла Великого в Женеве наступает продолжительный смутный период, в течение которого в ней непрерывно происходит борьба двух властей, — с одной стороны, Женевских графов, которые в XIV веке уступают свои права герцогам Савойским², а с другой, епископа, который, благодаря частой смене светских властей, успел и сам приобрести довольно значительную светскую власть.

В этой борьбе принимает участие и Женевская община. Помогая той, то другой стороне, она приобретает все более и более привилегий, пока наконец не разрастается сама в такую силу, с которой приходится считаться остальным. В конце концов власть в Женеве оказывается распределенной следующим образом. Епископ в одно и то же время и духовный и светский государь. Он избирается соборным капитулом и дает при избрании торжественную присягу защищать все права и обычаи граждан. Он имеет право назначать подати, чеканить монету. При нем находится совет, члены которого избираются из среды соборного капитула и которому подчиняется суд в важнейших гражданских делах. В уголовных делах епископу принадлежит только право помилования. Рядом с епископом существует власть Савойского графа (потом герцога), который передает ее своему наместнику, "вице-дому". Последнему принадлежит только исполнительная власть.

Но несмотря на присутствие этих двух властей, и сама община пользовалась обширными правами. Устройство ее было демократическое. Два раза в году при звуках большого колокола в соборе Святого Петра все главы семейств собирались на генеральное собрание граждан. Это общее собрание избирало 4 синдиков и казначея, издавало эдикты, обсуждало союзы и назначало цены на вино и зерновой хлеб. Синдики, избравшиеся только на 1 год, считались настоящими представителями муниципальной

¹ Леманское или Женевское озеро.

² Графы Савойские получили от императора герцогский титул в 1415 г.

*Город Женева.
Старинная гравюра*

самостоятельности перед епископом и графом, которые должны были приносить им присягу в охранении прав и свободы города. Им принадлежало право произносить приговоры по особенно важным уголовным делам; они одни могли присуждать к темнице, пытке, которая, впрочем, употреблялась очень редко и в легкой форме, и к смертной казни. Рядом с ними находился "малый совет", состоявший из казначея и 20 назначенных ими членов, заведовавших всеми городскими делами. В более важных случаях приглашались для совещаний представители городских кварталов и наиболее уважаемые граждане; из них со временем образовался "совет 60", контролировавший членов малого совета. Но в вопросах первой важности созывалось Генеральное собрание всех имеющих право голоса граждан и решения этого собрания были обязательны для всех, даже для епископа. Впоследствии совет шестидесяти был заменен советом двухсот.

Это своеобразное политическое устройство, дававшее гражданам Женева такую редкую свободу самоуправления, служило вместе с тем залогом ее процветания. В конце XV века Женева представляла обширный богатый

город с величественными башнями и воротами, с многочисленными церквами и монастырями. Множество духовенства, богатое савойское и бургундское дворянство, собиравшееся сюда из своих замков, чтобы наслаждаться прелестями городской жизни, придавали городу блеск и оживление. Но более всего содействовал процветанию Женевы торговый и промышленный дух жителей. Уже самое положение Женевы было необычно выгодно для процветания города. Женева служила обширным рынком, на котором Германия, Франция и Италия обменивались своими товарами. Налыв иностранцев был так велик, что они иногда даже становились в тягость городу. Многие иностранцы приобретали права гражданства, и таким образом население постоянно обновлялось. Этот непрерывный приток новых сил содействовал отчасти и тому, что и сами формы общественной жизни не могли подвергнуться застою. В Женеве не было резко разграниченных классов населения. Каждый гражданин имел доступ ко всем должностям, и часто случалось, что дети новопоселившихся фамилий достигали высших должностей.

Что особенно поражало иностранца, приехавшего в Женеву, — это необыкновенное трудолюбие ее населения. Целый день в городе раздавалось визжание пил, стук молотков и других рабочих инструментов. Среди ремесленников было много богачей, произведения которых были известны на всех европейских рынках. Самые уважаемые граждане, члены первых фамилий в городе, часто занимались каким-нибудь ремеслом или торговлей. Последняя служила главным источником благосостояния жителей. Женевские купцы пользовались репутацией безусловной честности. "Слово женева, — говорили в то время, — стоит золота саксонского курфюрста".

Положение Женевы на рубеже трех стран, обуславливавшее непрерывное скрещение рас, отразилось, конечно, и на характере ее жителей. Тип женевского гражданина того времени был так же оригинален, как и политическое устройство города. В нем сочетались легкость и подвижность француза, трудолюбие и любовь к порядку немца, художественный вкус и юмор итальянца. Деятельный и пунктуальный в делах, женева отличался веселым открытым обращением, был гостеприимен, остроумен, любил предаваться удовольствиям, но был восприимчив и к наслаждениям более духовного свойства. Городские празднества отличались не только внешним блеском, но и художественным вкусом и привлекали ежегодно многочисленные толпы народа из других городов. Особенную любовь граждане Женевы питали к театральным представлениям. Ни одно торжественное празднество не обходилось без них. В городском театре часто разыгрывались пьесы, сочиненные простыми ремесленниками. Образование также было в почете. В то время как до Реформации в могущественном Берне не было ни одной типографии, в Женеве их уже насчитывалось несколько. Впрочем, образование жителей отличалось более практичным характером. Особенно развито было знание языков благодаря обширным торговым сношениям города. В 1429 году один богатый гражданин, Франсуа Версонэ, учредил за свой счет высшую школу "свободных искусств", в которой обучение было бесплатное и где учащиеся знакомились с Цицероном, Вергилием, Овидием.

Но рядом с этими светлыми сторонами женеvской жизни выступали и некоторые темные стороны. Господствовавшее во всех классах благосостояние породило любовь к роскоши, которая, в связи с легким и подвижным характером населения и постоянным наплывом иностранцев, очень губельно отражалась на общественной нравственности. Разврат совершался открыто, и все ограничительные меры городских властей сводились лишь к тому, чтобы по возможности урегулировать его. Страсть к игре также свирепствовала среди жителей Женевы. Часто, благодаря этой пагубной страсти, целые семейства разорялись в короткое время. Но все эти темные стороны были, в сущности, обычными явлениями всякого большого торгового и промышленного центра. Наряду с этой печальной легкостью нравов, мы видим здесь и черты глубокой религиозности и истинного самопожертвования. Многочисленные храмы, украшенные драгоценными произведениями искусства, более 20 религиозных братств, члены которых по большей части состояли из ремесленников, частые и богатые пожертвования в пользу церкви — все это, конечно, свидетельствует о религиозном духе, которым было проникнуто женеvское население. Но еще более говорят в его пользу многочисленные благотворительные учреждения. При населении приблизительно в 20—25 тысяч человек в Женеве было не менее 9 госпиталей для бедных; кроме больниц, здесь имелись и богадельни для стариков, для нуждающихся проезжих, для нищих, старающихся скрыть свою бедность, устроен был даже приют для заброшенных детей. И все эти учреждения, так же как и ученая академия Версонэ, имели церковное устройство.

Но важнейшей отличительной чертой женеvских граждан, более всего отразившейся на ходе исторической жизни города, был их пламенный патриотизм и непреодолимая любовь к независимости. Эта любовь к свободе придает особую окраску всей истории Женевы, всем явлениям ее политической и религиозной жизни.

Как мы уже видели, из трех властей, разделявших между собой город, власть графа была наименее значительная. Но Савойские герцоги, к которым перешла эта власть, были слишком честолюбивы, чтобы довольствоваться ролью простых исполнителей приговоров женеvского синдиката. Всевозможные средства — хитрости, подкупы, угрозы — все пускается ими в ход, чтобы постепенно расширить свои права, стать твердой ногой в городе. Но у герцогов помимо горожан, ревниво оберегавших свою вольность, был другой соперник — епископ, который всегда принимал сторону граждан и издавна считался их естественным защитником и охранителем против притязаний графа. Таким образом, чтобы добиться цели, герцогам оставалось одно — расстроить доброе согласие между обоими союзниками. Средство для этого нашлось отличное. Под влиянием Савойского двора папа присвоил себе право самому избирать епископов для Женевы и стал назначать на этот важный пост принцев из Савойского дома. Новые епископы, по большей части люди в высшей степени недостойные, стали, конечно, содействовать во всем замыслам герцога, и в 1513 году Джованни Савойский, самый безнравственный из всех, совершенно уступает

герцогу Карлу III¹ свою светскую власть и совершает целый ряд возмутительных насилий над свободой и жизнью граждан. С тех пор между герцогом и епископом, с одной стороны, и гражданами Женевы, с другой, начинается ожесточенная борьба, которая продолжается вплоть до 1535 года. Во главе партии патриотов стоят трое замечательных людей: Бертелье, Безонсон и Бонивар². Они ищут союза с соседними кантонами, Фрейбургом и Берном, которые действительно обещают им свою помощь против Савойи. Но вместе с этим они открывают доступ в Женеву Реформации.

При своих обширных сношениях с соседними странами Женева, конечно, не могла оставаться в неизвестности относительно происходившего в них религиозного движения. Тем не менее Реформация вряд ли могла бы рассчитывать здесь на серьезный успех. Несмотря на то что духовенство и здесь вызывало часто осуждение вследствие своего недостойного образа жизни, в Женеве все-таки не было того враждебного отношения к духовенству, которое в такой степени обуславливала успехи Реформации в Германии. Город был безусловно предан католичеству, и даже измена последних епископов, поставленных Римом, не могла изгладить из памяти граждан тех услуг, которые были оказаны городу их предшественниками. К тому же новый епископ, поставленный в 1523 году, был гораздо более предан интересам граждан, чем Савойя. Большее значение в этом вопросе имел союз с Берном.

В начале борьбы Берн, несмотря на обещание помощи, относился довольно холодно к критическому положению своего союзника. Партия патриотов терпела поражения, мужественный Бертелье был захвачен герцогом и казнен, Бонивар томился в заключении в Шильонском замке³, другие вожаки находились в изгнании, а обещанная помощь все не приходила. Но с 1526 года в политике этого двусмысленного союзника замечается крутая перемена. Протестанты одерживают в Берне верх над католиками, и с тех пор этот кантон решительно выступает в защиту Женевы. Уже и раньше бернские граждане стали появляться в Женеве, проповедуя новое учение, нападая на пороки духовенства и находя сочувствие преимущественно в среде людей малорелигиозных, желавших сбросить с себя узы церковных предписаний или ненавидевших духовенство и его главу, епископа. Совет хотя и не сочувствовал этому движению, но, дорожа дружбой Берна, смотрел сквозь пальцы на эти проповеди. Таким образом, в этом недавно еще столь преданном католичеству городе появилась партия, не столько реформационная, сколько антиклерикальная. Вряд ли, однако, эта оппозиция церкви зашла бы далеко, если бы не политика савойского двора.

¹ Карл III (1496—1553) — герцог Савойский в 1504—1553 гг., был женат на свояченице Карла V.

² Бонивар, Франсуа (1493—1570) — швейцарский гуманист. В подземелье Шильонского замка находился в 1530—1536 гг.

³ Страдания Бонивара, прикованного к столбу с двумя своими братьями, послужили сюжетом для известной поэмы Байрона "Шильонский узник". — *Примеч. авт.*

Для Карла III все это движение показалось лишь удобным средством, чтобы придать больше законности своим посягательствам на свободу города. В донесениях императору и папе он не замедлил поэтому представить дело так, будто весь город склонен впасть в ересь, а сам он является лишь защитником интересов католицизма. Это обстоятельство решило дело. Приписав церковной оппозиции характер борьбы за независимость, он этим самым усилил ее популярность в народе. С тех пор приверженцы новых идей стали представлять себя единственными искренними защитниками Женевы и под прикрытием патриотизма продолжали свою религиозную агитацию. На духовенство и монахов стали смотреть подозрительно как на врагов свободы и приверженцев Савойи. Совет также стал относиться к духовенству менее почтительно, задерживал выдачу десятины и, в ответ на заступничество католического Фрейбурга, предложил ему убедить соборный капитул и остальное духовенство "употреблять свои доходы более достойным образом, иначе ему придется отдать десятину бедным в госпиталь".

Еще быстрее пошло дело Реформации с 1530 года, когда в Женеве появилось бернское войско, посланное для защиты города от герцога и состоявшее по большей части из лютеран. Вид многочисленных католических святынь разжег их религиозный фанатизм. Они устремились в церкви и монастыри, производя в них полнейший разгром, разбивали статуи, кресты, оскверняли церковную утварь. В соборе Святого Петра появился евангельский проповедник. Казалось, католицизму нанесен был смертельный удар.

Впрочем, эти беспорядки продолжались недолго. С уходом войска монахи вернулись в свои монастыри, духовенство снова приступило к исполнению своих обязанностей. Но авторитет его был подорван окончательно. Реформационная партия стала еще смелее, даже в городской школе распространились евангельские идеи. Когда понадобилось заплатить союзникам военные издержки, совет наложил контрибуцию и на духовенство; дошло даже до того, что совет нашел, что в городе слишком много храмов, и некоторые из них были обращены в городские укрепления.

События в Женеве не замедлили обратить на себя внимание соседних стран. Со всех сторон сюда устремляются проповедники нового учения. Наконец осенью 1532 года в Женеве появляется Фарель.

Жизнь Фареля так тесно связана с жизнью Кальвина, что нам придется сказать несколько слов об этой замечательной личности, игравшей такую важную роль в судьбах Женевы и ее реформатора.

Родившись в 1489 году в Гапе (в Дофине) от благородных родителей, Гильом Фарель 29 лет от роду отправляется в Париж заканчивать свое образование. Здесь он знакомится с некоторыми приверженцами новых идей, и под их влиянием Фарель, бывший до этого времени, по собственному выражению, "более папистом, чем сам папа", проникается самой ожесточенной враждой ко всему католическому. Из Парижа он отправляется в южную Францию, чтобы пропагандировать новое учение; но его бурная

проповедь, исполненная ненависти к католицизму, не имеет здесь успеха. Спасаясь от преследований, он появляется в Швейцарии и, переходя с места на место, продолжает свою религиозную пропаганду. Но излишняя страстность и здесь часто вредит его успеху. Он смело нападает на религиозные процессии, проникает в храмы и, столкнув ошеломленного священника, занимает его место и начинает проповедовать против "римского антихриста". Часто католики нападают на него, осыпают ругательствами и побоями, не раз и сама жизнь его подвергается опасности, но эти неудачи нисколько не охлаждают его пыла. Покрытый ранами, он снова устремляется на борьбу, и эта неукротимая смелость и настойчивость в конце концов обеспечивают ему успех. Скоро Берн берет его под свое покровительство, и с тех пор Реформация, в лице Фареля, делает большие успехи во французских кантонах Швейцарии. Невшатель берется им почти с боя, и с 1530 года здесь окончательно водворяется Реформация.

Вот этот-то пламенный проповедник нового учения, гроза католического духовенства, давно уже стал следить за движением в Женеве. По своему положению она представлялась самым удобным центром для религиозной пропаганды в романских землях. Необходимо было во что бы то ни стало приобрести этот город для Реформации. Положение дел казалось благоприятным. И вот в октябре 1532 года Фарель появляется в Женеве.

Было бы слишком долго рассказывать все фазы, через которые проходила религиозная пропаганда в Женеве. Успехи Фареля вначале были ничтожны. Его появление вызвало большое волнение в среде еще сильной католической партии которой удалось добиться его изгнания. Тем не менее Фарель и не думал отказываться от раз намеченной цели. Он послал в Женеву своих учеников, которые стали вести дело с большей осторожностью. Но католическая партия была уже настороже. Совет наконец понял, что дал слишком разрастись протестантской партии, а это вовсе не входило в его расчеты. Против нового учения началась бы сильная реакция, если бы в защиту его не выступил Берн, который прямо поставил условием своего союза беспрепятственное допущение евангельских проповедников. Фарель вернулся назад и стал еще с большей резкостью громить католичество. К этому присоединилось еще бестактное поведение женевского епископа, который, при виде угрожающей опасности, заключил союз с Карлом III и открыто объявил войну своему родному городу. Французский король также вздумал воспользоваться смутами в городе и стал навязывать ему свое опасное покровительство. При таких обстоятельствах помощь Берна была более чем необходима, и для спасения независимости города совет решается окончательно пожертвовать католицизмом.

Старания Фареля, таким образом, увенчались успехом. Католичество было изгнано окончательно; с Берном, войска которого одержали блестящую победу над врагами Женевы, заключен в 1536 году "вечный мир", по которому Женева признана независимой, но обязуется не заключать союзов с другими державами, не искать чужой помощи без согласия Берна, уплатить большие суммы за военные издержки, открыть свободный доступ всем бернским гражданам; при этом самым прочным ручательством в сохранении мира должно служить полное единомыслие в делах веры.

Таким образом, после 30-летней борьбы, Женева окончательно добилась независимости. Вместе с этим, с 1535 года протестантизм признан господствующей религией. Католическое богослужение уничтожено: священники, монахи изгнаны, во всех церквях читались евангельские проповеди.

Однако, несмотря на победу над внешними врагами, состояние города было довольно плачевное. Долгая борьба совершенно подорвала благосостояние жителей; торговля и промышленность находились в упадке. Большая часть богатых и наиболее деятельных семейств была в изгнании; среди оставшихся господствовали раздоры. Хуже всего было то, что в городе не нашлось ни одной выдающейся личности, которая сумела бы внушить к себе доверие и восстановить порядок. Бонивар, освобожденный из своего заточения победоносным бернским войском, не отличался строгой нравственностью. Другие предводители партии независимости также не внушали доверия, заботясь более всего о своем личном обогащении за счет конфискованных частных и церковных имений. В массе народа господствовало сильное недовольство.

Еще в более плачевном состоянии находилась церковь. Новая религия, принятие которой было в значительной степени вызвано политическими соображениями, еще не успела, конечно, пустить глубокие корни в народе. В сущности, успех Реформации был чисто внешний. Все атрибуты католицизма были тщательно истреблены, но на месте этого разрушенного старого здания необходимо было возвести прочное новое — требовалось ввести порядок в богослужении, установить ясную формулу веры для народа, еще недостаточно знакомого с новым учением и толковавшего Евангелие вкривь и вкось. Проповедники же по большей части продолжали по-прежнему громить преступления "римского антихриста" — дальше этого дело религиозного и нравственного перерождения общества не шло. А между тем потребность в твердой организующей руке чувствовалась в церкви не менее настоятельно, чем в государстве. Проповедники сами разнуздали народные страсти, чтобы достигнуть победы над католичеством. Все акты насилия, которыми сопровождалась евангельская проповедь, ежедневно повторявшиеся сцены иконоборства и кощунства над предметами, которые в течение столетий почитались как святыни, — все это не могло не действовать на массу крайне деморализующим образом. Часто Евангелие служило лишь лозунгом, под прикрытием которого творились самые безобразные вещи. Новые проповедники также не могли служить образцами нравственной чистоты. По большей части это были прежние монахи, которые спешили пользоваться своей свободой и вместо примера служили только соблазном для народа. Еще более усиливал порчу нравов чрезмерный наплыв иностранцев. В числе этих эмигрантов, которым Женева гостеприимно открыла свои ворота, часто оказывались искатели приключений, беглые монахи, обокравшие свои монастыри, преступники, скрывавшиеся от правосудия.

И для борьбы со всем этим накопившимся злом в Женеве был один Фарель.

V

КАЛЬВИН В ЖЕНЕВЕ

Кальвин попадает в Женеву и остается. — Характеристика Фареля и Кальвина. — Вире. — Первые успехи Кальвина: катехизис, исповедание веры. — Его усиливающееся влияние и чрезмерная требовательность. — Диспут с анабаптистами и Кароли. — Борьба с оппозицией и "Бернские обычаи". — Кальвин изгоняется. — Попытки добиться возвращения. — Уныние Кальвина; его отъезд в Страсбург

Среди этой-то неурядицы в июле 1536 года в одной из гостиниц Женевы остановился приезжий — молодой человек лет 27, высокий, худой, с бледным, аскетически изможденным лицом, бородкой клином и черными блестящими глазами. Он рассчитывал пробыть в городе только одну ночь и на следующее утро отправиться в Базель. Но случилось иначе.

Приезжий молодой человек был Кальвин. Случайно он наткнулся в Женеве на своего прежнего спутника — Тиллье, который, в восторге от этой встречи, не замедлил по секрету сообщить своим знакомым о приезде знаменитого автора "Наставления в христианской вере". Таким образом весть о прибытии Кальвина дошла и до Фареля.

Положение этого "завоевателя Женевы" становилось все более затруднительным. Со свойственной ему страстной решительностью он вначале принялся было за водворение порядка в церкви. Он настаивал на исправном посещении проповеди, на проведении строгой нравственной дисциплины, старался поднять школьное образование, пришедшее в упадок в смутную эпоху борьбы. Но результаты всех этих усилий оказались ничтожными. Строгие меры вызывали громкий ропот. Совет, стремившийся по образцу Берна подчинить церковь государству, относился подозрительно к требовательному проповеднику. Особенно сильное неудовольствие вызвало требование Фареля об отлучении от церкви всех тех, которые не хотели подчиниться введенной им строгой нравственной дисциплине. Он начинал понимать всю шаткость своего положения среди населения, в котором еще не исчезли прежние католические симпатии. У него не было энергичных помощников, на которых он мог бы опереться; да и сам он, при всем своем красноречии, более способен был разрушать старое, чем созидать новое. Это был народный оратор, увлекавший за собой толпу огнем своих речей, но ему недоставало организаторского таланта, с помощью которого он мог бы придать своему делу устойчивость. Мужество начинало покидать его; он чувствовал, что дело, столь блистательно начатое, может погибнуть. Он обращается к отдаленным друзьям и единомышленникам, просит у них совета, помощи.

Легко понять, с каким восторгом он узнает вдруг о приезде знаменитого ученого. Нет сомнения, сам Господь послал ему желанного помощника.

Немедленно отправляется он по указанному адресу и настоятельно просит Кальвина остаться в Женеве и посвятить себя делу организации церкви. Но для Кальвина в этом предложении не было ничего заманчивого. Он жаждал покоя, а ему предлагают снова кинуться в бурный водоворот страстей. Он стал ссылаться на свою молодость, неопытность, на врожденную робость, на необходимость продолжать свои научные занятия. Но Фарель не принимает никаких возражений. Он настаивает все сильнее и сильнее и наконец, выведенный из себя упорством своего собеседника, восклицает вдохновенным тоном: "А, ты выставляешь предлогом свои занятия, по именем всемогущего Бога я объявляю тебе: божественное проклятье постигнет тебя, если ты откажешь нам в своем содействии и будешь заботиться болсе о себе, чем о Христе".

Это грозное воззвание решило дело. Кальвину показалось, что устами этого вдохновенного проповедника говорит само Божество. Испуганный, потрясенный, он решает последовать внушению Фареля. Он только просит позволения отправиться на короткое время в Базель, чтобы привести в порядок свои дела. И действительно, в конце августа он снова возвращается в Женеву, чтобы вместе с Фарелем работать над упрочением в ней Реформации.

Трудно представить себе людей, более непохожих друг на друга, чем эти два реформатора Женевы. Один — пылкий, экзальтированный, красно-речивый, смело и бесстрашно устремляющийся туда, где грозит наибольшая опасность, тип народного оратора, демагога, который может действовать только на массы. Другой — спокойный, рассудительный, кабинетный ученый, оратор, который не столько увлекает своих слушателей, сколько их убеждает, организаторский талант, всюду стремящийся внести порядок и систему. От природы робкий, чуждающийся 'света, он обладает, однако, мужеством, внушаемым сознанием долга, и, раз убедившись в необходимости того или другого шага, не отступит уже ни перед какой опасностью. Середину между ними занимал Вире, один из наиболее деятельных сподвижников Фареля при введении Реформации в Женеве. Это был также замечательный оратор, но в его красноречии не было той бурной страстности, которой отличались проповеди Фареля. Своей мягкой гармонической речью он очаровывал своих слушателей, успокаивал страсти, погружая души в какой-то мистический экстаз.

Между этими тремя людьми, так прекрасно дополнявшими друг друга, завязывается теперь самая тесная дружба, которая остается неизменной в течение всей их жизни. Впоследствии, разлученный со своими друзьями, Кальвин поддерживает с ними самую оживленную переписку, сообщает им обо всем, что происходит в Женеве, часто спрашивает их совета, зовет на помощь. Кальвин в особенности уважал Фареля за то бескорыстие, с которым он уступил ему свое место духовного главы Женевы, руководствуясь только благом этого города.

Впрочем, первые дебюты Кальвина в Женеве были очень скромны. Он даже отказывается взять на себя какую-нибудь официальную должность

и ограничивается чтением лекций в соборе Святого Петра о некоторых книгах Нового Завета. Он издает в это время несколько небольших сочинений, направленных против католичества, работает над французским переводом своего основного труда и сильно озабочен преследованиями протестантов на родине. В самой Женеве прибытие и первоначальная деятельность "этого француза", как он назван в протоколах совета, обращает на себя мало внимания. Даже на религиозном диспуте в Лозанне, куда он сопровождал Фареля, Кальвин не играет почти никакой роли. Громы Фареля и увлекательное красноречие Вире совершенно заглушают тихий, убедительный голос молодого ученого.

Но "этот француз" недолго остается в тени. Беспорядок в Женевской церкви не мог не поразить его. "Когда я впервые увидел эту церковь, — писал он впоследствии, — она представляла нечто бесформенное. Проповедовали — и это было все. Разыскивали идолов и сжигали их — и в этом заключалась вся Реформация. Всюду господствовал хаос".

В этот хаос Кальвин решается внести порядок. Его чтения имели успех. Совет назначает его проповедником и определяет ему жалованье. Фарель все сильнее проникается уважением к его уму и учености. Несмотря на то что последний еще долго был в глазах всех главным руководителем Женевской церкви, он, в сущности, очень скоро подпадает под влияние Кальвина, который уже с конца 1536 года становится душой всех последующих событий.

Одной из первых забот Кальвина было составление катехизиса, где в общедоступной форме излагались основные начала нового учения. Этот катехизис, представлявший, в сущности, краткий конспект из "Наставления в христианской вере", должен был быть распространен в народе и служить руководством для школьного преподавания. С той же целью он составляет евангельское исповедание в 21 тезисе. Но этих мер, конечно, было недостаточно. Необходимо было позаботиться о том, чтобы народ не только усвоил себе истины нового учения, но и исполнял все его предписания. Поэтому, представляя совету новую формулу веры, оба проповедника настаивали на том, чтобы все граждане принесли присягу в ее соблюдении. В подробной объяснительной записке реформаторы развивали проект будущей организации Женевской церкви. Особенно сильно они настаивали на введении церковного отлучения как самого действенного средства для поддержания строгого порядка и дисциплины в церкви. Чтобы не осквернить таинства причащения допущением к нему недостойных (частое совершение этого таинства в особенности рекомендуется проповедниками), совет должен избрать из среды граждан людей богобоязненных, безупречной нравственности и поручить им надзор за различными частями города. В этих вверенных им частях они должны следить за нравственностью граждан, делать им внушения, а на непокорных указывать духовенству, которое, в случае недейственности своих увещаний, имеет право отлучать их от общения с верующими. Если же и это средство не приведет к исправлению виновного, то последний должен быть передан для наказания гражданским властям.

Несмотря на значительность этих требований, совет отнесся к ним очень сочувственно. В 1537 году совет как раз состоял из лиц, горячо преданных делу реформы. К тому же и роль, которую новые правила отводили светским властям в делах церкви, должна была льстить их честолюбию. Поэтому, несмотря на сопротивление некоторых членов, большой совет издал 16 января 1537 года целый ряд постановлений, составленных совершенно в духе пояснительной записки Кальвина. Правда, предложение церковного отлучения было пока обойдено молчанием, зато в деле преследования остатков католицизма и преступлений против нравственности строгость изданных постановлений должна была совершенно удовлетворить проповедников. Новый катехизис был принят единогласно, и граждане стали приводиться к присяге формуле веры.

Таким образом, первые попытки проповедников в деле организации церкви увенчались блестящим успехом. Совет продолжает с редкой предупредительностью исполнять их требования и скоро молодой французский проповедник, скрывавшийся первое время за авторитетом Фареля, все более и более выступает на первый план. Поддерживаемый некоторыми французскими эмигрантами, искавшими убежища в Женеве и горячо преданными делу Реформации, Кальвин обнаруживает неутомимую деятельность. Многочисленные проповеди, религиозное обучение детей и взрослых, строгий надзор за нравственностью жителей быстро подвигают дело Реформации. Часто проповедники являются в зал заседаний совета, произносят длинные увещательные речи, и совет под их влиянием все более усиливает свои строгости. В протоколах совета мы находим целый ряд самых строгих взысканий за сравнительно незначительные проступки. Так, например, азартный игрок выставляется у позорного столба с картами, привязанными к шее. Молодая женщина, явившаяся в церковь с завитыми по-модному волосами, присуждается к тюремному заключению на несколько дней, и вместе с ней и парикмахерша, убиравшая ее голову. Запрещается всякая роскошь в костюмах, шумные публичные увеселения, танцы, употребление непристойных выражений и т. п. Постепенно город потерял свое обычное лицо, и вместо прежней шумной веселости в нем водворяется почти монастырская тишина. В наказаниях закон не делал почти никаких исключений — богатые и бедные одинаково должны были ему подчиняться. Это обстоятельство первое время даже доставляло проповедникам известную популярность в простом народе. Но особенной беспощадностью они отличались в преследовании остатков католического культа. Всякий, кто сохранял у себя дома какую-нибудь икону, четки или другую принадлежность старого культа, считался богоотступником и подвергался жестокому наказанию.

Но в конце концов эта чрезмерная строгость только повредила делу. Народ стал тяготиться суровым деспотизмом своих духовных пастырей. Уже в 1537 году на женевском горизонте показались первые предвестники собирающейся бури.

В марте 1537 года в Женеве появились два проповедника-анабаптиста. Благодаря мистическому характеру своего учения, соединенному со строго нравственной жизнью, сектанты эти всюду имели успех — в Женеве вокруг них стали также собираться многочисленные слушатели. Фарель решился вступить с ними в открытое состязание. Диспут продолжался несколько дней, но совет, замечая впечатление, которое речи анабаптистов производили на слушателей, поспешил прекратить его и под страхом смертной казни приказал им оставить город. Тем не менее впечатление от этого случая осталось сильное, и еще несколько месяцев спустя Фарель и Кальвин жаловались совету на то, что в городе немало тайных приверженцев этого опасного учения.

Еще сильнее авторитет Кальвина был поколеблен вследствие нападения другого, евангельского же проповедника Кароли, который обвинил его в арианстве, то есть в непризнании Святой Троицы. Обвинение это страшно потрясло Кальвина — он не мог даже допускать мысли, чтобы его могли заподозрить в ереси. Он потребовал созыва синода и с необыкновенной страстностью напал на своего противника, уличив его самого в безнравственности и безверии, и затем решительно опроверг обвинение. И синод в Лозанне, и Бернский совет выдали ему формальное удостоверение его правоверности. Тем не менее Кальвин долго не мог успокоиться, считая оскорблением даже самое возбуждение вопроса о чистоте своего учения.

Но все эти неприятности были только прелюдией к той серьезной борьбе, которая скоро завязалась между проповедниками и самим народом.

Несмотря на первые успехи организаторской деятельности Кальвина, на предупредительность, с которой совет принимал и приводил в исполнение его требования, в среде населения новые меры встречали большое неудовольствие. Женевские патриоты чувствовали себя оскорбленными повелительным тоном "иностранцев" и тем предпочтением, которое они оказывали во всем своим соотечественникам. Скоро оказалось, что первые успехи проповедников вовсе не были так значительны: многие граждане отказались присягнуть новой формуле веры. Эта присяга, столь несогласная с принципом свободы совести, казалась многим женевам, еще накануне проливавшим свою кровь за свободу, началом нового порабощения. Побуждаемый проповедниками, совет повторяет свое требование присяги под страхом изгнания, но и эта угроза остается без последствий, и когда наконец 12 ноября совет постановляет изгнать всех непокорных, то этих непокорных оказывается так много, что угроза так и остается угрозой.

*Титульный лист памфлета
против кальвинистов*

Calvinisch Gasthaus zur Narrenkapf
fen genant/

Darinnen die Calvinisten so wol

offentlich als heimlich in jrer Thorheit erwischt/die Lar-
va vermeinter vnschuldt/vnd heiligkeit jhnen abgezogen/vnnd
samdt dem Hause vnd Thorheit vmbgestürzt werden.

Wie beygefädte Figuren anzeigen.

Von dem krefftigen Posaunen Hall Göttliches Worts:

Beschrieben vnd mit Gottes Wort klar vberweiset

Durch

M. Johannem Prætorium Caro Hallensem Dienern
am Wort des Creuzes im Pilgramsthal.

QVICQVID EGO CAPIO MECVM PERIT

Lasse mit mir zum verderben zu.

Was ich Gericht Sahen/fahen thur

Quod Monsleri cernis, Calvini dogma figurat: Principium terret, mediū fern, ultima inordent.
Was lengst zuvor der Bösewicht Durch viel Ketzer hat ausgericht/
Mit falscher Lehr/vñ Menschen tand/ Zurstört manch Volkreich Kirch vnnd
Diß alles er jzt scherffet sehr/ (schreckt/ Durch der schal Calviniste Lehr/ (Laud/
Ach struch die Thier/ welche forn er. Mitten dich ritz/hinden erseckt.

Im Jahr Christi/ 1598.

Но Кальвин и Фарель и не думают обращать внимания на эти красноречивые признаки усиливающейся оппозиции. Успехи первой поры вскружили им голову. Они уверены, что при настойчивости добьются в конце концов своей цели, и продолжают по-прежнему требовать поголовной присяги и введения церковного отлучения. В горячих проповедях они осыпают своих противников самой неумеренной бранью. Особенной страстностью отличался один из проповедников, Коро, который раз с кафедры осыпал своих слушателей такими неприличными ругательствами, что совет, уступая народному негодованию, должен был подвергнуть его тюремному заключению. Разрыв становился, таким образом, все глубже. Недовольные собирались в кабаках, ругая проповедников и их приверженцев, обвиняя их в тирании; носились даже слухи об их изменнических сношениях с французским королем. Часто, сидя в своей рабочей комнате, Кальвин слышал с улицы грозные пародные крики: "В Рону проповедников!" Только благодаря заступничеству совета они продолжали еще держаться некоторое время. Но тут подвернулось одно обстоятельство, которым оппозиционная партия не замедлила воспользоваться. Это был вопрос о "бернских обычаях".

Бернская церковь, при введении Реформации, сохранила у себя несколько менее важных католических обрядов, например обычай употреблять для причастия пресный хлеб, камни для крещения, 4 главных католических празднества и т. п., между тем как женевские теологи, более радикальные, не хотели сохранять никаких остатков прежнего культа и, кроме воскресений, не признавали никаких праздников. Тем не менее Берн, основываясь на условиях договора, настаивал на установлении полного единообразия в богослужении. Вот этим-то обстоятельством и решили воспользоваться противники Кальвина. Они знали, что непреклонный француз не уступит ни шагу, и поэтому выставили своим лозунгом принятие бернских обычаев. Между тем наступили (3 февраля 1538 года) выборы нового совета. Кальвин и Фарель употребляли все усилия, чтобы удержать власть за своими приверженцами. Но оппозиция была сильнее. В новом составе совета оказалось много членов, враждебных проповедникам, и таким образом последние лишились своей единственной опоры.

Положение вещей в Женеве возбуждало тревогу во всех евангельских кружках. Только немногие одобряли поведение проповедников. Большинство друзей и единомышленников убеждало их быть уступчивее и снисходительнее. Но последние и не думали следовать этим советам. Они считали изменой делу уменьшить свои требования из-за неблагоприятно сложившихся обстоятельств и решили лучше пасть, чем уступить. Скоро дело дошло до окончательной развязки.

На Пасхе предстояло торжественное всеобщее причащение и проповедникам было предписано причащать по бернскому обычаю. Те отказались. Тогда совет, выведенный из терпения их сопротивлением и нападениями Кальвина, который публично обозвал его "коллсгией дьявола", запретил им впредь проповедовать.

В первый день Пасхи громадные толпы народа устремились в церкви, в которых обыкновенно проповедовали Кальвин и Фарель. Многие из собравшихся имели при себе оружие. Уже накануне разнесся слух, что проповедники не послушаются приказания совета. И действительно, в обычный час Фарель взошел на кафедру. В резкой обличительной речи он выставляет собравшимся на вид всю возмутительность их поведения и заканчивает решительным отказом раздавать им причастие, как недостойным. Подобное же заявление, сделанное Кальвином, доводит негодование толпы до последних пределов. Только с трудом друзьям проповедников удается спасти их от народной ярости. На этот раз совет окончательно отступает от них. Синдики созывают Генеральное собрание, которое почти единогласно требует их изгнания в трехдневный срок.

Кальвин и Фарель приняли известие о своем поражении с наружным спокойствием. "Если б мы служили людям, — заметил при этом Кальвин, — то были бы плохо вознаграждены, но мы служили Богу, и награда от нас не уйдет". По словам Кальвина, он даже обрадовался этому известию.

Вряд ли, однако, эта радость была искренняя. Ликующее настроение народа, праздновавшего падение своих "тиранов", насмешки, которыми они осыпались, не могли не наносить чувствительных ран их самолюбию. К тому же они должны были скоро усмотреть все значение случившегося. Это позорное изгнание их населением, которое вначале относилось к ним с таким уважением, не только могло пролить невыгодный свет на всю их деятельность в глазах остального мира — можно было опасаться и того, что оно уничтожит все плоды их деятельности и даже совершенно оторвет Женеvu от Реформации.

И действительно, не успели проповедники оставить Женеvu, как они уже употребляют все усилия, чтоб добиться отмены приговора, и с этой целью немедленно отправляются хлопотать в Берн.

Несмотря на ту роль, которую бернцы играли в женеvском перевороте, известие об одержанной победе было принято ими далеко не с радостью. В Берне стали опасаться, чтобы католическая партия, насчитывавшая в народе много тайных приверженцев, не взяла верх при новом порядке вещей. Поэтому изгнанные проповедники были приняты довольно милостиво. Последним удалось убедить совет, что они вовсе не отказывались раздавать причастие по бернскому обычаю, а лишь не соглашались профанировать таинство допущением к нему недостойных. Они горько жаловались, что сделались жертвой давно подготовляемой интриги, и добились того, что бернский совет отправил в Женеvu в их пользу очень убедительное послание. Но это послание не произвело никакого впечатления. Женеvцы ответили, что проповедники представили дело в ложном свете и отменять приговора они не намерены.

Но и эта неудача не смутила проповедников. В Цюрихе в это время заседал Швейцарский синод. Они немедленно отправляются туда и в ярких красках рисуют опасность, которая грозит Евангелию в Женеve. Они готовы согласиться, что бывали иногда слишком строги, и при этом предлагают

синоду 14 статей, при условии принятия которых они согласны вернуться к прежней деятельности. Требования эти были еще очень значительны и вряд ли были бы приняты в какой-нибудь другой швейцарской церкви. Синод отказался передать их женевам и даже посоветовал выказывать вперед "больше христианской кротости", но согласился написать в их пользу женевской общине. Кроме того, решено было снова поручить Берну хлопотать об их возвращении.

Тогда Кальвин и Фарель снова возвращаются в Берн. Но на этот раз их ожидал далеко не дружелюбный прием. Выяснилось, что сообщения изгнанных проповедников были преувеличены, что Реформации в Женеве не грозит никакая опасность. Кальвин никогда не мог забыть тех унижений, которые ему пришлось тогда претерпеть. Целых 8 дней им пришлось дожидаться, пока согласились наконец выслушать их. Наконец после всяческих унижений, уступок, обещаний придерживаться впредь всех бернских "обычаев" оба проповедника добились у совета, чтобы вместе с ними было отправлено в Женеву посольство хлопотать об отмене приговора от 23 апреля.

Но и эта попытка окончилась неудачей. Весть об их возвращении вызвала в Женеве настоящий взрыв народной ярости. Еще за милю от города бернское посольство было встречено уполномоченными совета, которые, на основании приговора об изгнании, строго-настроено запретили проповедникам вступить в город. Таким образом они, скрепя сердце, принуждены были положиться на одно ходатайство бернских уполномоченных. 26 мая, по настоянию последних, было созвано народное собрание. Уполномоченные говорили в пользу изгнанных с таким жаром, что многие были потрясены. Казалось, победа склонялась уже на их сторону. Но тут поднялся один из синдиков и начал читать известные уже 14 статей, в которых обвиняемые ставили свои условия обвинителям. После этого дело проповедников было окончательно проиграно. Среди гневных восклицаний и угроз отсутствующим почти единогласно постановлено было оставить приговор в полной силе.

Впечатление, произведенное этой последней неудачей на обоих проповедников, было потрясающее. Вернувшись в Берн, они, несмотря на все уговоры друзей, спешат поскорее уехать из этого города, где испытали столько унижений, и, не простившись с советом, отправляются в Базель. Казалось, сами стихии вооружились против них. Разлившиеся горные потоки преграждали им дорогу и даже чуть не потопили одного из них. "Но волны были более милосерды, чем люди", — писали они Вире об этом приключении. Наконец, измученные всеми перенесенными тревогами, они прибыли в Базель. Даже здесь общественное мнение было вначале против них. Друзья Кальвина громко осуждали его за неуступчивость. Луи Тиллье видел в женевских событиях перст Божий. "Подумай, — писал он в это время Кальвину, — не выказал ли этим Господь своего порицания твоему образу действий, не захотел ли Он смирить тебя..."

Однако первые тягостные впечатления стали сглаживаться. Кальвин первый оправился от овладевшего им глубокого уныния. Он утешал себя мыслью, что случившееся — дело Провидения, и твердо верил, что его роль в Женеве еще не кончилась, что наступит день, когда он будет торжествовать над своими противниками.

Материальное положение изгнанников также скоро улучшилось. Фарель был приглашен проповедником в Невштатсель, а Кальвин, по приглашению Буцера, отправился в Страсбург.

VI

ЖИЗНЬ В СТРАСБУРГЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Женитьба Кальвина и его материальное положение. —
Сношения с немецкими теологами. — Вормс и Регенсбург. — Послание Садолета
и ответ Кальвина. — Женеве снова приглашает к себе Кальвина

Недаром французские эмигранты называли Страсбург "Новым Иерусалимом". Действительно, после Виттенберга вряд ли какой-нибудь другой город, кроме Страсбурга, принимал такое живое участие в религиозном движении того времени. Здесь можно было встретить представителей всех религиозных течений. Лютеране, цвинглианцы, анабаптисты, последователи Эколампадия¹ и других второстепенных германских реформаторов — все они пользовались почти неограниченной свободой проповеди. Таким образом, в этом городе, в котором, так же как и в Женеве, германский мир приходил в близкое соприкосновение с романским, совершался непрерывный обмен идей и тому, кто захотел бы следить за движением религиозной мысли, проникнуть в смысле происходившей вокруг него великой борьбы, трудно было бы отыскать более удобный пункт для наблюдений.

Но Кальвин так же мало думал тогда о преимуществах новой открывающейся ему арены деятельности, как и при своем первом появлении в Женеве. Буцеру стоило больших усилий уговорить его присхать в Страсбург. Неудачи в Женеве оставили неизгладимый след в сердце изгнанного проповедника. Им снова овладело глубокое отвращение к общественной деятельности, он не хотел больше борьбы, жаждал покоя и на все приглашения Буцера отвечал вначале упорным отказом. К тому же он не хотел расставаться со своим другом и товарищем по несчастью Фарелем. Но когда

¹ Эколампадий, Иоганн (настоящая фамилия Хусен, 1482—1531) — немецкий гуманист и реформатор. Проповедовал в Базеле. Друг и соратник Цвингли.

последний получил приглашение в Невшатель и сам стал уговаривать его принять предложение Буцера, Кальвин наконец сдался.

Впрочем, опасения его оказались напрасными. Принятый весьма радушно местными теологами и многими уважаемыми гражданами, он скоро совершенно освоился со своим новым положением. Его назначили лектором при академии и проповедником при французской церкви Святого Николая. Городской магистрат совершенно не вмешивался в дела французской общины и предоставил проповеднику полную свободу действий. Здесь, среди эмигрантов, пострадавших за свою преданность новому учению, ему, конечно, не предстояло иметь дело с такими враждебными партиями, как в Женеве. У Кальвина была поэтому полная возможность осуществить на новом месте тот идеал церковной и нравственной дисциплины, к которому он стремился в Женеве. И действительно, результаты, достигнутые им в этом отношении, были громадные. Уже в первые недели после своего назначения ему удалось ввести ежемесячное причастие и церковное отлучение всех недостойных. Всякий, желавший быть допущенным к причастию, должен был раньше подвергнуть себя испытанию своего духовного пастыря и обещать исправиться; неисполнявшие это требование исключались из общения с верующими. Правда, и здесь, несмотря на отсутствие противодействия со стороны светских властей, новые меры вызывали вначале сильное неудовольствие, но Кальвин оставался непреклонным и настоял на своем. Благодаря его энергии, община французских эмигрантов получила такую образцовую организацию, которая приводила в изумление немецких пасторов.

Таким же успехом сопровождалась деятельность Кальвина как лектора. Так же, как в Женеве, он комментировал своим слушателям послания апостола Павла, принимал участие в публичных диспутах и все увеличивал число приверженцев своего учения. Ему удалось даже обратить многих анабаптистов. Совет относился к нему с величайшим уважением, часто спрашивал его мнение в важных делах. Лекции его привлекали массы слушателей из разных концов Франции; приезжали его слушать даже из Англии.

В Страсбурге же Кальвин снова вернулся к своим литературным занятиям, на которые ему не хватало досуга в Женеве. Уже летом 1539 года было готово к печати второе издание "Наставления в христианской вере", представляющее самую значительную из всех переработок этого сочинения. В том же году он издал свое толкование "Послания к Римлянам" — одно из лучших экзегетических произведений реформатора. Наконец, к этому же времени относится и его "Небольшой трактат о Святом причастии", предназначенный для обыкновенной читающей публики и потому написанный по-французски.

Кальвин, очевидно, решил надолго поселиться в Страсбурге. Еще летом 1539 года он принял страсбургское гражданство, записавшись для этого в цех портных. В то же время он стал серьезно подумывать о том, чтобы основать собственный семейный очаг, и просил друзей помочь ему

в поисках подруги жизни. В письме к Фарелю Кальвин высказывает свой взгляд на те достоинства, которыми должна отличаться его будущая жена. "Я не принадлежу, как ты знаешь, к числу тех людей, которые гонятся лишь за внешней красотой и поклоняются даже недостаткам любимой женщины. Мне может понравиться только женщина кроткая, скромная, терпеливая, хорошая хозяйка, заботящаяся о здоровье своего мужа".

Кальвин нескоро нашел подходящую подругу жизни. Брат одной девушки из благородного семейства и с хорошим приданым, горячий поклонник Кальвина, очень хлопотал о его союзе с сестрой, но последний опасался, чтобы богатая девушка не была слишком притязательна, и, не желая обижать брата отказом, поставил условием, чтобы невеста предварительно научилась французскому языку. Девушка обиделась, и Кальвин был спасен. Другое сватовство также почему-то расстроилось, и Кальвин, уже назначивший было день свадьбы, готов был совершенно отказаться от своего намерения жениться. "Я еще не нашел, — пишет Кальвин Фарелю, — не разумнее ли было бы совершенно отказаться от поисков". Наконец поиски увенчались успехом. В лице Иделетты Штордер, вдовы одного обращенного им анабаписта, он нашел женщину, вполне соответствовавшую его идеалу. Она была бедна и вместо приданого принесла мужу своих троих детей от первого брака. В сентябре 1540 года свадьба была отпразднована с большой торжественностью.

Брак Кальвина был очень счастлив. Со свойственной ему сдержанностью, почти граничащей с полным безразличием ко всему, что не имело отношения к его деятельности, он очень редко, и то мимоходом, упоминает о жене при ее жизни. Но те немногие строки, проникнутые искренним горем, которые он посвятил ей после ее смерти, служат лучшим свидетельством в пользу этой тихой, кроткой женщины, которая совершенно ступала перед личностью своего мужа, ни в чем его не стесняла и была его преданной подругой и сиделкой в дни его частых и мучительных болезней, образцовой хозяйкой, заботившейся о его материальных удобствах.

Впрочем, материальное положение Кальвина в Страсбурге, особенно в первое время, было далеко не блестящее. Жалованье, назначенное советом, было очень незначительно, и нужда часто доходила до того, что ему нечем было уплатить за квартиру. Его литературные произведения почти ничего не приносили ему, а между тем одна корреспонденция стоила очень много. Ему даже пришлось продать свою библиотеку, оставшуюся в Женеве, и принимать в свою квартиру жильцов, которым Иделетта предоставляла стол. Тем не менее Кальвин упорно отказывался от всех предложений друзей, старавшихся улучшить его материальное положение. "Благодарю всех моих братьев, — пишет он Фарелю, — за их добрые предложения — бедняки, дающие милостыню тому, кто еще беднее их! Но я дал себе слово больше не принимать ничего, ни от тебя, ни от наших общих друзей, пока не буду вынужден к этому. Книги, которые я оставил в Женеве, покроют расход по найму квартиры. В остальном поможет Господь".

В Страсбурге Кальвин ближе сошелся с немецкими теологами. В то время в Германии происходил целый ряд сеймов — во Франкфурте, Гагенау, Вормсе и Регенсбурге, сопровождавшихся религиозными диспутами. Это была самая блестящая пора для немецких протестантов, которые ежедневно одерживали в Германии новые победы. В среде католиков господствовало уныние, и сам папа готов был идти на уступки. Кальвин, прекрасно изучивший положение дел, возлагал вначале большие надежды на эти сеймы. Он надеялся достигнуть полного соглашения между всеми протестантскими партиями, которое должно было обеспечить им торжество над католиками. Он даже не отступал перед перспективой гражданской войны и сам очень деятельно хлопотал о союзе протестантских князей с французским королем против Карла V, так что Франциск I даже поручил своей сестре передать Кальвину благодарность за эти хлопоты. В то же время реформатор издал анонимную брошюру, в которой предостерегал "свою Германию" от происков папы. Вначале дело, казалось, шло хорошо. Меланхтон, с которым Кальвин очень близко сошелся в это время и который относился с большим уважением к своему ученому собрату, называя его не иначе как "теологом", употреблял все усилия, чтобы добиться соглашения между протестантскими церквями. Кальвин даже готов был для этого сделать некоторые уступки в своем учении. Но скоро эти надежды сменились полным разочарованием.

В конце концов сеймы не привели ни к чему положительному. Не только соглашение с католиками не состоялось, но и разногласия между протестантскими церквями также не были устранены. Главным камнем преткновения был вопрос о причастии, которое Лютер толковал иначе, чем Кальвин. Сам Лютер не присутствовал на этих сеймах, а Меланхтон, соглашавшийся вначале с Кальвином, не посмел пойти против своего учителя. Таким образом, первоначальные мечты Кальвина о союзе между обеими церквями — немецкой и швейцарской — не оправдались. Он вообще не мог сойтись с немцами, которые казались ему еще слишком зараженными духом католичества и которые в свою очередь находили его слишком фанатичным. Он возмущался подчиненным положением их духовенства и отсутствием у них той нравственной дисциплины, которая считалась им необходимой принадлежностью всякой правильно поставленной церковной организации. Это разочарование было отчасти в числе тех мотивов, которые побудили его отказаться от своей деятельности в Страсбурге и принять вторичное приглашение в Женеву.

Мысль о Женеве никогда, впрочем, не покидала реформатора. Наслаждаясь в Страсбурге желанным покоем, окруженный всеобщим почетом, он не переставал зорко следить за всем, что происходило в изгнавшем его неблагодарном городе. Быть может, его врожденное властолюбие не удовлетворялось скромной ролью проповедника маленькой общины, в то время как в Женеве он имел возможность сделаться настоящим главой республики. Может быть, также, он уже успел к тому времени оценить все значение этого города для дела Реформации. Как бы то ни было, несмотря на все

испытанные унижения, несмотря на тот ужас, который ему внушала мысль о возвращении даже в то время, когда это стало возможным, Кальвин в глубине души никогда не переставал желать этого. Женева в одно и то же время и пугала, и притягивала его.

Уже 1 октября 1538 года, менее чем через 6 месяцев после своего изгнания, он обращается с длинным посланием к своим "возлюбленным братьям в Господе, остаткам разрушенной Женевской церкви", с которыми считает себя связанным и в отдалении. С совершенно необычной для него кротостью и умеренностью в выражениях он убеждает их терпеливо сносить посланное им небом испытание, быть снисходительнее к противникам, которые служат только орудием в руках сатаны, и твердо уповать, что в конце концов его невинность воссияет как солнце и враги его будут посрамлены.

И действительно, события складывались так, что предсказание Кальвина должно было оказаться пророческим.

В сущности, эти "остатки разрушенной церкви" были не так незначительны, как могло показаться во время его изгнания. Когда улеглось первое возбуждение против изгнанных проповедников, приверженцы Кальвина снова выступили открыто. Они стали громко роптать, что новые власти только потворствуют безнравственности, относились презрительно к новым проповедникам, так что последние не раз принуждены были жаловаться совету на претерпеваемые ими оскорбления. Из Невшателя Фарель следил за своими приверженцами, одушевляя их частыми пламенными посланиями. Но главным очагом оппозиции служила основанная при Кальвине коллегия. Учителя коллегии — Сонье и Кордье — использовали всевозможные средства, чтобы подорвать доверие народа к новым порядкам. Властям ставились всяческие затруднения, против проповедников распространялись клевета и обвинения. Совет наконец решился действовать энергично. Он потребовал от учителей, чтобы они стали раздавать причастие по бернскому обряду. Те, конечно, отказались и были изгнаны из города, а само гнездо беспорядков, коллегия, было временно закрыто. В то же время совет издал целый ряд строгих постановлений против распущенности — в духе Кальвина. Но вместе с реформатором исчезла и моральная сила этих законов. Они оставались по большей части мертвой буквой, а некоторые строгости, предпринятые против отдельных нарушителей порядка, послужили только к усилению неудовольствия. Анархия росла, а вместе с ней росли и симпатии к изгнанным.

В то же время слабость властей оживила и надежды тайных католиков. Друзья Кальвина еще более преувеличивали значение этой опасности, так что слухи о благоприятном для католичества настроении Женевы распространились за пределы города и вызвали со стороны католиков попытку, которая действительно могла оказаться опасной для дела Реформации.

В Лионе собралась тогда конференция из католических прелатов, в числе которых был и последний епископ Женевы. Решено было обратиться

с воззванием к женецам, и составление этого воззвания поручили кардиналу Садолету¹, епископу Карпантра.

Выбор был очень удачный. Садолет был одним из замечательнейших и популярнейших католических иерархов. Бывший секретарь папы Льва X, находившийся в сношениях со всеми выдающимися людьми того времени, страстный любитель и собиратель книг и произведений искусства, Садолет был не только одним из образованнейших людей того времени, блестящим представителем эпохи Возрождения, но и человеком редкого благородства и чистоты нравов. Назначенный епископом в Карпантра, в дикую горную местность, этот блестящий ученый, влюбленный в Рим и с трудом расставшийся с его сокровищами науки и искусства, превратился в идеального пастыря своих бедных полуцивилизованных горцев. Он был горячо предан католичеству, но при этом отличался редкой гуманностью и терпимостью, был в дружбе с Меланктоном, который посвящал ему свои произведения, сочувствовал некоторым идеям Реформации и сам был не против реформы церкви, но при условии признания главенства папы, в котором он видел необходимую гарантию единства церкви.

В устах такого человека апология католичества, конечно, должна была произвести особенное впечатление. Садолет справился со своей задачей как нельзя лучше. В самых дружеских сердечных выражениях он обращается к "своим дорогим братьям, синдикам, совету и гражданам Женевы", убеждая их вернуться в лоно оплакивающей их потерю церкви. Искусно свалив вину раскола на реформаторов, он не вдается в опровержение нового учения и старается главным образом подействовать на сердца своих читателей. С глубоким чувством он рисует им преимущества католической церкви, этой тихой пристани, которая дарует душе мир и спокойствие в настоящей и спасение в будущей жизни, за которую говорит уже одна ее древность, ее могущество, ее единство. Особенно сильным поэтическим пафосом отличается заключительное место этого послания, где перед судом Всевышнего появляются души двух представителей старого и нового ученья. В то время как один из них указывает на свое согласие с отцами и учителями церкви, предписаниям которых он смиренно подчинился, другой из-за случайных несовершенств в ней или из-за неудовлетворенного честолюбия произносит свое осуждение всему, что считалось священным в течение стольких веков.

Пять лет тому назад такое послание, может быть, оторвало бы Женеву от Реформации. Теперь оно только оказало ей услугу. Тем не менее воззвание Садолета произвело впечатление. Совет принял его и отвечал в очень любезных выражениях, обещая впоследствии заняться рассмотрением этого вопроса. Католики ободрились, в самой Женеве многие стали громко проявлять свои католические симпатии. Некоторые из изгнанных католиков осмелились даже вернуться на родину.

¹ Садолет (1477—1547) — кардинал и епископ Карпантра, любитель древностей и почитатель Цицерона.

*Листовка о споре между Лютером,
папой и Кальвином*

Соблазн мог оказаться слишком сильным, необходимо было возразить Садолету. Но увы! Чтобы ответить такому красноречивому защитнику, необходимо было талантливое перо, а женеvские проповедники были люди более чем заурядные. И тогда — сначала тихо, потом все громче — стало раздаваться имя Кальвина. Даже враги его должны были признать, что только он один сумел бы справиться с этим ответом. Кальвин в Страсбурге знал, чего от него ожидают. Он не мог оставить свою пражную паству в таком беспомощном положении, и ответ Садолету не замедлил появиться 1 сентября 1539 года.

Этот ответ был, действительно, мастерским произведением, одной из самых блестящих полемических работ реформатора. Он написал его за

шесть дней, но, несмотря на эту поспешность в работе, а может быть, и благодаря ей, письмо к Садолету отличается тем огнем и той образностью речи, свойственными импровизации, которые совершенно чужды большинству его более обдуманых произведений. Садолет особенно идеализировал единство и старшинство католической церкви. Кальвин отвечает изображением испорченности этой единой церкви и сразу уничтожает все впечатление от картины, нарисованной его противником. Последний только слегка коснулся догматических вопросов, Кальвин выставляет их на первый план и с необыкновенным жаром и убедительностью защищает свою религиозную систему. Но самым блестящим пунктом этого ответа является его собственная защита. Садолет обвинял его в честолюбии; но что же дала ему, что ему могла дать реформа такого, чего бы он не мог добиться, и с гораздо меньшим трудом, на службе католической церкви. Он сам стремился к одному: жить в мире и работе. Не собственное желание, а ход событий, воля Божества вывели его на арену борьбы. От этой общей защиты он переходит потом к защите своей деятельности в Женеве: что он делал такого в этом городе, чего не одобрил бы всякий друг порядка и нравственности, хотя бы даже католик? Садолет упрекал его в том, что, говоря об оправдании верой, он проповедовал ненужность добрых дел — странный упрек человеку, который подвергся изгнанию именно за свою требовательность в этом отношении. "Если бы ты обратил внимание на мой катехизис и те инструкции, которые я написал для Женевы, то замолчал бы на первом слове". Шаг за шагом следит Кальвин за своим противником и разбивает его по всем пунктам. Садолет, как мы видели, закончил свое послание изображением суда Божья. Кальвин пользуется тем же приемом, чтобы оправдать себя от обвинения в новшествах. "Я видел, что Евангелие заглушено суеверием, что слово Божье намеренно утаивается от сынов церкви, — что же мне оставалось делать?.. Если нельзя назвать изменником того, кто, видя расстройство воинов, поднимает знамя полководца и снова строит их в ряды, то неужели я заслуживаю этого названия, я, который, видя расстройство церкви, поднял старое знамя Иисуса Христа?"

На этот ответ со стороны католиков не последовало более возражений. Вся протестантская Европа читала его с восторгом. Даже Лютер, вообще не симпатизировавший швейцарскому реформатору, отозвался о нем с большой похвалой. В самой же Женеве впечатление, произведенное этим ответным посланием, было огромным. Приверженцы Кальвина ликовали. Они с гордостью повторяли, что только он один способен был дать отпор католикам, что, несмотря на все случившееся, он продолжает любить неблагодарный город. И с этим, конечно, нельзя было не согласиться.

Таким образом последняя попытка католицизма вернуть утраченную власть дала совершенно противоположные результаты. Она оказала услугу одному Кальвину. Письмо к Садолету было шагом к его примирению с женевским народом.

Политические дела также стали благоприятствовать Кальвину. Враждебная ему партия с синдиком Жаном Филиппом во главе сильно скомп-

рометировала себя договором с Берном, которому она уступила часть владений Женевы. За такую государственную измену Жан Филипп был осужден на казнь (в июне 1540 года), а вскоре погибли и другие 3 синдика, содействовавшие свержению Кальвина. С тех пор возвращение реформатора стало делом решенным.

21 сентября 1540 года совет поручает одному из своих членов, Ами Перрену, "изыскать средства, чтобы убедить господина Кальвина вернуться в Женеву". Перрен пишет Кальвину, Фарель также уговаривает его принять приглашение. Но Кальвин и слышать об этом не хочет. "Я содрогаюсь, когда вспоминаю о своей жизни в Женеве", — отвечает он Фарелю. "После Бога тебе одному известно, что я только потому оставался там, что не смел уклоняться от обязанностей своего звания, указанного мне самим Богом. Поэтому я готов был выносить все, лишь бы не покидать своего поста. Но теперь, когда я, по милости Бога, стал свободен, неужели я добровольно окунусь опять в эту пучину? И если бы меня даже не пугала опасность для себя, то неужели я могу серьезно надеяться, что сумею там действовать с пользой? Кто образует большинство в Женеве? Ни я, ни они не сумеем ужиться друг с другом... И к тому же, говоря правду, здесь, в Страсбурге, благодаря мирной, спокойной жизни, я совершенно разучился управлять массами".

Так писал он Фарелю. В таком же тоне он отвечал другим друзьям, хлопотавшим о том же. Кальвин действительно не мог забыть всех вынесенных унижений и боялся их повторения в будущем. Но в основе этих отказов, несомненно, лежал и расчет. Он чувствовал, что победа от него не уйдет. Он не желал возвратиться только на правах помилованного изгнанника; ему надо было, чтобы гордость женецев была сломлена, чтобы право помилования принадлежало ему, чтобы он мог вернуться победителем и предписывать законы тем, кто не сумел без него обойтись. Расчет был верный, и он добился своего.

Мысль о возвращении Кальвина овладевает гражданами Женевы с упорством настоящей идеи фикс. Не только его приверженцы, весь народ этого желал. Все чувствовали, что только его твердая руководящая рука может положить конец всем беспорядкам — забыты его строгости, его "тирания". Об этом возвращении только и говорили, только и думали. Протоколы совета наглядно рисуют нам, как вопрос о возвращении изгнанного проповедника заслонил собой все заботы дня.

13 октября в совете решено: "Написать письмо г. Кальвину и просить его оказать нам свое содействие". Податель письма, друг реформатора, должен посетить и других проповедников в Страсбурге и просить их действовать на Кальвина в том же направлении.

19 октября в совете 200 постановлено: "Ради величия и славы Божьей употреблять все средства, чтобы иметь Кальвина проповедником".

20 октября Генеральный совет постановляет: "Послать в Страсбург просить мэтра Жана Кальвина, этого ученого мужа, быть проповедником в этом городе".

21 октября просят Ами Перрена отправиться, в сопровождении герольда, с письмом к Кальвину. Решено также просить страсбургцев не противиться отъезду реформатора.

22 октября составляется письмо к Кальвину. От имени малого, большого и Генерального совета реформатор в самых почтительных выражениях приглашается вернуться к прежней деятельности, "так как народ этого очень желает и мы будем стараться, чтобы Вы были нами довольны".

Кальвин в то время был на сейме в Вормсе. Не застав его в Страсбурге, женевские посланные отправляются за ним в Вормс. Кальвин отвечает на переданное ими письмо в довольно неопределенных выражениях. Он охотно исполнил бы их желание, но он связан разными обязательствами: из Вормса он еще должен отправиться в Регенсбург, да и отпустят ли его страсбургцы. При этом он, однако, не забывает ставить свои условия — он хочет быть не простым проповедником, а восстановителем церкви, требует, чтобы бернские и страсбургские власти дали открыто свое согласие, и во всяком случае он согласен приехать в Женеву только на время.

С тех пор между Кальвином и женевами завязывается оживленная переписка. Последние согласны на все условия, письмо летит за письмом, посольства следуют за посольствами. Но Кальвин то готов уже согласиться, то снова отступает в ужасе перед грозящими ему опасностями. "Вернуться в Женеву? — пишет он Вире. — Отчего лучше не идти на крест?" Но и Вире, приглашенный на время в Женеву из соседней Лозанны, и Фарель, и Буцер, и многочисленные друзья во всех евангельских кружках не перестают его уговаривать. Страсбургцы соглашаются его отпустить. Фарель снова страшит его гневом Божиим, и наконец Кальвин уступает.

Женева победила, Женева ликует. С тех пор, все лето 1541 года, совет поглощен заботами о том, как бы торжественнее обставить его возвращение. Старательно придумывают, чем бы можно было ему угодить, восстанавливают его прежние законы церковной и гражданской дисциплины; призывают назад его изгнанного друга, Матюрина Кордые. Несколько заседаний совета посвящено лишь вопросу об отыскании для него удобной квартиры "с садом". С лихорадочным нетерпением женевацы ждут его, "нашего дорогого брата, который нам безусловно необходим, которого народ так страстно требует". И наконец мы читаем в протоколах от 13 сентября: "Мэтр Жан Кальвин прибыл из Страсбурга и очень извинялся в своем долгом промедлении".

Возвращение изгнанного проповедника было настоящим триумфальным шествием. Еще раньше, чем он выехал из Страсбурга, навстречу ему был выслан герольд; Фарель был приглашен участвовать в торжественной встрече. Народ приветствовал его восторженными криками. Кальвин вернулся в Женеву настоящим победителем.

В тот же день решено было перевезти его семейство из Страсбурга за счет города и просить страсбургцев уступить его Женеве навсегда. Ему назначили годовое жалованье в 500 флоринов, 12 мер пшеницы и 2 ведра

вина. Магистрат поднес ему даже сюртук, за который уплачено было из городских сумм 8 талсров. Заботливость властей о его удобствах доходила по временам до смешного.

VII

РЕФОРМЫ КАЛЬВИНА

Влияние Страсбурга на развитие реформатора. - Кальвин осуществляет свою программу. - Церковные ордонансы. — Роль проповедника.
-- Конгрегация и консистория. — Протестантские инквизиторы.
— Кальвин — диктатор Женевы

Три года, проведенных в Страсбурге, имели большое влияние на характер и развитие реформатора. В сущности, Кальвин всю жизнь оставался таким же, каким мы его видели молодым студентом в Париже, — это все тот же неутомимый труженик, равнодушный ко всему, что не имело прямого отношения к его деятельности, аскет, презирующий все радости жизни, все тот же человек, нетерпимый к слабостям других, педантичный, болезненный, раздражительный. Но годы тревожной жизни, непрерывной борьбы закалили его, сделали еще недоступнее мягким человеческим чувствам. Вся его сухая фигура, несколько надменные аристократические манеры, длинное бледное лицо с впалыми щеками и тонкими губами, холодный блеск его черных глаз — все в нем говорило о несокрушимой воле, которая не потерпит никакого противодействия, и в то же время все в нем внушало уважение и страх. Прежняя робость, неуверенность в себе давно исчезли. Со времени выхода "Наставления в христианской вере" религиозные убеждения Кальвина оставались неизменными. Но благодаря пребыванию в Страсбурге, знакомству с немецкими теологами, его умственный горизонт расширился, идеи выиграла в ясности и систематичности. Теперь перед нами вполне сформировавшийся реформатор и законодатель с ясной и твердо намеченной программой действий, не знающий никаких сомнений и с неуклонной энергией идущий по тому пути, который он считает единственно правильным, указанным ему самим Богом.

Действительно, если в душе у Кальвина когда-нибудь зарождалось сомнение в правильности его образа действий, сомнения в том, имеет ли он право огнем и мечом заставлять других верить в то, во что он сам верит, то теперь эти сомнения должны были рассеяться окончательно. Для такого фаталиста, как он, последние события должны были служить самым убедительным доказательством его непогрешимости. Этот самый народ, который так позорно изгнал его, теперь покорно лежит у его ног, умоляет его вернуться. Разве это не перст Божий? Ведь он сам не добивался этого

возвращения... И самое его первое появление в Женеве — ведь и тогда он был лишь орудием высшей воли. Нет сомненья — сам Бог привел его сюда, чтобы провести на деле то учение, которое он его устами возвестил миру в "Наставлении в христианской вере". И потому горе тому, кто пойдет теперь против Кальвина — как в большом, так и в малом. Он уже противник не его, а Бога, а такому не должно быть пощады.

* * *

Впрочем, первое время после своего возвращения Кальвин обнаруживал необыкновенную умеренность. С великодушием победителя он пощадил прежних проповедников, хотя ему стоило сказать лишь слово, чтобы они были немедленно смещены. Всеобщая покорность и подобострастие, очевидно, тронули его. В своей первой публичной проповеди он ни словом не напомнил о прежних событиях, "против ожидания всех", как он сам рассказывает. Но эта кротость и умеренность, в сущности, так мало согласовывались с его натурой, что он сам не может надивиться своей сдержанности. Ему кажется, что никто на его месте не поступил бы так, как он, не пощадил бы своих противников. "Ты вряд ли поверишь этому, — пишет он одному другу, — а все-таки это так: я так дорожу сохранением мира и согласия, что сам насилую себя. Я даже словами не мщу своим врагам. Господь да поддержит меня в этом настроении".

Действительно, Кальвин только насилывал себя, поступая таким образом. По его убеждению, быть кротким, умеренным, значило потворствовать злу. Ему надо было только расположить к себе народ, не испугнуть его слишком резким переходом к новым порядкам. Но эти порядки были, по его мнению, необходимы, и он, не теряя времени, принимается за дело.

Уже в первом заседании совета, после извинений за долгое промедление, он предложил приступить немедленно к водворению порядка в церкви. В тот же день была назначена комиссия из 6 членов совета, которые должны были помогать Кальвину в выработке нового церковного устава. Все они принадлежали к числу безусловных поклонников реформатора и, понятно, во всем соглашались с ним. Благодаря этому, проект устава был готов уже через несколько недель и 28 сентября представлен совету. Надо полагать, что чтение проекта вызвало во многих членах тревожные предчувствия будущего. Некоторые из них даже предпочли не явиться на следующее заседание. Им было сделано строгое внушение, и проект, хотя и с некоторыми изменениями, прошел; 9 ноября он был одобрен и советом 200, а 20 ноября, в окончательной своей редакции, утвержден Генеральным собранием граждан.

Таким образом Кальвин наконец добился того, чего ему не удалось достигнуть в первое свое пребывание в Женеве. Изданные "ордонансы" представляли полный церковный кодекс, составленный в духе "Наставления

в христианской вере". Кальвин мог быть вполне довольным. Уступки, которые ему пришлось сделать, принимая во внимание "слабости времени", были довольно ничтожны. В главном и существенном все его требования были удовлетворены, остальное представлялось только делом времени. И Кальвин не бездействовал. Целым рядом отдельных мер и постановлений, принятых после более или менее сильного сопротивления, он дал Женеве то образцовое церковное и гражданское устройство, которое превратило свободную демократическую республику в теократическое государство, управляемое деспотизмом "женевского папы", а веселую шумную Женеву — в мрачный город с суровыми, почти монастырскими нравами.

Рассмотрим прежде всего его церковную реформу.

Кальвин разделяет людей, призванных к управлению церковными делами, на 4 категории: проповедников, учителей, старейшин и дьяконов. Последние заведовали благотворительной частью. Но главенствующая роль в церковном управлении принадлежит проповедникам. Это — "слуги Божественного слова"; они должны "возвещать слово Божье, учить, увещевать народ, раздавать причастие и вместе со старейшинами налагать церковные наказания". Всякий кандидат на это звание должен подвергнуться предварительно испытанию в коллегии проповедников. Испытание это касается: 1) его правочности, 2) его умения проповедовать, 3) безупречности его поведения. Если результат испытания оказался удовлетворительным, то на него, по апостольскому обычаю, возлагают руки, и он считается избранным. После этого проповедник представляется совету, который имеет право одобрить выбор духовенства или отвергнуть его; совет в свою очередь велит возвестить об этом выборе во всех церквях гражданам, которые также могут возражать, если у них имеются для этого серьезные основания. Но в сущности все это одни формальности. Кальвин счел бы непростительной дерзостью со стороны мирян, если бы они стали отвергать того, кто был признан достойным всем духовенством. Как мы уже говорили, то участие, которое автор "Наставления в христианской вере" предоставлял общине в церковном управлении, на деле сводилось к простому одобрению.

Принятый таким образом проповедник должен был принести совету присягу в ревностном исполнении своих духовных обязанностей и в соблюдении гражданских законов, "насколько последние не будут противоречить его обязанностям перед Богом". После этого он считался связанным со своей общиной теснейшими узами. Он не имеет права уезжать без разрешения, даже добиваться другого места. В свою очередь ни община, ни власти не могут его лишать этого звания без достаточно веских причин, какими считаются только очевидная ересь или преступность поведения. Как слуга и наместник Бога во вверенной ему общине, проповедник имеет право на уважение и доверие своих прихожан. Оскорбивший его навлекает на себя не только гнев Божий, но и кару гражданских законов. Община должна заботиться о приличном содержании для проповедника. Кальвин вовсе не требует от духовенства евангельской бедности. Он даже не запрещает духовным лицам заботиться об умножении своего имущества, лишь бы это

не противоречило строгой нравственности. Кальвин видел в этой материальной обеспеченности средство для большей независимости духовного сословия и очень часто, и в проповедях, и на заседаниях совета, настаивал на возвращении духовенству церковных имуществ, отнятых у католиков. В сущности, кальвинистское духовенство по степени своего влияния нисколько не уступает католическому. Оно не должно ограничиваться одной только проповедью, но обязано руководить всей религиозно-нравственной жизнью общества, — влияние его простирается на все сферы жизни. Увещеваниями, предостережениями и наказаниями оно должно содействовать прославлению Бога и воспитанию богобоязненного поколения. Снисходительность к грешнику не подобает проповеднику, ибо он не только провозвестник истины, но и ее защитник, он — "мститель" за обиды, наносимые имени Божию. Его проповедь не должна отличаться мягкостью, он должен стараться подражать той "страстности, с которой Павел обрушивался на ложных пророков".

Из совокупности всех духовных лиц составляется конгрегация, или коллегия проповедников, задачу которой составляет охранение чистоты и единства учения. Она собиралась еженедельно, под председательством самого реформатора. Здесь обсуждали различные богословские вопросы, совещались о мерах по улучшению нравственности; здесь уполномоченные конгрегации, отправлявшиеся ежегодно проводить ревизии деятельности проповедников, представляли свои отчеты, обвиняемые духовные лица являлись для объяснений; здесь же, наконец, часто обсуждались и подготавливались многие важные политические меры, так что постепенно значение конгрегации даже превысило значение совета. Душой этих собраний был, конечно, реформатор, которому принадлежал решительный голос и который таким образом являлся фактическим главой государства.

Но самое замечательное из учреждений Кальвина — консистория, или коллегия старейшин. Это было в высшей степени своеобразное учреждение — в одно и то же время и светское и духовное, нечто среднее между инквизиторским трибуналом и судебной инстанцией, ярко воплотившее в себе теорию Кальвина о тесной связи между церковью и государством.

Членами консистории состояли все городские проповедники — числом обыкновенно шесть — и 12 мирян, которые, нося название "старейшин", избирались из среды членов малого совета, по соглашению с проповедниками. Они давали присягу в том, что будут преследовать богохульство, идолопоклонство, безнравственность — все, что противоречит учению Реформации, и немедленно докладывать консистории о всяком преступном действии.

Таким образом в этом чисто аристократическом учреждении, состоявшем из лиц, в выборе которых народ совершенно не участвовал, сосредоточивалась громадная власть — деятельность его была одновременно и контролирующая и судебная.

"Обязанности старейшины, — гласят ордонансы, — заключаются в том, чтобы надзирать за жизнью каждого члена общины". Понятно, что

на первом плане стоит вопрос о правоверности граждан. Не только открыто высказываемые мнения, даже самые помыслы подлежат контролю старейшин. Они должны наблюдать, посещает ли каждый гражданин проповедь, является ли аккуратно к причастию, воспитывает ли хорошо детей, ведет ли нравственную жизнь и т. д. Чтобы облегчить им этот контроль, каждый член консистории имеет право беспрепятственно входить в дом гражданина — и не только право, но и обязанность. По крайней мере раз в год члены консистории должны обходить все дома в городе, чтобы лично удостовериться в том, исполняются ли предписания церкви. Но и помимо этого открытого контроля члены консистории постоянно и неусыпно следят за всем, что происходит во вверенном каждому из них городском квартале. Заметив какое-нибудь упущение, они должны стараться подействовать на виновных отеческим увещанием. Если же это средство окажется недействительным или проступок слишком значителен, то они сообщают об этом в консисторию, которая обращается в судебный трибунал.

Таким образом, каждый член консистории совмещал в себе три различные функции. Он являлся и обвинителем виновного, докладывая о его проступке, и свидетелем против него, и он же, наконец, подавал свой голос как судья. В какой степени подобное соединение различных функций в одних руках могло содействовать интересам правосудия и беспристрастию приговоров — об этом, конечно, говорить излишне. При этом необходимо иметь в виду, что члены консисторий получали жалованье из штрафных денег и сама консистория представляла первую и последнюю инстанцию (за исключением брачных дел, в которых можно было подавать апелляции).

Деятельность Кальвина не ограничивалась, однако, реформой церковного устройства. Одновременно он работает и над проектом гражданских реформ. Беспорядки предыдущей эпохи привели управление Женевы в большое расстройство. Кальвин и тут вносит порядок и систему. Уже в начале 1543 года комиссия, работавшая под его руководством, исполнила большую часть своей программы: установлены были определенные рамки для деятельности различных государственных органов, обязанности должностных лиц обозначены в ясных и точных выражениях. Все государственное устройство Женевы получило тот аристократический и в то же время строго религиозный характер, который он защищал в своем капитальном труде.

Подверглось коренному преобразованию и судебное устройство, которое он разработал до мельчайших подробностей. Недаром он в свое время изучал право. Кальвин вообще вникал во все. Ни одна мелочь городского управления не ускользала от его внимания. Наряду с самыми важными церковными и гражданскими вопросами реформатор занимается и самыми мелкими деталями городского благоустройства. Он пишет подробные инструкции для смотрителей за постройками, для ножарной команды, даже правила для ночных сторожей и т. д. И на всех его учреждениях лежит та печать суровой неумолимой законности, педантичного порядка, которые составляют основу его личного характера.

Но еще важнее, чем все эти постановления, было то влияние, которое реформатор оказывал своим личным вмешательством во все сферы общественной жизни. Это влияние было неограниченное. Де юре в Женеве существовали и независимые гражданские власти в виде различных советов, и коллегии духовных лиц. Фактически же над всеми этими учреждениями возвышалась властная фигура самого "женевского папы". Генеральное собрание граждан созывается все реже и реже: по мнению Кальвина, оно представляет собой "злоупотребление, которое должно быть уничтожено". Совет 200 также оттесняется на задний план, все дела решаются в малом совете, а на это собрание 25 олигархов, состоящих почти исключительно из его приверженцев, Кальвин имеет такое же почти неограниченное влияние, как и на коллегию духовных лиц. И здесь, и там, и с высоты кафедры он произносит свое авторитетное слово, и это слово имеет всегда решающее значение. Выслушивалось ли оно покорно или со слабыми возражениями, как в первые годы после его возвращения, или оно вызывало взрыв неудовольствия и даже возмущения — голос реформатора продолжал раздаваться так же решительно и непоколебимо, и в конце концов победа оставалась на его стороне.

Результаты были поразительные.

VIII

ЖЕНЕВА ПРИ КАЛЬВИНЕ

Женева католическая и Женева протестантская. — Законодательство Кальвина. —
Процессы "отравителей". — Церковная и гражданская дисциплина. —
Женева походит на монастырь

Девиз католической Женевы гласил: "После мрака ожидаю света". Приверженцы Реформации, усматривавшие в нем что-то пророческое, полагали, что теперь, с упрочением новой религии, свет окончательно вытеснил прежний мрак. "После мрака — свет" — таков был гордый видоизмененный девиз, которым Женева Кальвина заменила прежний.

Посмотрим же, каково жилось гражданам Женевы под лучами этого нового света.

Мы видели уже, каково было лицо этого города, этот оригинальный тип женевского гражданина — трудолюбивого, аккуратного в течение одной части дня, то есть за работой, веселого, любящего всякие общественные увеселения, игру, танцы и шумные сборища в часы досуга. Мы видели также, что выше всего женевский гражданин ценил свою независимость. Когда свобода страны подвергалась опасности, когда герцог Савойский или другой внешний враг хотел посягнуть на вольности города или привилегии

корпорации, тогда все эти ремесленники и купцы брались за оружие, чтобы защищать неприкосновенность своих прав. На время забывались все раздоры, все личные счеты — Женева поднималась, как один человек. Когда герцог Савойский объявил, что возобновит в городе прежние уничтоженные им ярмарки, главный источник его богатства, но с условием, что будет считаться их покровителем, женеvцы не поддались на удочку. "Лучше свобода, чем богатство!" — ответили они ему на это заманчивое предложение.

Прогнав епископа, отрекшись от католицизма, они наконец достигли полной независимости. Но вместе со свободой явилась анархия. Пришлось снова призвать Кальвина.

"После мрака — свет!" Порядок был водворен. На месте прежней неурядицы — стройная государственная и церковная организация; сильная светская власть. еще более могущественная церковь, и та и другая служащие одной цели — сохранению чистоты учения и воспитанию граждан в духе этого учения. Реформатор выполнил свою задачу блестящим образом. Но в этой новой преобразованной Женеве никто, конечно, не узнал бы прежнего свободного, оживленного города.

Перед нами точно Флоренция в период господства в ней Савонаролы¹, Венеция с ее Советом десяти, "мостом вздохов", тайными доносами и казнями, перед нами какое-то новое теократически-олигархическое государство с драконовскими законами, где гражданин, накануне еще проливавший свою кровь в защиту своих прав, имеет только одну свободу, одно право — молиться и работать.

Один из восторженных почитателей Кальвина, Генри, вынужден заметить, что законы, данные им Женеве, "были писаны кровью и огнем". И, конечно, это далеко не преувеличение.

Подобно тому как в проповеднике Кальвин видел "мстителя" за нарушение слова Божья, так и в носителях светской власти он видел главным образом карателей человеческих проступков. Человек по природе склонен к злу и возмущению, поэтому над ним должна тяготеть сдерживающая узда. Власть, истинно угодная Богу, непременно строга — ей должно быть чуждо сострадание, милосердие и другие человеческие слабости. По мнению Кальвина, осуждение невинного гораздо меньшее зло, чем безнаказанность виновного. Совершенно ошибочно представление, будто светская власть должна карать лишь преступления против граждан — убийство, воровство или другие посягательства на их права — и оставлять безнаказанными безнравственность, пьянство и оскорбления имени Божия.

¹ Савонарола, Джироламо (1452—1498) — монах-доминиканец, итальянский политический и религиозный реформатор, проповедовавший возвращение к апостольскому идеалу и выступавший против светской власти папы. После свержения в 1494 г. во Флоренции тирании Медичи установил там республику. Фанатизм Савонаролы подорвал его влияние. В 1497 г. был отлучен от церкви, предан суду по обвинению в ереси и казнен как ерестик.

При таких теориях система наказаний, конечно, не могла отличаться мягкостью. Смертная казнь определяется за преступления самого различного свойства, совершенно в духе Ветхого Завета. Смерть богохульнику, смерть тому, кто захочет подорвать существующий строй государства, смерть сыну, который проклянет или ударит отца, смерть нарушителям супружеской верности, смерть еретикам — вот статьи, которыми усеяны ордонансы Кальвина.

Проповедь Кальвина не упала на бесплодную почву. Вряд ли можно найти, даже в те времена, другое государство, где бы при таком небольшом населении и в такой промежуток времени совершено было так много казней: 58 смертных приговоров и 76 декретов об изгнании в такое сравнительно мирное время, каким был первый период его деятельности в Женеве (1542—1546 гг.), лучше всего показывают, как охотно женевские власти пользовались своим правом. Но еще ужаснее была та жестокость, которой отличалось само судопроизводство. Пытка была необходимой принадлежностью всякого допроса — обвиняемого пытали до тех пор, пока он не признавал обвинения, подчас в мнимом преступлении. Детей заставляли свидетельствовать против родителей. Иногда простого подозрения достаточно было не только для ареста, но и для осуждения: в числе этих 76 человек, осужденных на изгнание, 27 были осуждены только по одному подозрению. Человеческая жизнь словно потеряла всякую цену в Женеве. Особенно ужасно было обращение с мнимыми распространителями чумы. В эту эпоху чума свирепствовала в Европе и несколько раз настигала и Женеву. Как и всегда, распространение ее приписывалось невежеством происка злонамеренных людей, отравителей, но нигде эти слухи не имели таких ужасных последствий, как в Женеве. Достаточно было одного подозрения, чтобы подвергнуть такого мнимого отравителя строжайшему допросу со всеми его атрибутами. В начале 1545 года число этих несчастных, обвиняемых в "колдовстве, в союзе с дьяволом, в распространении заразы", так возросло, что все темницы были ими переполнены и тюремный смотритель докладывал совету, что не может больше принимать арестантов. Обращение с ними было поистине варварское. Прежние приемы пытки казались слишком слабыми, и власти обнаруживали в этом отношении адскую изобретательность. Часто несчастные умирали под пыткой, продолжая утверждать свою невиновность; другие в отчаянии сами лишали себя жизни "по внушению сатаны", как гласят протоколы. В промежуток времени от 17 февраля до 15 мая 1545 года таких "отравителей" погибло 34 от самых возмутительных способов казни.

Сам Кальвин счел наконец нужным протестовать против чрезмерных жестокостей; он потребовал, чтобы палачи скорее и осторожнее совершали казнь. Но в общем он был совершенно доволен этой строгостью властей и даже не считал ниже своего достоинства самому доносить о вредных лицах.

Консистерия также не бездействовала. Правда, она сама могла налагать лишь церковные наказания, но имела право передавать виновных

гражданским властям, так что это ограничение было, в сущности, лишь кажущееся. Эта протестантская инквизиция проникала решительно всюду. Богатые и бедные, мужчины и женщины должны были по первому требованию предстать перед грозным трибуналом и за малейшее, нечаянно сорвавшееся вольное слово, за улыбку некстати во время проповеди, за слишком нарядный костюм, за завитые волосы выслушивали гневные выговоры, выставлялись у позорного столба, подвергались церковному отлучению, штрафам, тюремному заключению. Всякое оскорбление божественного имени считалось преступлением, наказуемым гражданскими властями. Под эту категорию можно было подвести все, что угодно, — и найденный при обыске какой-нибудь атрибут прежнего католического культа, вроде крестика, образка и т. п., и неуважительное отношение к проповеднику, и насмешку над французским эмигрантом, в котором Кальвин видел святого мученика за Евангелие.

Результаты этой системы, как мы сказали, были поразительные. И город и граждане точно преобразились. Шумная жизнь богатого города с живым, подвижным населением притихла и заменилась мрачной серьезностью. Под бдительным оком консисторских цензоров, под вечной угрозой "ордонансов" жизнь женеvцев приняла характер строгой религиозности, порядка и дисциплины, каких мы не встречаем ни в одной церкви. Посещение проповеди было важнейшей обязанностью гражданина. Он не имел даже свободы выбора церкви, так как для облегчения контроля ему предписывалось всегда посещать лишь свою приходскую церковь. Заболевший обязан был в течение первых трех суток болезни пригласить к себе духовника. Купец в своей лавке, ремесленник в мастерской, торговка на рынке, заключенный в темнице — все они находились под контролем старейшин, для всех существовали обязательные правила. Всякое неприличное выражение, ругательство, подслушанное одним из многочисленных шпионов (бдительность старейшин скоро оказалась недостаточной), немедленно доносилось в консисторию и вызывало соответствующие наказания. Извозчик, в сердцах обрувавший свою упрямую лошадь, подвергался тюремному заключению.

Страсть к роскоши, которой отличались богатые женеvцы, также исчезла. Реформатор не ограничивался одними требованиями скромной, умеренной жизни. Он вносил свою регламентацию в малейшие детали быта, определяя цвет и фасон костюмов, добротность материи, предписывая законы для женской прически, усугубляя даже максимум блюд на пирах. В регистрах города можно прочесть иногда вещи анекдотического характера. Три кожевника, читаем мы, присуждаются к трехдневному заключению на хлеб и на воду "за распутство": они съели за завтраком 3 дюжины пирожков!

Исчезли и национальные увеселения Жсневь, ее театральные представления, народные праздники со стрельбой в цель: запрещены были всякие

игры, танцы, музыка, распевание светских песен, шумные празднования свадеб и т. п. Кальвин уничтожил также трактирные заведения. Вместо них были устроены так называемые аббатства или духовные казино, по одному в каждом из 5 городских кварталов. В этих-то аббатствах женевские граждане, не сумевшие побороть в себе потребность общения, могли проводить свой досуг под светским и духовным надзором. Хозяин заведения был правительственным чиновником. Он должен был следить, чтобы гости не садились за стол, не совершив предварительно молитвы, чтобы они не божились, не вели себя неприлично, не вступали в бесполезные прения, и о каждом нарушении этих правил доносить властям.

Той же железной дисциплине, хотя и с большими трудностями, было подчинено и сельское население.

Так постепенно реформатор осуществил тот идеал общины верующих, который носился перед ним в то время, когда 26-летним молодым человеком он писал свое "Наставление в христианской вере". Женева стала настоящей духовной монархией. Даже совет, открывавшийся молитвой и благочестивой проповедью, более походил на церковное, чем на государственное собрание. Кальвин был полнейшим спиритуалистом; нечувствительный к красотам природы, к поэзии и искусству, он смотрел на землю как на юдоль плача и скорби, на земную жизнь — как на подготовительную ступень к жизни загробной, и этот дух аскетизма он привил и женевам. Неумолимый в работе, реформатор требовал того же от других. Никто не имел права бездействовать, нищих в городе не было. Хотя Кальвин и заботился о нуждах населения и во время дороговизны отыскивал для него новые источники заработков, старался поднять упавшие в предыдущие годы отрасли производства, но в сущности он был против излишнего благосостояния и даже раз выразился, что "народ надо держать в бедности, иначе он перестанет быть покорным". Светских наук он не признавал, но знание катехизиса считал необходимым и сделал для этой цели посещение школы обязательным.

Женева действительно утратила свое прежнее торговое и промышленное значение, но зато, по выражению французского историка Мишле, она сделалась "городом духа, основанным стоицизмом на скале предопределения".

*Жан Кальвин.
С рисунка Л. Клод*

IX

БОРЬБА С ОППОЗИЦИЕЙ

Причины успеха реформатора. — Роль эмигрантов. — Начало оппозиции. — Чума в Женеве и поведение духовенства. — Борьба с либертинами. — Кто такие либертины? — Процессы Амо, Фавра, Перрена и Грюэ. — Бертелье и окончательное поражение либертинов. — Оппозиция в духовенстве. Мигель Сервет, его учение и мученическая смерть. — Роль Кальвина в процессе

Что же, однако, способствовало успехам реформатора? Каким образом граждане Женевы, так ревниво оберегавшие свои права, соглашались терпеть у себя этого чужеземного диктатора, который во имя проповедуемого им учения вырвал из их рук власть, передав ее небольшой кучке олигархов в лице членов малого совета и консистории? Как мог этот веселый, жизнерадостный народ подчиниться такой суровой дисциплине, такому почти монастырскому режиму?

Вот вопросы, которые невольно приходят в голову, когда приглядываешься к этой новой реформированной Женеве.

Ответ отчасти заключается в самом характере учреждений Кальвина. С необыкновенным тактом реформатор так искусно связал между собой церковь и государство, что женевские правители, гордые своим мнимым главенством над церковью, которое предоставлялось им в виде права охранять неприкосновенность и чистоту ученья, вмешиваться в лице старейшин в церковные дела, в частную жизнь общины, и дорожа этими мнимыми прерогативами, не замечали того, что в сущности они сделались только слугами церкви. Охраняя себя и дарованную ему новым порядком вещей власть, совет этим самым охранял и все здание Кальвина.

Другая причина устойчивости этого здания заключалась в особенном характере женевской Реформации. Как мы уже видели, успехи ее обуславливались главным образом политическими соображениями. Реформация послужила средством, чтобы избавиться от ненавистного ига Савойи и епископа. Благодаря этому постепенно окрепло убеждение, что одно немыслимо без другого, а Реформация, как показали события, была, в свою очередь, немыслима без Кальвина.

Но всех этих причин, может быть, не было бы достаточно, чтобы обеспечить успехи реформатора, если бы последний не мог опереться на другую внешнюю силу, если бы он не имел за собой партии, которая готова была бы поддерживать его против неизбежной оппозиции. Эту опору он нашел во французских эмигрантах.

Со времени усиления религиозных преследований во Франции число эмигрантов, пользовавшихся гостеприимством Женевы, все возрастало. Кальвин сам приглашал в Женеву всех гонимых протестантов, оказывал им

всяческое покровительство и раздавал им право гражданства. В 1555 году в один день совет принял в число женеvских граждан 300 человек — "для защиты правительства", говорится в протоколе. Вот эти-то эмигранты, среди которых наряду с людьми действительно достойными, горячо преданными новому учению, будущими мучениками за него попадались часто и люди с очень двусмысленным прошлым, весь этот пришлый элемент, видевший своего духовного главу только в Кальвине, и дал ему ту опору, которая поддержала его в наступившей скоро борьбе. Из среды этих новых граждан избирались члены совета, стоявшие горой за Кальвина; они же давали ему большинство голосов на общих собраниях; из них, наконец, набиралась и та толпа тайных и явных шпионов, которые поддерживали деятельность консистории и за известное вознаграждение из штрафных денег доносили о всех проступках, ускользавших от бдительного ока консисторских инквизиторов.

Прибавьте ко всему этому влияние самой личности реформатора, эту железную волю, не знающую преград, эту глубокую уверенность в правоте своего дела, которая всегда производит неотразимое впечатление на слабые, колеблющиеся умы, — и тогда этот беспримерный факт полного перерождения целой общины под влиянием одного человека, оставаясь не менее поразительным, станет для нас вполне понятным.

Тем не менее победа досталась реформатору нелегко. За первым, сравнительно мирным периодом его деятельности последовал новый период ожесточенной борьбы с постепенно нараставшим народным неудовольствием. Этот второй период его деятельности, продолжавшийся девять лет (1546—1555), ознаменован главным образом борьбой с либертинами.

Не одна, впрочем, суровость новых порядков была причиной охлаждения, сменившего первоначальный энтузиазм женеvцев к своему вернувшемуся проповеднику. Содействовало этому и недостойное поведение самого духовенства.

В самом деле, от людей, предъявлявших к другим такие высокие требования, естественно было ожидать, что они сами будут служить живым примером и образцом проповедуемых ими добродетелей. На деле же оказывалось совсем другое. За исключением Кальвина, который, будучи строгим к другим, был по крайней мере строг и к себе, остальные проповедники, ежедневно громившие в проповедях пороки своей паствы, вели себя далеко не безукоризненно. Хотя Кальвин и старался, во избежание соблазна, прикрывать недостатки своих товарищей, заступаясь за них против их обвинителей, но в интимных письмах к друзьям не раз выражал свое негодование по поводу их недостойного образа жизни. В продолжение первых пяти лет целый ряд духовных лиц подвергся наказаниям; некоторых даже пришлось изгнать, но и занимавшие их место редко оказывались на высоте своего призвания. Особенно должно было повредить духовенству в общественном мнении его поведение во время чумы 1543 года.

Новым проповедникам представлялся удобный случай доказать любовь и преданность своей духовной пастве, о спасении которой они так

ревностно заботились. А между тем, в то время как миряне часто брали на себя уход за больными, духовенство трусливо уклонялось от своих прямых обязанностей. Еще осенью 1542 года, при первом появлении чумы, совету с трудом удалось найти одного проповедника, который согласился принять на себя службу в чумном госпитале. Это был некий Бланше. Сам Кальвин пишет по этому поводу Вире: "Если с Бланше случится несчастье, то боюсь, мне самому придется принять на себя это опасное дело". Опасность миновала, и Бланше остался невредим. Но весной 1543 года эпидемия начинает свирепствовать с еще большей силой. Снова поднимается вопрос о назначении в госпиталь проповедника, и снова только один Бланше принимает этот опасный пост. Но Бланше скоро делается жертвой заразы, и несчастные больные остаются без всякого духовного утешения. Многие из проповедников объявляют, что они "лучше отправятся на виселицу или к дьяволу, чем в этот зачумленный госпиталь". Совет посвящает этому вопросу заседание за заседанием и настойчиво требует, чтобы духовенство наконец выбрало кого-нибудь из своей среды, "за исключением г. Кальвина, который необходим церкви и в советах которого все нуждаются". Коллегия духовенства отнекивается и предлагает на это место одного приезжего француза; совет не соглашается, и тогда 5 июня 1543 года женевцы, которым под страхом всевозможных наказаний силятся навязать безусловную святость жизни, становятся свидетелями следующей сцены.

Процессия из всех проповедников, с Кальвином во главе, направляется в зал заседаний совета и здесь открыто заявляет, что "хотя обязанность их заключается в том, чтобы служить церкви и в хорошие, и в дурные дни, но так как Бог не даровал им достаточно мужества, то они отказываются пойти в госпиталь и просят извинить их". Совет постановляет: "Молиться Богу о ниспослании им впредь больше мужества" — и в ожидании принимает услуги предложенного раньше француза.

Нельзя, конечно, отнести и к Кальвину то унижительное малодушие, которое выказало все женевское духовенство. Сам совет полагал, что он должен беречь себя для блага всей церкви, но несомненно и то, что особенного мужества, настоящей деятельной любви к страждущим он не показал в этот момент. Как бы то ни было, контраст между тем, чему учили проповедники, и их собственным поведением был слишком велик и не мог не поколебать их авторитета в глазах народа.

Кроме эпидемий Женева подвергалась в это время и другим бедствиям. Неурожай и голод увеличивали число жертв; в 1545 году начались ужасные процессы против "отравителей и колдунов". Городские финансы находились в самом плачевном состоянии. А в это время Кальвин, для которого дело евангельской пропаганды стояло на первом плане, занимал членом совета изображением страданий своих преследуемых соотечественников, посылал им значительные субсидии и вместе с Фарелем, в сопровождении герольда, предпринимал на городские средства поездки в Мец или в соседние кантоны, чтобы побудить их к дипломатическому заступничеству за гонимых.

Все это в значительной степени должно было содействовать охлаждению женеvского населения. Небольшое вначале число противников Кальвина, считавших нужным скрывать свои настоящие чувства из-за всеобщего энтузиазма, постепенно начинает возрастать. Оппозиция становится смелее, ропот народа "на духовенство и французов" — все громче. Кальвин ясно видит надвигающуюся опасность. Но еще менее, чем в первый раз, он готов пойти на какие-нибудь уступки. Начинается долгая ожесточенная борьба с оппозицией, которую он окрестил "либертинизмом".

Что такое представляют собой эти либертины?

Если верить Кальвину, который еще в 1544 году написал сочинение "против фантастической и яростной секты, именующей себя духовными либертинами", — это были люди, стремившиеся соединить идеи пантеизма с самым грубым материализмом. По их учению, существует лишь единая Божественная субстанция, которая проявляется во всех творениях, и, таким образом, все, что создано, происходит от божества и есть само божество. Бог есть все — и материя и дух, поэтому все божественно: нет ни ангелов, ни дьяволов, нет ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи. Евангелие божественно, но на таком же основании, как и всякая другая доктрина. Все земные блага должны быть общей собственностью, потому что все существующее принадлежит мне, составляющему часть этого общего мирового тела, в такой же степени, как и той части его, которую я считаю отдельным от меня существом.

Очевидно, это была одна из разновидностей тех многочисленных сект, которые расплодились в эпоху Реформации в Германии, Швейцарии и Нидерландах и известны были под различными названиями — анабаптистов, баптистов, антитринитариев и других. У некоторых из сектантов эти теории соединялись с самой разнузданной безнравственностью, другие, напротив, проповедовали аскетический образ жизни. Приблизительно в то же время эти не только еретические, но и антихристианские идеи получили стройную систематизацию в учении Мигеля Сервета.

Но, спрашивается, действительно ли принадлежали все противники Кальвина, как он старается нас уверить, к этой религиозной секте, действительно ли они были все "духовными либертинами"?

Чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, надо было бы не только безусловно доверять свидетельству Кальвина, который совершенно искренно клеймил безнравственностью малейшее отступление от установленной им дисциплины, а в людях, не согласных с его учением, видел представителей самых отвратительных ересей, надо было бы, кроме того, совершенно упустить из вида, что помимо всяких религиозных убеждений женеvцы имели достаточно оснований тяготиться игом французского проповедника и вздыхать по своему прежнему демократическому устройству.

Было, впрочем, одно обстоятельство, которое отчасти объясняет это огульное обвинение оппозиционной партии в приверженности вредным теориям сектантского пантеизма. Дело в том, что большинство противников Кальвина состояло из молодых людей, принадлежавших к лучшим

женевским фамилиям. Веселые, легкомысленные, любящие удовольствия, они не хотели подчиниться его строгой дисциплине и, несмотря ни на какие штрафы и наказания, продолжали собираться в трактирах, предаваясь иногда буйному разгулу. Кальвин в своем раздражении дошел раз до того, что потребовал казни 700—800 непокорных юношей. Понятно, что эти люди ненавидели всей душой французского проповедника, отнимавшего у них свободу. Они осыпали его насмешками, устраивали ему враждебные демонстрации, давали его имя своим собакам и т. д. Может быть, некоторые из них и сочувствовали запрещенным идеям, отыскивая в них философское оправдание для своей легкомысленной жизни; но главным лозунгом либертинов, насколько можно судить по их процессам, была свобода — свобода политическая и религиозная.

Как бы то ни было, эти либертины — политические или духовные — стремились свергнуть Кальвина, а вместе с ним и все его порядки, уничтожить плоды его реформаторской деятельности. В материале для борьбы не оказывалось недостатка. И борьба началась.

5 апреля 1546 года вся Женева с негодованием была свидетельницей следующей сцены. Один из известнейших граждан города, Пьер Амо, в одной рубашке, с босыми ногами, с опущенным факелом в руке обходил под конвоем весь город, останавливаясь на главных площадях, чтобы громко на коленях просить прощения в своих грехах. Вся вина Амо заключалась в том, что, ненавидя Кальвина за осуждение своей жены, он раз, за веселым ужином, в присутствии гостей, дал волю своему гневу: Кальвин, говорил он, все тот же епископ, только еще хуже прежних; учение его ложно, это злой пикардиец, тиран и т. д. Шпионы донесли об этом консистории, та передала Амо гражданским властям как богохульника, а совет присудил его к весьма значительному штрафу и к публичному покаянию в зале совета. Но Кальвину этого показалось мало. В сопровождении всех проповедников и старейшин он явился в совет и потребовал более строгого наказания. Совет отменил прежний приговор и вынес новый.

Весть об этом осуждении вызвала в Женеве сильное волнение. На улицах, особенно в предместье, стали собираться толпы народа, громко осуждавшие самоуправство проповедника; раздавались даже крики: "Долой Кальвина, долой эмигрантов!"

Но Кальвин не дал разрастись волнению. Он пригрозил совету оставить город, и совет, испуганный перспективой потерять свою опору, велит на площади предместья поставить виселицу. Эта немая угроза производит свое действие. Народ расходится по домам, и приговор над Амо приводится в исполнение.

В числе самых горячих женевских патриотов, участвовавших в борьбе за независимость, были Франсуа Фавр и муж его дочери, Ами Перрен, занимавший должность главного начальника женевских войск. Последний, как мы видели, принадлежал к числу тех, кто усиленно содействовал вторичному приглашению Кальвина. Но скоро ему пришлось горько раскаиваться в этом.

В одно прекрасное утро перед консисторией предстала целая толпа либертинов. Это были приглашенные на свадьбу, осмелившиеся накануне танцевать, несмотря на запрещение. В числе их была жена Перрена и старик Фавр. Все они подверглись тюремному заключению на несколько дней, а Фавр был наказан еще строже. Его обвиняли в том, что он отзывался непочтительно о Кальвине и об эмигрантах, говорил, что Женева порабощена, а когда его вели в тюрьму, не переставал кричать: "Свобода, свобода! Я дал бы тысячу талеров, чтобы добиться Генерального собрания".

Фавр просидел в тюрьме более 3 недель и был выпущен только благодаря заступничеству Берна, помнившего его услуги городу. Но скоро и он, и его дочь снова навлекают на себя обвинение в безнравственном поведении и осуждаются на изгнание. Перрена в это время не было в городе. Узнав об осуждении жены и тестя, Перрен приходит в ярость. Он врывается в зал совета и в гневных выражениях, пересыпая речь угрозами, упрекает членов в черной неблагодарности по отношению к людям, оказавшим столько услуг отечеству. Его, конечно, арестовывают, затевают целый процесс и в конце концов за тиранические замашки лишают звания "генерального капитана".

Но у Перрена было много друзей. Народ также любил храброго, великодушного капитана, и весть о его заключении была встречена ропотом негодования. В совете двухсот большинство также склонялось на сторону Перрена; 16 декабря заседание совета было особенно бурное. Громадные толпы народа стояли на улице в ожидании Кальвина. Последний узнает об этом и немедленно отправляется на место действия. При виде его крики усиливаются, кое-где даже обнажается оружие. Но Кальвин не теряет присутствия духа. Спокойно, решительно он вступает в середину бушующей толпы. "Я знаю, — восклицает он, — что вся эта борьба ведется из-за меня. Что же, если вам нужна кровь, пролейте мою; если хотят меня изгнать, то пусть изгоняют. Но попробуйте спасти Женеву без Евангелия!" И затем, воспользовавшись произведенным впечатлением, он обращается к народу с такой пламенной речью, что прежнее грозное настроение сменяется общим энтузиазмом, толпа расходится по домам и Кальвин снова остается победителем.

Тогда же происходил другой известный процесс, где действительно можно найти следы того "духовного либертинизма", в котором Кальвин обвинял всех своих противников.

27 июня 1547 года, в тот день, когда Фавр и Перрен были отведены в тюрьму, в соборе Святого Петра найдена была прокламация, написанная на простонародном наречии и заключающая в себе угрозы против проповедников. Подозрение пало на некоего Грюэ. При обыске, сделанном у него, никаких следов его авторства не оказалось, но зато у него найдены были другие компрометирующие бумаги — черновые заметки, написанные рукой Грюэ. В них говорилось, например, что бессмертие души — басня, осмеивалось Священное Писание, Кальвин назван комедиантом, который хочет занять место папы; кроме того, найден был набросок воззвания к народу,

где автор утверждает, что закон должен наказывать только преступления против государства и прав граждан, найден был также набросок письма к герцогу Савойскому. Этого было достаточно. "Я не думаю, — писал об этом Кальвин, — чтобы Грюэ сам выдумал эти ужасы; по всей вероятности, он списал их. Но он списал это и будет осужден". В течение месяца несчастного Грюэ подвергали ежедневно самым варварским пыткам, чтобы выведать у него, кто были его сообщники, и наконец, ничего не добившись, "принимая во внимание, что посягающий на существующий порядок не только словом, но и помыслами заслуживает смерти", присудили его только за одни черновые наброски никогда не опубликованных идей к смертной казни. И 26 июля 1547 года истерзанный, полумертвый от пыток Грюэ взошел на эшафот.

В том же роде были и некоторые другие процессы. Борьба продолжалась, то ослабевая, то разгораясь, но борьба, так сказать, чисто партизанская. Либертины, в сущности, не предпринимали ничего решительного. Они только дразнили Кальвина, выводили его из себя своим презрением к его нововведениям, осыпали его насмешками. Кальвин усиливал свои строгости, штрафовал, отлучал их; некоторые, наиболее дерзкие, поплатились еще больше. Но оппозиция от этого нисколько не ослабевала. Одно время (1552—1554) даже казалось, что победа готова перейти на сторону либертинов. Перрену удалось быть выбранным в синдики, в совет также попало несколько членов оппозиции, и либертины, во главе которых стоял молодой Бертелье, сын знаменитого женевого патриота, решились действовать энергично. Они потребовали, чтобы совет перестал раздавать право гражданства французским эмигрантам, которые, как известно, были главной опорой Кальвина, и Перрену действительно удалось добиться против них некоторых ограничительных мер; другое, еще более важное требование либертинов заключалось в том, что право церковного отлучения должно быть отнято у консистории и передано совету. Положение становилось критическим. Предложение либертинов было заманчиво, и совет обнаруживал сильное желание присвоить себе право отлучения. Кальвину снова пришлось прибегнуть к своей обычной угрозе. На этот раз не только он, но и все проповедники объявили о своем намерении покинуть Женеву, и снова совет, не считая возможным обойтись без них, решил пожертвовать этим одним правом, чтобы спасти остальные. Вопрос о церковном отлучении был решен в пользу консистории.

Либертинам оставалось последнее средство — созвать во что бы то ни стало, без ведома синдиков, Генеральное собрание, которое, как они надеялись, выскажется в их пользу. Но Кальвин был предупрежден вовремя. За несколько дней до назначенного заговорщиками срока на улице произошла стычка между ними и приверженцами реформатора. Либертины были смяты, их обвинили в мятеже, и в мае 1555 года девятилетняя борьба была закончена. Бертелье и еще трое патриотов погибли на плахе, Перрену и другим вожакам удалось бежать; остальные либертины были изгнаны,

имущество их конфисковано и даже под страхом смертной казни запрещено было хлопотать об их помиловании.

С тех пор Кальвин не встречал больше оппозиции: Женева осталась за ним.

* * *

В течение этого девятилетнего периода Кальвину приходилось бороться не с одной только враждебной частью женевского населения. Из среды самого духовенства не раз поднимались проповедники, не соглашавшиеся с тем или другим пунктом его учения. Но Кальвин, считавший необходимым для блага Женевы настаивать на исполнении самых мелочных предписаний своей церковной дисциплины, конечно, не мог делать уступок в своем учении, вводить таким образом раскол в собственной церкви. Это был самый тяжелый период его жизни. Со всех сторон на воздвигнутое им здание производились нападения, ему постоянно приходилось отбиваться. И реформатор отстоял свое дело с поразительной энергией, но и с поразительной жестокостью.

Бользек, отвергавший его догмат о предопределении, Кастеллион¹, толковавший иначе, чем он, некоторые места в Евангелии, Гентилис, дававший другое объяснение догмату о троичности, — все эти люди, засвидетельствовавшие свою преданность Реформации многочисленными жертвами, подвергались изгнанию, преследовались в печати, клеймились иногда самыми несправедливыми обвинениями. Кальвин не обращал никакого внимания на прежние заслуги; достаточно было ничтожного противоречия, чтобы во вчерашнем друге он увидел уже врага. "Я согласен быть скорее папистом, чем Кастеллионом", — говорил он про человека, безусловно преданного Реформации, но осмелившегося утверждать, что Соломонова Песнь Песней представляет только лирическое произведение поэта, — про человека, который, может быть, один из всего остального женевского духовенства стоял на высоте своего призвания и отличался широкой терпимостью. Кастеллион был единственным человеком, осмелившимся громко протестовать против казни Сервета.

Процесс Сервета принадлежит к числу тех, которые, выставя в ярком свете всю нетерпимость реформатора, еще ярче отражают варварство самой эпохи. Это позорная страница в истории того учения, которое, выставив вначале на своем знамени принцип свободы совести, право человеческого ума на самостоятельное исследование истины, очень скоро отрек-

¹ Кастеллио, или Кастеллион (настоящие имя и фамилия Себастьян Шатильон, 1515–1563) — французский гуманист и протестант, заново перевел Библию на латинский (1551) и французский языки (1555). Решительно осудил сожжение Сервета кальвинистами. Сторонник веротерпимости.

лось от этого знамени и стало подавлять своих противников теми же средствами, как и старая церковь.

Мигель Сервет родился в Наварре. Благодаря своим блестящим способностям он в 14 лет получил место секретаря у духовника императора Карла V, что дало ему возможность много путешествовать. Сервет обладал необыкновенно обширными сведениями — знал право, медицину, теологию, математику, географию. При этом он отличался беспокойной, непоседливой натурой, переезжал с места на место, менял профессии, всюду внося новые вопросы, раздражая рутинеров. Но более всего его интересовали богословские вопросы. Познакомившись с учением реформаторов, он пришел к заключению, что они остановились на полдороге, что истинное христианство, во всей его первоначальной чистоте, можно найти только у тех отцов церкви, которые жили до Никейского собора (325 год), и что догмат о троичности чужд этому первобытному христианству. Уже в 1531 году он издал сочинение "Об ошибках Троицы", в котором резко опровергал этот догмат. Сочинение наделало много шума и возбудило негодование как католиков, так и протестантов. Сервету пришлось бежать из Германии и некоторое время скитаться во Франции под вымышленным именем. В 1534 году, находясь в Париже вместе с Кальвином, он вызвал последнего на публичный диспут, но потом почему-то раздумал. В 1537 году он читал лекции по географии, математике и астрологии, навлек на себя осуждение парламента, затем поселился в Лионе, а потом в Вене в качестве врача.

Здесь он живет некоторое время спокойно, любимый всеми за свой благородный, великодушный характер и участие к бедным. Но скоро слухи об успехах Кальвина снова заставляют его приняться за теологию. Он вступает с Кальвином в переписку, старается привлечь его к своим взглядам и в 1546 году посылает ему рукопись своего нового сочинения "Восстановление христианства", которое представляет полное изложение его учения. Это какое-то странное соединение пантеистического учения анабаптистов с учением Евангелия. Догмат о троичности отвергается решительно: Христос — простой человек, в котором воплотился божественный разум; христиане, поклоняющиеся Троице, — трехбожники. Тон сочинения какой-то мистический; автор применяет к себе апокалиптические предсказания и выражает твердое убеждение, что все другие реформаторы должны ему подчиниться.

Прочитав рукопись, Кальвин был возмущен и в письме к Вире выразился, что если Сервет попадет в Женеву, то живым оттуда не выйдет; в то же время он прекратил с ним всякие сношения. Но Сервет не обратил на его гнев никакого внимания и через некоторое время напечатал свое сочинение в большом количестве экземпляров, которые были разосланы в разные места; несколько экземпляров было послано и в Женеву.

Появление еретической книги вызвало всеобщее негодование. Начались розыски, кто ее автор, но Сервет благоразумно не поставил на сочинении ни своего имени, ни названия типографии, и дело заглохло бы, если бы секретарь Кальвина не написал в Вену своему родственнику, указывая

прямо на Сервета как на автора. Когда же этого оказалось недостаточно, секретарь прислал его собственноручные письма к Кальвину, где приводились те же взгляды, что и в анонимном сочинении. Улики, таким образом, были налицо. Сервет был арестован; против него начался процесс, во время которого ему удалось, однако, бежать, и уже в его отсутствие венский архиепископ присудил его к сожжению.

Кальвин уверял впоследствии, что компрометирующие письма были посланы без его ведома, но сам секретарь писал родственнику, что ему, хотя и с большим трудом, удалось выпросить их у Кальвина.

Счастливо избежав рук католической инквизиции, Сервет решил поселиться в Неаполе, чтобы заняться там медициной, и после трехмесячного скитания попал проездом в Женеву.

Неизвестно, какие именно причины задержали его тут. В то время борьба с либертинами была в самом разгаре и склонялась не в пользу Кальвина. Возможно, что это именно и побудило его остаться. Как бы то ни было, Сервет застрял в Женеве на целый месяц, и, когда наконец 13 августа 1553 года собирался уже уехать, Кальвин, открывший его пребывание, указал на него магистрату, который велел его немедленно арестовать.

С тех пор активное участие Кальвина в осуждении Сервета является несомненным. Он сам выступает его обвинителем, старается все более и более запутать его во время допросов, не позволяет ему дать защитника. Тем не менее в совете было несколько людей, которые хотели спасти Сервета, в том числе Ами Перрен. Совет решил поэтому выслушать мнения других швейцарских кантонов и отказал венскому архиепископу, потребовавшему выдачи осужденного.

В ожидании ответа от швейцарских кантонов положение Сервета было самое ужасное. Он жаловался совету, что содержится в отвратительной яме, что одежда на нем распадается на куски, просил послать ему немного белья. Но все эти жалобы оставались без ответа... Тогда Сервет пришел в отчаяние. В лихорадочном возбуждении он пишет совету письмо за письмом, просит передать его дело совету двухсот, выдвигает обвинения против Кальвина, требуя предания его суду как еретика. Все это, конечно, также остается без последствий, и, получив ответ кантонов, единогласно высказавшихся против Сервета, совет (25 октября 1553 года) присуждает его к сожжению.

Остальные подробности процесса еще более возмутительны. Ни Кальвин, ни Фарель, приехавший специально в Женеву, чтобы присутствовать при казни еретика, не выказали ни малейшей жалости к нему. Сервет до последней минуты не знал, что его ждет костер, а не плаха, и когда приведенный на место казни увидел ужасные приготовления, то в первые минуты совершенно обезумел от отчаяния. Фарель, сопровождавший его в качестве духовника, не сказал ему ни слова в утешение и только возмущался тем, что несчастный, несмотря на свое отчаяние, не соглашался отречься от своей ереси, чтобы добиться смягчения наказания.

Сервет, обложенный со всех сторон дровами, с венком из соломы на голове, погиб настоящим мучеником за свои убеждения. Протестанты, очевидно, не хотели уступить католикам в искусстве подавлять ереси.

Казнь Сервета, как мы уже сказали, легла неизгладимым позорным пятном на деятельность реформатора. Сервет был иностранец, он не проповедовал в Женеве, его книга даже не была напечатана в Женеве. Кальвин мог по крайней мере предоставить это печальное право наказать еретика осудившим его католикам. Но тем не менее несправедливо было бы свалить на него одного всю вину этого осуждения. Он стоял вполне на точке зрения своего времени. И швейцарские кантоны, и Фарель, и Буцер — все они требовали казни Сервета. Даже кроткий Меланхтон и тот, безусловно, оправдывает поведение Кальвина, освободившего церковь от этого "богохульника". Костер, на котором погиб Сервет, не был делом одного только реформатора: он был сложен фанатизмом и жестокостью всего XVI столетия.

Х

КАЛЬВИН ДОМА И НА КАФЕДРЕ

Внутренняя жизнь Кальвина. — Семейные испытания; смерть Иделетты. —
Его трудолюбие: лекции, проповеди и литературные произведения. —
Корреспонденция Кальвина

Падение партии либертинов окончательно упрочило торжество нового порядка вещей, торжество новой Женевы, Женевы Кальвина и эмигрантов над старой Женевой. С тех пор население города, наполовину уже состоявшее из новых элементов, окончательно подчиняется воле реформатора. Женева сознательно принимает на себя роль, предназначенную ей Кальвином, — она становится центром реформационного движения, столицей протестантского мира.

Но прежде чем перейти к этому последнему, девятилетнему периоду деятельности Кальвина, мы должны сказать несколько слов о его внутренней жизни, мы должны также взглянуть на ту арену, на которой совершалась эта продолжительная, мелкая по своим проявлениям, но грандиоз-

*Сожжение М. Сервета.
Позднейшая гравюра*

ная по своим последствиям борьба с женеvскими патриотами. Отчасти в особенностях этой борьбы кроются причины той мелочной мстительности и жестокости, которые не могут быть объяснимы принципиальной нетерпимостью и беспощадными теориями реформатора.

В самом деле, этот могучий диктатор, к словам которого благоговейно прислушивалась вся протестантская Европа, в самой Женеве, несмотря на свое громадное влияние, должен был чувствовать себя как бы в осадном положении.

Вот он читает перед многочисленной аудиторией свои знаменитые лекции по теологии. Вокруг его кафедры с напряженным вниманием теснятся многочисленные слушатели. Многие из них — иностранцы, приехавшие издалека почерпнуть учение из первоисточника; это — уже известные проповедники, явившиеся укрепить свой дух в беседах с реформатором; это — будущие миссионеры, будущие мученики. Вдруг с улицы раздается громкий крик, смех, свистки: либертины устраивают реформатору демонстрацию. Тихий, прерывающийся голос ученого смолкает, и вслед за тем Кальвин раздражается гневной обличительной речью. Подобные сцены повторялись очень часто, все сильнее раздражая этого и без того раздражительного, болезненного человека. Либертины, как мы уже говорили, не были опасными противниками. Но эти непрерывные мелкие враждебные демонстрации, этот партизанский характер борьбы сообщали ей более непримиримый характер, чем более крупные массовые сопротивления. Редкий день в жизни реформатора проходил спокойно. Когда он идет по улице, его из-за угла встречают свистками. Собака бросается ему под ноги. Хозяин с притворной заботливостью кричит: Кальвин, и собака ворчливо отходит, потому что это ее кличка. Реформатор идет дальше, и его откуда-то окликают, но при этом его имя произносится так, что слышится "Каин". На мосту, по которому ему приходится проходить, несколько повес, притворившись рассеянными, чуть не опрокидывают его. По вечерам, когда он весь поглощен работой, под его окном какой-нибудь напившийся либертин вдруг начинает распевать неприличную песенку. Его проповеди прерываются насмешливыми замечаниями, гримасами. Эти люди, веселые, легкомысленные, ненавидящие сурового проповедника, идут в тюрьму, платят штрафы, совершают публичные покаяния, но вслед за тем они снова принимаются за прежнее, не давая своему противнику ни минуты покоя.

Девять лет, как мы видели, продолжалась эта борьба. В продолжение 9 лет реформатор переживал состояние человека, находящегося накануне изгнания. Стоило ему только утратить большинство в совете, и, казалось, все воздвигнутое им здание рухнет. Эти постоянные мучительные ощущения выводили его из себя, вызывали у него приливы ярости, под влиянием которых он мог во время проповеди потребовать казни 700 женеvских юношей, заставляли его настаивать на наказании своих личных обидчиков, придавали его печатной полемике страстный, крайне невоздержанный тон. Подчас даже на этого сильного человека, не останавливавшегося ни перед какими опасностями, находили минуты полного изнеможения. "Лучше

было бы для меня, — писал он в 1555 году, — быть сожженным папистами, чем беспрестанно подвергаться этой пытке. Только одно удерживает меня на этой суровой службе: надежда, что смерть скоро принесет мне избавление”. Кальвин, и этого никогда не следует забывать для верного понимания его личности, совершенно искренно видел в своих тиранических замашках лишь усердие в служении Богу. Быть снисходительным к иным мнениям он считал себя не вправе. “Ведь и собака лает, когда нападают на ее хозяина. Как же могу я молчать, когда нападают на моего божественного господина”, — вот один из его обычных аргументов в оправдание своей нетерпимости.

Семейная жизнь Кальвина также подвергалась частым испытаниям. Иделетта родила ему троих детей, но все умирали скоро после рождения. Кальвин покорно принимал эти удары: “Бог дал, Бог взял, — писал он друзьям. — Пускай мои враги видят в этом наказание Божье; разве у меня нет тысяч детей в христианском мире?” Ко всему этому присоединилась еще долгая, изнурительная болезнь Иделетты, закончившаяся ее смертью в апреле 1549 года. Письма Кальвина обнаруживают в этом сухом, скупом на излишества человеке глубокую нежность к его умершей подруге. “Я потерял, — пишет он Вире, — кроткую спутницу моей жизни, ту, которая никогда не покинула бы меня, ни в изгнании, ни в нищете, ни даже в смерти. В течение всей своей жизни она была для меня драгоценной опорой... она никогда не думала о себе, не доставляла мне никаких хлопот. Я стараюсь по возможности сдерживать свою скорбь. Друзья помогают мне, но мы плохо успеваем. Ты знаешь нежность моего сердца, чтобы не сказать его слабость. Я сломился бы, если бы не делал над собой усилий”.

И действительно, Кальвин мужественно боролся со всеми постигавшими его ударами. Кто увидел бы его на другой день после похорон на кафедре в совете, ни в чем не изменившим порядок своего рабочего дня, тот мог бы подумать, что у него совершенно нет сердца. Но это обвинение в полнейшем бессердечии, так часто раздающееся из враждебного реформатору лагеря, вряд ли вполне справедливо. При всей своей сухости он не был недоступен для дружбы и беспредельная преданность его друзей была бы совершенно необъяснима, если бы отношения к ним самого Кальвина были лишены всякой сердечности.

Трудолюбие Кальвина кажется невероятным. Пробегая длинный список его сочинений, относящихся к самому тресвожному периоду его жизни, нельзя не проникнуться глубоким удивлением к этому железному прилежанию, к этой неослабевающей деятельности духа, заключенного в такую хрупкую оболочку. Плодовитость Кальвина как писателя была бы изумительна даже в том случае, если бы он одновременно не был и дипломатом, и законодателем, и проповедником, и профессором. Мы видели уже, какую преобладающую роль он играл во всех светских и церковных делах Женевы, как наряду с самыми важными вопросами он разрабатывал мельчайшие детали городского управления. Совет ничего не предпринимает без его ведома. Частные лица также беспрестанно обращаются к нему за советами,

за разрешением недоразумений. Через неделю он проповедует ежедневно, иногда даже по нескольку раз в день. Три раза в неделю он читает лекции по богословию; председательствует на еженедельных собраниях консистории и конгрегации, навещает больных в качестве пастора и заведует делами благотворительности. Дома его уже ждет громадная корреспонденция из всех стран Европы: тут и дружеские послания, и жалобы, и донесения, и богословские консультации, — Кальвин отвечает на все немедленно. Ночью он непрерывно работает. Ему совершенно достаточно трех часов сна. Но и этот короткий отдых не всегда ему дается. Сильнейшие головные боли, лихорадки, различные болезни нередко лишают его сна, не дают ему даже подняться с постели. Но работа от этого не прекращается. Если это свободный от проповеди день, ему приносят книги и он в кровати пишет или диктует своему секретарю. Иногда его на носилках уносят в церковь, и он прерывающимся от слабости и одышки голосом произносит свои проповеди, которые тут же записываются некоторыми слушателями. Затем, вернувшись домой, он продолжает работу, с нечеловеческой энергией побеждая страдания своего тела. В одном из писем к Фарелю (14 июля 1552 года) мы читаем описание одного из его рабочих дней: "Право, я давно уже не запомню такого тяжелого дня. Вместе с этим письмом посланец должен унести начало моего труда — 20 страниц корректуры, мои лекции, проповедь, 4 послания, примирение враждующих сторон. Надеюсь, ты простишь мне, если я буду краток".

Перечислять все труды Кальвина было бы слишком долго. Это целая библиотека, состоящая из сочинений самого разнообразного содержания: тут и комментарии ко всем почти книгам Священного Писания (особенно замечательны его комментарии к посланиям апостола Павла и к Псалмам с предисловием, заключающим в себе краткую автобиографию реформатора), пользующиеся глубоким уважением протестантской церкви, тут и полемические сочинения, и политические памфлеты, и научно-богословские трактаты. Многие из проповедей, записанных во время чтения его учениками, изданы. До 3 тысяч рукописных проповедей и лекций хранится в женеvской и цюрихской библиотеках. Кальвин не имел времени готовиться к ним. В храме или в академии он всегда импровизировал. Он брал какой-нибудь текст из комментируемой им книги Священного Писания и объяснял его в ясных и простых выражениях, лишенных увлекательного красноречия Лютера, но изумлявших своей глубиной. Писал он также с удивительной легкостью. По большей части он диктовал свои работы, которые почти всегда оставались в своем первоначальном виде, такими, какими вышли прямо из-под пера. Кальвин обладал необыкновенной памятью. Прерванный на середине фразы каким-нибудь неотложным делом и, по прошествии нескольких часов, вернувшись к работе, он мог продолжать ее на прерванном слове. Благодаря этой особенности ему не приходилось тратить время на то, чтобы собираться с мыслями; он редко даже нуждался в справках, так как сохранял в памяти невероятное количество текстов.

Корреспонденция также требовала много времени. Сохранилось несколько тысяч его писем, из которых значительная часть адресована Фарелю. Но, конечно, найденное представляет только часть его корреспонденции: многие письма утеряны или еще не разысканы. Содержание писем, иногда представляющих своего рода богословские трактаты, самое разнообразное. Но главным образом эта корреспонденция служила могущественным оружием его пропаганды, его духовного воздействия на протестантский мир.

XI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ КАЛЬВИНА

Женева становится столицей протестантского мира. - Влияние Кальвина в Польше, Англии, Шотландии и Нидерландах. — Успехи кальвинизма во Франции. - Смерть реформатора. — Заключение

Однажды один французский эмигрант, приведенный в восторг зрелищем строгой религиозности и порядка, которое представляла Женева, воскликнул: "Что за счастье пользоваться такой чудной свободой!" — "Хороша свобода! — насмешливо возразила его собеседница. — Прежде нас заставляли ходить к обедне, а теперь принуждают слушать проповедь..."¹ И в сущности каждый из них был прав.

Действительно, если женеvский патриот старого закала не мог не считать новых железных порядков своего рода порабощением, то, с другой стороны, людям, принужденным покинуть родину из-за религиозных убеждений, этот город, где можно было беспрепятственно служить Богу по Евангельскому учению, должен был казаться истинным убежищем свободы.

Но Женева представляла гораздо больше, чем простое убежище для эмигрантов. Реформатор, первоначально избравший ее местом своей деятельности против воли, теперь уже вполне уяснил себе значение этого города для дела пропаганды. Он сделал его оплотом Реформации, ее духовным центром, настоящим протестантским Римом. В 1559 году Кальвину удалось осуществить свою заветную мечту — устроить академию, высшее богословское заведение для подготовки проповедников, которые могли бы продолжать его дело и после его смерти. Ректором академии и основанной при ней коллегии для подрастающего поколения он назначил своего друга и позднейшего биографа Беза. Но, в сущности, при жизни реформатора недостаток академии вовсе не был ощущен. Его лекции, на которых иногда присутствовало до тысячи слушателей, его проповеди,

¹ Женщина эта за вольнодумство должна была явиться перед судом консистории, в протоколах которой записан этот случай. -- *Примеч. авт.*

самый характер жизни в Женеве — все это имело громадное воспитательное значение. В этом "городе духа", воплотившем в себе идеал реформатора, приезжие быстро проникались его идеями. В его суровой школе вырабатывались те мощные борцы, которые, наперекор усиливающимся гонениям, при зареве все сильнее разгорающихся костров, бесстрашно проповедовали Евангелие католическим народам. В типографиях Женевы десятками тысяч отпечатывались протестантские книги, и смелые разносчики, рискуя на каждом шагу жизнью, разносили их по Франции. Новое значение Женевы было очевидно для всех — как протестантов, так и католиков. Еще в 1543 году Меланхтон возлагал на нее надежды Реформации на тот случай, если, как тогда можно было опасаться, Германия будет покорена турками. После смерти Лютера Кальвин сделался признанным главой протестантского мира, и значение Виттенберга перешло к Женеве. Сквозь надвигавшийся мрак католической реакции эта маленькая община, точно чудом успевавшая сохранить свою независимость и свободу Евангелия, светила протестантам как спасительный маяк. В самом деле, положение Женевы было беспрецедентное. Окруженная со всех сторон католическими державами, смотревшими с ненавистью на этот рассадник еретического учения, она постоянно находилась на краю гибели. В 1560 году участь ее, казалось, была решена. Папа набросал целый план кампании, чтобы разрушить до основания это гнездо еретиков. Короли французский и испанский, герцог Савойский должны были напасть на нее с трех сторон; папа также давал подкрепление. Даже в случае поддержки швейцарских кантонов Женева погибла, если бы не своекорыстные союзники. Никто не хотел завоевать ее для другого, и таким образом она уцелела. Но несмотря на угрожавшую со всех сторон опасность, Женева, руководимая Кальвином, не думала прекращать своей пропагандистской деятельности. Она сохраняла свой независимый тон по отношению к католическим государствам, смело заступалась за гонимых, оказывала им самое широкое гостеприимство и не переставала рассылать своих миссионеров для проповеди нового учения.

И действительно, те же ворота, ежедневно принимавшие новые толпы беглецов, ежедневно раскрывались также, чтобы выпускать тех, кто, укрепив свой дух в общении с реформатором, снова устремлялся в бой. Из Италии и Франции, из Англии, Венгрии и Польши — отовсюду стекались в Женеву приверженцы Реформации, чтобы видеть воочию ее образцовые порядки, чтобы услышать проповедь того, кто почитался всеми хранителем чистого учения и под влиянием которого они проникались неукротимым религиозным пылом, настоящей жаждой мученичества. Сам Кальвин, обыкновенно смотревший на это усердие как на самое обыкновенное явление, в одном письме обнаруживает невольный энтузиазм при виде своей боевой дружины. "Это невероятно, — пишет он Буллингеру¹ (май 1561), — с каким усердием наши друзья посвящают себя распространению Евангелия. Как

¹ Буллингер, Генрих (1504—1575) — преемник Цвингли в Цюрихе и издатель его сочинений. До этого провел Реформацию в Бернском кантоне.

другие теснятся вокруг папы, чтобы получить выгодное место, так они рвутся взять на себя крест. Они осаждают мою дверь, чтобы получить часть нивы для возделывания. Ни один король не имеет таких усердных придворных, как я. Они оспаривают друг у друга опасные посты. Я иногда стараюсь удержать их. Я указываю им на жестокий эдикт, повелевающий истреблять все дома, придерживающиеся нового культа. Я напоминаю им, что более чем в 20 городах верующие были перебиты чернью. Но ничто не может их удержать...”

Это была страшная, кровавая пора. Почти во всех странах Западной Европы велась религиозная борьба. Везде лилась кровь, дымились костры. Но особенно свирепствовала тогда реакция во Франции. Единичных преследований и казней было недостаточно; истребления еретиков производились массами. В 1545 году три города и 22 деревни, населенные вальденсами, были разрушены; тысячи людей умерщвлены в битве, казнены, сожжены. Ежедневно почти в каком-нибудь городе Франции зажигался костер для гугенота. Но успехи реформы от этого еще более усиливались. Кальвин следил за движением с зоркостью полководца. Он укреплял дух своих единомышленников посланиями, отправлял к ним своих учеников в качестве проповедников, и мужчины и женщины с энтузиазмом всходили на костер, радуясь своему мученичеству, как особой милости неба, и благословляя Кальвина, пославшего их на этот подвиг. В 1553 году один из таких мучеников, находясь в тюрьме, с восторгом пишет реформатору: “Уведомляю вас этим письмом, что к Троице я надеюсь быть в Царствии небесном, если только Господь раньше не призовет меня к себе”.

Впрочем, Кальвин не только заботился о том, чтобы его приверженцы своей смертью засвидетельствовали истину учения. Утешая арестованных своими посланиями, внушая им мужество умереть за свои убеждения, он в то же время не переставал заботиться об облегчении их участи. Он хлопотал перед швейцарскими кантонами и протестантскими князьями в Германии, чтобы они заступились дипломатическим путем за гонимых, собирал для них деньги, составил для Генриха II от имени французских протестантов “Исповедание веры”, чтобы доказать нелепость обвинений, возводимых на них католиками. Последние 9 лет его жизни, благодаря спокойствию, наступившему в Жсневле после поражения оппозиционной партии, были главным образом посвящены делу пропаганды и организации протестантских церквей. Распространяться об этом периоде жизни реформатора мы не можем. Его история за это время ссть вместе с тем и история Реформации после смерти Лютера. Ни одно крупное событие в религиозной жизни Западной Европы не совершилось без его прямого или косвенного участия. Это была самая блестящая эпоха в жизни реформатора. Несмотря на страшные преследования, кальвинизм распространялся с поразительной быстротой; протестантские церкви, возникавшие одна за другой, обращались к нему как к своему главе, просили о выработке организации, о присылке проповедников.

Кальвин особенно заботился о единстве церкви. Своими многочисленными сочинениями полемического характера он старался уничтожить раскол, возникавший в среде протестантских теологов; в 1556 году он даже сам предпринял путешествие во Франкфурт, чтобы устранить несогласия, возникшие в ее церкви. Ему удалось также добиться соглашения между всеми швейцарскими церквями, из которых некоторые еще придерживались учения Цвингли. Заботясь о распространении своего учения в народе, Кальвин в то же время не теряет надежды произвести религиозную революцию сверху. С особенной любовью он поддерживает сношения с высшими классами, обращается к государям и правителям, стараясь склонить их на свою сторону. Не было почти ни одного коронованного лица или выдающегося деятеля, с которым он не находился бы в переписке. Часто для завязывания сношений он пользуется посвящениями своих сочинений. Так, например, он посвящает королю датскому Христиану свой комментарий к апостолам, Густаву Вазе Шведскому — свой комментарий к 12 малым пророкам. В Польше, где учение Кальвина с самого начала имело больше успеха, чем проникнутое национальным духом лютеранство, он поддерживал деятельную переписку с многими вельможами, приверженцами Реформации, в том числе с князем Радзивиллом и Тарновским — краковским воеводой. Он обратился также с воззванием к королю Сигизмунду II Августу, убеждая его стать во главе Реформации, и, ободренный ответом короля, не переставал действовать на него в том же духе. Известный польский реформатор Ян Лаский¹ также был приверженцем его учения. В Англии Кальвин вдохновлял герцога Сомерсета, регента и воспитателя Эдуарда VI, писал отеческие наставления юному королю, переписывался со знаменитым архиепископом Кранмером. Все они были горячо преданы его идеям, и церковная организация и дисциплина Кальвина стали быстро вытеснять полупротестантскую Реформацию Генриха VIII. Но Эдуард VI умер на 16-м году жизни, а его преемница Мария своими преследованиями протестантов вполне оправдала свой эпитет Кровавой. С тех пор между Англией и Женевой завязываются еще более оживленные сношения. Английские изгнанники находят убежище в Женеве и по воцарении Елизаветы снова устремляются туда проповедовать Евангелие. Знаменитый шотландский реформатор Джон Нокс², принужденный покинуть родину, живет некоторое время в Женеве, под влиянием Кальвина возвращается на родину еще более пламенным проповедником его учения и скоро увлекает за собой всю Шотландию. Ученики Кальвина успешно подвизаются также в Нидерландах.

¹ Ян Лаский — польский кальвинист, провел Реформацию во Фрисландии, помогал в проведении Реформации в Англии архиепископу Кентерберийскому Т. Кранмеру. В 1556—1560 гг. проводил Реформацию в Польше, где кальвинизм приняла часть шляхты.

² Нокс, Джон (1505 или ок. 1514—1572) — вождь Реформации в Шотландии, основатель шотландской пресвитерианской церкви. Яростно боролся против шотландской королевы Марии Стюарт, которая в 1567 г. потеряла престол и укрылась в Англии.

Но главные и непосредственные заботы реформатора были устремлены на Францию. В числе его приверженцев и корреспондентов были такие лица, как король и королева Наваррские, принц Конде, адмирал Колиньи и другие¹. Мы уже видели, какое влияние он имел на герцогиню Феррарскую, с которой не переставал переписываться до конца своей жизни и которая, поселившись после смерти мужа во Франции, оставалась верна его учению, несмотря на все преследования своих родственников. Благодаря этой поддержке высших классов успехи Реформации, несмотря на массовые истребления еретиков, нисколько не ослабевали. В 1559 году в Париже тайно собрались представители 11 протестантских церквей Франции, образуя первый национальный синод, на котором был принят выработанный Кальвином проект синодального устройства церкви. Благодаря полученной организации число протестантских общин разрасталось с поразительной быстротой, и в 1561 году их насчитывалось уже более 2 тысяч. Можно было ожидать, что скоро вся Франция примкнет к новому учению.

Умирая, реформатор имел поэтому полное право оглянуться с чувством удовлетворения на свое дело, говоря: "Бог дал свое благословение моей работе".

Кальвин умирал уже давно. Беспрецедентная напряженная деятельность подточила его и без того слабое здоровье. В 40 лет реформатор казался уже дряхлым сгорбленным стариком; только глаза его сохраняли свой обычный юношеский блеск, а неутомимость в работе как будто еще усиливалась. В 1559 году, страдая жестокой лихорадкой, он сам наблюдал за возведением укреплений в защиту от грозившего нападения герцога Савойского. С тех пор его физическое состояние сильно ухудшилось. К сильнейшей мигрени, которой он страдал еще с детства, присоединилось кровохарканье, одышка, подагра и всевозможные другие болезни, часто приковывавшие его надолго к постели. А в это время он руководил судьбами Европы и, преодолевая силой воли свои страдания, диктовал секретарю целый ряд произведений, не уступающих по ясности и энергии мыслей произведениям предыдущей поры. Но с середины 1563 года близость роковой развязки стала очевидной. Несмотря на советы врачей, Кальвин не переставал читать лекции и проповедовать, что было для него, безусловно, вредно. Наконец 6 февраля 1564 года во время проповеди сильный приступ кашля заставил его остановиться, рот его наполнился кровью, и его унесли домой. С тех пор он больше не появлялся на кафедре.

Страдания больного были ужасны. Иногда он по нескольку дней подряд не принимал пищи и только с трудом проглатывал немного воды. 10 марта совет приказал во всех церквях молиться "за здоровье г. Кальвина, находящегося в смертельной опасности". Эта продолжительная аго-

¹ Странниками протестантизма во Франции, где их называли гугенотами, были королева Наваррская Жанна д'Альбре (умерла в 1572 г.), ее муж Антуан де Бурбон, герцог Вандомский и король Наваррский (умер в 1562 г.), его брат принц Людовик де Конде (умер в 1569 г.), адмирал Франции Гаспар де Колиньи (умер в 1572 г.).

ния продолжалась почти 4 месяца. Кальвин сносил свои страдания без жалоб и даже в минуты сравнительного облегчения продолжал работать, отвечая на все увещания друзей, моливших его беречь себя для блага церкви: "Разве вы хотите, чтобы Бог, когда пошлет за мной, не застал меня за работой?"

В Пасху (2 апреля) больной велел отнести себя в церковь и принял причастие из рук Беза. В конце того же месяца он выразил желание проститься с членами совета и проповедниками, и те, узнав об этом, в полном составе по очереди явились к нему на квартиру. И тех и других реформатор увещевал не терять мужества, несмотря ни на какие испытания, строго исполнять свои обязанности и защищать всеми силами чистоту учения. В то же время он просил у всех прощения за свои ошибки, говоря, что болезнь иногда делала его раздражительным, гневным, несправедливым.

Вся Женева с глубоким участием следила за ходом болезни своего пастыря. Семидесятишестилетний Фарель, не слушаясь Кальвина, явился из Невшателя, чтобы увидеть его в последний раз. Беза также не отходил от его постели и с глубоким чувством описал потом его последние минуты. Смерть медленно парализовала один орган за другим. В последние дни Кальвин лишь с трудом мог бормотать слова молитвы, и только взгляд, по-прежнему живой, блестящий, говорил о том, что сознание до конца не покидало это разрушавшееся тело. Наконец 27 мая 1564 года в 8 часов вечера его не стало. "В этот день, — говорит Беза, — вместе с закатившимся солнцем, погасло и самое блестящее светило церкви".

Смерть Кальвина доказала неосновательность клеветы, распространявшейся про него врагами. Еще 26 апреля он составил завещание, в котором завещает своим племянникам, детям своего любимого брата Антуана, свое скромное имущество, состоявшее из книг и предметов домашнего обихода и оцененное им приблизительно в 220 талеров. Несмотря на значительное содержание, назначенное ему советом, и на его частые подарки, Кальвин с трудом сводил концы с концами. Личные его потребности были более чем скромны, но за его столом было всегда много приезжих, а кошелек всегда был открыт для нуждающихся эмигрантов. Во время своей последней болезни Кальвин даже отказался принять жалованье, так как, не будучи в состоянии исполнять своих обязанностей проповедника, не считал его заслуженным. Тем не менее враги продолжали при жизни обвинять его в корыстолюбии и роскошной жизни. Однажды один знатный иностранец проездом постучался в двери его скромного домика. Это был Садолет. Он ожидал, по слухам, увидеть своего противника окруженного роскошью, с толпой придворных и был поражен, когда отворивший ему двери хилый сторбленный человек в сильно поношенном сюртуке оказался самим "жневским папой".

На другой день после смерти громадная толпа народа сопровождала его останки на кладбище. По желанию реформатора, выраженному в завещании, он был похоронен "обыкновенным образом", то есть без всяких

церемоний, без памятника, даже без надписи на могиле. Скоро местонахождение его могилы было забыто, и только в последнее время небольшой черный камень отмечает место, где, по некоторым предположениям, покоится прах великого женеvского реформатора.

* * *

Мы указывали в предисловии, какое решающее для Реформации значение имел тот момент, когда Кальвин выступил со своим учением, какая ответственная задача возлагалась на человека, желавшего, при данных обстоятельствах, взять на себя роль преемника Лютера. Справился ли реформатор с этой задачей? Успехи кальвинизма при его жизни и после служат самым красноречивым ответом.

Две стороны в учении Кальвина, отмеченные нами при изложении "Наставления в христианской вере", казалось далеко не предвещали ему того успеха, которое оно имело в действительности, даже грозили опасностью свободе и цивилизации. Подчиняя веру букве закона, замыкая жизнь в раз навсегда установленные рамки, христианство, в учении Кальвина, становилось, как мы говорили, "религией книги", по-видимому, обрекало общество почти на такой же застой, как ислам. На деле оказалось совсем другое. В учении Кальвина была одна сторона, которая оказалась гораздо важнее, чем его богословские взгляды. Это его политическое учение. Мысль о том, что всякая община имеет право самостоятельно заведовать своими церковными делами, перенесенная на государство, привела в своем дальнейшем развитии к идеям, проводившимся уже во второй половине XVI века последователями Кальвина — Ланге, Марниксом, Букананом¹ и другими. Лютер, выступивший первоначально с требованием свободы совести, в конце концов отрекся от своего знамени и замкнул религию в сферу канцелярского управления. По странному на первый взгляд противоречию Кальвин, этот мрачный фанатик, не признававший с самого начала прав мысли, уничтоживший в Женеве всякую личную свободу, положил начало широкому развитию индивидуализма, содействовал во многих странах приобретению политической независимости. Конечно, либеральные учреждения современных протестантских стран имеют более глубокие корни, чем Реформация, но несомненно и то, что кальвинизм, вышедший из Женевы, оставил на них свой след и во всяком случае нисколько не затормозил, как лютеранство в Германии, дальнейшее политическое и умственное развитие. Во всех странах, куда проникала Рефор-

¹ Ланге, Губерт (1518—1581) — французский публицист и дипломат. Марникс де Сент-Альдегонд, Филипп (1540—1598), барон — голландский кальвинист, сподвижник Вильгельма Оранского, автор антикатолической сатиры "Улей святой Римской церкви", песни во славу Вильгельма Оранского "Вильгельмус", ставшей национальным гимном Нидерландов. Бьюканан, Джордж (1506—1582), шотландский историк и поэт, ярый противник королевы Марии Стюарт, воспитатель ее сына Якова VI (впоследствии короля Англии Якова I).

мация Кальвина, она быстро соединялась с господствующими политическими течениями. Во Франции, правда под прикрытием кальвинизма, скоро обнаружилась феодальная реакция против усиливающейся королевской власти, и уже к концу жизни реформатора (1562) начинается первая религиозная война. Но зато кальвинизм, так быстро распространявшийся в эпоху преследований, скоро потерял поддержку народа и, несмотря на приобретенную наконец гугенотами свободу исповедания, перестал делать успехи. Но в других странах, где религиозное движение охватило весь народ, Реформация, соединившись с движением национальным, как в Голландии и Шотландии, окончательно восторжествовала над католицизмом. Освобождение Нидерландов из-под власти кровавого испанского деспота Филиппа II, основание национальной пресвитерианской церкви в Шотландии, английская революция XVII века — все эти движения совершались под знаменем кальвинизма.

Другая сторона в учении Кальвина представлялась еще более опасной. Это догмат о предопределении. В самом деле, последователь Кальвина должен был бы рассуждать: или я избран, и тогда я спасен, что бы ни делал; или я принадлежу к числу заранее отверженных, и тогда никакие добрые дела, никакая святость жизни не спасут меня. Это было бы вполне логично. Но и в этом отношении мы замечаем совершенно противоположные результаты. Ни в жизни, ни в морали Кальвина и его последователей мы не встречаем никаких следов того практического фатализма, который кажется неизбежным следствием его теоретического учения. Догмат о предопределении, который реформатор отстаивал с особенной энергией от всех нападений, не только не подрывал проповедуемой им вместе с тем строгой нравственной дисциплины, он служил источником аскетизма и энергии, содействовал укреплению душ, закаляя их против всяких испытаний, наполнял их героическим энтузиазмом. Никто из верующих не сомневался в своем спасении и только старался оказаться достойным его. По словам Мишле, этот фатализм, внесенный в теологию, имел такое же действие, как первоначальное магометанство, последователи которого смело шли навстречу смерти, заранее предопределенной и потому неизбежной. "Предопределение Кальвина, — говорит знаменитый французский историк, — сделалось машиной для фабрикации мучеников... Если где-нибудь в Европе требовалась кровь и мучения, если нужен был человек для сожжения или колесования, этот человек стоял уже наготове в Женеве — он поднимался и шел на смерть, прославляя Бога и распевая псалмы".

ТОРКВЕМАДА

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции

Биографический очерк
М. БАРРО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Аполстеты инквизиции. — Веротерпимость первых веков христианства. — Начало гонений и первые законы против еретиков. — Августин и его проповедь нетерпимости. — Возвышение папства и "крестовые походы" как причина зарождения инквизиции. — Лангедок и графы Тулузские. — Альбигойцы-катары и альбигойцы-вальденсы. — Происхождение катаризма. — Учение Манеса. — Появление манихеев в Европе. — Богомилы. — Движение их на запад. — Догма катаров и вальденсов. — Первые сожжения еретиков. — Тревога в Риме. — Третий Латеранский собор. — Постановления собора. — Первый поход против альбигойцев. — Неудача предприятия. — Веронский собор. — Новые меры против ереси. — Иннокентий III. — Новая политика Рима. — Легаты и миссионеры. — Святой Доминик. — Разрешительные грамоты Доминика. — Петр Кастельно. — Отлучение Раймонда VI. — Убийство Кастельно. — Перемена римской политики. — Четвертый Латеранский собор. — Падение Лангедока. — Тулузский собор. — Первая инквизиция. — Фридрих II — слуга нетерпимости. — Меры папы Григория IX. — Доминиканцы-инквизиторы

260

I. ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Хуан Торквемада. — Рождение Томаса Торквемады. — Два рассказа о первых годах его жизни. — Монастырская жизнь Торквемады. — Назначение его приором. — Торквемада — духовник Изабеллы. — Смутное время в Кастилии. — Изабелла — наследница кастильской короны. — Фердинанд V — ее муж. — Соединение Кастилии и Арагона. — Роль Торквемады в этом событии. — Его смирение и религиозная ревность. — Значение Торквемады в истории инквизиции. — Первые трибуналы в Испании. — Николай Эймерик. — Инквизиция в Кастилии. — Ее падение и возрождение. — Булла 1478 года. — Попытка действовать убеждением. — Катехизис Мендосы. — Pamфлет еретиков. — Севильская инквизиция. — Деятельность Морилло и Мартена. — Многочисленность их жертв. — Грамота милосердия. — Квемадеро. — Бегство мараносов. — Апелляции в Рим. — Протест Сикста IV. — Торквемада — великий инквизитор. — Генеральная хунта инквизиторов. — Первые законы Торквемады. — Недовольство испанцев. — Убийство Арбуэса. — Казни заговорщиков. — Новые волнения. — Чествование памяти Арбуэса. — Роль Торквемады в подавлении недовольства. — Письмо Сикста

276

II. ИНКВИЗИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Приезд инквизитора. — Извещение жителей. — Отсрочка милосердия. —
Настроение общества. — Доносы. — Начало процесса. — Арест. — Инквизиционная
тюрьма. — Заседание трибунала. — Первое свидание подсудимого и судей. — Свидетели. —
Право отвода обвинителя. — Камера пыток. — Начало применения пыток в религиозных
процессах. — Кроткое увещание и отеческое побуждение. — Пытка веревкой,
водой и огнем. — Виды преступлений, подлежавших инквизиции. — Пристрастие трибунала. —
Категории обвиненных. — Примирение с церковью. — Аутодафе частное и общее. —
Приготовление к аутодафе. — Церемониал. — Костюм осужденных. — Сожжение
в изображении. — Образчик инквизиторского красноречия. — Чтение приговоров. —
Сожжение упорных.. — Общее число жертв инквизиции

287

III. ТОРКВЕМАДА, МАВРЫ И ЕВРЕИ

Торквемада — объединитель Испании. — Мавры и их культура. — Влияние их на испанцев. —
Начало освобождения испанцев и нетерпимость. — Торквемада как представитель своей
эпохи. — Евреи в Испании. — Начало преследования евреев. — Мараносы. — Нетерпимость
и объединение Испании. — Начало борьбы с Гранадой. —хлопоты Торквемады и опасения
Рима. — Падение Гранады. — Условия капитуляции. — Недовольство Торквемады. —
Мнимое святотатство евреев. — Декрет об их изгнании. — Заступничество Абарбанела. —
Вмешательство Торквемады. — Исполнение декрета. — Распродажа евреями имущества. —
Попытка обойти декрет. — Отъезд и гибель эмигрантов. —
Радость Торквемады и заботы о трибунале. — Съезд инквизиторов в Вальядолиде. —
Инквизиционный террор. — Торквемада и книги. — Преследование епископов. — Недовольство
Рима. — Охрана Торквемады. — Смерть великого инквизитора

299

IV. ПРЕЕМНИКИ ТОРКВЕМАДЫ

Диего Деса. — Новые законы о конфискации. — Вмешательство в торговые дела. —
Новое изгнание евреев. — Начало обращения мавров. — Талавера и Хименес. — Восстание
мавров. — Мориски. — Система изоляции и новые изгнания. — Люцерио. — Его жестокости
и возмущение кордовцев. — Хименес — инквизитор. — Католическая конгрегация. —
Испанцы требуют реформы инквизиции. — Хименес — защитник трибунала. — Его письмо
Карлу V. — Новый кодекс инквизиции. — Борьба кортесов с Карлом
и трибуналом. — Уничтожение сословных привилегий. — Лютеране и инквизиция. —
Эдикты Карла V. — Апостольская инквизиция. — Ван-дер-Густ и Тительман. —
Политика Филиппа II. — Борьба с лютеранами в Испании. —
Аутодафе 8 октября 1559 г. — Инквизиция и мориски. — Результаты политики
нетерпимости. — Инквизиция и литература. — Инквизиция за пределами Испании. —
Иоанн Перес де Сааведра. — Инквизиция в Германии и Франции. — Людовик IX. —
Бомарше об испанской инквизиции. — Падение инквизиции в Испании и Португалии. —
Всеобщая инквизиция. — Кардинал Караффа и его аксиомы. — Венецианская инквизиция. —
Эхо нетерпимости в России. — Заключение

309

ВВЕДЕНИЕ

Апологеты инквизиции. — Веротерпимость первых веков христианства. —
Начало гонений и первые законы против еретиков. — Августин и его проповедь
нетерпимости. — Возвышение папства и "крестовые походы" как причина зарождения
инквизиции. — Лангедок и графы Тулузские. —
Альбигойцы-катары и альбигойцы-вальденсы. —
Происхождение катаризма. — Учение Манеса. — Появление манихеев в Европе. —
Богомилы. — Движение их на запад. — Догма катаров и вальденсов. —
Первые сожжения еретиков. — Тревога в Риме. — Третий Латеранский собор. —
Постановления собора. — Первый поход против альбигойцев. — Неудача предприятия. —
Веронский собор. — Новые меры против ереси. — Иннокентий III. — Новая
политика Рима. — Легаты и миссионеры. — Святой Доминик. — Разрешительные грамоты
Доминика. — Петр Кастельно. — Отлучение Раймонда VI. —
Убийство Кастельно. — Перемена римской политики. — Четвертый
Латеранский собор. — Падение Лангедока. — Тулузский собор. — Первая инквизиция. —
Фридрих II — слуга нетерпимости. — Меры папы Григория IX. —
Доминиканцы-инквизиторы

Редкий посетитель обращает внимание на картину Хуанеца в зале испанской живописи петербургского Эрмитажа. Бледны и не бросаются в глаза ее краски, не замысловат и не грандиозен ее сюжет. Это скорее икона, нежели картина. Чуть очерченный на ней клочок земли безжизнен и сух. Художник как бы нарочно удалил из своей картины все, что говорит о земном, о суетном, все, что может отвлечь внимание зрителя от главного центра картины. Этот центр — католический монах. На плечах его черная мантия поверх белой сутаны. Лицо монаха строго. Многочисленные морщины глубокими складками легли около углов рта, бесстрастно смотрят не то серые, не то голубые глаза. "Суета сует и всяческая суета", — как будто хочет сказать их обладатель... Левая рука его с какою-то книгой в красном переплете опущена по стану, правая поднята и указывает на извивающийся над головой свиток. На нем латинская надпись: "Бойтесь Бога и воздавайте хвалу Ему, ибо приближается час суда Его". Этот монах — Святой Доминик, латинская надпись — девиз инквизиции.

Верный католик, художник не побоялся запятнать память святого, связав его имя со страшным судилищем инквизиции. Хуанец жил в XVI веке, а это время было временем пышного расцвета сурового трибунала и почти беспрепятственного его торжества. Им восторгались как лучшим хранителем веры, одни — в простодушии верующих без рассуждения, другие — как орудием порабощения масс. Лишь немногие поднимали свой голос против жестокости "святой инквизиции" — не первый и не последний случай голоса, вопиющего в пустыне... Мало-помалу сложилась легенда, что основатель доминиканского ордена был в то же время первым слугой нетерпимости, и сам папа, канонизируя подвижника, указал на его заслуги как инквизитора. Более восторженные поклонники инквизиции шли еще дальше. Парамо, автор сочинения "О происхождении и развитии инквизи-

ции”, торжественно объявлял, что сам Иегова был первым инквизитором, а первым инквизиционным процессом — суд над Адамом и Евой после их грехопадения. Теперь эта легенда потускнела, скрылись и оробели ее прямые наследники. Теперь католические богословы употребляют все усилия, чтобы снять не только с Доминика, но и с римских первосвященников роль покровителей инквизиции, а всем известные жестокости трибунала объяснить влиянием времени, светских законодательств и прочим.

Беспристрастная история не может, однако, поддержать ни этих усилий, ни этих оправданий. Первые века после Рождества Христова ни в каком случае не могут быть названы веками гуманности, а между тем в эту пору христианство было совершенно чуждо насилию в делах веры. Первые христианские епископы, следуя завету Учителя и апостолов, увещевали, а не карали, а между тем в то время ереси почти непрерывно сменяли одна другую и, несомненно, были опаснее в ту эпоху, когда не окрепло еще здание церкви Христовой. “Христианам не дозволено, — говорил Иоанн Златоуст, — уничтожать заблуждения силою, они могут вести людей к спасению единственно убеждением, разумом и любовью...” Недолго раздавались подобные речи. Теснимые язычниками, христиане сами скоро сделались притеснителями. Водворившись на развалинах древнего мира, они не отказались от уцелевшего среди этих развалин жалкого наследия, и это наследие была нетерпимость. “Всегда и везде почитай богов по обычаю отцовскому, — учил Меценат императора Августа, — и других принуждай почитать их. Приверженцев новизны преследуй всякими наказаниями, ибо отсюда происходят заговоры, тайные общества и политические секты. Все это вредно для государственного единства...” Эту программу не замедлили усвоить себе и христиане. Один только момент при императоре Константине они и язычники могли свободно исповедовать свою религию, но в 341 году язычество уже считалось преступлением и его приверженцев поражали мечом. После язычников наступила очередь еретиков.

Удар был нанесен манихеям, все ближе и ближе надвигавшимся к западу от их родины, далекого востока. Смерть грозила закоренелым адептам этого учения, смертью грозят им и последующие законы, но уже охватывая и другие виды религиозных кривотолков. В 383 году впервые произносится законодателем, императором Феодосием, роковое слово “инквизиторы” и вместе с тем образуется зародыш будущего знаменитого трибунала, суда, куда входили инквизиторы и где судили по тайным доносам. К V веку еретики подавлены целым рядом законов: пятнадцатую — императора Феодосия, двенадцатую — Аркадия, восемнадцатую — Гонория и десятую — Феодосия II. Дальше идти в мерах строгости, казалось, было уже некуда, потому что император Валентиниан III издал только три закона против еретиков. Главным объектом этих законов были все те же манихеи. Их имущество конфисковалось, у них отнималось право наследовать, торговать и заключать договоры; как государственные преступники, они подлежали смертной казни. Других еретиков сперва увещевали и в случае успеха облагали лишь церковным покаянием. Иначе — грозили огромными

штрафами, конфискацией, наказанием плетью, ссылкой на пустынные острова и только в особо тяжких случаях смертной казнью по усмотрению местных властей.

Обыкновенно все эти меры возникали вследствие ходатайства епископов, взывавших к правительству о защите дела церкви. Но живо было еще предание о кротком отношении к заблудившимся в первые века христианства, и когда усердие преследователей осуждало на смертную казнь то того, то другого еретика, епископы забывали о своих воззваниях к власти и спешили умиловить ими же призванную карающую руку. Но дело нетерпимости, раз начатое, должно было все расширяться и расширяться. Церковь постепенно теряла древнюю добродетель и потому ревниво наблюдала за всякой попыткой критики, быстро принимавшей в глазах духовенства характер ереси и раскола... Приблизилось наконец время, когда преследование иноверующих сделалось требованием религии. Этот решительный поворот на новую дорогу был совершен святым Августином.

До 32 лет Августин сам был последователем манихейства, но после оставил это учение. Он признавал также вначале свободу совести, но и от этого отказался. Он пришел к заключению, что путь этот не спасителен, что не все способны воспринимать слово убеждения, и потому необходимо иногда прибегать к воздействию страхом и наказанием. Августин опирался на пример самого Бога: Он страданиями воспитывает людей и на примере родителей — они наказывают своих детей. Любовь, говорил он, нередко действует строгостью, и удары друзей бывают полезнее, нежели лживые поцелуи врагов. Принуждение является спасительным лекарством, не применять его — значит воздавать злом за зло. "Если мы видим, — говорил он, — врага, бегущего к пропасти в припадке безумия, не следует ли скорее удержать его силою, нежели допустить упасть и погибнуть?" Таким образом, по мнению Августина, неоспоримого авторитета в глазах католиков, нетерпимость являлась актом человеколюбия, спасением погибавшего. Нелишне отметить, что обратное мнение в эту пору было уже достоянием еретиков: за свободу совести стояли в эту пору донатисты, с которыми неусыпно боролся Августин. Он находил при этом опору даже в Евангелии, в известной притче о пире, где было много званых, но мало избранных (Ев. от Луки, гл. 24, ст. 16—24). Как известно, званые гости не пришли, отговариваясь мирскими делами, и хозяин поручил своему рабу собрать гостей по дорогам и перекресткам. "И убеди внити", — сказал он слуге. Но эти слова были переведены словами "compelle intrare" — понудь их войти, и на них опирался Августин, проповедуя меры строгости и наказания. После него уже не оспаривали этого, но принимали как непреложную истину, хотя, несомненно, она была лишь повторением совета язычника Мецената — "и понуждай других..."

*Приход антихриста.
Гравюра XV века*

Тем не менее до XIII века борьба с ересями имела характер временный, периодический. Она возгоралась, когда духовенство приобретало влияние в правящих сферах, и потом затихала с потерей этого влияния. Часто противоречившие друг другу интересы светской и духовной власти лишали эту борьбу необходимых средств для наказания ослушников церкви: еретик в одном государстве бывал обласкан в другом и обратно. Возвышение папства постепенно устранило возможность подобного убежища. Когда римские первосвященники стали отнимать и раздавать короны, для них ничего не стоило уже "понудить" правительства преследовать их подданных — еретиков. Таково было папство после Григория VII. Но и тогда все зависело еще от характера римского первосвященника. Делу будущего предстояло создать нечто независимое от личности. Этим нечто была инквизиция... Приближалось время ее рождения. Крестовые походы против неверных Востока, на защиту Гроба Господня мало-помалу укоренили в умах понятие о богоугодности преследований врагов религии. Массы были наэлектризованы. Повсюду быстро возникали монастыри с суровыми уставами, носились слухи о скором наступлении Страшного суда. Мысль о спасении витала в восторженных умах, мысль о подвиге во славу религии, во исцеление души и тела. Оставалось только указать арену для этих подвигов, и за этим дело не стало. С высоты папского престола уже наметили для них новую область, и скоро полилась кровь верных и неверных, на этот раз уже на Западе.

От правого берега Роны и дальше на запад, в пределах нынешнего Лангедока, в XIII столетии лежали владения графа Тулузского Раймонда VI. Под благодатным небом юга здесь процветало едва ли не единственное в то время царство веротерпимости и свободы. Богатые города с Тулузой во главе, сильные своим самоуправлением, наследием когда-то царивших здесь римлян, представляли странное для того времени смешение личностей различных вероисповеданий, правоверных католиков с признанными врагами католической церкви. И никто не возмущался здесь отсутствием господствующего культа, все считались равноправными гражданами и одинаково покровительствовались законом. Рядом с строгими сектантами здесь проживали, переходя из города в город, от замка к замку, знаменитые трубадуры, воспевавшие любовь, красавиц и покровителей свободы. Веротерпимость и поэзия, как два добрых гения, царили в этой стране, вместе с благодатными лучами солнца поселяя везде мир и довольство. И не одна пара завистливых глаз соседних владетельных баронов жадно устремлялась к богатым городам Лангедока, а по ту сторону Роны, у престола и на престоле римских первосвященников, давно закипала ненависть к этому гнезду носителей ереси.

Там не могли простить, что среди подданных графа Тулузского спокойно проживали еретики, альбигойцы, как называли их общим именем от города Альби в провинции Альбижуа, на самом деле распадавшиеся на два самостоятельных толка — катаров и вальденсов... На юге Франции ересь катаризма возникла не самобытно. Она пришла сюда с Востока после

долгих попутных остановок и метаморфоз. Исходный пункт ее — учение Заратуштры, развитое и дополненное его учеником Манесом¹. Манес был родом из Индии. Год его рождения в начале III века, школа его — персидские маги, александрийские неоплатоники и гностики, догма евреев и христиан. Поэт, мистик и философ, он не удовлетворился ни одной из существовавших религий и взял на себя миссию основания новой. Приемы этого основателя религии напоминают приемы Магомета². Он заимствует и примиряет учения своих предшественников, из разнородных чужих основ создает новое, свое собственное учение. От Заратуштры он сохранил главное — дуалистическое воззрение на мир и природу человека как сочетание добра и зла. Из Индии он вынес пантеизм — одухотворение всего сущего, от христиан — величественный образ Искупителя. Священные книги евреев Манес отверг. Их идеи о Божестве казались ему нечистыми, ложными и даже оскорбительными для Божества, их мораль — недостаточно совершенной и несогласной со святостью Бога. "Они не содержат в себе, — говорил он, — ничего о вечной жизни, а временные обещания их, например умножение потомства, могут действовать лишь на низменную сторону человека". Манес отрицал также пророчества о Спасителе, считал ложным и абсурдным библейский рассказ о сотворении мира и падении человека, не признавал священными религиозных обрядов евреев и относился критически к Новому Завету. Он не признавал Деяний апостолов, относительно же Евангелия говорил, что оно написано не самими апостолами, а по их рассказам, причем опирался на заглавия "от Матфея", "от Луки" и т. д. Отсюда происходили, по его мнению, ошибки и противоречия, отсюда же проистекала необходимость очистить Евангелие, восстановить его первообраз. Чтобы достигнуть этого, Манес отвергал рождение Спасителя от женщины, рассказ о Его обрезании, о принесении Им жертвы, рассказ о пребывании в пустыне, об искушении дьяволом, наконец, отрицал все, взятое из Ветхого Завета. Все это Манес урезал и изменил согласно своей доктрине.

Два начала: Бог и Сатана, первый — добрая, второй — злая сила, виновники существующего — такова была альфа этой доктрины. Сатана создал тело человека. Бог одарил последнего разумом, душою. В этом причина двойственности человека, вечной борьбы составляющих его элементов, духовного и телесного. С течением времени грех овладел человеческим родом. Чтобы спасти этот род, добрый Бог сошел на землю под именем Христа и под видом человека. По наущению Сатаны евреи предали его смертной казни, но страдания Христа были только видимые, в них — указание пути к спасению посредством очищения от земных привязанностей и страстей. Души людей, не воспользовавшихся при жизни этим указанием, переходят в другие тела, даже в животных и растения. Достигнув таким образом известной степени совершенства, они окончательно

¹ Манес, или Мани (ок. 215 или 216 — ок. 276 или 277).

² Магомет (устарелое), точнее — Мухаммед, или Мохаммед.

отрешаются от земной оболочки, водворяются на луне и там очищаются водою в течение 15 дней, затем в царстве солнца — небесным огнем. Очищение всех душ будет концом этого мира — такова омега учения Манеса.

Обаяние религиозных воззрений Манеса лучше всего подтверждается распространением его учения. Сохраняя свою основу и видоизменяясь лишь в частности, оно постепенно подвигалось на запад. В Европу оно перебралось при императоре Цимисхие с ересью павликан и прочно утвердилось в Фракии, в окрестностях Филиппополя¹. Соседство с славянами, издревле склонными к дуализму, придало новые силы учению Манеса. В V веке оно дало новый религиозный побег — богомилство², по имени основателя секты Богомила. Богомилы выработали почти все, что мы встретим на юге Франции. Из Болгарии богомилство проникло в Италию, в северную часть ее, Ломбардию, а потом, перешагнув Альпы и Рону, — в благодатные провинции южной Франции. Таково было происхождение катаризма среди подданных графа Тулузского. Самое имя катары (от греческого слова "чистый") было усвоено французскими еретиками по преемству от болгарских богомилов. Изучение их догматов еще более подтверждает их родство со славянской ересью, как развитием манихейства, и вместе с тем объясняет ту ненависть, которую они возбуждали в Риме.

Мир вещественный и тело человека катары считали творением дьявола, злого Бога, творца и князя сего мира, как записали тулузские инквизиторы. Лишь невидимое и вечное, учили они, — дело рук Бога доброго. К римской церкви они относились с презрением. Она была для них "базилика дьявола и синагога сатаны". Лишь в лоне их учения возможно было спасение. Никакие таинства римской церкви они не считали священными. Тело Христово в святом причастии было для них простым хлебом, крещение бесцельно, духовная иерархия, как собрание грешников, бессильна руководить человеческой совестью. Они учили, что воплощение Иисуса Христа было лишь видимое, что он никогда не унизил бы себя до рождения от женщины. Крест они считали не заслуживающим почитания, потому что он символ страданий Господа, а никто, говорили они, не почитает ярмо, возлагавшееся на его отца. Воскресение мертвых они отрицали и, подобно манихеям, верили в переселение душ. Они верили, что душа человека переселяется даже в животных, отсюда запрет на мясо, так как, убивая животное, катар мог лишить этим душу возможности очиститься. Брака катары не признавали божеским учреждением. Если они не отвергали его окончательно, то лишь снисходя к слабостям человека и главным образом потому, что рождение новых людей давало переселяющимся душам средство очиститься, создавало новые формы для их водворения. Подобно богомилам,

¹ Филиппополь — ныне Пловдив.

² Богомилство возникло в X в. на Балканах как еретическое движение. Оказало влияние на ересь катаров и альбигойцев.

катары соблюдали обряд рукоположения, так называемое *consolamentum*. Клятва им запрещалась. Перед судом инквизиции один альбигоец объявил, что не поклянется даже в том случае, если от этого его религия из гонимой станет торжествующей. Владение каким-либо имуществом катары считали греховным. Это была, по их словам, ржавчина души, и они отрекались от нее, называя себя нищей братией. Такой аскетический склад катаризма делал это учение непригодным для массы, отсюда компромиссы, например отрицание и разрешение брака. Основная цель их учения — духовное совершенство и нищенство — могла быть доступна лишь немногим, отсюда разделение катаров на совершенных и верующих. Совершенных было немного, всего четыре тысячи, по счету инквизиторов. Это были истинные блюстители катаризма. Они отрекались от имущества, от семейных и родственных уз. Даже католики ставили их в пример своему духовенству, так безусловно строга была жизнь совершенных. Четыре раза в год они постились в течение 40 дней, каждую неделю в году три раза ели только хлеб с водой. Простая одежда черного цвета и сумка через плечо с Евангелием на провансальском наречии — таковы были отличительные признаки совершенных. Жизнь остальных катаров, или верующих, была далеко не так сурова. Они могли жениться, могли носить оружие и владеть имуществом, но хоть под конец жизни, и даже предпочтительно под конец все-таки принимали *consolamentum*, становились совершенными. Как высоко чтилось это последнее, можно судить по тому, что катару разрешалось убить принявшего *consolamentum*, дабы спасти его от греха, а обряд от поругания... Совсем иная была догма вальденсов, от имени Вальд, основателя этой секты. Это были рационалисты, чуждые всякого мистицизма, чего нельзя сказать об альбигойцах — катарах. Они верили в триединого Бога, признавали таинства причащения и крещения, но, подобно катарам, восставали против почитания икон и ненавидели римскую церковь. Она была для них вавилонской блудницей, бесплодной смоковницей, которую проклял Спаситель. Здесь, вероятно, главная причина, почему их смешивали с катарами. Обе секты очень быстро распространились на юге Франции. Раньше их здесь господствовали ариане, присциллиане, одновременно с ними петробрусиане, по имени проповедника Петра из Брюи. Такое множество сект благоприятствовало развитию в населении духа терпимости, некоторого религиозного индифферентизма и, наконец, отступничества от правоверной католической церкви. К тому же невежество и порочность духовенства этой церкви не представляли никакого нравственного отпора ересям и только давали повод к обличительным речам еретических проповедников и вольным песням трубадуров... Но гром все-таки грянул над Лангедоком. "Вавилонская блудница" оказалась не совсем погруженной в суету сего мира, "проклятая смоковница" — еще полной сил и цветущей.

В 1020 году в стенах Тулузы происходили первые сожжения еретиков. Через два года то же самое повторилось в Орлеане. Тогда погибло тринадцать еретиков, к великой скорби церкви, все тринадцать священники. В 1146 и 1163 годах те же костры пылают в Германии, освещая бдительному оку места, пораженные ересью. В Риме поняли наконец, как запустел вертоград религии. В 1179 году папа Александр III созвал в Риме так называемый третий Латеранский собор и произнес отлучение против еретиков Гаскони, "земель Альби и Тулузы", "потому что, — говорилось в постановлении собора, — эти еретики не скрываются уже и не остаются спокойными, но дерзко проповедуют свои заблуждения и совращают простых и слабых". Нож анафемы поражал одновременно королевства Арагон и Наварру. Тамошние еретики и их покровители обвинялись собором даже в преследовании правоверных, в осквернении церквей, в обиде вдов и сирот. Папа призывал верующих не иметь с еретиками никаких сношений, позволял нарушать договоры с ними, употреблять против них оружие и конфисковать их имущество, а христианским правителям — обращать их в рабство. "Хотя церковь, — говорилось в 27-м постановлении собора, — следуя святому папе Льву, довольствуется часто одним судом первосвященническим и не принимает кровавых мер, однако он может быть вспомоществуем и мирскими силами, дабы страхом казни побудить людей следовать духовному врачеванию. А так как еретики, которых одни называют катарами, другие патернами, прочие публиканами (павликианами), — так смутны были еще в это время сведения римской церкви о ее врагах — сделали великие успехи в Гаскони, Альбигуа, земле Тулузской и иных местах, то мы предаем анафеме их с их покровителями и сообщниками и запрещаем всякому, кто бы то ни был, иметь с ними общение. Если они умрут во грехе, то никогда не поминать их и не хоронить между христианами".

Во исполнение постановлений собора в Лангедок был предпринят "крестовый поход" под начальством кардинала Генриха. И крестоносцы, и их противники не уступали при этом друг другу в жестокости, но торжество все-таки не суждено было церкви, и ереси, казалось, даже размножились. Таково было впечатление папы Луция III¹, когда, изгнанный римлянами, он укрылся в Вероне. Это было в 1185 году.

Устрашенный многочисленностью еретиков, Луций открыл собор и, подтвердив прежние постановления и отлучения, повелел, в виде новой меры, чтобы епископы, по крайней мере один раз в год, объезжали епархии,

¹ Папа Луций III занимал папский престол в 1181—1185 гг.

зараженные ересью, и присягой обязывали зажиточных граждан, числом от 3 до 4 и более, высматривать и выдавать еретиков суду епископов. Светские власти приглашались при этом оказывать содействие розыску: короли, князья, графы и бароны — под страхом отлучения и лишения земель, города — под страхом отнятия привилегий и той же анафемы. Назначение епископов, специальных ведателей ереси, заставило некоторых историков считать 1185 год годом возникновения инквизиции, но это мнение справедливо оспаривается на том основании, что в эту пору не было еще речи об инквизиции как постоянном судилище. Возникновению этого судилища должна была предшествовать кровавая драма на юге Франции, падение Лангедока и покровителей ереси графов Тулузских.

Пролог этой драмы начинается 9 марта 1198 года. Римский престол занимает в это время Иннокентий III, олицетворение ума и энергии, настоящий наследник Григория VII и, как казалось сначала, терпимости первых лет христианства. Мирно и кротко звучала первая булла Иннокентия. Он говорил в ней о "чуме, распространенной в Гаскони и соседних землях", но, призывая к борьбе с нею, предлагал пользоваться только мерами, которые будут в пределах духовно-церковной власти. Лишь в крайнем случае разрешил он прибегать к силе светского меча. Он не изверился еще в силе убеждения и 22 сентября, в первый год своего первосвященства, снял отлучение с графа Тулузского Раймонда VI, пораженного анафемой, как покровителя ереси. Вестниками нового направления папской политики в Лангедок были посланы не крестоносцы, а легаты. В Риме забывали, однако, что у ереси была своя история, что, возникнув постепенно, эта ересь лишь так же постепенно могла уничтожиться. От легатов ожидали скорых известий об успехе, но вести приходили, и вести печальные. Раймонд VI, говорили они, остался все тем же покровителем ереси, все так же равнодушен к католической вере. Он водит с собой в церковь шута, который издевается над церковной службой, он дружит с еретиками, ходит на их собрания, принимает благословение от совершенных... Иннокентий приписывал это неумению легатов. Он решил послать новых, Петра Кастельно, Рауля и аббата Сито¹, Арнольда. В помощь легатам, в качестве миссионеров, были присоединены двенадцать цистерцианских монахов, а в 1206 году и знаменитый подвижник, святой Доминик. Вот почему апологеты инквизиции считают его основателем трибунала. Автор "Божественной комедии" в XII песне "Рая" заметно разделяет это воззрение, когда говорит о Доминике:

С железной волей, праведен и строг,
Он ринулся, как с гор крутых поток,
В открытую борьбу с еретиками,
Которые зловредны для других,

¹Сито — французское селение близ Дижона (латинское название — Cistercium). От его латинского названия происходит название монашеского ордена цистерцианцев, основанного в конце XI в.

Которые над слабыми умами
Имели власть и развращали их.
И от него другие побежали
Ручьи и сад церковный орошали.

Легенда об инквизиторстве Доминика сложилась как результат понятного желания его мнимых преемников поставить во главе своего дела лицо, привлекавшее общие симпатии, освятить это дело именем великого подвижника и тем узаконить существование инквизиции. Историческая справка разрушает эту тенденцию. Прежде всего, в 1206 году еще не было и речи об инквизиции, был только дух ее, дух нетерпимости, носившийся над головами еретиков. Наконец, обязанность Доминика и его сподвижников заключалась в обращении еретиков путем увещевания, а меры строгости носили характер эпитимии, то есть чисто церковный характер. Об этом говорит дошедшая до нас разрешительная грамота, прототип инквизиционных примирений с церковью, данная Домиником в 1209 году.

”Всем верным христианам, — так начинается эта грамота, — к которым достигнет это послание, брат Доминик, каноник из Осмы, малейший из проповедников, приветствие о Иисусе Христе. В силу власти, данной аббату Сито, легату апостольского престола, которого мы служим представителем, мы возвратили в лоно церкви предьявителя сей грамоты Понса Рожера, оставившего по милости Божьей секту еретиков. Так как он дал нам клятву исполнять наши приказания, то мы велели ему три следующие воскресенья являться в церковь, причем священник, обнажив его, будет бить его розгами на всем протяжении от городских ворот до церкви. Для покаяния мы налагаем на него на всю жизнь пост и запрещаем ему есть мясо, яйца, сыр и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Троицы и Рождества, в которые он может есть все. В знак отвращения от своей прежней ереси три поста в году он должен воздерживаться даже от рыбы, три раза в неделю, пока жив, воздерживаться от мяса, рыбы и вина, допуская облегчение только в случае болезни и изнурительных работ. Он должен будет носить церковное платье по покрою и по цвету с двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякий день он будет слушать мессу, если то окажется возможным, а по праздникам и воскресеньям вечерню. Он в точности должен исполнять утренние и вечерние молитвы, читать ”Отче наш” семь раз утром, десять раз вечером и двадцать в полночь, жить целомудренно и настоящую грамоту вручить своему приходскому священнику. Последнему приказываем наблюдать за поведением Рожера, который должен исполнять в точности все, что ему предписано, пока господин легат не изъявит своей воли. Если же означенный Понс того исполнять не будет, то мы приказываем смотреть на него, как на клятвопреступника, еретика, отлученного, и удалить его от общества верных...”

В другой своей грамоте, от 1214 или 1215 года, Доминик разрешает Раймонду Альтароне, обращенному еретiku, в облегчение эпитимии "носить такое же платье, как и все христиане, так же, как и Вильгельму Угунье"... Нетрудно видеть из обоих документов, как мало основательны предположения об инквизиторском характере миссионерской деятельности Доминика. В области церковной дисциплины в этой деятельности нет ничего нового, а потому нет основания причислять и самого деятеля к совершенно чуждой ему сфере инквизиции. Ничто не говорит также о нетерпимости Доминика. Нет никаких источников, которые рисовали бы его как сурового проповедника, выходящего за пределы увещевания. Те розги, которые прописывались в эпитимиях Доминика, нельзя считать таким выходом, потому что, как и одежда кающихся, это был лишь атрибут покаяния.

Иначе поступали легаты Иннокентия. Самый выбор этих легатов не обещал ничего хорошего. Петр Кастельно был фанатик. Он не проповедовал, а боролся. Это именно он "ринулся, как с гор крутых поток, в открытую борьбу с еретиками". Его слова раздражали противников, но легат как будто искал себе смерти... Медленная победа над ересью, присоединение обращавшихся единицами, как это делал Доминик, не удовлетворяло Кастельно. Он видел одно лишь упорство, и в этом смысле доносили папе. Под влиянием этих известий в 1207 году Иннокентий приказал еще раз побудить Раймонда к поддержанию веры и затем отлучить его от церкви. Исполнение папской воли было возложено на того же Кастельно. Раймонд был раздражен этим новым натиском из Рима, легат — почти в экстазе под обаянием своей миссии. При таких обстоятельствах они встретились в Сен-Жиле.

— Теперь, граф, — торжественно сказал Кастельно на уклончивые ответы Раймонда о преследовании еретиков, — я объявляю тебя клятвенно-преступником и незаконником, гнев Божий да разразится над тобой. Я отлучаю тебя от церкви. На всех землях твоих отныне интердикт. С этого дня ты — враг Бога и людей. Подданные твои разрешаются от присяги, и тот, кто свергнет тебя, поступит справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком.

— Повесить негодяя! — вскричал в бешенстве граф.

— Именем святого посланничества моего, — продолжал Кастельно, — которое меня осеняет, я запрещаю всякому поднять руку на помазанника Господа.

Во всей фигуре легата и в тоне, которым он говорил, было столько величия, что никто не решился исполнить приказ Раймонда, и легат удалился. Утром 15 января 1208 года Кастельно был уже близ Роны. Отслужив краткую мессу вместе со спутниками-монахами, он отправился к перевозу. Их ждала лодка с двумя гребцами.

— Если вы не еретики и не жида, — сказал гребцам Кастельно, — то не откажите дать убежище проповеднику святого Евангелия, который бежит из земли гонения.

Он занес ногу, собираясь войти в лодку, но один из гребцов, как бы желая помочь ему, вдруг ударил его кинжалом. Легат опрокинулся навзничь и со словами: "Да простит их Господь, как я их прощаю", — скончался на руках провожавших.

Весть об этом убийстве, по общему голосу, подстроенном Раймондом, отозвалась ужасом даже в еретическом Лангедоке. В Риме она послужила сигналом к новой политике Иннокентия. Буллою 6 марта того же года папа не только подтвердил отлучение Раймонда, но в то же время разрешил всякому верному католику овладеть его землями и преследовать его лично. С этого начинается политическое падение Лангедока и заря инквизиции. В 1215 году 11 ноября, когда открылись в Риме заседания четвертого Латеранского собора, Раймонд только по имени был графом Тулузским.

"Граф Тулузский, — решено было затем собором, — с давних пор и по разным причинам признанный неспособным управлять страной в интересах веры, должен быть навсегда исключен от государствования и жить вне земли своей, в приличествующем ему месте. Там, принеся достойное покаяние по грехам своим, ежегодно он будет получать 400 серебряных марок на содержание".

Преемником Раймонда назначался граф Симон Монфор, счастливый предводитель "крестового похода", эпилогом которого был Латеранский собор. Оставалось судить еретиков, не погибших среди военной тревоги. Но торжество религии еще раз было отсрочено. В мае 1216 года сыну Раймонда Раймонду VII удалось поднять восстание и свергнуть ненавистное иго Монфора. Тринадцать лет тянулась еще агония Лангедока, до 12 апреля 1229 года. 12 апреля 1229 года в Париже происходила торжественная церемония: Раймонд VII присягал на верность французскому королю и обещал быть верным и послушным слугой короля и церкви, до самой смерти своей сражаться с еретиками, их единомышленниками и укрывателями, не щадя ни родственников, ни друзей, ни вассалов, и вполне очистить свою землю от ереси.

"Обещаем, — говорилось в договоре Раймонда, — произвести без замедления должный суд над еретиками и приказать нашим байльи тщательно разыскивать как их, так и единомышленников их и укрывателей; для облегчения же розыска обязываемся платить в продолжение 2 лет по две серебряные марки, а потом по одной всякому, кто представит еретика, осужденного епископом".

В ноябре того же года в Тулузе, едва остывшей от пролитой крови, был созван собор для принятия мер к истреблению альбигойцев. Во всех приходах, по решению этого собора, учреждалась постоянная комиссия из приходского священника и двух-трех выборных граждан. Члены комиссии обязывались разыскивать еретиков и с этой целью осматривать все дома, от чердака до погреба, и даже подземелья. Владельцы земель и все верные католики принуждались к тому же, первые — под страхом лишения земель и предания суду, вторые

*Исполнение приговора.
Картина Д. Риверы*

— по долгу благочестия. Все арестованные отсылались к епископу для определения, действительно ли они еретики или верные католики. В первом случае дом, где жил признанный еретик, подлежал немедленному уничтожению. Если арестованный отрекался до суда от ереси, и притом чистосердечно, его высылали в католические города с обязательством носить на одежде два нагрудных креста цвета, отличного от платья. Такие еретики назывались "крестоносцами о вере" и не могли быть приняты ни на какие должности без разрешения папы или его легата. Еретики, отрекавшиеся от заблуждений лишь из страха наказания, заключались в тюрьму и содержались там за счет конфискованного у них имущества, а в случае бедности — за счет епископов. Для упорных был один выход из тюрьмы — на костер.

Таковы были меры пресечения ересей, но не забыты были и меры предупредительные. В виде мер

предупредительных Тулузский собор постановил, чтобы все мужчины начиная с 14 лет и все женщины с 12 давали клятву и повторяли ее каждые 2 года, что будут хранить святую католическую веру, доносить на еретиков и преследовать их. Те же предупредительные меры требовали, чтобы всякий католик исповедовался и причащался каждый год три раза: на Рождество, Пасху и Троицу — и не держал бы на дому ни Ветхого, ни Нового Завета. Собор позволял мирянам иметь одни лишь богослужебные книги и Псалтырь, но не иначе как на латинском языке. Священникам вменялось в обязанность оберегать причащенных ими больных от соращения с пути истины и присутствовать при совершении завещаний, без чего последние считались недействительными. Священники должны были также присутствовать при погребении усопших, а главы семейств по праздникам и воскресеньям непременно бывать в церкви, выстаивать обедню и выслушивать проповедь. Не исполнявшие этого постановления подлежали штрафу в 12 денариев, половина которого отдавалась владельцу земли, где проживал провинившийся.

Все эти меры дают полное право считать 1229 год первым годом инквизиции и годом первого инквизиционного процесса. Такой процесс еще во время Тулузского собора был возбужден, для примера и выработки процедуры, против некоего синьора Пейрпертюза и барона Неро де Ниорта. Оба лица были заподозрены в ереси, что подтверждалось свидетелями, и потому обязывались покаяться в течение 15 дней под страхом отлучения и конфискации. Уже с этого процесса определилось лицо святой инквизиции. В суд была созвана масса свидетелей, но обвиняемые не сводились с ними на очную ставку, чем, очевидно, поощрялась возможность ложного свидетельства. Свидетелям задавали массу вопросов, пытаясь сбить их в показаниях, и нередко обращали их таким образом из помощников правосудию в подсудимых. Допросы были узаконены постановлениями собора, и ими пользовались почти как явными обвинениями уже в эту раннюю пору инквизиции.

С 1229 года начинается эпоха так называемой первой инквизиции. Ее отличие — участие епископов как судей и карателей ереси. Не одно падение Лангедока послужило на пользу ее учреждения. В 1220 году, то есть за девять лет до Тулузского собора, император германский Фридрих II, один из самых светлых умов своего времени, совершенно неожиданно явился сторонником нетерпимости и рядом законов определил тяжелые наказания еретикам. Политические волнения, непрерывно наполнявшие его царствование, и, как ирония судьбы, ссора с папой вплоть до проклятия не дали ему возможности настоять на исполнении этих законов. Но папы воспользовались постановлениями Фридриха. Они служили для них разрешением ввести инквизицию в Италии и даже пытаться утвердить ее в Германии. Так поступил папа Григорий IX в 1231 году, с буллы которого, помеченной этим годом, начинается распространение инквизиционных трибуналов по всему Апеннинскому полуострову, исключая Неаполь и Венецию. С этого же времени ведатели и судьи ересей формально называются инквизиторами. Роль этих инквизиторов уже с 1229 года занимают преимущественно доминиканцы, потому что при самом своем образовании орден этих монахов имел целью проповедовать слово Божье, откуда другое название ордена — орден проповедников. Однако рядом с ними выступали и другие, францисканцы и бенедиктинцы, последние в лице клюнийского приора Этьена в 1233 году. Лишь в 1243 году папа Иннокентий IV окончательно утвердил за доминиканцами исключительное право на пополнение рядов инквизиторов. По словам Геффле, эта привилегия впервые укрепилась за ними в Испании. В Испании же суждено было инквизиции получить дальнейшее развитие и сделаться орудием не только религиозной, но и политической нетерпимости. Эта новая эра начинается в 80-х годах XV столетия. Девиз ее деятелей — едино стадо и единая вера, а самый яркий представитель этих деятелей — Торквемада.

I

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

‡

Хуан Торквемада. — Рождение Томаса Торквемады. — Два рассказа о первых годах его жизни. — Монастырская жизнь Торквемады. — Назначение его приором. — Торквемада — духовник Изабеллы. — Смутное время в Кастилии. — Изабелла — наследница кастильской короны. — Фердинанд V — ее муж. — Соединение Кастилии и Арагона. — Роль Торквемады в этом событии. — Его смирение и религиозная ревность. — Значение Торквемады в истории инквизиции. — Первые трибуналы в Испании. — Николай Эймерик. — Инквизиция в Кастилии. — Ее падение и возрождение. — Булла 1478 года. — Попытка действовать убеждением. — Катехизис Мендосы. — Pamфлет еретиков. — Севильская инквизиция. — Деятельность Морилло и Мартена. — Многочисленность их жертв. — Грамота милосердия. — Квемадеро. — Бегство мараносов. — Апелляции в Рим. — Протест Сикста IV. — Торквемада — великий инквизитор. — Генеральная хунта инквизиторов. — Первые законы Торквемады. — Недовольство испанцев. — Убийство Арбуэса. — Казни заговорщиков. — Новые волнения. — Чествование памяти Арбуэса. — Роль Торквемады в подавлении недовольства. — Письмо Сикста

Среди представителей католической церкви на Констанцском соборе, осудившем Гуса, как надежда этой церкви обращал на себя внимание молодой доминиканец Хуан Торквемада. Благочестивая ревность его в борьбе с еретической догмой принесла ему впоследствии звание кардинала и красноречивый титул "защитника веры". У брата этого Торквемады, синьора Педро-Фернандо, в небольшом городке Старой Кастилии — Торквемаде (по известиям других — в Вальядолиде и третьих — в Сеговии) около 1420 года родился сын Томас, затмивший славу своего дяди кардинала.

Известия о первых годах его жизни разноречивы. По словам Лавалле, это была богато одаренная натура с умом почти гениальным, но страстного и неровного характера. Томасу дали хорошее воспитание, но выбор житейской дороги был решен впоследствии самим Томасом. До этого времени он путешествовал по Испании, или, вернее, переезжал из города в город, был в Саламанке, Толедо и Кордове. В Кордове он увлекся какой-то красавицей, но эта красавица предпочла ему мавра и вместе с этим мавром удалилась в Гренаду. Отсюда, по словам Лавалле, начало ненависти Торквемады к завоевателям Испании. Из Кордовы Томас направился в Сарагосу, с тем чтобы оттуда перебраться в Барселону и там при первой возможности сесть на корабль и отплыть в Италию, в столицу папы. Но дело сложилось иначе. В Сарагосе происходили в это время публичные диспуты доминиканцев, и весть об этих диспутах сейчас же привлекла молодого путешественника. Он был уже достаточно сведущ в теологии, а потому не побоялся вступить в препирательство с самим доминиканским приором Лопесом из Серверы. Молодой оппонент обнаружил при этом такие познания — явление редкое среди испанского духовенства описываемой эпохи — и такой дар красноре-

чия, что изумленный Лопес решил привлечь его в свой орден. Так повествует Лавалле о первых шагах Торквемады.

У Турона читаем другое. По Турону, Томас еще юношей поступил в монастырь Святого Павла в Вальядолиде, принадлежавший доминиканцам, и с первых дней обратил на себя внимание суровым образом жизни. Скоро весть об этом разнеслась по Кастилии. Толпы богомольцев спешили к Торквемаде, чтобы поведать ему свои скорби и страдания и получить утешение и совет. Но одним врачеванием душевных ран еще не исчерпывалась деятельность благочестивого монаха. Он вскоре отличился как оратор, обличитель ереси и тайных и явных врагов религии. Такое усердие не могло, конечно, ускользнуть от блюстителей испанской церкви. Как эхо этих подвигов явились предложения Торквемаде высоких постов в духовной иерархии и титула доктора богословия от испанских рассадников просвещения. Суровый аскет ничего не желал и упорно отказывался от почестей и повышений. Лишь в 1459 году он оставил скромность и согласился принять звание приора в монастыре святого Креста в Сеговии. Отсюда начинается возвышение Торквемады. Обитель святого Креста была излюбленным местом паломничества не только людей простых, но также и представителей высшего общества Кастилии. Сюда наезжала королева вместе с инфантой Изабеллой Кастильской. Принцессе подыскивали в это время духовника. Никто, казалось, не мог исполнить эту должность лучше приора из Сеговии, и ему действительно поручили эту обязанность. Торквемада искусно повел это дело и скоро добился полного доверия религиозной принцессы. Искусство требовалось в самом деле большое. Кастилия переживала в это время пору волнений: короля Генриха IV¹, брата Изабеллы, не любили, главным образом духовенство, и наконец лишили престола. Низложение было объявлено в Сеговии, и едва ли Торквемада не знал о заговоре задолго до его исполнения. На место Генриха, продолжавшего, впрочем, считать себя королем и имевшего сторонников, был посажен брат его Альфонс², но он вскоре умер, и престол опять опустел. Корону снова вернули Генриху, но с условием, что наследницей его будет не дочь от второй жены Хуана, а сестра Изабелла. Про Хуану говорили, что она, с ведома короля, которого за бездетность называли Бессильным, была дочерью его жены и любимца Бельтрана де ла Куэва. Ее так и звали Бельтранеха и усердно распускали эту басню в народе. В это смутное время Торквемада принимал живейшее участие в провозглашении Изабеллы наследницей Кастилии. Вместе с этим провозглашением для него открывалась возможность осуществить свои давние планы о борьбе с еретиками.

Изабелла с семилетнего возраста считалась невестой Фердинанда, в то время еще не наследника Арагона. Но и этому принцу улыбнулась судьба. Смерть, как и Изабелле, очистила ему дорогу к престолу, и потому оста-

¹ Король Генрих (Энрике) IV был сыном Хуана II от первой жены, а Изабелла — от второй, Изабеллы Португальской.

² Принц Альфонс умер в 1467 г.

вленный было проект его женитьбы на кастильской наследнице опять сделался мечтой патриотов, управлявших судьбами обоих королевств. Напрасно Генрих пытался выдать сестру за короля Португалии и тем удалить ее от престола в пользу Хуаны, Торквемада ловко разрушал его планы. В то время как Изабелла отказывалась от искателей ее руки, он искусно поддерживал в ней симпатию к Фердинанду. Наконец 19 октября 1469 года, тайно от Генриха, в сопровождении Торквемады она отправилась в Вальядолид, где ждал ее, также крадучись прибывший Фердинанд, и их обвенчали. Раздраженный Генрих объявил Изабеллу лишеной престола, но его не слушали, и в 1474 году, после смерти ненавидевшего ее брата, Изабелла стала королевой Кастилии и Леона. Тот же титул был дан ее мужу Фердинанду V¹. Два самых больших королевства Испании соединились таким образом в одно политическое целое, хотя первое время номинально.

Торквемада, как главный виновник этой унии, естественно, получал с этих пор первенствующее значение, и не только в Кастилии, но также в Арагоне. В награду за труды ему предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упорно упрасивали его Фердинанд и Изабелла. По словам Турона, честолюбие было чуждо натуре Торквемады, он думал только о благе государства, достоинстве религии, спокойствии народов и спасении душ. Он думал о той розни, которую вносили в духовную жизнь Испании населявшие ее евреи, как те, которые сохраняли закон Моисея, так еще более те, которые "лицемерно" принимали христианство.

В полное тревоги правление Генриха IV Торквемада громил отступников с высоты кафедры и даже восходил до самого короля и со слезами умолял его о защите церкви. Но как только Изабелла стала править Кастилией, ревнителю благочестия сразу открылась перспектива более успешной деятельности. Он сейчас же обратил внимание Фердинанда и Изабеллы на печальное положение церкви.

"Этот лев религии, — говорил Флешье, — убедил обоих, что испорченность нравов и свободомыслие с каждым днем возрастают, что соседство христиан с евреями и маврами вредит благочестию народа. Он убеждал их в необходимости произвести тщательное расследование заблуждений и нечестия того времени и возратить престиж религиозной дисциплине".

Епископы, которым издревле принадлежала забота об этой дисциплине, прибегали в таких случаях к анафеме и церковным наказаниям, но в эпоху великих расстройств, по мнению Торквемады, необходимы были более сильные лекарства, и самым лучшим было учреждение особого трибунала, "более могущественного и более строгого, чем другие"... Флешье преклоняется и перед Торквемадой, и перед инквизицией. Он даже как бы желает приписать Торквемаде инициативу введения костров, что, очевидно, ошибочно, но его слова об отдельном трибунале, более могущественном и более строгом, прекрасно определяют значение Торквемады в ис-

¹Как король Арагона он был Фердинандом II, как король Кастилии (после смерти Изабеллы) — Фердинандом V, а в Неаполе (с 1504 г.) — Фердинандом III.

тории инквизиции. Он не был первым насадителем ее в Испании, но ему справедливо приписывается открытие новой эры в инквизиционной практике. Торквемада довел эту практику до предела жестокости, из орудия охраны религиозных догматов сделал ее орудием религиозной нивелировки и первый придал инквизиционному трибуналу политический характер. Из рук папы он передал этот трибунал в руки короля и сделал судилище не столько помощником торжеству веры, сколько орудием абсолютизма.

Первые инквизиционные трибуналы появляются в Испании в 1232 году. По повелению папы Григория IX арагонский епископ Эспарраго поручил тогда доминиканцам начать преследование еретиков. Ревность этих инквизиторов с первых дней поселила недовольство и озлобление в населении, но нетерпимость не унималась даже после убийства двух представителей инквизиции — Петра Планедиса и Петра Кадирета. Особенно успешно развернулась инквизиция в Арагоне при Николасе Эймерике, который оставил своим преемникам "Руководство для инквизиторов", а потомству — славу жестокого гонителя еретиков.

Кастилия также не избежала ига инквизиции, но двоевластие, ослаблявшее папство в конце XIV и в XV веке¹, привело к тому, что в 1460 году в Кастилии не было уже ни одного инквизитора. Заслуга вторичного водворения их в этой стране принадлежит Торквемаде. По его настояниям Фердинанд и Изабелла упросили папу Сикста IV опять ввести инквизицию в Кастилии. Разрешение было получено вместе с буллой 1 ноября 1478 года. Давая свое согласие на розыск и преследование еретиков, Сикст указывал в то же время, каких судей должно поставить во главе насаждаемых трибуналов: людей по крайней мере сорокалетнего возраста, чистой нравственности, магистров или бакалавров богословия или же докторов и лиценциатов канонического права. Изабелла не сразу решилась на введение инквизиции в своих владениях. Голос совести удерживал ее от этого шага, но Торквемада сумел победить ее сомнения, в ярких красках изобразив ей, как угодно Богу учреждение инквизиции. Однако и после папской буллы

*Крест, печать и эмблема Супремы
(Верховного трибунала инквизиции)*

¹ Речь идет о Великом расколе ("Великой схизме"), о котором читатель уже знает из предыдущих очерков.

Фердинанд и Изабелла не сразу приступили к исполнению замыслов своего духовника, но решили испытать сперва меры кротости и увещевания. По желанию обоих правителей кардинал Мендоса, архиепископ Севильи, составил краткий катехизис для верных католиков, своего рода спутник христианина от купели до могилы. Многочисленные экземпляры этого наставления были розданы народу в Севилье, и по всем приходам севильской епархии, как главному притону еретиков, священникам было приказано разъяснять его смысл прихожанам и вместе с тем предупреждать их, чтобы они и дети их поступали согласно предписаниям катехизиса. Что касается отпавших от истинной веры, то, для мирного возвращения их в лоно церкви, предполагалось воздействовать словом проповеди и назидательной беседы. Для наблюдения за результатами этой меры были назначены особые лица, впечатление которых решало, быть или не быть инквизиции. Странники же инквизиции употребляли, конечно, все усилия, чтобы доказать правительству бесплодность мирных намерений; с другой стороны, еретики не только не думали раскаиваться в своих заблуждениях, но, предчувствуя начало преследований и сознавая свое право веровать по убеждению, неосторожно выступили с памфлетом против своих "спасителей".

Ересь упорствует — таков был приговор наблюдателей за мирными попытками Изабеллы и Фердинанда. В 1481 году в монастыре Святого Павла в Севилье открылись заседания инквизиционного трибунала под руководством доминиканцев — провинциала Михаила Морилло и викария ордена Мартена¹. Недружелюбно встретило население этих братьев-проповедников. Начальникам провинций было приказано оказывать содействие инквизиторам и их свите, но потребовалось вторичное приказание, чтобы достигнуть желаемых результатов. Тогда началось массовое бегство мараносов² в соседние земли. Мараносы были крещеные евреи, но общий голос считал их тайными приверженцами Моисеева закона, и на них прежде других еретиков должны были сказаться приемы севильских инквизиторов. Их бегство было признано уликой, и потому 2 января 1481 года инквизиторы издали прокламацию, в которой объявляли бежавших мараносов еретиками и приказывали всем вельможам Кастилии, под страхом анафемы, отнятия владений, чинов и достоинств, задержать беглецов и под стражей доставить в Севилью, а имущество их конфисковывать.

В Севилье узников ожидала монастырская тюрьма, заседания инквизиторов и застенки. Скоро число этих несчастных возросло до такой степени, что пришлось искать другое помещение в предместье Севильи. "Бог печется о распространении и поддержке веры, — гласила впоследствии надпись на севильской тюрьме, — да пребудет она до скончания веков. Восстань, Господи, и будь судьбою в нашем деле, излови для нас лисиц..."

¹ Речь идет о Мигеле де Морильо и Хуане де Сан Мартине.

² Мараносы — точнее, марраны (marrañas). Предполагают, что в основе прозвища лежит еврейская формула ("будь ты проклят!").

Как ни много было жертв в темницах инквизиции, или "лисиц", как называли их инквизиторы, это число не удовлетворяло Морильо и Мартина. Они издали новую прокламацию, так называемую "грамоту милосердия", и призывали в ней мараносов добровольно предаться их власти, обещая за это лишь легкое наказание. Многие беглецы и скрывавшиеся поверили обещаниям инквизиторов и явились в трибунал. Их заключили в тюрьму и действительно соглашались отпустить на свободу, но лишь с условием предварительной выдачи арестованными всех известных им еретиков. Уже на пятый день после водворения инквизиторов в Севилье костры пожрали шестерых осужденных, немного после — семнадцать, и так, все увеличивая число своих жертв, севильская инквизиция в течение полугода сожгла 298 мараносов и 79 осудила на вечное заточение. Многочисленность осужденных на сожжение заставила севильского губернатора устроить особый постоянный эшафот, так называемое квемадеро. Квемадеро было сложено из камня. На верхней его площадке были установлены четыре гипсовых статуи пророков. Внутри этих статуй была пустота, куда вводили осужденных и затем сжигали сразу нескольких в этом подобии вавилонской огненной печи. Один из историков инквизиции говорит, что осужденных привязывали снаружи, поэтому можно думать, что практиковалось и то и другое.

Не одни отступники погибали среди этого огненного апофеоза нетерпимости. Спешность процессов, доносы, личная злоба служителей инквизиции, желание овладеть имуществом богатых — все это очень часто кидало на костры людей ни в чем не повинных, искренних католиков. Чтобы спастись от этой участи, еретики и верные из намеченных жертв трибунала одинаково спешили выбраться из Испании, одни — во Францию, другие — в Португалию, третьи — в Африку. Не успевшие сделать этого или перехваченные агентами инквизиции, а также и другие осужденные ею апеллировали в Рим, и скоро канцелярия Ватикана была завалена жалобами на жестокость севильских инквизиторов. Рассмотрение этих жалоб приносило папской казне значительные выгоды. Можно судить поэтому, как вопиющи были горести искавших в Риме правосудия, если там решили пожертвовать доходами и обратить внимание на жестокость и беззакония инквизиторов. 29 января 1481 года, следовательно, менее чем через месяц после открытия севильского трибунала, Сикст IV уже указывает Фердинанду и Изабелле на злоупотребления поставленных ими инквизиторов. Папа говорит в своем бреве¹, что Морильо и Мартин заключают в темницы верных католиков, подвергают их жестоким мучениям и, чтобы овладеть их имуществом, объявляют их еретиками и ведут на казнь. Только уважение к правителям, по словам Сикста, не позволяло ему самому устранить инквизиторов, но он рекомендует эту меру королю и королеве.

¹ Бреве (от латинского слова *brevis* — краткий) -- послание папы римского по вопросам второстепенного значения (в отличие от буллы).

Новейшие историки инквизиции из рядов католического духовенства любят ссылаться на это бреше как на свидетельство того, как далеки были папы от мысли одобрять инквизиторов. Но если обратить внимание на все бреше и письма того же Сикста, то нельзя не прийти к заключению, что папа недоволен только самостоятельностью инквизиторов и в виде оппозиции критикует их деятельность. В принципе он одобряет меры строгости с еретиками, но хотел бы видеть их в руках епископов и вообще людей, более зависимых от Рима. Им руководила в данном случае политика, а не искреннее проявление гуманности, хотя несколько запоздалой. Испанская инквизиция с 1481 года сразу обнаружила тенденцию сделаться орудием правительства, средством удалить с его пути все, что могло вредить этой власти, будут ли то евреи, или мавры, или строптивые католики и даже епископы. В свою очередь папы по традиции не могли спокойно взирать на укрепление королевской власти, отсюда их оппозиция так называемой второй инквизиции, то есть той, о которой идет теперь речь. В рядах этой оппозиции стоял, между прочим, кардинал Родриго Борджа¹, впоследствии папа Александр VI, — одного этого достаточно для характеристики ее направления. Но могущество Григория VII и Иннокентия III становилось уже достоянием истории. На смену чудному прошлому надвигалось неотразимое бессилие затормозить такие явления, как вторая инквизиция. В феврале 1483 года, в виде тормоза этой последней, Сикст IV назначил севильского архиепископа Иньиго Манрика своим делегатом по приему и разбору апелляций на решения инквизиции, а 2 августа того же года он поступил уже совсем иначе: 2 августа 1483 года папа утвердил Томаса Торквемаду в звании великого инквизитора Кастилии и предоставил ему право назначать подчиненных чиновников трибунала, иначе говоря, явно способствовал обособлению испанской инквизиции. Оставалось только объединить под одной властью все трибуналы Испании, и тот же папа в том же году новым бреше 17 октября объявил Торквемаду великим инквизитором Арагона с теми же правами, как и в Кастилии.

Инквизиция торжествовала. По повелению Торквемады, ее судилища были введены в Кордове, Хаэне и Сиуде Реале, а по всем епархиям было приказано доминиканцам неусыпно заботиться о поддержании веры. Как высшую инстанцию для управления судилищами и судьями Фердинанд учредил в то же время королевский инквизиционный совет под названием Верховного совета. Дела этого совета решались по голосам, но только в сфере гражданского права и по чисто юридическим вопросам. Великий инквизитор был его президентом, при нем состояли советники: один епископ и два доктора права.

В 1481 году, не довольствуясь постановлениями своих предшественников, Торквемада собрал в Севилье генеральную хунту инквизиторов. Здесь были выработаны законы испанской инквизиции, 28 пунктов так называемой инструкции.

¹ Родригес де Борха или Борджа.

Первые три пункта ее говорили об устройстве трибуналов, о публикации приговоров против еретиков и отступников и назначали "отсрочку милосердия" для желающих сознаться и обратиться. Шесть последних устанавливали порядок чиновничества среди инквизиторов; остальные девятнадцать обнимали все случаи инквизиционного процесса. Кто сознавался до срока, тот мог рассчитывать на помилование, если открывал других еретиков. Инструкция допускала в этом случае секретное разрешение, но только при условии полной неизвестности обществу о преступлении раскаявшегося еретика. Всякая должность и право ношения серебра, золота, драгоценных камней, шелковых и тонких шерстяных тканей обращенному еретiku запрещались, и только в Риме за большие деньги могли уничтожить это постановление. Добровольное покаяние не избавляло от денежного штрафа, а принесших это покаяние после срока милосердия — от конфискации имущества со дня впадения в ересь. При этом требовалось обозначение времени, когда примиряемый с церковью попал под влияние ереси, дабы инквизиторы могли определить, какая часть имущества этого человека подлежит конфискации. На основании этого параграфа нередко конфисковывалось имущество жены за преступление тестя как приданое от еретика и детей как наследство от того же еретика. Начиная с 11 пункта, инструкция говорила о еретиках упорных. Если такой еретик сознавался после долгого сидения в тюрьме, то его осуждали на вечное заключение. Сознание требовалось полное, а если оно не казалось таким инквизитору, то заключенный отдавался в руки светской власти. Та же мера применялась к лицам, которые вздумали бы похвалиться, что не все открыли на допросе трибунала. Всякий еретик, упорно отрицавший обвинение, считался нераскаявшимся, и, чтобы вырвать у него признание при наличии доказательств, его подвергали пытке, а в случае успеха этой меры судили как уличенного еретика. Уличенным считался также всякий не явившийся на формальное приглашение трибунала. Допрос свидетелей производился самим инквизитором, его же присутствие требовалось при пытке для принятия показаний. Для облегчения этих показаний

Хоругвь испанской инквизиции

подсудимому выдавалась копия со свидетельских ответов, однако не во всей их полноте. По 20 параграфу инструкции инквизиционный процесс мог возбуждаться и против умерших, если из книг и жизни этих умерших оказывалось, что они были еретиками. Кости таких людей вырывались из могилы и сжигались во время аутодафе, а имущество конфисковывалось. Вассалы и все власти также подлежали суду инквизиции, если оказывали ей сопротивление и покровительство еретикам. Дети осужденных еретиков могли рассчитывать на пособие из конфискованного имущества их родителей, но этот параграф (22) почти никогда не исполнялся.

Эти первые законы испанской инквизиции еще при жизни Торквемады дополнялись другими постановлениями, но произвол по-прежнему оставался основным духом инквизиции. Достаточно указать, например, на право инквизиторов объявлять подсудимого упорным и нераскаявшимся или держать его в тюрьме до новых доказательств его виновности (по смыслу 11-го пункта), чтобы понять, как легко было этим судьям подводить обвиняемых под категорию еретиков. Могущественным побудителем инквизиторов к многочисленным арестам и обвинениям служило желание пополнить кассу трибунала, потому что жалованье этим ревнителям благочестия уплачивалось за счет конфискаций.

”Сверх покаяний, — говорит Эймерик в своем руководстве, — инквизитор может налагать денежные штрафы на том же основании, как паломничества, посты, молитвы и прочее. Эти штрафы употребляются на дела благочестия, каковы, например, поддержка и содержание святой инквизиции. Действительно, вполне справедливо, если инквизиция будет оплачивать свои расходы деньгами своих заключенных, потому что, как говорит святой Павел в 9 главе послания к Коринфянам, ”никто не может бороться своими силами”... Эймернику принадлежит также установление отношений инквизиции к детям еретиков. ”Сострадание к наследникам виновного, — говорит он, — которых доводят конфискацией до нищенства, не должно смягчать этой строгости, так как, по божеским и человеческим законам, дети наказываются за грехи отцов”.

Правительство не противилось постановлениям инквизиции. Оно также было заинтересовано в денежных штрафах и конфискации. Правительство получало третью часть этих поступлений и, нуждаясь в деньгах, естественно, заботилось о возрастании этого источника доходов. Таково было общее суждение об усердии королей в преследовании еретиков, и сама Изабелла сочла нужным оправдываться в этих обвинениях перед Сикстом IV. Кроме денежных расчетов личная месть и все виды насилия над личностью под покровом искоренения ереси находили в инквизиции прекрасное орудие для своего удовлетворения. Кодекс Торквемады был встречен поэтому как посягательство на свободу граждан, особенно в Арагоне, где конфискация имущества была невозможна по давним привилегиям народа. Сразу после издания кодекса арагонские кортесы обратились к Фердинанду и папе с просьбой остановить применение инквизиционной инструкции. Но аресты и казни еретиков продолжались со всеми последствиями, недовольство

усилилось. Не видя выхода из сетей инквизиции и думая насиле остановить насиле, арагонцы решились на крайнюю меру — избиение инквизиторов. Душой заговора были мараносы или, как их называли еще, новые христиане, остальные поддерживали их сочувствием. Чтобы собрать необходимые средства для исполнения предприятия, все мараносы были обложены пеней в пользу убийц. Арагонский дворянин Жан Делабадия руководил всем делом, первой жертвой был назначен Педро Арбуэс в Сарагосе. Шесть заговорщиков искали случая напасть на инквизитора, но слух о заговоре пошел по Сарагосе, и Арбуэс остерегался. Он стал носить панцирь под платьем и железную каску под шапкой. Наконец 13 октября 1485 года заговорщики застали его в церкви. Было 11 часов вечера. Арбуэс молился, стоя у колонны, возле него на полу горел фонарь. Первым напал на него Жан Десперендео, но панцирь защитил Арбуэса от сабли убийцы. Тогда Жан Делабадия ударил инквизитора ножом в шею, и Арбуэс упал. Через два дня он умер от раны, но результат покушения обрушился лишь на головы заговорщиков и послужил на пользу инквизиции. Как ни велика была ненависть к трибуналу, старые христиане возмутились при вести об убийстве Арбуэса, и тем же инквизиторам пришлось успокаивать народ и удерживать его от самосуда обещанием примерного наказания злоумышленников.

Инквизиция пользовалась в этом случае скрытым недовольством бедных и невежественных классов против богатых и образованных, в среде которых только и могла быть, конечно, истинная оценка ее намерений. Убийство Арбуэса дало ей прекрасный повод нанести удар арагонской оппозиции. Кроме убийц доминиканца была схвачена масса оговоренных доносчиками, потому что самое ничтожное показание принималось за улику. Сарагосские тюрьмы оказались переполненными узниками, значительная доля которых была виновна лишь в критике инквизиции, большинство же не повинно ни в чем. Достаточно сказать, что в числе заключенных находился дон Иаков Наваррский, сын инфанта дон Карлоса, чтобы представить себе число узников из среды обыкновенных граждан.

Путеводной нитью для арестов послужило показание одного из убийц, Видаля Урансо. Главные виновники были жестоко наказаны. Им отрубили руки и повесили, после чего их трупы волокли по улицам, а затем, расчленив на части, разложили на площадях. Жан Делабадия был подвергнут этой казни уже мертвый. Он покончил с собою накануне. Видаля Урансо сперва повесили в награду за выдачу преступников. Менее тяжким наказаниям, конечно на языке инквизиторов, было подвержено более 200 человек, и в том числе Иаков Наваррский. Вместе с другими получившими снисхождение его вывели на публичное покаяние. Но одной Сарагосой дело не ограничилось. В Толедо происходили не меньшие бесчинства трибунала. В течение года там было начато и окончено 3327 процессов, и 27 из них окончились сожжением обвиненных. Тем не менее потребовалось еще два года на усмирение волнений народа, не желавшего принять инквизицию, волнений в Теруэле, Валенсии, Лериде и Барселоне. На островах Майорке

и Минорке эта борьба тянулась целых восемь лет. Восстание вспыхнуло там еще раньше сарагосского и окончилось лишь в 1490 году торжеством инквизиции.

Что касается Арбуэса, ему устроены были пышные похороны, а могила его — на месте убиения — была украшена монументом с пышной эпитафией. На этом еще не окончились почести, оказанные памяти инквизитора. В 1664 году папа Александр VII причислил его к лику святых, а молва укрепила за ним славу целителя от чумы. Трагическая смерть Арбуэса увековечена также кистью Мурильо. Художник представил событие согласно историческим данным. Лишь ангел в верху картины, как бы принимающий душу инквизитора для водворения ее в рай, является отголоском канонизации Арбуэса и преклонений перед инквизицией.

С развязкой этой трагедии, несомненно, связано имя Торквемады. Как великий инквизитор, он, конечно, принимал живейшее участие в жестокостях, которые были ответом на убийство Арбуэса и критику инструкции. Ореол кротости и смирения, каким пытаются наделить его биографы вроде Турона, несомненно, должен быть развенчан. Гораздо вернее, что он был лев, но не лев религии, как аттестует его Флешье, а лев нетерпимости и личного мщения. В этом отношении назначение его великим инквизитором было драгоценной находкой для инквизиции, и сам папа, что бы ни говорили обелители Сикста, благодарил Торквемаду за служение вере.

”Любезному сыну нашему, — писал он Торквемаде, — привет и апостольское благословение. Почтенный брат наш Родриго, епископ Портский, вице-канцлер святой римской церкви, назначенный кардиналом Валенсии, недавно говорил нам с большой похвалой о Ваших заслугах и выдающемся усердии, которое Вы обнаружили, искореняя ереси в королевствах Кастилии и Леоне. Мы узнали об этом с чувством полного удовлетворения, что делает Вам честь, и с радостью видим, что, полные знания и облеченные властью в высокой мере, Вы пользуетесь этими преимуществами только для преуспевания дел, касающихся славы Бога и святости церкви. Мы можем только предложить Вам, любезный сын наш, и ободрить Вас в Господе, неуклонно продолжать эту святую обязанность на защиту и распространение правой веры”.

Чтобы вполне оценить, как исполнялась ”святая обязанность”, по выражению Сикста, необходимо перенестись мыслью в зал инквизиционного трибунала и в мрачные камеры его темниц, лучшей надписью для которых была бы надпись над воротами ада:

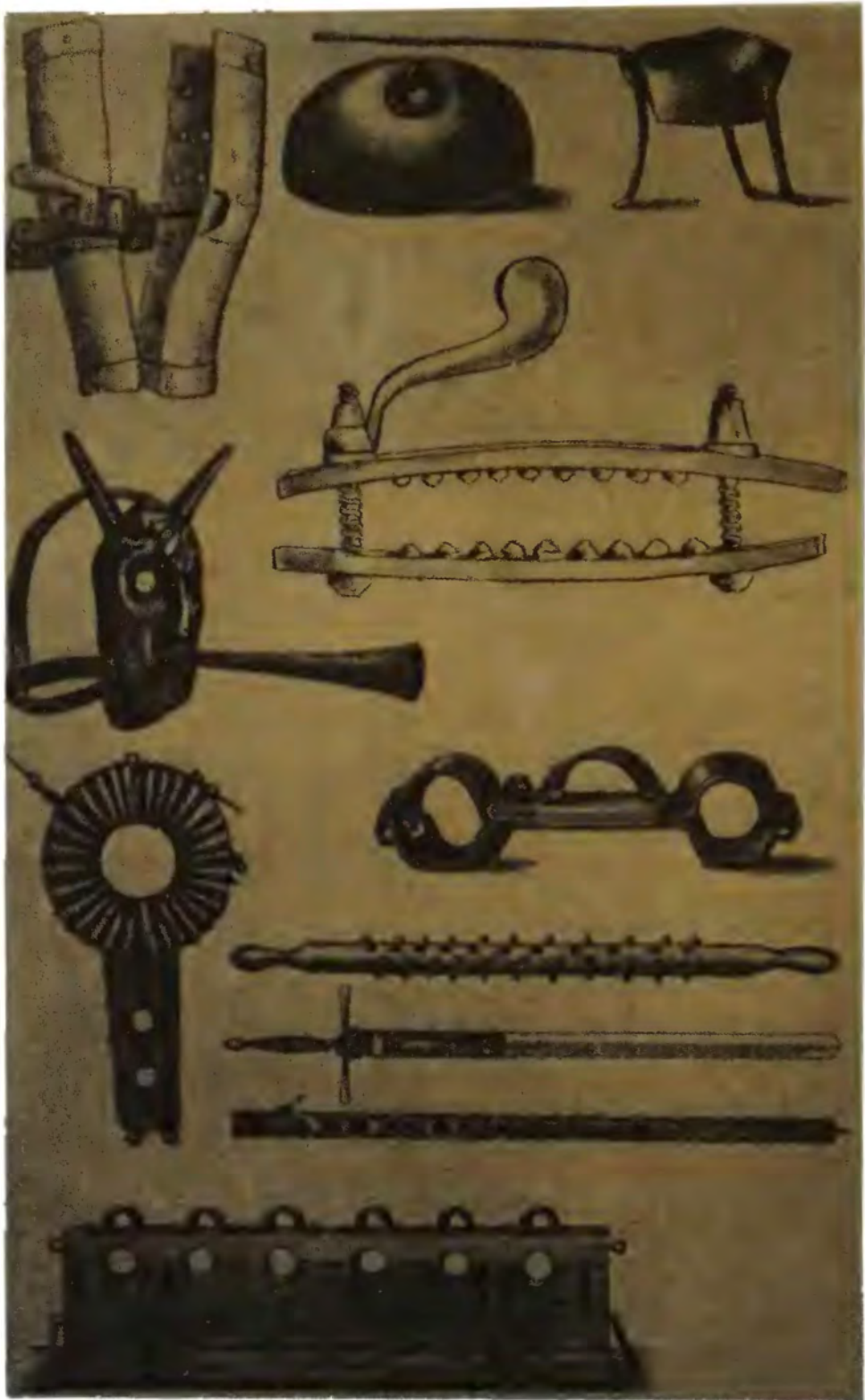
Здесь мною входят в скорбный град мучений,
Здесь мною входят в муке вековой...
Оставь надежду всяк, сюда идущий...

II

ИНКВИЗИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

- Приезд инквизитора. — Извещение жителей. — Отсрочка милосердия. — Настроение общества. — Доносы. — Начало процесса. — Арест. — Инквизиционная тюрьма. — Заседание трибунала. — Первое свидание подсудимого и судей. — Свидетели. — Право отвода обвинителя. — Камера пыток. — Начало применения пыток в религиозных процессах. — Кроткое увещание и отеческое побуждение. — Пытка веревкой, водой и огнем. — Виды преступлений, подлежавших инквизиции. — Пристрастие трибунала. — Категории обвиненных. — Примирение с церковью. — Аутодафе частное и общее. — Приготовления к аутодафе. — Церемониал. — Костюм осужденных. — Сожжение в изображении. — Образчик инквизиторского красноречия. — Чтение приговоров. — Сожжение упорных. — Общее число жертв инквизиции

Во времена первой инквизиции в городах, где не было постоянного трибунала, инквизиторы появлялись наездом. Сейчас по приезде они приглашали к себе коменданта и присягой обязывали его исполнять все их решения, иначе не только ему, но и всему городу грозило отлучение. В ближайший праздничный день инквизитор отправлялся в церковь и объявлял с кафедры о возложенной на него миссии. Он приглашал при этом виновных в ереси явиться к нему без понуждения в надежде легкого церковного наказания. Затем на месяц давалась отсрочка на размышление, так называемая "отсрочка милосердия". Физиономия города сразу менялась. Граждане от мала до велика по первому звону спешили на богослужение. Общение со знакомыми ограничивалось самым тесным кругом. Все боялись друг друга, родители — детей, дети — родителей, хозяева — слуг. Беседы велись на благочестивые темы. На каждом шагу слышались религиозные сентенции: да сохранит вас Бог, идите с миром, да поможет вам святая Дева. Между тем помещения инквизиции начинали осаждать разные темные личности. Давнишние ссоры с соседом, затаенное недовольство и злоба — все это сказывалось теперь в приемной инквизитора. Там с охотой выслушивали донощиков и вносили их вести в особую книгу. Кроме этих услуг добровольцев инквизиции служили еще циркулировавшие по городу слухи, наконец, заранее заготовленное, предвзятое обвинение, и все дело состояло лишь в накоплении судебного материала под благовидным названием доказательств. К тому же многие спешили навстречу желаниям инквизиторов, потому что недонесение издавна считалось преступлением не менее тяжким, чем сама ересь. Наконец "отсрочка милосердия" истекала. Если обвиняемый не являлся сам, по собственному желанию, то инквизиторы начинали расследование. Прежде всего призывался доносчик. Ему предлагали способы открыть истину — обвинение и простое показание. Обвинение могло не подтвердиться и обрушиться на самого обвинителя, поэтому выбиралось второе. Оставалось назвать свидетелей. Если эти свидетели

подтверждали обвинение, инквизитор приказывал арестовать обвиняемого. Не знакомя его с делом, его запирали в темницу. Имущество его описывалось впредь до разрешения дела, и сам он до того же момента как будто умирал для мира.

Темницы инквизиции были мрачны и сыры. Небольшие камеры, в 5 шагов длины и 4 ширины, наполовину были заняты нарами с грязной, сгнившей соломой вместо постелей. Небольшое окошко чуть освещало это царство страданий. В нем помещалось до 6 и более узников, так что многие спали на полу в отравленной миазмами атмосфере. Первое время мужчины не отделялись от женщин. Жалобы не допускались. Если узники подымали шум или спор, их выгоняли в коридор и, раздев, бичевали, не разбирая ни пола, ни возраста. Все виды насилия, как вороны над добычей, носились над головами этих несчастных. Женщины и девушки насилровались или соблазнялись, конечно, коварно, путем позора купить оправдание. Под тем же предлогом у богатых выманивали деньги и только в этом случае допускали их тайное общение с родными. Иначе всякое милосердие к узнику считалось соучастием в преступлении.

Не сразу начинался процесс заключенных. Многие теряли здоровье прежде, чем являлись перед судом инквизиции, являлись в самом истерзанном виде. Процесс начинался не иначе как по просьбе обвиняемого. Его побуждали к этой просьбе, когда хотели, при посредстве тюремных агентов. Только после этой жестокой формальности его приглашали в заседание трибунала. Под низким узорчатым потолком в небольшой комнате, слабо освещенной небольшими окнами, его ожидали инквизиторы. Они сидели за длинным столом на широкой лавке, подпоясанные веревками, в белых и коричневых сутанах, с небольшими шапками на головах. Тут же находился епископ в парадном облачении, что, впрочем, практиковалось лишь в начале инквизиционной эпохи, наконец, нотариус и докладчик. В это первое свидание с судьями обвиняемого встречали так, как будто ничего не знали о нем, и в то же время различными вопросами старались запутать его и вырвать у него улики. Свидетелей допрашивали отдельно. Обвиняемый их не видел все время допроса. Сами показания он получал в сокращенном виде, без указания места и времени. Этим предполагалось обезопасить свидетелей от мщениия их жертв, когда последние дождутся свободы. Очная ставка свидетелей возбранялась на том же основании, а сами свидетели могли быть людьми заведомо преступными и лицеприятными. Два свидетеля по слуху считались равносильными очевидцу. Обвиняемый мог отвергать обвинителя лишь в случае явной вражды к нему последнего. Чтобы узнать, не злоба ли руководила доносом, инквизиторы спрашивали у об-

виняемого, нет ли у него врагов и кто они. Если он называл их, не упоминая действительного виновника своего ареста, его лишали права опровергать этого виновника. Он мог иметь защитника, но видаться с защитником ему позволялось только в присутствии инквизитора. Существовало, впрочем, формальное запрещение адвокатам и нотариусам защищать еретиков, но оно, по-видимому, не всегда исполнялось. Если улики против подсудимого казались слишком очевидными или, по личным расчетам инквизиторов, считались такими, трибунал немедленно произносил приговор и отсылал подсудимого в темницу до исполнения этого приговора. Только полное признание справедливости обвинения могло уменьшить наказание подсудимого, и к этому прибегали часто, чтобы избежать ужасов полного дознания. Инквизиторы сами решали, действительно ли откровенно и чистосердечно признание их жертвы.

Кто отрицал обвинение при наличии тяжких улик, того объявляли упорным. Из зала трибунала его дело переносилось в камеру пыток. Камера пыток обыкновенно помещалась в подземелье, узкие коридоры со многими поворотами вели туда, ни один вопль не доносился оттуда наружу. "Такого-то числа, месяца и года", — как гласила инквизиционная формула, узник выводился из темницы и водворялся в месте мучений. При пытке, согласно инструкции Эймерика и Торквемады, находился инквизитор, иногда доктор, писец для записывания показаний и слуги трибунала в черных одеждах с глухими капюшонами на головах, с отверстиями для глаз и рта.

В религиозных процессах пытка впервые применяется в 1114 году. Тогда пытали водою еретиков-катаров. В 1157 году вальденсов пытали раскаленным железом. Иннокентий III запретил было это варварское средство добывать признание, но с 1233 года почти все процессы сопровождались "умалением членов". Сперва, впрочем, уже на месте мучений опять прибегали к убеждению. Еретика грозили муками ада, наконец ближайшими муками — пыткой. По совету Эймерика, его раздевали быстро и с выражением печали, чтобы сильнее потрясти его испугом, затем раскладывали перед ним орудия допроса и еще раз убеждали сознаться. Это было так называемое "кроткое увещание и отеческое побуждение". Неудача убеждений приводила обвиняемого к суровому испытанию. Ему связывали руки на спине веревкой, другой конец которой пропускался через блок. В таком положении его еще раз увещевали повиниться. Затем слуги вздергивали его кверху и вдруг опускали, не давая коснуться пола. Стремительное падение сразу останавливалось, члены несчастного вытягивались, веревка врезалась в руки. Если среди этих страшных мучений он объявлял о желании дать показание, его опускали на пол, чтоб записать ответы несчастного.

*Пытки, узаконенные инквизицией.
Гравюра XVI века*

В противном случае продолжали "умаление членов", и так не менее часа. Дольше применять одну и ту же пытку запрещалось, но инквизиторы, пользуясь изнеможением жертвы, нередко объявляли, что пытка была применена не полностью, и опять возобновляли ее. Признание, полученное на дыбе, подтверждалось еретиком после снятия с нее. Этим он свидетельствовал, что не муки, а истина говорила его устами. Если он отказывался от этого или упорствовал, несмотря на первую пытку, его подвергали второй. Второе испытание производили водой. Еретика клали на стол в форме корыта, нередко покрытый гвоздями, связывали его веревками так, что они врезались в тело, затем, накрыв ему рот и нос мокрой тряпкой, медленно лили на нее воду. Непрерывная струя воды не давала жертве возможности перевести дыхание, она захлебывалась, кровь выступала у нее из носа и рта. Если и тут подсудимый все-таки отказывался дать требуемое показание, тогда применялось третье умаление членов — огнем. Ноги несчастного заколачивали в колодку и, смазав подошвы маслом, поворачивали их к огню. Кожа трескалась от жара, кости обнажались при страшных криках мученика, доведенного прежними муками до последней степени изнеможения. Эта пытка нередко кончалась смертью узника тут же, в зале мучений, или в темнице, куда его относили после каждой пытки. Редко находились герои, выносившие эти терзания. Большинство признавалось после первого умаления в самых нелепых преступлениях, но это подводило их лишь под категорию сознавших из страха мучений и вело на костер. Некоторые налагали на себя руки, не ожидая допроса, но были герои, у которых все истязания не могли исторгнуть отказа от убеждений или сознания в несодеянном преступлении. Это были упорные, предмет глубокой ненависти инквизиторов, доказательство их бессилия и жертвы костров.

Не одни еретические заблуждения влекли заподозренных на суд инквизиции. По руководству Эймерика этому суду подлежали:

- 1) Хулители религии и виновные в ложных понятиях о могуществе Бога, все равно, говорили ли они это в пьяном или трезвом виде.
- 2) Все, занимавшиеся чародейством и гаданием, особенно те, которые употребляли при волхвовании священные предметы и вещества, например святую воду и елей.
- 3) Всякий отлученный, не искавший примирения с церковью.
- 4) Укрыватели и заступники еретиков.
- 5) Лица, сопротивлявшиеся постановлениям инквизиции.
- 6) Города, правители и короли, защищавшие еретиков.
- 7) Власти, не отменявшие в стране или городе постановлений, несогласных с законами инквизиции.
- 8) Адвокаты, нотариусы и юристы, защищавшие еретиков (это правило применялось по усмотрению, и только в самую раннюю эпоху первой и второй инквизиции).
- 9) Всякий, отказавшийся от присяги, которую требовала инквизиция.
- 10) Всякий, умерший в открытом или предполагаемом еретичестве.
- 11) Иудеи или мавры, склонявшие христиан к отступничеству.

12) Всякий, прикосновенный к ереси словом, делом или сочинением.

13) Все преступления против нравственности, незаконное сожителство, содомия и пр.

Все это рушилось на головы главным образом тех, у кого не было покровителей, чтобы остановить карающую руку, и на людей, заведомо ненавистных инквизиторам. Располагавшие влиянием ускользали от правосудия трибунала даже в том случае, когда их преступления были известны всему свету. Сами члены трибунала часто были повинны по инструкции Эймерика, и Вольтер вовсе не инсинуировал, когда изображал великого инквизитора любовником прекрасной Кинегунды совместно с богатым евреем. Лишь в редких случаях, при вопиющем нарушении законов и под непобедимым давлением общества, инквизиторы попадали под следствие, но, как увидим далее, их наказание имело скорее характер попустительства. Иное положение было у людей без покровителей и заранее преданных на усмотрение инквизиции. По мере того как подвигался процесс, масса этих арестованных постепенно распадалась на категории: легко подозрительных (*levi*), сильно подозрительных (*vehementi*), обращенных (*reconciliati*), упорных (*obstinati*) и оправданных. Впрочем, оправданные почти всегда считались подозрительными. Им выдавалось разрешение *ad cautelam*, т. е. как подозреваемым в ереси, и горе было этим лицам, если они опять попадали в руки инквизиции. Рецидивистам (*relaps*) не было прощения. Каждый обвиненный и сознавшийся мог просить примирения с церковью. Степень наказания в таком случае уменьшалась, смотря по времени признания и по важности преступления. В период первой инквизиции примирение с церковью совершалось торжественно — в храме и в присутствии народа. В назначенный день перед обедней обвиненный в ереси ставился на амвон с открытой головой и со свечой в руках. Начиналось богослужение. После чтения Евангелия инквизитор произносил речь против ереси, затем осужденный на покаяние перед крестом и Евангелием произносил отречение от своих заблуждений и, если мог, подписывал этот акт и получал разрешительную грамоту.

”В день Всех Святых, в праздник Рождества Христова, — говорилось в разрешительной грамоте, — в праздник Сретения Господня и каждое воскресенье великого поста обращенный обязывается присутствовать в соборе при церемонии в одной рубашке, босиком, с руками, сложенными накрест и принимает от епископа или пастора удар лозою, кроме Вербного воскресенья, в которое будет разрешен. В Великую среду он опять должен явиться в собор и будет изгнан из церкви на все время поста, в которое обязан приходить к воротам церкви и стоять во все время богослужения. В Святой четверток станет на том же месте и будет снова разрешен. Каждое воскресенье поста он входит в церковь в надежде разрешения и опять становится у врат церковных. На груди постоянно носит два креста цвета, отличного от платья”.

Это покаяние продолжалось от трех до семи лет, смотря по важности преступления, и было самой легкой карой.

*Позорящее одеяние
— санбенито*

В период второй инквизиции примирение с церковью совершалось во время аутодафе. Аутодафе, религиозное действие, дело веры; бывали частные и общие аутодафе. Первые совершались по мере надобности несколько раз в год, предпочтительно в пост; вторые — по случаю важных событий в государственной жизни, восшествия на престол нового государя, рождения инфанта и проч. За месяц до торжества члены трибунала со знаменем впереди отправлялись на главную площадь и объявляли народу о дне аутодафе. То же делали герольды инквизиции при звуках труб и барабанов по всем улицам и площадям. По мере приближения назначенного срока

*Особая "милость":
удушение перед сожжением*

начинались приготовления. На площади против королевского балкона, если ожидалось присутствие короля, возводился помост длиною в 20 шагов. Сбоку, справа от балкона, строили амфитеатр в 25 или 30 ступеней, покрытый коврами, для членов инквизиции, с балдахином на верхней ступени для великого инквизитора. Слева — другой такой же амфитеатр, но без всяких украшений, предназначался для осужденных. Посередине помоста ставился меньший помост с двумя рядами деревянных клеток, куда вводили преступников на время чтения приговоров. Прямо против клеток ставили две кафедры: с одной читались приговоры, с другой произносилась

проповедь; перед местами советников воздвигались жертвенники. Для народа тоже устраивались места.

Накануне торжества из церкви выходила процессия, впереди угольщики — как цех, прикосновенный к правосудию инквизиции, они поставляли дрова, — за ними доминиканцы и стража. Дойдя до площади аутодафе, процессия останавливалась, на помосте водружались знамя инквизиции и зеленый крест, обвитый черным крепом. Затем кортеж удалялся, исключая доминиканцев, которые оставались на площади и до глубокой ночи пели псалмы. Рано утром площадь наполнялась народом. В 7 часов на королевском балконе появлялись король и королева, придворные чины и высшие представители духовенства. Церковный благовест возвещал о начале церемонии. Ее открывали сто угольщиков с пиками и мушкетами, за ними шли доминиканцы, предшествуемые крестом. За братьями-проповедниками несли знамя инквизиции. Оно было красного цвета, из дорогой материи; на одной его стороне был герб Испании, на другой — меч, окруженный лавровым венком, и фигура Доминика. Впрочем, в различных городах оно украшалось различно. После знамени инквизиции появлялись гранды Испании и офицеры трибунала, наконец, вереница осужденных по степеням наказания. Впереди выступали примиряемые с церковью. Они были босы, с непокрытыми головами. На них была одежда кающихся, так называемое санбенито, род льняного мешка с большим желтым крестом на груди и на спине. За примиряемыми следовали обреченные на бичевание и тюремное заключение. Но главный интерес для толпы представляли осужденные на сожжение. Это были упорные еретики и вторично впавшие в ересь. Измученные пытками и тюремным заключением, они шли со свечами в руках, в льняных санбенито, с бумажными колпаками на головах. У несчастных, пытавшихся протестовать и обличать инквизиторов, рот был завязан бычьим пузырем. Предсмертный костюм этой группы покрывали изображения дьяволов и пламени, направленного вверх. У признавшихся после пытки это пламя направлялось вниз, потому что этих жертв сперва душили и потом сжигали. Около каждого осужденного на смерть находилось по два офицера и по два монаха. В этой же части процессии на высоких древках несли изображения бежавших от суда инквизиции или умерших в темницах, не дождавшись костра. Их сжигали в изображении, символически, первых — во всяком случае, вторых — если таково было решение трибунала. Кости умерших находились тут же в деревянных ящиках около фигур осужденных и вместе с этими фигурами возлагались на костер. В хвосте процессии ехала кавалькада советников Верховного совета, инквизиторов, духовенства и, наконец, великий инквизитор в фиолетовом облачении, окруженный стражей. Когда процессия достигала площади аутодафе и участники ее занимали назначенные им места, священник начинал обедню и доводил ее до Евангелия. Затем великий инквизитор, надев митру, подходил к королевскому балкону и принимал от короля клятву покровительствовать инквизиции и помогать преследо-

ванию еретиков. Такую же клятву давали все присутствовавшие при церемонии. Начиналась проповедь.

”Если Бог веками терпит наши беззакония, — говорилось в одной из таких проповедей, — то люди вполне справедливо посвящают хотя один день, чтобы отомстить за поношения Бога. Святой трибунал являет сегодня свое усердие к славе Господа, и это место, покрытое преступниками, ожидающими наказания, — живое представление того, что мы увидим однажды в долине Иасафата. Как царь небесный и земной придет судить людей, окруженный своими силами (оратор выражался даже ”грандами” для большого сходства), и все святые с ним, так мы видим на суде святой инквизиции величайшего из монархов света, его советников и всех грандов королевства. Когда евреи, читаем мы в Священном Писании, выбирали царя, они вручали ему вместе с короною книгу закона, и это означало, что той же рукой, которою он принимал скипетр, он должен был принуждать своих подданных следовать предписаниям религии... Утверждать, — говорил далее оратор, — что люди свободны веровать по желанию и что не следует наказывать еретиков, — значит утверждать, что не нужно наказывать грабеж, волшебство и смертоубийство: О ты, святейший трибунал веры, оставайся непоколебимым до скончания веков и сохраняй нас чистыми и твердыми в нашей религии. О, как говорит это зрелище об усердии и заботливости инквизиторов! Их величайший триумф — эта толпа преступников, и я могу сказать о трибунале то же, что сказано о церкви: прекрасна подруга моя, как шатры кедарские¹, как палатки Соломоновы. Этот день — день торжества и славы трибунала, он наказывает сегодня лютых зверей, врагов религии, и овладевает их достоянием”.

По окончании проповеди начиналось чтение приговоров. Осужденные поочередно выслушивали их на коленях, входя для этого в клетки на помосте. Великий инквизитор давал затем разрешение примиряемым с церковью, а осужденных на смерть передавал в руки светской власти.

”Мы объявили и объявляем, — говорилось об этом в сентенции, — что обвиняемый (такой-то) признан еретиком, в силу чего наказан отлучением и полной конфискацией имущества в пользу королевской казны и фиска его величества. Объявляем сверх того, что обвиняемый должен быть предан, как мы его предаем, в руки светской власти, которую мы просим и убеждаем, как только можем, поступить с виновным милосердно и снисходительно...”

Защитники инквизиции ссылаются на эту сентенцию как на доказательство гуманности инквизиции, но эта ссылка грешит наивностью, потому что инквизиторы, умоляя о снисхождении, соблюдали только лицемерную форму и отлично знали, что костры уже заготовлены и ожидают своих жертв. По окончании церемонии, которой и принадлежит собственно назва-

¹ Потомки Кедара (“сыны Кедара”), второго сына Измаила, жили в пустыне в шатрах из черной верблюжьей шерсти. “Сыны Кедара” владели богатыми сокровищами.

ние аутодафе, этих жертв, в сопутствии громадной толпы зевак и изуверов, отводили за город на место сожжения. Там для каждого несчастного был отдельный костер. На костре был установлен шест, и к нему привязывали жертву. Желавших умереть исповедавшись, или, как говорили, по долгу христианскому, и всех сознавшихся после пытки сперва душили, затем под всеми одинаково разводили огонь. Осужденные на сожжение в изображении и кости умерших сжигались в первую очередь, чем, очевидно, только усиливалась нравственная пытка живых страдальцев. Если среди них находились лица духовного звания, тогда церемония усложнялась, к костру являлся папский нунций, епископы и священники. Осужденный стоял среди инквизиторов в полном облачении, сообразно своему сану. После приговора читалась особая сентенция.

”Именем Бога всемогущего, Отца и Сына и Святого Духа, властью апостольскою и нашею, мы, посланные в эти страны, — говорилось в сентенции тулузской инквизиции, — снимаем с тебя твой духовный сан и отрезаем тебя от священнической и других обязанностей, мы низлагаем, лишаем и исключаем тебя от всех церковных бенефиций, духовных прав и привилегий. В силу всего этого мы просим присутствующего здесь благородного сенешала взять тебя в свое распоряжение и настоятельно предлагаем ему, при исполнении наказания, поступить с тобой согласно приговору”.

Таким образом, тулузская инквизиция не прибегала, по крайней мере, к лицемерию испанской и не просила снисхождения к преступнику.

Сколько людей погибло на кострах испанской инквизиции и как велико общее число осужденных ею? Льоренте¹ дает на первый вопрос цифру 34 658 и на второй — 290 921 человек. Если верить его словам, один Торквемада сжег 10 220 жертв. В настоящее время эту последнюю цифру уменьшают, но не нужно забывать, что за инквизицией числятся еще многие тысячи убитых, разоренных и изгнанных, и потому итог Льоренте можно считать вполне основательным относительно жертв трибунала и в то же время далеко не выражающим того зла, которое принесла Испании святая инквизиция.

¹ Льоренте, Хуан Антонио (1756—1823) — бывший секретарь испанской инквизиции, автор четырехтомной книги ”Критическая история испанской инквизиции”, впервые изданной во Франции в 1817—1818 гг. На испанском языке книга впервые опубликована в 1822 г.

III

ТОРКВЕМАДА, МАВРЫ И ЕВРЕИ

Торквемада — объединитель Испании. — Мавры и их культура. — Влияние их на испанцев. — Начало освобождения испанцев и нетерпимость. — Торквемада как представитель своей эпохи. — Евреи в Испании. — Начало преследования евреев. — Мараносы. — Нетерпимость и объединение Испании. — Начало борьбы с Гранадой. —хлопоты Торквемады и опасения Рима. — Падение Гранады. — Условия капитуляции. — Недовольство Торквемады. — Мнимое святотатство евреев. — Декрет об их изгнании. — Заступничество Абарбанела. — Вмешательство Торквемады. — Исполнение декрета. — Распродажа евреями имущества. — Попытки обойти декрет. — Отъезд и гибель эмигрантов. — Радость Торквемады и заботы о трибунале. — Съезд инквизиторов в Вальядолиде. — Инквизиционный террор. — Торквемада и книги. — Преследование епископов. — Недовольство Рима. — Охрана Торквемады. — Смерть великого инквизитора

В глазах патриотов Испании жестокость Торквемады несколько умалется сознанием, что он был одним из объединителей этой страны.

После битвы при Херес де-ла Фронтера в июле 711 года Пиренейский полуостров, как известно, оказался во власти арабов, и только в горах Астурии, Бискайи и Кастилии сохранились тогда остатки самостоятельности Испании. Это были зерна, из которых опять развилось ее могущество. В 1212 году мавры были уже оттиснуты на юг полуострова, где за ними осталось лишь халифатство Гранада. В таком положении было дело при соединении Кастилии и Арагона под властью Изабеллы и Фердинанда V. Этим правителям предстояло закончить собирание испанской земли, и Торквемада, несомненно, был их деятельным помощником. В лице первого великого инквизитора и его преемников испанское духовенство выделяет с этого времени из своей среды ряд политиков, сторонников идеи: Испания — для испанцев, и все испанцы — католики, — но в применении этой идеи они доходили почти до безумия и в конце концов разрушили то, к чему так ревностно стремились. Первой пробой этой политики было покорение мавров.

Мавры не были варварами вроде татар — завоевателей Руси. Как ни горьки были их победы для испанцев VIII века, это были победы цивилизации. Разбивая противников и вступая в их города, арабы находили какие-то жалкие лачуги, приюты дикарей невежественных и суеверных. Когда же настала их очередь отступить и сдавать свои крепости, они оставляли победителю культурные страны с трудолюбивым и сведущим населением, богатые города с сокровищами знания и искусства. В Кордове было более миллиона жителей и более 20 000 домов. Ее улицы освещались фонарями — неслыханное дело в христианских городах после падения мавров. Почти то же благоустройство царило в Гранаде, Севилье и Толедо. Роскошные

дворцы окружены были садами, где каждая пядь земли говорила о культуре, университеты являлись средоточием науки, которая долго не снилась европейским схоластам, а потом потянула их на костры инквизиции. Арай Альгазен, живший в VII веке, детально опроверг учение греков, что лучи зрения идут из глаза к предмету, и первый говорил о тяжести воздуха, высоте атмосферы и ее плотности в зависимости от высоты. Ибн-Джунис изобрел маятник и ввел так называемую арабскую нумерацию. Аверроэс комментировал Аристотеля и, полагают, первый пришел к открытию солнечных пятен. В арабских университетах преподавали риторику, математику и медицину. Про кордовского врача Альбуказиса сохранились известия, что не было операции, которую он не решился бы сделать. У арабов же впервые расцвела та поэзия, которой восхищались провансальские трубадуры и от которой сходили с ума даже монахи, распевавшие по кельям на языке Горация

Умереть мне в кабаке
Решено судьбою,
Пусть же с чашею в руке
Встречу смерть с косою...

Вероятно, именно это нечестие возмущало душу благочестивого приора из Сеговии. В соседстве с арабами испанцы мало-помалу усваивали культуру неверных, но, как всегда бывает в этих случаях, это усвоение распространялось главным образом на худшие стороны арабской цивилизации, на то, что подтачивало уже могущество и значение "учителей". В этом сказалось печальное влияние арабов на испанское общество, они же были косвенными виновниками религиозной нетерпимости последнего.

Спасаясь в горы от арабского владычества, испанцы захватывали с собой церковные святыни, мощи угодников и в самом факте своего спасения уже видели покровительство неба. Первые победы над маврами еще более укрепили это воззрение. Сложилась легенда, что сами святые принимали участие в битвах испанцев с неверными. В 844 году апостол Иаков предводительствовал христианским войском, сидя на белом коне со знаменем с красным крестом. В 1236 году то же сделал святой Георгий: он явился среди сражавшихся и своим мечом даровал испанцам победу. Борьба с арабами велась, таким образом, в союзе с небом, а это, очевидно, говорило, что враги испанцев были в то же время и врагами Бога. Целые поколения воспитывались на таких легендах, и даже дети пребывали в кровавых мечтах об истреблении мавров. Лавалле жестоко ошибается, когда приписывает нетерпимость Торквемады любовной неудаче в Кордове. Эту нетерпимость Торквемада всосал с молоком матери, ее навевали ему каждое семейное предание, каждая церковная проповедь, каждая песня народа. Отсюда этот воинственный склад в характере и политика кровавых завоевателей — или вырезать, или изгнать покоренное население. Духовная карьера лишь усилила это настроение Торквемады.

Испанское духовенство еще до нашествия арабов влияло на дела государства и едва ли не раньше римских первосвященников претендовало на

раздачу корон. Епископы следили в то время за судьями и даже требовали, чтобы ни один король не вступал на престол, не дав обещания блюсти святую веру. Победоносное нашествие арабов надолго лишило их этого влияния, и, понятно, в их среде не меньше, чем в среде королей в изгнании, таилась глубокая ненависть к завоевателям Испании. Они стремились вернуть себе заманчивое прошлое, отсюда этот тип епископа-воина и политика, ярким представителем которого был Торквемада и затем Хименес. Народные массы, естественно, разделяли симпатии и антипатии своих руководителей.

”Нашествие магометан, — говорит Бокль, — сделало христиан бедными, бедность породила невежество, невежество породило легковерие, лишая людей как способности, так и желания самим что-либо исследовать, усиливало дух подобострастия и поддерживало привычку к покорности и слепое повиновение духовенству”.

Борьба за независимость еще более усилила умственное рабство народа, а это рабство подготовило торжество инквизиции. В борьбе с арабами христианская религия, естественно, являлась общепонятным лозунгом, сзывавшим верных под знамена католических государей. Вражда их получала поэтому не столько политический, сколько антирелигиозный характер. Это воззрение распространилось и на внутреннюю жизнь народа: все, кто не были христианами, становились врагами этой лучшей из религий, их культы — объектами презрения, их последователи — объектами преследований. В этом отношении инквизицию нельзя рассматривать, как нечто навязанное Испании извне. Как семя, посеянное сеятелем, она падала на разные почвы, среди различных условий гражданской жизни и не везде всходила и приносила плоды.

Лишь в Испании суждено ей было расцвести пышным цветом и оттуда уже заражать другие страны. И здесь она встретила и встречала сопротивление, но эта оппозиция коренилась в интеллигентной среде Испании, где успели уже отрешиться от духа нетерпимости — и чем дальше от границы Гранады и ближе к северу, тем больше — и где зрели уже новые силы и новые начинания. Вот почему инквизиция с особенной яростью преследовала лучших представителей испанской нации. Она опиралась при этом на невежественные массы и неумолимо уничтожала все проявления свободной мысли и независимости. В то время как Фердинанд и Изабелла, следуя примеру своих предшественников, сковывали Испанию в одно крепкое целое, Торквемада и его преемники, по-видимому преследуя ту же задачу — духовное объединение страны, на самом деле лишили ее живого духа и мало-помалу омертвили. Счастливая Испания представлялась им не иначе как единой от Пиренеев до Гибралтара, и они вели ее к этому золотому веку, освещая ей путь кострами, наполняя темницы и изгоняя целые народы. Таковы были, между прочим, отношения Торквемады к евреям и мараносам, а его преемников — к маврам, морискам и лютеранам.

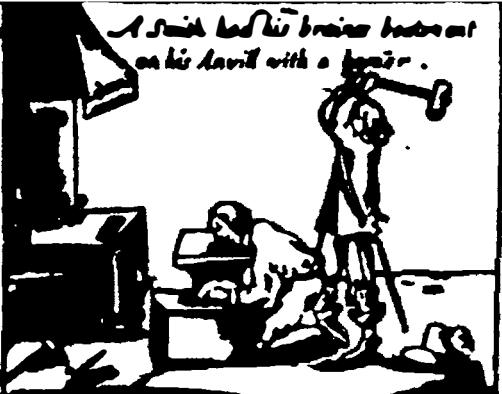
Одни предполагают, что евреи поселились в Испании еще во времена царя Соломона. Другие относят начало этой иммиграции к первому веку

христианской эры. Во всяком случае, это пришлое население скоро заняло в Испании видное место не только по количеству, но и по влиянию среди христиан. Причина этого влияния, конечно, коренилась в предприимчивости евреев. Люди, добравшиеся из Палестины до далекого Пиренейского полуострова, не могли не отличаться сильной волей, чувством солидарности между собой, упорством в труде, наконец, умственным превосходством над большинством туземцев. Дворяне Кастилии, Арагона и других местностей Испании занимались главным образом военными подвигами и веселой жизнью. Торговля, служба в правительственных и частных учреждениях и связанное с ними образование оставались на долю духовенства, простых людей и в том числе евреев. У евреев были свои школы и даже академии. Питомцы этих заведений становились докторами, аптекарями, финансистами и даже учеными и, между прочим, славились своими астрологическими познаниями. Они широко воспользовались в этом отношении цивилизацией арабов, тем более что завоеватели Испании отличались веротерпимостью и покровительством знанию. Высшие правительственные места также часто занимались евреями, среди них были министры и ближайшие придворные испанских королей. Все это не могло не возбудить ненависти и зависти к удачливым пришельцам, а народной массе они казались единственными виновниками ее темноты и несчастий. За евреями, конечно, водились грехи, свойственные богатым и влиятельным классам, — притеснение бедных, обход и прямое нарушение законов, особенно когда начались преследования Израиля. Но испанские патриоты лишь у них хотели видеть и видели эти недостатки и просили защиты простолюдина. Законодатели проявляли к ним пристальное внимание, и тем более, чем более влияло на них духовенство. Уже в IV веке эльвирским собором были запрещены браки между христианами и последователями Моисеева закона. В некоторых городах евреям отводились особые кварталы, куда они должны были возвращаться с наступлением ночи и выходить оттуда в платье с установленными знаками голубого или зеленого цвета. Эти меры только увеличили рознь между обоими народами; обособленность же евреев, как следствие ограничительных законов, породила легенды об их враждебности к христианам и, между прочим, о том, что они убивают христианских детей, чтобы воспользоваться их кровью для приготовления опресноков. В невежественной среде испанцев эти толки встречали полную веру, и само духовенство поощряло чувство ненависти к евреям. Так поступил, между прочим, архиепископ Севильи Ниебла в 1391 году. Под влиянием его проповедей иступленная чернь убила тогда около 7000 еврейских семейств, а других принудила отказаться от своей религии. Во время владычества мавров эта ненависть к евреям в христианском населении только усилилась, потому что у завоевателей Испании евреи пользовались как религиозной, так и гражданской свободой и вследствие этого сливались в глазах испанца-католика с общей массой врагов христианства.

При таких обстоятельствах евреи не могли, конечно, особенно сочувственно относиться к возрождению Испании, так как опыт прошлого говорил

им, что падение мавров будет началом их собственного падения и таких погромов, как севильский в отвоеванной испанцами территории. Чтобы избавиться от этих преследований, евреи часто добровольно принимали христианство и вместе с обращенными составили особую группу населения Испании — мараносов, которые были первыми жертвами испанской инквизиции. Обстоятельства, предшествовавшие крещению и тех и других, не могли, конечно, способствовать их твердости в христианской религии, а отсутствие руководства со стороны невежественного католического духовенства вызывало даже у искренних последователей этой религии невольные отклонения в область еврейских обрядов. Эти отклонения и послужили поводом к преследованию мараносов инквизицией. В 1481 году севильский трибунал издал особую инструкцию, в которой указывалось 36 способов отличия истинных христиан от мнимых сторонников католичества из среды мараносов. Достаточно было, например, мараносу одеть в субботу чистое платье, чтобы навлечь на себя подозрение в тайном иудействе. То же могло случиться, если он пил вино, приготовленное евреем, ел мясо убитого им же животного, читая псалмы, не говорил "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу", если он в день рождения ребенка обращался к гороскопу и даже если устраивал прощальный обед, уезжая из города. Система доносов, которой пользовалась святая инквизиция, могла доставить во всякое время обвинительный материал на погибель мараноса, и 36 параграфов севильской инструкции были только канвой для этих доносов.

Торквемада не видел возможности залечить разъедающую Испанию язву нечестия. По его мнению, отступничество мараносов могло прекратиться только с изгнанием евреев из Испании, а так как евреи находили приют и покровительство в Гранаде, то завоевание последнего оплота мавров тесно связывалось в глазах великого инквизитора с очищением родины от сомнительных религиозных элементов. Дело нетерпимости присоединялось, таким образом, к историческому движению испанцев вернуть себе прежнее положение на Пиренейском полуострове. Фердинанд V вполне разделял в этом общенародные стремления и стремления Торквемады. Он давно собирался разнести по зерну "житницу", как называли Гранаду, а религиозная Изабелла видела в этом деле угодное Богу предприятие. Оставалось лишь найти предлог к началу военных действий, но мавры сами дали этот предлог, напав в мирное время на испанский город Заморю. Весть об этом насилии пробудила энтузиазм испанцев. К Фердинанду и Изабелле отовсюду спешили воины, готовые сразиться с неверными, а Торквемада почти не покидал в это время короля и королеву. Он не переставал побуждать их к продолжению начатого дела, эпилогом которого считал Гранаду. Но Фердинанду нужны были деньги, и тут его выручил великий инквизитор, получив от папы разрешение продавать индульгенции. В Риме даже испугались энергии, с какой повел это дело Торквемада, там опасались за доходы Святого престола, и сам папа — доказательство могущества Торквемады — обращался к советнику "их высочеств" с просьбой не забыть интересов святителя.

В ноябре 1491 года испанцы были уже под стенами Гранады. Два месяца тянулась осада, наконец мавры увидели бесполезность сопротивления. Начались переговоры. Мавры требовали свободного выхода для себя и для халифа Альбухалема, денежного вознаграждения для него же и полной религиозной и гражданской свободы для желающих остаться в Гранаде, и в том числе для евреев. Эти требования побежденных казались испанцам невыполнимыми, но так как они были изнурены не меньше арабов, то пришлось согласиться. 2 января 1492 года испанские войска вступили в Гранаду. Во главе передового отряда ехал архиепископ Мендоса, примас Испании, за ним в отдалении, отчасти из опасения засады, продвигались Фердинанд и Изабелла с остальной массой войска и при них Торквемада.

Для великого инквизитора это торжество омрачалось мыслью о праве евреев оставаться в Гранаде. Правда, это право было дано лишь на три года, но великий инквизитор не мирился и с этой отсрочкой изгнания. Весьма вероятно, что евреи не подозревали, какие планы создавались в уме Торквемады. Их представители вступали в Гранаду вместе с победоносным воинством в качестве интендантов, оружейников и казначеев, и существует даже предположение, что они же дали деньги, которые уплатила Испания Альбухалему. И вдруг, едва прошли мирные торжества завоевателей, по Гранаде распространилась весть, что жидаы хотят отравить инквизиторов. Доказательство было налицо. В одной из синагог в священной книге евреев была найдена облатка. Жидаы собирались отравить Святое причастие. Старый призрак еврейской ненависти к христианам опять восстал в воображении испанцев, древние саги о еврейском святотатстве находили явное подтверждение и взывали к правосудию. 31 марта 1492 года правосудие совершилось: евреям повелевалось креститься или оставить Испанию.

Стон и плач наполнил еврейские жилища. Старый раввин Абарбанел, когда-то управлявший денежными делами Фердинанда и Изабеллы и лично известный правителям, бросился в Гранаду умолять их о пощаде Израиля. Три раза падал Абарбанел на колени перед королем и королевой. "Возьмите, — говорил он им в страстной мольбе о соплеменниках, — возьмите все наше золото и серебро, возьмите все имущество Израиля, но оставьте нам нашу родину!" Он тут же предлагал им 600 тысяч золотых дукатов, но ни деньги, ни мольбы не могли умилоствовать королевского гнева. Абарбанел обратился тогда к советникам правителей и просил их о заступничестве. Корыстолюбие начало было побеждать Фердинанда, он готов был уже отменить исполнение указа, но Торквемада сумел остановить эту меру. Величественный, как ветхозаветный пророк, он пришел к королю и королеве с крестом в руках и сказал:

*Ужасы инквизиции.
Из книги С. Кларка "Мартиролог"*

— Иуда продал Сына Божия за тридцать сребреников, ваши высочества, быть может, хотят продать его за триста тысяч. Он здесь. Вот Он, возьмите и, если хотите, продайте.

С этими словами Торквемада положил распятие перед Фердинандом и Изабеллой и затем удалился... Не одно воззвание к чувству правоверных католиков звучало в краткой речи инквизитора. Она могла напомнить Фердинанду и Изабелле о том времени, когда Торквемада принимал участие в свержении "нечестивого" Генриха IV, и даже о судилище инквизиции. Грозная сила, стоявшая за Торквемадой, давила на них, оставалось исполнить указ о евреях, и он был исполнен.

К концу июля 1492 года евреи обязывались покинуть Испанию, если не хотели креститься. Государи обязывались со своей стороны снабдить их паспортами и предоставить им корабли для отъезда. Во время отсрочки эмигранты должны были продать свое имущество, но отнюдь не вывозить из Испании ни золота, ни серебра. В то же время Торквемада приказал доминиканцам и другим духовным лицам употреблять все меры к обращению евреев в христианство, а всем верным католикам, по истечении данной евреям отсрочки, под страхом наказания избегать всякого общения с ними и не продавать им съестных припасов и ничего необходимого для жизни. Как ни тяжело было положение евреев, большинство их все-таки осталось верно своей религии и спешило с отъездом из Испании. Наскоро продавалось ими имущество, дома и поместья уступались за сотую долю стоимости, были даже случаи, что виноградник отдавался за кусок полотна, дом променялся на осла и тому подобное. Чтобы спасти хоть что-нибудь среди этого погрома, некоторые зашивали золото в одежду или в сбрую вьючных животных, другие глотали по тридцати червонцев, разрезав их на кусочки, третьи прятали их в места, куда стыдливость не могла позволить заглянуть. Все эти расчеты, надо думать, не оправдывались, и золото не ускользало от любопытства королевской стражи, да иначе мы и не знали бы об этих проделках евреев. Сборными пунктами эмигрантов были назначены Картагена, Валенсия, Барселона, Кадис и Гибралтар. И старый и малый потянулись туда евреи, кто верхом, кто на повозках, кто пешком. Многие умирали, еще не достигнув места отправки, падавших духом ободряли раввины, заставляя женщин петь и бить в тамбурины. Дальше их ждали еще большие испытания, голод и оспа на кораблях, грабежи и убийства на суше. В Генуе их встретила толпа фанатиков, предлагавших получить хлеб ценою крещения; в Неаполь они сами привезли оспу, опустошившую город; в Африке их убивали; женщин и девушек насиловали и продавали в рабство.

Как велико было число этих эмигрантов, различные авторы говорят об этом различно. Льоренте насчитывает их до 800 тысяч человек. Во всяком случае, эта вынужденная эмиграция, не говоря о ее жестокости и незаконности, несомненно, причинила ущерб испанской торговле и промышленности. Это была первая причина падения Испании после непродолжительной эпохи могущества. Ослепленные торжеством над маврами и последовавшим открытием Америки, испанцы долго не замечали результатов поли-

тики нетерпимости, и только отпадение целых провинций послужило для них поздним указанием на всю пагубность влияния Торквемады и его преемников. Это косвенно признается даже безусловными поклонниками Торквемады. Они оправдывают потери Испании тем золотом, которое оставили в стране евреи. Если верить их словам, с эмигрантов брали еще по два дуката за право отъезда и конфисковали имущество у запоздавших.

Что касается Торквемады, то он ликовал. Еврейские синагоги обращались в церкви, в Гранаде воздвигались стены монастыря во имя святого Доминика, оставалось сохранять и укреплять инквизицию. Среди забот о торжестве испанцев над маврами Торквемада не забывал своего излюбленного детища. Время обнаружило в этом учреждении много недостатков и злоупотреблений, а между тем великий инквизитор хотел видеть его совершенным, достойной опорой религии. Он представлял себе инквизицию олицетворением справедливости, судом строгим для упорных в своих заблуждениях, милостивым для кающихся, священным средством создать, наконец, в Испании единое стадо с единым пастырем. В заботах об этом в 1488 году, в последних числах октября, Торквемада снова собрал в Вальядолиде генеральную хунту инквизиторов. Здесь были выработаны 15 новых законов в дополнение к изданным в 1484 году. Новые законы предлагали инквизиторам соблюдать в процессах одну общую для всех форму и не откладывать суда над заключенными под предлогом недостаточности улик. Келейный характер инквизиционных процессов законы оставляли в прежней силе. Они предлагали допрашивать свидетелей при возможно меньшем числе присутствующих и запрещали подсудимым видаться с кем-либо, исключая священника, и то возможно реже. Число этих узников инквизиции было громадно. Трибунал не знал наконец, куда поместить осужденных на вечное заточение, и потому было разрешено этим преступникам отбывать наказание на дому, но строго запрещено выходить из этих импровизированных тюрем. Не меньшую заботу представляли расходы на содержание многочисленных заключенных. Чтобы помочь этому горю, решено было ходатайствовать перед правительством об учреждении при трибуналах так называемых "домов покаяния", где осужденные могли бы заниматься ремеслами и тем оплачивать свое содержание. Этот проект получил впоследствии осуществление, но зато потерпело фиаско другое постановление — оплачивать расходы трибуналов и жалованье их членам за счет конфискаций прежде удовлетворения королевской казны. Фердинанд увидел в этом посягательство на свои доходы и отказал в утверждении этой меры. Взамен он предложил инквизиторам занять в епархиях по приходу и тем покрывать свои недочеты. Из других постановлений заслуживает внимания распоряжение, запретившее примирение с церковью мужчин моложе 14 лет и женщин моложе 11. Чтобы оценить по достоинству эту меру, необходимо припомнить, что вторично внаввшие в ересь заранее осуждались на сожжение и конфискацию. Таким образом, устрояя малолетних от примирения, очевидно, хотели избавить их от обвинения в рецидиве, так как вопрос об этом мог возникнуть только после примирения с церковью. Но

*Пытки упорствующих еретиков в Испании.
Гравюра XV века*

такова была судьба всех законов инквизиции, что они всегда применялись по усмотрению, и 15 новых постановлений не смягчили суровой гегемонии этих блюстителей веры. И после 1488 года произвол по-прежнему оставался характерной особенностью инквизиционных трибуналов, жертвы их по-прежнему подвергались жестоким истязаниям под покровом спасительной для свидетелей тайны, а эти свидетели по-прежнему безбоязненно клеветали на кого хотели.

Такие порядки не замедлили вызывать деморализацию испанского общества. Всякий стал думать о спасении своем и своих, и многие спешили записаться в число офицеров инквизиции, как назывались исполнители ее приказаний, в громадном большинстве шпионы. Посредством этих шпионов судилище зорко следило за всеми проявлениями свободы мысли, самого невинного. И между прочим, уже при Торквемаде стали преследовать книги, это признанное несчастье для поборников нетерпимости. Усердие в уничтожении книг доходило до послед-

них границ вандализма. На заре инквизиции роль цензоров исполняли епископы, но Торквемада упростил эту процедуру и жег книги, не подвергая их рассмотрению. В 1490 году он сжег таким образом в Саламанке множество экземпляров еврейских Библий, затем 6 тысяч книг различных авторов как опасных для религии и, наконец, уничтожил всю библиотеку королевского принца Генриха Арагонского. Железные руки инквизиторов простирались даже к высшим представителям католического духовенства. В этой среде не особенно благоволили к трибуналу, помня дни, когда церковный суд принадлежал епископам, и этого было достаточно, чтобы навлечь на них преследование инквизиции. Правда, инквизиция не имела права судить епископов, но она слишком чувствовала свою силу, чтобы останавливаться перед этим, и еще при Торквемаде добилась осуждения епископов Калагоры и Сеговии. Оба епископа были вызваны в Рим и там оправданы и даже назначены посланниками: первый — в Венецию, а второй — в Неаполь; но раздраженный неудачей Торквемада дал новые доказательства их еретиче-

ства, и посланники были лишены епископских санов и заключены в темницу. Это новое свидетельство усердия великого инквизитора подняло в Риме прежнее недовольство испанской инквизицией, и только опасение конфликта с Фердинандом и Изабеллой удержало папу Александра VI от низложения Торквемады. В Риме решились лишь на полумеру. Под видом заботы о здоровье инквизитора папа указом 23 июня 1494 года признал необходимым дать Торквемаде четырех епископов в качестве генерал-инквизиторов с правом участвовать в заседаниях трибуналов. Эта мера не ограничила, однако, ни власти, ни жестокости Торквемады. Он до самой смерти продолжал очищать Испанию от ереси и возбудил такую ненависть среди современников, что ожидал себе участи Арбуэ. Он ездил с большими предосторожностями: 50 конных офицеров инквизиции и 200 пеших постоянно сопровождали великого инквизитора, а ночью его дорогу освещали как будто для целого отряда войска. Даже дома он ожидал руки убийцы и постоянно держал на столе рог единорога, которому приписывали силу останавливать действие яда. Торквемада умер 16 сентября 1498 года и погребен в Авиле, но инквизиция продолжала угнетать Испанию вплоть до первого десятилетия девятнадцатого века.

IV

ПРЕЕМНИКИ ТОРКВЕМАДЫ

Диего Деса. — Новые законы о конфискации. — Вмешательство в торговые дела. — Новое изгнание евреев. — Начало обращения мавров. — Талавера и Хименес. — Восстание мавров. — Мориски. — Система изоляции и новые изгнания. — Люцерио. — Его жестокости и возмущение кордовцев. — Хименес — инквизитор. — Католическая конгрегация. — Испанцы требуют реформы инквизиции. — Хименес — защитник трибунала. — Его письмо к Карлу V. — Новый кодекс инквизиции. — Борьба кортесов с Карлом и трибуналом. — Уничтожение сословных привилегий. — Лютеране и инквизиция. — Эдикты Карла V. — Апостольская инквизиция. — Ван-дер-Густ и Тительман. — Политика Филиппа II. — Борьба с лютеранами в Испании. — Аутодафе 8 октября 1559 года. — Инквизиция и мориски. — Результаты политики нетерпимости. — Инквизиция и литература. — Инквизиция за пределами Испании. — Иоанн Перес де Сааведра. — Инквизиция в Германии и Франции. — Людовик IX. — Бомарше об испанской инквизиции. — Падение инквизиции в Испании и Португалии. — Всеобщая инквизиция. — Кардинал Караффа и его аксиомы. — Венецианская инквизиция. — Эхо нетерпимости в России. — Заключение

Вторым великим инквизиторм был Диего де Деса, епископ Валенсии, покровитель Колумба и добродушный человек, по словам Геффле; по словам Льоренте, фанатик, осудивший на сожжение 2592 человека. Недовольство Рима Торквемадой не замедлило сказаться на его преемнике. Там решили раздробить испанскую инквизицию, и потому буллой 1 декабря

1498 года Деса был утвержден только в звании великого инквизитора Кастилии. Однако эта мера потерпела фиаско. Деса отказался принять эту должность, пока не распространили его власть и на королевство Арагон. Папа должен был уступить — такова была сила испанской инквизиции.

В заботах об увеличении этой силы Диего Деса не уступал своему предшественнику. Он издал новые законы о конфискации и вместе с тем увеличил число преступлений, подлежащих суду инквизиции, объявив таким преступлением взимание процентов по ссудам. В силу арагонской конституции это было нарушением прав арагонцев, но инквизиция, опираясь на сочувствие правительства, не считалась уже ни с правами, ни с привилегиями. В этом отношении она являлась деятельной помощницей королевской власти в стремлении последней уничтожить сословное влияние на дела государства.

Неуклонное продолжение политики Торквемады — такова была программа Диего Десы. По его настояниям указ 1492 года был применен к евреям, временно пребывавшим в Испании, и хотя это распоряжение наносило новый удар испанской торговле, желание инквизитора все-таки было исполнено. Еще серьезнее по последствиям были начинания Десы в Гранаде. Хотя маврам обещали по договору свободу вероисповедания, однако правительство считало себя вправе распространять христианство в стране неверных и от мер увещевания постепенно перешло к принуждению. После завоевания Гранады туда был назначен архиепископ Талавера, он с мирной миссией проповедовал слово Божие и управлял молодой епархией. Талавера не переходил за границы своих обязанностей и не замедлил приобрести симпатии мавров, которые называли его "великим альфаки" и с удовольствием слушали его назидания. В 1499 году к Талавере присоединился Хименес Сиснерос¹, архиепископ Толедский и примас Испании. Первые действия его были осторожны. Он беседовал с мавританским духовенством, осыпал его подарками и, благодаря этим приемам, через два месяца крестил 4 тысячи мавров. В часы молитвы над Гранадой уже разносился церковный благовест, но это доказательство торжества христианства казалось Хименесу слишком незначительным, и он решил поступить энергичней. Он приказал развести костер на площади и сжечь на нем до восьмидесяти тысяч экземпляров Корана и других книг арабов, исключая медицинские, которые были перенесены затем в Алькалу в библиотеку основанного Хименесом университета. Результаты этого варварства, вероятно, не предвиделись Хименесом: мавры возмутились и с оружием в руках кинулись к жилищу архиепископа. Целую ночь защищался он, осажденный в своем доме, и только подоспевшая помощь из Альгамбры спасла его от мести повстанцев, но возмущение продолжалось еще восемь дней. Умирению бунта помог все тот же кроткий Талавера. В сопровождении одного

¹ Хименес де Сиснерос, Франсиско (1436—1517) — кардинал, религиозный фанатик, с 1492 г. был духовником королевы Изабеллы, в 1506 и 1516—1517 гг. — регентом Кастилии. В 1507—1517 гг. — великий инквизитор.

только капеллана, который нес перед ним архиепископский крест, он пришел в ряды повстанцев и произвел своим появлением такую сенсацию, что раздраженные мавры смирились и стали целовать одежду "великого альфаки". Вслед за этой идиллией наступила очередь репрессий. Ревнителям благочестия восстание послужило на пользу: правительство нарушило гранадский договор и предложило маврам на выбор или креститься, или подвергнуться наказанию за бунт. Часть гранадцев крестилась, другие же бежали в горы и вскоре с оружием в руках попытались вернуть себе независимость. После первых удач эта попытка кончилась поражением восставших, большинство которых приняло затем христианство, сохранив язык, одежду и обычаи, и лишь немногие оставили пределы Испании. Мавры-магометане жили теперь в Кастилии, Леоне и Арагоне, но чтобы предупредить их влияние на морисков Гранады, правительство решило образовать между севером и югом государства полосу земли, свободную от магометан, и приказало 12 сентября 1502 года всем некрещеным маврам Кастилии и Леона — мужчинам с 14 лет, а женщинам с 11 — покинуть Испанию к концу апреля того же года. Таким образом, магометане остались только на севере Испании, в королевстве Арагон.

Чтобы следить за верностью религии гранадских перекрещенцев, Деса убедил правителей распространить на Гранаду власть кордовского инквизитора. Этим инквизитором был Родригес Люцero, яркий тип служителя нетерпимости. Для Люцero не существовало никаких законов: он и правых и виновных заключал в темницы, подвергал жестоким истязаниям и выводил на костры. Его подчиненные шли еще дальше, они неистовствовали по тюрьмам, вымогая деньги и насилуя женщин и девушек. В числе жертв Люцero, или Тенебреро, то есть Мрачный, как прозвали его за жестокость, оказался даже архиепископ Гранады Талавера. При помощи подкупленных свидетелей Талавера был обвинен в иудействе и, как еретик, заключен в тюрьму вместе со многими родственниками. Только вмешательство папы избавило его от правосудия Тенебреро.

После смерти Изабеллы, 26 ноября 1504 года, кастильская корона перешла к зятю покойной Филиппу I. Первым делом нового правителя было устранение Десы. Вместо него великим инквизитором король назначил Гусмана, но через три месяца Филипп умер, и Деса снова вернулся к власти. Раздраженные этим, жители Кордовы решились силой уничтожить инквизицию и, напав на судилище, освободили его узников и прогнали чиновников трибунала. На этот раз Деса добровольно отказался от звания инквизитора. Фердинанд V был в это время регентом Кастилии, Хименес Сиснерос был назначен ее великим инквизитором. Третий глава кастильской инквизиции оказался достойным преемником Торквемады по влиянию на дела государства. Он получал это влияние уже как примас Испании и канцлер Кастилии, но личные таланты еще более способствовали его возвышению. Его считали равным по учености Августину, по религиозной ревности — Амвросию, по аскетизму — Иерониму. Ему принадлежит

основание университета в Алькале, как нашему Никону — исправление священных книг и реформы в среде духовенства, где до Хименеса, по словам Мартира, проповедники были так же редки, как белые вороны. В лице Хименеса, едва ли не в последний раз, архиепископ является воином, на собственные средства предпринимает поход в Африку и завоевывает Оран. Ему же принадлежит совет Фердинанду завести постоянное войско, корона Испании обязана ему победой над дворянами, началом разрушения древних вольностей сословий и городов, а инквизиция — энергичной поддержкой в годину всеобщего негодования против нее. Назначение Хименеса великим инквизитором состоялось 18 мая 1507 года, но только в Кастилии, в Арагоне был свой глава трибуналов — епископ викский Иоанн Энгуэра. Правда, после смерти Энгуэры в 1516 году Хименесу предлагали его место, но он не принял этой должности и указал на Адриана, впоследствии четвертого великого инквизитора всей Испании, и папу римского.

Тяжелое наследство оставил Хименесу Диего Деса. Общественный голос требовал суда над Люцеро, и в то же время надо было сохранить неприкосновенным идеал Торквемады. Чтобы выйти из этого затруднения, Хименес собрал в Бургосе в 1508 году так называемую католическую конгрегацию инквизиторов Кастилии и Арагона, епископов и высших чинов Испании. По решению этого съезда жертвы Люцеро были оправданы, как живые, так и мертвые, честь их восстановлена, конфискованное имущество возвращено, но сам виновник был только отстранен от должности и, отсидев немного в тюрьме, отправлен в Альмерию, где продолжал исполнять обязанность каноника. Съезд объявил, кроме того, что насилия над узниками инквизиции будут наказываться смертной казнью, но эта угроза никогда не приводилась в исполнение, хотя поводов к тому было немало. Такие распоряжения не могли, конечно, удовлетворить испанское общество. Оно с восторгом встретило оправдание и реабилитацию невинных узников Люцеро, но хотело в то же время получить на будущее время гарантию, что кордовские события не повторятся, и потому требовало гласности инквизиционных процессов. Арагонские кортесы жаловались, кроме того, что инквизиторы вмешиваются в сборы податей, обращаются дерзко с городскими властями и претендуют на право судить не только ереси, но и другие преступления. Кортесы просили Фердинанда соблюдать обычаи и законы страны, что было обещано его присягой, но король отложил ответ на два года и затем, опять собрав кортесы и выслушав их проект реформы инквизиции, упросил папу освободить его от присяги. Однако кортесы так явно выразили свое намерение не подчиняться желаниям Фердинанда, что испуганный король отказался от папского разрешения и даже просил его святейшество утвердить мнение кортесов.

*Сожжение еретиков.
Старинная гравюра*

Хименес разделял стремления Фердинанда парализовать давление испанского общества. Когда мараносы, желая добиться гласности инквизиционного процесса, предложили Фердинанду 600 тысяч дукатов на военные издержки, он из собственных средств подарил королю не меньшую сумму и сохранил неприкосновенность трибуналов. Точно так же поступил он при Карле V, преемнике Фердинанда. Тогда все университеты и ученые Испании и Фландрии присоединились к оппозиции и ходатайствовали о реформе инквизиционных процессов, а мараносы опять предлагали деньги, 800 тысяч золотых галеров, но Хименес и тут оказался победителем.

”Великий католический король и милостивейший государь, — писал он по этому поводу к Карлу V, — ваше величество должно знать, что католические короли (то есть Фердинанд и Изабелла) занимались трибуналами святой инквизиции с такой заботливостью и изучали ее законы и распоряжения с такой внимательностью, добросовестностью и мудростью, что эти законы не имеют решительно никакой надобности в изменениях и не могут быть изменены без нарушения справедливости. Эта реформа тем более опечалила бы меня теперь, что она дала бы каталонцам и папе новое оружие против инквизиции, против которой они так враждебно настроены. Я понимаю, как затруднительно ваше финансовое положение, но в этом случае положение короля Фердинанда, вашего деда, было еще затруднительнее, и хотя новообращенные предлагали ему 600 тысяч дукатов золотом на войну с Наваррой, он отказался от этих денег, потому что предпочитал любовь к христианской религии всему золоту мира (на самом деле Фердинанд только предпочел деньги Хименеса деньгам мараносов). Я прошу вас поэтому, с верностью подданного своего государя и с ревностью к обязанности, которой облачило меня ваше величество, я прошу вас открыть глаза, подражать примеру вашего деда и не допускать никаких изменений в процессе инквизиционного трибунала. Все замечания, представленные противниками этого трибунала, были уже рассмотрены вашими предшественниками, и нельзя нарушить малейшего закона инквизиции, не оскорбляя имени Господа и памяти ваших знаменитых предков. Если же все это не произведет на вас никакого впечатления, я прошу ваше величество обратить внимание на происшествие в Талавере де ла Рейна, где еврей, недавно крещенный, узнав имя донесшего на него инквизиции, выследил этого доносчика и пронзил его копьем. Ненависть к этим доносчикам на самом деле такова, что если открыть их имена, то их будут избивать не только тайно, но на площадях, всенародно, даже в храмах, и никто не решится на будущее время рисковать жизнью, донося инквизиции, и тогда погибнет этот святой трибунал и дело Господа останется без защитников. Я верю, что ваше величество, мой король и повелитель, останется верным крови, которая течет в его жилах, и убедится, что инквизиция — трибунал Бога и одно из самых лучших учреждений ваших предков”.

Карл действительно убедился в этом, но не сразу. Под влиянием своего наставника Вильгельма де Круа и великого канцлера Сельваджио он решил было на реформу инквизиции и дал кортесам торжественное обещание

принять новый кодекс трибунала. Еще в феврале 1518 года, когда в Вальядолиде были собраны кортесы Кастилии, святой трибунал инквизиции подвергся дружному натиску представителей государства. "Мы умоляем ваше величество, — говорили эти представители, — настоять, чтобы святой трибунал инквизиции отправлял правосудие по законам, чтобы злые были наказаны, а невинные оправданы, согласно каноническим постановлениям и общему праву". В подкрепление своей просьбы кортесы послали королю через Сельваджио 10 тысяч дукатов и обещали дать еще столько же, если будут исполнены их желания. Эти желания выражались в проекте нового кодекса инквизиции. Составители его требовали, чтобы предварительное заключение в тюрьмах не было наказанием, а только заключением, чтобы узники могли видеться со своими родными, друзьями и с теми, кто интересовался их судьбой, и могли бы избирать себе защитника. Кортесы не считали нужным соблюдать таинственность процессов и потому проектом нового кодекса узаконили выдачу подсудимому копии обвинения, и притом с указанием свидетелей. По их мнению, боязнь обнаружить имена свидетелей могла иметь место разве при суде над высокопоставленными лицами, располагающими властью для мщения обвинителям, но на этот случай кортесы требовали от судей присяги как гарантии, что тайна свидетелей действительно необходима для спасения последних. Кортесы ограничивали также применение пытки, а вечное тюремное заключение отменяли совсем, потому что, говорили они, там умирают от голода и не могут молиться. Они просили в то же время уничтожить постановления, которыми запрещалось принимать в монастыри потомков мараносов, и ссылались на пример самого Бога, не взирающего на происхождение, и, наконец, на то, что это запрещение открыто оскорбляет божественные и человеческие права. Но еще более неприятны были для инквизиторов стремления кортесов ограничить конфискацию и придать ей, до окончательного приговора, характер временной описи имущества, причем подсудимый мог бы расходовать это имущество на содержание детей и жены и на оплату судебных издержек. Эта мера, несомненно, имела весьма важное значение, потому что предоставляла обвиняемому возможность защиты, между тем как, по установившемуся обычаю, заключение в инквизиционной тюрьме было своего рода гражданской смертью и давало простор для всякого насилия над личностью.

Опираясь на присягу короля произвести реформу инквизиции, арагонские кортесы послали проект этой реформы на утверждение папы Льва X. Но пока тянулись двухлетние хлопоты об этом утверждении, инквизиторы не дремали и арестовали в Сарагосе секретаря кортесов. В ответ на это насилие постоянная депутация открыла новое собрание. Карл приказал распустить его, но кортесы ответили, что арагонские короли не имеют права нарушать законы, и затем издали декрет, запрещавший сбор налогов впредь до исполнения королевского обещания. Папа тоже вооружился в это время против испанской инквизиции и приказал было инквизиторам оставить свои должности, но ему не хватило мужества довести дело до исполнения, и даже по просьбе Карла он отменил свое распоряжение. При таких

обстоятельствах, конечно, трудно было рассчитывать на исполнение желаний кортесов, и действительно, кроме освобождения секретаря собрания, представители сословий не добились ничего.

Не одно намерение поддержать инквизицию руководило Карлом в столкновении с кортесами. Это было продолжение давней борьбы испанских королей с привилегиями сословий, результат их стремлений сделать свою власть неограниченной и управлять страной по своему усмотрению.

Возникновение народных привилегий в Испании было тесно связано с освобождением ее от власти арабов. Когда оттесненные в горы предводители испанцев начали первые попытки к этому освобождению, они привлекали к себе воинов, наделяя их льготами, в отвоеванных провинциях создавали города и, в возмещение риска от соседства с арабами, давали их жителям права самоуправления и прочее. Таким образом возникли кортесы, представительные собрания дворян, духовенства и горожан, принимавшие участие в законодательстве, в контроле над финансами и судебной властью. В Арагоне существовал даже высший судья, великий хустисия, который имел власть призвать граждан к оружию в случае нарушения их прав. Но по мере того как падало могущество арабов, испанские короли стали стремиться уничтожить привилегии сословий. Сама благочестивая Изабелла искала случая нарушить вольности кортесов и говорила, что ее величайшим желанием было бы восстание арагонцев, что позволило бы уничтожить их права. Этот случай представился Карлу V при деятельном участии инквизиции. В 1520 году недовольные королем и видя его стремление уничтожить старинные привилегии сословия восстали под начальством Хуана Падильи и после несчастной для них битвы при Вильяларе потеряли почти всю свою самостоятельность. При Филиппе II и в Кастилии и в Арагоне на развалинах средневековой свободы уже процветала система правления на четырех основах: машинально-пассивном повиновении, страхе инквизиции, конфискациях и казнях. На этой тучной почве наследие Торквемады разрослось и зацвело с дотоле невиданным блеском. В 1520 году инквизиция добилась у короля нового указа об изгнании мавров, которые ютились еще в Арагоне и Кастилии. Разрешение остаться в Испании давалось только желавшим креститься, но мавры попытались силой отстоять свою религию и хотя не преуспели в этом, однако получили право сохранить язык, одежду, оружие и право платить налоги наравне с коренными испанцами. Получив эти льготы, они крестились, и таким образом все мавры Испании обратились в морисков.

Среди этих домашних хлопот для инквизиции создалась новая арена для подвигов: к Пиренеям подвигалось лютеранство. Пророчество Гуса сбылось: на смену малой птице "явились другие, которые взмахом своих крыльев поднялись выше западни врагов". Карл V не мог остановить этого полета, он не решился краснеть, подобно Сигизмунду, но зато начал неумолимо преследовать лютеран в своих владениях. 11 марта и затем в сентябре 1520 года он издал указы с повелением всех обличенных в ереси казнить на эшафоте, в яме или на костре, то есть обезглавливать, зарывать живыми в землю или сжигать. К категории этих еретиков относились все

читатели, переписчики и продавцы лютеранских сочинений, участники протестантских сходов, хозяева домов, где устраивались эти сходы, все спорившие публично или дома о Священном Писании и защищавшие и проповедовавшие учение лютеран. Имение казненных приказывалось конфисковать и отдавать доносчикам, судебным местам не оказывать преступникам никакого снисхождения, а ходатаев о помиловании наказывать. Специально для борьбы с лютеранами Карл V учредил в Нидерландах так называемую апостольскую инквизицию и назначил члена брабантского провинциального совета Франца Ван-дер-Густа генерал-инквизитором Брабанта, графства Фландрии, Зеландии и Южной Германии. По словам Мотлея¹, он был злейшим врагом науки, а его помощник кармелитский монах Николай Ван-Эгмонд — умалишенный с оружием в руках. Назначение Ван-дер-Густа состоялось в 1521 году, но через два года его отставили за фабрикацию фальшивых документов. Первое время лица духовного звания не подлежали суду брабантского советника, но папа Климент VII, во внимание к мудрости и великой религиозной ревности фальсификатора документов, распространил его власть и на служителей церкви. При наследнике Карла, Филиппе II, особенно славился своей жестокостью инквизитор Петр Тительман. "Рассказывают, — говорит про него Мотлей, — будто он день и ночь разъезжал по стране совершенно один, разможал дубиной головы трепещущим поселянам, далеко распространял вокруг себя ужас, хватал заподозренных у домашнего очага или с постели, бросал в тюрьму, пытал, вешал, жег без всякой тени следствия или письменного акта". Впрочем, при Филиппе II испанская инквизиция тоже вмешивалась в дела Нидерландов. 16 февраля 1563 года, не довольствуясь пролитой уже кровью, она приговорила к смерти всех жителей Нидерландов как еретиков, а через 10 дней королевская прокламация подтвердила это постановление с указанием не обращать внимания ни на возраст, ни на пол, ни на состояние. Эта мера была достойна Филиппа II, который говорил, что лучше совсем не царствовать, чем царствовать среди еретиков. Его желание сбылось, хотя против воли и неожиданно: 26 июля 1581 года Нидерланды объявили себя независимыми, исключая валлонские провинции. Политика нетерпимости начинала приносить плоды.

С не меньшей яростью набросился Филипп на протестантов Испании. Из Рима ему помогал папа Павел IV, в Испании — великий инквизитор Фернандо Вальдес. Как только были изданы королевские указы о преследовании еретиков, шпионы инквизиции рассеялись по всей стране. Было приказано арестовывать без пощады, по малейшему подозрению, и в первый уже день в одной Севилье арестовали 800 человек. В тюрьмах не оказывалось места для этих узников, в места заключения пришлось обратиться монастыри и частные дома. "Инквизиторы, — говорит Прескот,

¹ Мотлей, Джон Лотроп (1814—1877) — американский историк и дипломат, автор фундаментальных исследований по истории нидерландской революции (изданы в 1856 и 1860—1864 гг.). В 1841—1842 гг. — секретарь посольства США в Петербурге, в 1861—1871 гг. — посол США сначала в Вене, затем в Лондоне.

— были в положении рыболова, который, закинув сеть, с трудом может тащить ее, потому что она рвется от тяжести попавшей в нее рыбы”. Суд над узниками воскресил мрачные времена Торквемады и Люцero со всеми ужасами пристрастного допроса. Через 18 месяцев после первого ареста испанская инквизиция уже отпраздновала первые аутодафе в Вальядолиде, Гранаде, Толедо, Барселоне и Севилье. Самое торжественное происходило опять в Вальядолиде в присутствии Филиппа II 8 октября 1559 года. На площади перед собором Святого Франциска была устроена платформа, покрытая коврами и орнаментами, для членов судилища, против нее королевский балкон, на середине — громадный эшафот. В 6 часов утра во всех церквах раздался благовест, возвещающая о начале церемонии. На площадь в традиционном порядке прибыла процессия монахов, инквизиторов, осужденных и стражи. Филипп сидел на своем балконе, около него принцесса Хуана, инфант дон Карлос, племянник короля Александр Фарнезе, иностранные послы, гранды королевства и духовные особы. Речь произносил епископ Куэнский. Когда он кончил, Вальдес громко воскликнул: “Господи, помоги нам!” — и стал приводить короля к присяге. “Ваше величество, — сказал он, — клянетесь ли крестом шпаги, на который опирается ваша королевская рука, вечно поддерживать святое учреждение инквизиции против еретиков, отступников и покровителей их и доносить о всех действиях и словах их, которые дойдут до вашего высочайшего сведения?” Филипп ответил громко: “Клянусь!” После чтения приговоров великий инквизитор отпустил грехи примиряемым с церковью, хотя большинство их все-таки было наказано: одни — вечным заключением, другие — продолжительным покаянием и все — конфискацией имущества. Осужденные на сожжение были преданы светской власти. Измученные пытками, они мужественно ожидали смертной казни. Большинство воспользовалось, впрочем, снисхождением, они исповедовались и были удушены перед сожжением. Только двое оказались упорными до конца. Один из них был дон Карлос де-Сасо, флорентийский дворянин, ревностный лютеранин и проповедник лютеранства. Его вина усиливалась сочинением против католической церкви. 15 месяцев сидел он в тюрьме, но до конца оставался верен своим убеждениям. Когда накануне казни ему прочли смертный приговор, он попросил бумаги и написал обличение католицизма и апологию лютеранства. Отправляясь на костер, дон Карлос остановился около королевского балкона и грустно воскликнул: “Зачем ты мучишь своих невинных подданных?” — “Если бы мой сын, — ответил ему Филипп, — был еретик, я сам сложил бы костер, чтобы сжечь его...” Другим упорным еретиком был доминиканец Доминго де Рохало, сын маркиза Позы. Когда после чтения приговора с него сняли

*Король Испании Филипп II.
Картина Тициана*

монашескую рясу и заменили ее санбенито — со времен Хименеса с андреевским крестом, — он, несмотря на смех невежественной толпы, начал громко обличать жестокости и изуверство Рима. Раздраженный Филипп приказал надеть ему кусок расщепленного дерева, которым захватывали губы. Филипп готов был сделать это со всеми испанцами, потому что усердие его в преследовании ереси не знало предела и все казалось ему недостаточным. В порыве ревности к религии он учредил даже особую инквизицию галерную и флотскую, как будто боялся, что если не на суше, то на море от него спасется какой-нибудь еретик. Инквизиторы спешили пользоваться изуверством Филиппа и хотели получить от него разрешение образовать особое воинство на защиту религии под названием Ордена Марии белого меча. У них уже была своя стража, которая усвоила себе имя прежней городской милиции, святой Эрмандады, но, учреди король просимый орден, наследники Торквемады могли бы держать в страхе самих королей. На беду святого трибунала, кто-то дал понять Филиппу, какую опасность представляла бы короне инквизиционная милиция, и привыкший властвовать король поспешил отказать инквизиторам. Во всем остальном он был рабом трибунала.

Побуждаемый его слугами, он, по примеру своих предшественников, не оставил в покое морисков. В 1566 году Филипп приказал им отказаться от национальной одежды, языка и обычаев и во всем сообразоваться с христианами. В три года они должны были изучить испанский язык и по истечении этого срока не читать и не писать по-арабски. Гренадскому суду было приказано в тридцать дней уничтожить все предосудительные книги, а другие разрешалось хранить, но не более как три года. Даже бани и ванны в частных домах уничтожались, чтобы изгладить всякую память о привычках магометан. При Филиппе III в 1609 году поступили проще, тогда решили совсем изгнать морисков. Об этом ходатайствовал Сандовал, генерал-инквизитор и канцлер Испании. "Решение великое, да будет оно исполнено", — сказал король на доклад министра Лермы об изгнании морисков. Исполнение этой меры духовенство приветствовало как великое благо для Испании. Архиепископ Валенсии сулил испанцам как результат изгнания морисков богатство и счастье евреев во времена Соломона.

"Таким же счастьем, — говорил он в своей проповеди, — будем наслаждаться и мы в Испании отныне впредь, благодаря милосердию нашего государя и отеческой заботливости его величества. У нас всего будет в изобилии: земля оплодотворится и благословение низойдет на нее. С тех пор как эти проклятые окрестились, не было ни одного хорошего урожая. Теперь все годы будут урожайные, ибо эти гады навлекли своей ересью и своим богохульством бесплодие на землю. Всего, повторяю вам, будет у нас в изобилии".

Пророчеству архиепископа не суждено было сбыться. Изгнание миллиона морисков, искусных земледельцев и промышленников, после прежних изгнаний, начиная с евреев, окончательно обессилило Испанию. Целые округа остались пустынными, приютами бродяг и разбойников, промышленность и торговля расстроились, земледелие упало. Политика произвола и нетерпимости принесла наконец все плоды, кроме изобилия, которое обещал архиепископ

Валенсии. В 1667 году французский посол писал Людовику XIV, что нужда так велика в Испании, что с частных лиц собирают добровольные приношения. В этом же году пришлось отказаться от обложения народа новыми налогами, а старые подати собирать силой. В 1680 году общее бедствие дошло до того, что в Мадриде даже торговцы соединялись в шайки и грабили состоятельных граждан. Одна война с Нидерландами стоила Испании 200 миллионов дукатов, а государственный долг возрос в царствование Филиппа II с 35 до 140 миллионов дукатов. Однако политика нетерпимости так въелась в характер испанцев, что в 1619 году профессор Толедского университета дон Санчо де Мекадо предложил королю довершить объединение страны изгнанием цыган, "потому что, — говорил он, — постыдно терпеть такую вредную и развращенную нацию". Этот проект профессора как нельзя лучше оправдывал мнение графа Сен-Симона об испанской науке. Как писал он, наука в Испании была в пренебрежении, а невежество и тупость считались добродетелями.

Среди гонений на свободу совести литература тоже влачила жалкое существование. Еще во времена первой инквизиции в римском, миланском и тулузском трибуналах инквизиторы рассматривали еврейские и латинские сочинения. Если в книге находили что-либо еретическое, или темное, или подозрительное, то ее запрещали совсем или требовали изменений и исключений. Даже отцы церкви не спасались от усердия инквизиционных цензоров, и целые страницы вырывались из их творений, особенно те, где говорилось о веротерпимости и вообще обнаруживался образ мыслей, способный пошатнуть существующий порядок вещей и ниспровергнуть власть, установленную Богом. Впрочем, светские власти не особенно дружелюбно взирали на претензию инквизиции заправлять литературой и, где могли, уносили от святейших очей возмущавшие их книги. Сами авторы спасались анонимностью или более или менее отдаленными путешествиями, что, конечно, не всегда удавалось. Как все проявления нетерпимости, цензура в особенности была строга в Испании и с 1521 по 1535 год рядом декретов была поручена инквизиторам. В 1543 году даже книги о биржевых операциях помечались: "Цензуровано синьорами инквизиторами", и сами авторы спешили заручиться этой спасительной гарантией. В семидесятых годах XVI столетия книгопродавцы не смели развязывать тюков с книгами, которые присылались из Франции, и должны были ожидать осмотра инквизитора. Цензоры были снабжены тогда секретными списками запрещенных книг с приказом никого не знакомить с содержанием этих списков. Таким образом, испанский читатель даже не ведал, что читать и от чего спастись из страха перед властью инквизиции. Чтобы защитить свои книги от подозрительности трибунала, авторы стали снабжать свои издания подобострастными предисловиями и посвящениями святым и Спасителю. В 1664 году прозаический перевод "Овидиевых метаморфоз" был посвящен "чистой Царице ангелов и людей, святейшей Марии". Не одни жалкие душонки, полные трепета за свои творения, упражнялись в этого рода литературе, но даже корифеи Испании. "Матери лучшего из сынов, дочери лучшего из отцов, — писал Кальдерон в своем посвящении, — непорочной

Деве, башне из слоновой кости, царице ангелов, утренней звезде". Театр, уступая общему настроению, тоже не оставался свободным от этих порывов ханжества. "Императрице неба, матери вечного Слова, святейшей Деве Марии, — говорилось на одной афише, — посвящают артисты сегодняшнее представление и сыграют в ее пользу и в пользу увеличения ее культа занимательную комедию под названием "Всеобщий наследник". Славный Ромен будет танцевать фанданго, зал будет иллюминирован". Остается прибавить, что знаменитый Лопе де Вега служил в инквизиции и, по рассказам, принимал деятельное участие в сожжении еретиков.

Не в одной Испании свирепствовала инквизиция, дух нетерпимости покровительствовал ей и в других странах, но только в одной Испании и подвластных ей землях она превзошла даже идеал Торквемады. Открытие Америки занесло ее в колонии, и еще Карл V, ярый сторонник нетерпимости, приглашал инквизиторов к умеренности в отношении американских туземцев. При Фердинанде V испанцы навязали инквизицию Сицилии, несмотря на многократные восстания населения. То же готовилось и для Неаполя, но энергия неаполитанцев сломила стремления инквизиторов, и Фердинанду пришлось отказаться от удовольствия видеть своих итальянских подданных в когтях трибунала. Он просил в заключение только изгнания евреев, но и в этом ему было отказано. В 1536 году инквизиция была введена в Португалии. Ее насаждению в этой стране помогал Иоанн Перес де Сааведра, так называемый ложный нунций Португалии. Этот предшественник Хлестакова чрезвычайно искусно разыгрывал роль папского нунция и пользовался почетом и поборами во имя апостольской миссии. Его обман был обнаружен, обманщика сослали на галеры, даровав, впрочем, вскоре амнистию за услуги вере, но инквизиция все-таки расцвела в обмороченной им стране и затем распространилась по колониям Португалии. Особенно сурово было ее отделение в Ост-Индии. В Германии инквизиторы появились еще задолго до Торквемады, но торжество лютеранства не замедлило свести ее к чуть заметному существованию по католическим владениям. Гораздо дольше существовала она во Франции. Инквизиция нашла здесь покровителя в лице набожного Людовика IX, или Святого. Людовик IX был воплощением благочестия в тесной связи с нетерпимостью. Он говорил, что рыцарь должен не спорить о религии, а поражать насмерть ее хулителей. Он сам поступал по этой программе. В 1259 году он услышал на одной из парижских улиц хулу на Бога и велел сейчас же схватить виновного и заклеить ему губы раскаленным железом, потому что, по его собственным словам, он скорее позволил бы искалечить самого себя, чем допустить такие кощунства. Подобно испанским королям, Людовик ненавидел евреев, а в 1268 году изгнал из своих владений 150 банкиров как нечестивых ростовщиков и конфисковал их имущество. Но в его нетерпимости не было той холодной жестокости вместе с внутренним нечестием, каким отличались впоследствии инквизиторы Испании. Людовик был скорее монах, чем король. Он шесть раз в году причащался, и всякий раз с экстазом верующего первых времен христианства. Он мыл руки и рот, прежде чем подойти к Святому Телу, и подходил на коленях, скрестив на груди руки, с громкими воплями и вздохами.

Какая-то женщина в глаза сказала ему с пренебрежением, что было бы лучше, если бы кто другой управлял Францией, а не он, Людовик, король миноритов, доминиканцев и попов, и даже сожалела, почему бы не выгнать его из государства. Слуги хотели побить обличительницу, но Людовик запретил это и смиренно согласился с ее словами. "Вы правы, — сказал он ей, — я не достоин быть королем, и, если бы не воля Господа, было бы лучше, если бы более способный управлял королевством". Преемники Людовика продолжали покровительствовать инквизиции даже в эпохи раздоров с Римом, и звание инквизитора сохранилось во Франции почти до самого кануна великой революции. Однако уже в XVII столетии французы с нескрываемой ненавистью к инквизиции и одновременно с торжеством присутствовали на представлениях "Тартюфа", под светской одеждой которого, против воли автора, скрылась сутана монаха.

В шестидесятых годах XVIII столетия в высшем мадридском обществе блистал веселый путешественник и прожектер, отозвавшийся с большой похвалой об умеренности инквизиции, с откровенностью о ханжестве и довольно решительно о скверных дорогах. Он не смутился даже при виде списка запрещенных для испанских читателей книг и только довольно язвительно говорил о сокровищах библиотеки Эскуриала, что эти сокровища, драгоценные для французского ученого, в Испании являются предметами бесплодного любопытства. Этот путешественник был знаменитый Бомарше, по ошибке туриста оказавшийся апологетом инквизиции. Впрочем, к концу XVIII столетия испанская инквизиция была только бледной копией когда-то могучего трибунала. Она существовала еще, но истощенное ею государство уже искало выхода из заколдованного круга узкого национализма и нетерпимости и плохо питало ревнителей благочестия. Нужен был только внешний толчок, чтобы обрушить еще стоявшие, но уже подгнившие подпорки инквизиции, и этот толчок был дан в 1808 году. Французы отблагодарили тогда испанцев за радушие к Бомарше и властью Наполеона уничтожили инквизицию. В двадцатых годах XIX века она погибла и в Португалии. Святейший трибунал инквизиции совершает с этих пор обратное движение и возвращается в столицу папы.

По испанскому образцу инквизиция была учреждена в Риме 21 июля 1542 года и носила название всеобщей. Главный ревнитель ее основания был кардинал Караффа, впоследствии папа Павел IV. Он так желал насаждения трибунала, что, несмотря на ограниченность средств, на собственные деньги нанял дом, устроил в нем комнаты для служащих тюрьмы с крепкими замками и зал пыток со всеми необходимыми принадлежностями. Ему же принадлежит составление правил римской инквизиции, которые он называл правдивейшими аксиомами. Аксиома первая говорила, что в деле веры не следует медлить ни минуты, а приступать к розыску сейчас же по обнаружении ереси, и притом с крайней строгостью. Аксиома вторая предлагала не обращать внимания ни на герцогов, ни на прелатов, как бы ни были они сановиты, а третья и четвертая грозили покровителям ереси и предлагали "не унижаться ни до какой пощады" в отношении еретиков.

Сделавшись папой, Караффа сам воздвиг себе монумент, но после его смерти — в день Вальядолидского аутодафе в присутствии Филиппа — ненавидевшие этого папу народ и дворянство подняли в Риме восстание. Здание инквизиции было разрушено и сожжено, слуги ее избиты, а статуя Павла низвержена. Народ волочил ее голову в тройной тиаре по улицам города, но это поношение инквизиции и ее покровителя не было еще гибелью трибунала. Этот трибунал можно считать существующим и поныне в стенах Ватикана, потому что папы до сих пор не издавали буллы о его упразднении. Последний документ римской инквизиции, обнародованный для всеобщего сведения, помечен 6 февраля 1857 года. "Мы, брат Гиацинт де Феррари, доминиканец, магистр богословия, генерал-комиссар святой римской и всеобщей инквизиции" — таково начало этого документа. В нем говорится по поводу некой Катерины Фанелли, выдававшей себя за святую, и объявляется, что святость ее мнимая и набожность притворная, — содержание довольно скромное для наследников Торквемады. Благодаря стараниям Караффы, римская инквизиция проникла в Неаполь и Венецию. Впрочем, в республике святого Марка инквизиторов постоянно контролировали государственные чиновники и нередко выгоняли за нарушение законов страны. Как на особенность венецианской инквизиции можно указать, что осужденных ею еретиков не сжигали, а топили. Для этого между двумя лодками зажимали доску, на доску сажали еретика и затем по данному знаку гребцы принимались за весла, лодки расходились и правосудие совершалось.

Как эхо западных веяний, в 1714 году звание инквизитора было узаконено в России. По указу Петра Великого строителю московского Данилова монастыря, иеромонаху Пафнутию, повелевалось именоваться протоинквизитором, а по епархиям учреждались провинциал-инквизиторы. Они должны были выведывать и доносить, хорошо ли исполняют архиереи свои обязанности, не мздоимствуют ли они, правильно ли взимают налоги с раскольников. Им поручалось также следить, не появляются ли новые расколоучители, а также люди, "сказующие видения или слышания чувственные или сонные", которых следовало под караулом отсылать в синод. Право суда дано им не было, им приказывалось "допросов у себя никому ни в чем не чинить и никого к тому не привлекать и не принуждать и ничем не озлоблять, а именно ни ковать, ни арестовывать, ни бить". Нетрудно увидеть, что Петр вовсе не думал насаждать у нас инквизицию по образу католической и только пользовался ее терминологией, занимаясь упорядочением церковных дел. Религиозная нетерпимость существовала у нас задолго до Петра — это ясно для всякого, хотя немного знакомого с историей нашего раскола. Конечно, это не была инквизиция в тесном смысле этого слова, но, как известно, дело не в названии, а в сущности. Эта сущность — нетерпимость, стародавняя спутница человечества, далеко не везде покинувшая его и поныне. Кое-кому еще приходится считаться с ее служителями, кое-где она еще готова прийти и судить, и если не приходит и не судит всенародно, с прежней помпой и колокольным звоном, то, конечно, потому, что теперь не те времена и не те люди.

ЛОЙОЛА

Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк
А. А. БЫКОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ	327
II. ДВОРЯНИН ЛОПЕС ДЕ РЕКАЛЬДЕ	332
III. РЫЦАРЬ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ	338
IV. ПРОПОВЕДНИК ЛОЙОЛА	346
V. ПАВЕЛ III И ЕГО КАРДИНАЛЫ	352
VI. УЧРЕЖДЕНИЕ "ОБЩЕСТВА ИИСУСА"	360
VII. УСТАВ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ	363
VIII. ГЕНЕРАЛ ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА	369
IX. ИЕЗУИТЫ В РОССИИ	377

I

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Константинополь, столица Византийской империи, был взят приступом турецким султаном Мехмедом II 29 мая 1453 года. Этим событием заканчивается средневековый период истории¹. Таким образом, подчинение обессилевшей империи власти турок знаменует собой начало новой истории, первое столетие которой носит название эпохи Возрождения, так как человеческий ум, скованный до этого времени произволом римских первосвященников и путами схоластического обскурантизма, впервые почувствовал сознательную потребность скинуть с себя непрошенное иго. Толчок этот был дан греческими эмигрантами, покинувшими свою родину после потери ею независимости и нашедшими в большинстве случаев приют в Западной Европе. Римские папы, усерднейшим образом способствовавшие нравственному разложению и падению Византийской империи, были крайне польщены тем, что "схизматики" обратились к ним за пристанищем и куском хлеба; широкое гостеприимство было предписано везде, где признавалась власть папы, и высокообразованные греки, в числе которых было немало вельмож и принцев крови, поселились в Германии и Франции, но главным образом в Италии.

В то время, когда дитя любви императора Сигизмунда, знаменитый герой Седмиградии и Мадьярии², Ян Гуниад, а потом его сын, не менее знаменитый Матиаш Корвин, доблестно сдерживали напор турецких полчищ вдоль Дуная, родосские рыцари храбро отражали на море нападения самого Мехмеда II и преграждали ему путь в Западную Европу. Сама же Западная Европа, спасаемая от грозного завоевателя названными героями, утопала в крови в междоусобных войнах. Англия почти погибала из-за распри, поэтически названной войной Алой и Белой роз; представительница Алой, или ланкастерской, розы Маргарита Анжу, дочь лотарингского герцога Рене I, супруга англо-французского короля Генриха VI, лично водила полки в бой, чтобы вырвать мужа из темницы и обеспечить сыну корону Британии, однако беспощадная борьба кончилась победой Белой, или йоркской, розы, занявшей престол в лице Эдуарда IV. Во Франции Людовик XI рубил головы непокорных и гордых вассалов-пэров, стремясь

¹ Вопрос о рубеже между средними веками и новым временем до сих пор вызывает споры среди историков. Большинство западных ученых, да и дореволюционные русские, считают, что средние века закончились в XV в. Большинство советских историков считали, что средние века окончились в середине XVII в., а английская революция 1640—1660 гг. открывает новое время.

² Венгрия.

обессилить феодальную систему и прибрать к рукам полунезависимые владения многочисленных французских герцогов, из которых только один являлся достойным противником его; это был бургундский герцог, Карл Смелый, проводивший всю свою жизнь в бестолковой войне от устья Рейна до республиканской Женева. В Германии шли нескончаемые междоусобия между многочисленными князьями, над которыми власть императора была бессильна, тем более что движение гуситов, которому падение Константинополя и интриги Рима помешали слиться с византийским православием, принимало грозные размеры.

На Пиренейском полуострове шла та же борьба честолюбцев. Дон Карлос воевал с отцом, арагоно-наваррским королем Хуаном II, из-за наследия матери и погиб от яда¹; кастильские короли, один другого ничтожнее, вели непосильную борьбу с грандами, добивавшимися полной независимости одновременно с португальскими вельможами. Бедная Италия, разоряемая безжалостно своими и чужими, распадалась на бесконечное число княжеств и республик, оспаривавших друг у друга ничтожные клочки земли с благословения своего верховного владыки, жившего в Риме и не по-христиански принимавшего участие во всех треволнениях полуострова при помощи наемных дружин, громов отлучения, яда и тайных убийств из-за угла. Мадьярия, Чехия, Польша, Литва и Пруссия боролись за преобладание между собой, и эта борьба, в которой принимали участие германские императоры, турецкие султаны и крымские ханы, вела к поглощению Мадьярии, Чехии и Пруссии немцами, к политическому разложению Польши и Литвы и к потере независимости всеми ими. Только Московия, как ее называли тогда, находилась в сравнительном покое и тишине, объединяясь под властью Ивана III и готовясь вступить в среду европейских государств с надлежащим блеском. О Московии особенно заговорили после брака Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей, надеясь вовлечь русских в борьбу с турками и в то же время подчинить духовной власти римского первосвященника.

В эту эпоху умственное движение Западной Европы и экономическое положение простого народа были крайне незавидны. Народ, угнетаемый тройным игом — духовенства, феодалов и цехов, был лишен всех гражданских прав и зачастую даже постоянного куса хлеба; нередко целые деревни десятки лет скрывались в лесных и болотных трупобах, давая повод создавать легенды о ликантропах, то есть человеко-волках, и урсогомах — человеко-медведях. Забитый, загнанный, обнищавший народ был во власти умственного невежества и темного суеверия; это было настоящее бес-

¹ Речь идет о Хуане II (умер в 1479 г.), короле Наварры с 1425 г. и короле Сицилии и Арагона с 1458 г. Он после смерти короля Альфонса V вел борьбу против своего пасынка, законного наследника престола Карлоса, принца Вианского. Восстание, охватившее Каталонию, Арагон и Наварру, заставило Хуана II примириться с пасынком и объявить его наследником престола, но в 1461 г. Карлос де Виана умер. Молва обвинила в его смерти супругу короля — Хуану Энрикес. После смерти Хуана II на арагонский престол вступил его сын Фердинанд V.

правное темное царство, без малейшего светлого луча надежды на что-нибудь лучшее в будущем. Наука находилась во власти духовенства, не допускавшего даже малейшего отступления от установленных правил при изучении той или другой области. Все науки сводились к тому, что спасение человеческой души мыслимо только в лоне католической церкви и лишь при беспрекословном повиновении святейшему наместнику Иисуса Христа на земле, имеющему полную власть. В силу такой постановки всего дела преподавания нередко происходили дебаты среди ученых при самой торжественной обстановке на тему об осле, помещенном между двумя одинаковыми мерами одинакового овса; требовалось научно решить, откуда сначала возьмет осел свой корм, с правой или с левой стороны? На подобные бессмысленные дебаты тратились умственные силы учащейся молодежи, и только в Парижском университете замечалось немного больше жизни, благодаря следам, оставленным учениями альбигойцев, лоллардистов и другими учениями.

Образованные греки, поселившиеся в Западной Европе, выросшие и воспитавшиеся вне католического обскурантизма, всколыхнули и рассеяли немного умственное убожество, господствовавшее в университетах Италии, Франции и Германии. Они дали толчок и новое направление научным работам своих учеников и последователей; к числу их принадлежат Георгий Трапезундский, Теодор Газский, Иоанн Ласкарис, Димитрий Халкокондила и Константин Ласкарис. Все они преподавали греческий язык, научно обработали греческую грамматику и перевели впервые лучших классиков своей родины. Стоячее умственное болото зашевелилось; из недр его стали появляться талантливые изобретатели, даровитые ученые, выдающиеся художники, смелые реформаторы-мыслители; и все эти люди, к великому изумлению современников, не отличались знатностью происхождения, а выходили преимущественно, если не исключительно, из простого, презираемого народа или из захудавшего, обедневшего дворянства. С этого многозначительного момента, совпавшего с падением Византийской империи, и началась знаменитая эпоха Возрождения, создавшая умственную революцию в Западной Европе и вызвавшая отчаянную борьбу сильного еще обскурантизма с народившимся гуманизмом, борьбу, не законченную вполне и в настоящее время.

Во главе этой эпохи необходимо поставить обедневшего дворянина из Майнца, Иоганна Гутенберга (ок. 1399—1468 гг.); он изобрел книгопечатание, но по безденежью должен был вступить в товарищество с богатым ювелиром из Майнца Фаустом и даровитым писцом Шефером. Втроем они развили и усовершенствовали способ печатания книг, быстро перейдя от китайских резаных досок к набору. После книгопечатания, давшего возможность вырвать из рук католического духовенства исключительное право пользования наукой, наибольшее значение получило мореплавание, благодаря безумно смелым людям, обессмертившим себя открытием новых земель, на которые жадно набросились поселенцы из задыхающегося под нравственным и физическим гнетом престоляродья. Бартоломеу Диаш,

родом португалец, открыл мыс Доброй Надежды в 1488 г.; итальянец Христофор Колумб — Багамские острова в 1492 году, Джованни Кабот открыл остров Ньюфаундленд в 1497 году; португальский мореплаватель Васко да Гама обогнул Африку и показал дорогу в Индию в 1497—1499 годах; Себастьян Кабот объехал восточный берег Америки, совершил плавание через Атлантический океан; португалец Магеллан обогнул Америку на юге, пробравшись через пролив, названный его именем, и погиб в 1521 году на Филиппинских островах; Педру Алвариш Кабрал открыл реку Амазонку и приобрел для Португалии Бразилию; Америго Веспуччи объездил и описал Америку, получившую его имя; Эрнан Кортес открыл Мексику и Калифорнию; испанец Бальбоа перешел Панамский перешеек в 1513 году и достиг берега Тихого океана; Пизарро из свинопасов сделался вице-королем открытого им Перу, который он покорил для императора Карла V; Орельяна исследовал на огромном протяжении Амазонку; наконец, Альмагро помог Пизарро покорить Перу, исследовал и покорил Чили.

Громадный политический и экономический переворот, вызванный открытием южной Африки, обеих Америк и новых путей в Индию, отразился и в области духовного творчества. Изящная литература, поэзия, живопись, ваяние, архитектура, естественные науки и история заняли выдающееся положение в западноевропейском обществе. Итальянцы Амброджини, Барбаро и Мерла приступили к серьезному изучению древних языков, издавая классиков и свои образцовые переводы с греческого. Англичанин Фортескью и француз Кюжас подняли значение юриспруденции и прославились своим ораторским талантом.

Блестящие успехи человеческого гения не беспокоили папский престол, потому что не покушались на его права; папы покровительствовали поэтам и художникам, усиливая этим блеск своего двора. Но пытливый ум человека, пробудившись от долгого сна, не мог ограничиваться рамками, указанными властью духовенства, и принялся анализировать: вспомнили Джона Уиклифа (1320—1384 гг.) и мученически погибшего Яна Гуса (1371—1415 гг.), и сомнение в правах папы на всемирное господство стало все сильнее проникать в общество. Выразителем протеста явился августинский монах, сын рудокопа, Мартин Лютер (1483—1546 гг.), который в 1517 году обнародовал в Виттенберге 95 тезисов против папской власти; затем он сжег папскую буллу, отлучавшую его от церкви, написал новый катехизис, а затем сумел привлечь к своему учению многие страны. Началась война протестантов с императором Карлом V, продолжавшаяся с перерывами до 1536 года, когда император вынужден был заключить с ними мир в Нюрнберге и дать им права гражданства наравне с католиками. Восстание Лютера было сигналом к появлению других противников папской власти, из числа которых известнейшими были Ульрих Цвингли, Жан Кальвин и Филипп Меланхтон.

Таким образом, против католицизма или, вернее, против папского произвола поднялось множество врагов; обладая силой красноречия, а ино-

гда и военной силой, все они ринулись дружно на римскую церковь, которая на первых порах гордо улыбалась и считала себя неуязвимой после свидания в Каноссе¹ и сожжения Гуса на костре. В ответ на нападки папы собирали вокруг себя художников и украшали Рим: Браманте положил основание собора Святого Петра, Микеланджело Буонарроти окончил его, Рафаэль и Романо покрыли Ватикан своими фресками, а глубокообразованный Пьетро Бембо писал под диктовку Льва X его распоряжения. Умер "божественный" Рафаэль — его заменили Корреджо, Пармезани, Тициан, Веронезе и Карраччи. Кроме Италии преданные папскому престолу талантливые люди блистали во Франции, Германии и Англии, из них Приматиччио, Палладио и Гужон создают множество дворцов; Маро, дю Белле и наваррская королева Маргарита Валуа кладут прочное основание французской литературе; Ариосто, Тассо и Камюэнс прославили себя поэмами "Неистовый Роланд", "Освобожденный Иерусалим" и "Лузиады"; наконец, Гвиччардини, Макиавелли и Буханан рассказывают народам историю их правителей и возбуждают любознательность.

Но и в лагере, враждебном папскому режиму, не замедлили появиться даровитые представители, тем более опасные, что это были по большей части серьезные мыслители, оставившие глубокие следы в народе. К числу их следует отнести Эразма Роттердамского, Рейхлина, Монтеня, Рабле, Кардано и Шаррона². Богословскими рассуждениями, философскими трактатами, смелыми сатирами и архитокровенными исповедями эти люди сильно подорвали значение папской власти в народе, почитавшем "святого отца" по традиции. Кроме того, в эту же эпоху появились небесные революционеры, астрономы. Коперник (1473—1543 гг.), несмотря на запрещение пап, позволил Земле вращаться вокруг Солнца; Тихо Браге изучил Луну и кометы, хотя и не соглашался с Коперником в устройстве солнечной системы; Галилей и Кеплер установили торжество теории Коперника, хотя первый пострадал за это, и окончательно отделили науку астрономию от астрологии.

Римские папы и их приверженцы, сознавая свою силу, презрительно улыбались на дерзкие попытки новаторов поколебать их могущество. Не давая себе отчета в важности совершавшегося переворота и веря в силу ватиканских громов отлучения, они спокойно приняли вызов и повели борьбу обычными способами: усовещиванием, угрозами, казнями, военной экзекуцией, но когда Англия, Голландия, Северная Германия, Дания, Швеция и Норвегия открыто отпали от римского первосвященника, когда сами католики, благодаря хлынувшей волне свободомыслия, заговорили другим тоном с наместником Иисуса Христа, папа Климент VII серьезно задумал-

¹ Речь идет о капитуляции германского императора Генриха IV перед папой Григорием VII. В январе 1077 г. в замке Каносса в Северной Италии он на коленях вымолил у него прощение.

² Шаррон, Пьер (1544—1603) — католический проповедник, крупнейший моралист конца XVI в., автор трактата "О мудрости" (1601), в котором он изложил основные идеи своего друга Мишеля Монтеня.

ся. Он понял наконец, что в истории человечества наступил момент освобождения мысли от оков клерикализма и обскурантизма. Чтобы бороться за свое существование, папа должен был при новых обстоятельствах изобрести и новое оружие; но, несмотря на всю гибкость ума представителя дома Медичи, оружия не находилось, и Климент VII с грустью сошел в могилу. После него на папский престол взошел 13 октября 1534 года Павел III. Этому не особенно далекому по уму первосвященнику, но окруженному даровитыми и преданными кардиналами, удалось найти оружие против ересей и свободомыслия прозревшей паствы. Оружием этим явился орден иезуитов, об основателе которого мы и намерены теперь повести речь.

II

ДВОРЯНИН ЛОПЕС ДЕ РЕКАЛЬДЕ

Прежде чем приступить к передаче событий из жизни основателя ордена иезуитов, необходимо сделать серьезную оговорку.

Всякое лицо, обратившее на себя внимание общества и попавшее в историю, имеет свою биографию. Эту биографию пишут или поклонники и приверженцы исторической личности, или его недоброжелатели и враги; первые украшают своего героя всеми хорошими качествами, собирают, по мере сил и умения, тьму небылиц, рассказней и даже чудес, пропускают все для него неприятное, дурное, смешное и в конце концов создают какое-то идеальное существо, не имеющее ничего общего с действительно существовавшей личностью. Вторые поступают как раз наоборот. Благодаря этому беспристрастный историк очень нередко оказывается в затруднительном положении, не зная, как из имеющихся под руками исторических материалов восстановить образ исторического деятеля. На помощь ему является историческая критика, дающая возможность разобраться в противоречивых показаниях господ биографов. Но иногда и историческая критика, и чутье историка оказываются бессильными при недостатке материалов или их односторонности, поэтому немало исторических личностей до настоящего времени изображается в ложном виде, например Иван IV Грозный, Ричард III, Людовик XI и многие другие. Подобного же рода затруднения возникают и при жизнеописании Лойолы. Его биографами почти исключительно являются иезуиты, и надо видеть, до какой наивности доходят многие из них, рассказывая жизнь основателя их ордена; встречаются указания даже на то, что с момента появления Лойолы на свет стали совершаться чудеса, а затем каждый шаг малютки показывал его гениальные способности, свойственные лишь божественному избраннику, и явное желание быть служителем единого Бога.

Карикатура на иезуитов.
Гравюра XVII века

С другой стороны, то есть со стороны врагов иезуитского ордена, серьезный исторический материал так ничтожен, многие из писавших о Лойоле так мало знают о нем лично, так часто смешивают его действия и планы с действиями и планами Клавдия Аквавивы, пятого генерала ордена иезуитов, что желающему писать о Лойоле почти не на чем остановиться. Поэтому более или менее правдивая биография основателя ордена иезуитов возможна лишь с пробелами и пропусками и само жизнеописание будет неполным, а потому личность Лойолы не вполне выясненной, как это было бы желательно каждому, интересующемуся этим деятелем XVI столетия.

Определив затруднения, на которые неизбежно наталкивается всякий, взявшийся написать биографию Лойолы по возможности беспристрастно, станем продолжать наш рассказ.

На севере Испании есть небольшая область, называемая Гипускоа. Эта горная местность на западной границе испанской Наварры, покрытая лесами, способствовала жителям упорно и долго защищать свои права и юри-

дические обычаи, сохранившиеся со времен визиготов¹ под именем фуэрос; сами жители, васконы, или баски, единоплеменные с французскими гасконцами, считают себя потомками кантабров и отличаются личной храбростью и тщеславием. Большой частью бедное дворянство гордилось древностью своего происхождения и жило в небольших замках, служивших защитой в старое время от арабов. Позднее во время междоусобиц мелких владетельных князей один из них, Иньиго Лопес, был даже независимым бискайским графом. Во второй половине XV столетия один из потомков этого графа, Бельтрам Лопес, владел двумя замками — Оньес и Лойола — и небольшим клочком земли. Незначительные материальные средства, большая семья и захудалость рода, давно потерявшего графский титул, ставили сеньора Лопеса в не слишком выгодное положение, и ему оставалось только важничать своим происхождением от владетельного графа да отдаленным родством с кастильским грандом Антонио Манриком, герцогом Нахара и графом Тревиньо, который вел свое родословное дерево от первого астурийского короля Пелайо. Проживал Лопес преимущественно в Лойоле, расположенном между двумя городишками, Ацпетиа и Асконтия, со всей своей семьей, состоявшей из жены и двенадцати детей. В это время Испания впервые объединилась, за исключением султанства Гранада, под скипетром арагононаваррского короля Фердинанда V Католика, женатого на кастильской королеве Изабелле, приемнице бездетного брата Энрике IV Бессильного.

За год до взятия Гранады знаменитым генералом Гонсальво Кордуанским², а у сеньора Лопеса родился в Лойоле тринадцатый ребенок, названный Иньиго, то есть Игнатий. Это произошло в 1491 г. Биографы-иезуиты добавляют, что его мать, Марина Соне, желая подражать Богородице, удалилась разрешаться от бремени в хлев и положила новорожденного в ясли; затем когда возник вопрос об имени, которое следовало дать малютке, то последний громко и отчетливо заговорил: "Меня звут Иньиго". Как бы то ни было, но тринадцатый ребенок, хотя родившийся при таких чудесных обстоятельствах, являлся обузой для родителей, и те сбыли его отставному королевскому казначею Хуану Веласко, который, как можно догадываться, был крестным отцом маленького Иньиго. Веласко жил на покое в старокастильском городке Аревало, и его крестник провел с ним все свое бесцветное детство, ничем не выдаваясь в толпе сверстников и выучившись только читать и писать по-кастильски. Благодаря сохранившимся связям при дворе Веласко имел возможность поместить мальчика-гидальго пажом в свиту Фердинанда V. Праздная жизнь среди спесивых и богатых придворных, множество красавиц, окружавших величественную Изабеллу Кастильскую, и чтение нелепых рыцарских романов, так удачно осмеянных впоследствии Сервантесом, сформировали молодого Иньиго по общей

¹ Визиготы, или вестготы.

² Фернандес Гонсальво де Кордова (1443—1515) — испанский военачальник, прозванный Великим капитаном.

мерке. Это был молодой человек почти высокого роста, стройный, ловкий, находчивый болтун, поклонник женщин, вина и особенно военной славы, для которой впечатлительный и самолюбивый юноша был готов пожертвовать всем. "Амадис Галльский", знаменитый рыцарский роман португальского писателя Васко де Ловеяра, постоянно манил его куда-то вдаль к рыцарским подвигам на добром коне с хорошо вычищенным оружием и с шарфом или цветком обожаемой дамы. Утомясь бездействием при дворе, Лопес, как истый рыцарь, выбрал себе даму сердца из числа хорошеньких фрейлин и поступил на военную службу.

Слава непобедимого Гонсальво де Кордова, бывшего в то время коннетаблем, то есть главнокомандующим испанских войск в южной Италии, сильно померкла благодаря завистникам и сплетникам. Поэтому, следуя примеру старших родных братьев, молодой Лопес начал свою военную карьеру под начальством дальнего родственника герцога Антонио Манрик-Нахара, покровительствовавшего, как видно, всей семье Лопеса-отца. В царствование Фердинанда V военные действия почти не прекращались, а потому бывший воспитанник казначея Веласко был крайне доволен, попав в свою сферу. С головой, переполненной невероятными подвигами сказочных рыцарей, он окунулся со всем пылом своей страстной, подвижной натуры во все превратности военно-походной жизни того времени, богатой на всевозможные приключения. Подробных сведений о его служебной деятельности, к сожалению, не имеется; известно только, что безумной храбростью, энергией и распорядительностью молодой Лопес обратил на себя внимание покровителя-герцога и пользовался славой самого блестящего офицера. В январе 1516 года скончался Фердинанд V и на престол вступил его внук Карлос I, согласно предсмертной воле его бабки Изабеллы, знавшей, что ее дочь, а его мать Хуана Безумная не способна управлять государством. Шестнадцатилетний юноша, так как он родился 24 февраля 1500 года, считал себя, и был на самом деле, самым могущественным монархом в мире; под его скипетром были: Испания, Балеары, Неаполь, Сицилия, Мексика, Вест-Индия и Перу, а с 12 января 1519 года, после смерти другого деда, императора германского Максимилиана I, он объявлен был императором Карлом V и ему повиновались еще Германия, Чехия, Нидерланды и Бургундия. При таком могуществе немудрено было закружиться голове, а потому, не обращая внимания на подписанный им 13 августа 1516 года в Нуайоне мирный договор с французским королем, по которому Наварра уступалась королю Жану д'Альбре Наваррскому, Карл V решился в 1520 году овладеть спорной областью и объявил Франции войну.

Испанские войска двинулись из Кастилии и Каталонии, быстро покорили южную Наварру и заставили короля Жана д'Альбре бежать во Францию; цитадель в Памплоне, важнейшем городе Наварры, была поручена молодому Лопесу. Уже испанцы собирались двинуться в северную Наварру, как с Пиренеев спустился французский генерал Фуа-Леспарр. Победоносно пройдя всю Наварру, он осадил Памплону и начал ее штурмовать; город,

несмотря на усилия испанцев, должен был сдаться победителю. Только комендант цитадели Иньиго Лопес решился держаться против вдесятеро сильнейшего врага с упорством, свойственным горцу и фанатику долга; цитадель ничем не была снабжена, защитников было мало, но Лопес не унывал и, как поклонник Амадиса Галльского, мечтал один бороться со всей французской армией. Желая избежать бесполезного кровопролития, Фуа-Леспарр предложил ему через несколько дней сдаться, но упрямец не хотел ничего слушать и смело с мечом в руке, окруженный горсточкой испанских солдат ждал в проломе неприятеля. Начался последний приступ. Во время свалки обломок камня от стены перебил Лопесу левую ногу, вслед за тем шальной выстрел попал ему в правую ногу, и защитник цитадели упал без чувств, а солдаты поспешили сдаться. Уважая отвагу и доблесть коменданта, французы любезно подняли полумертвое тело его, снесли в один из уцелевших домов и здесь оказали первую медицинскую помощь. Когда Лопес пришел в чувство, великодушный Фуа-Леспарр дал ему возможность добраться до Лойолы.

Это произошло в начале 1521 года. Таким образом, только тридцати лет от роду Лопес увидел родительский дом, так как раньше вряд ли он бывал в нем. 30 июня 1521 года французы потерпели страшное поражение под Эсквиром, бежали за Пиренеи и испанская Наварра была окончательно присоединена к владениям Карла V. Пока совершались эти события, бедный Лопес был прикован к постели и с грустью осознавал, что его военная карьера окончена. Дело в том, что левая нога плохо срасталась и призванные хирурги нашли необходимым вторично ее сломать, чтобы срастание шло успешнее; перед этой ужасной операцией у больного был бред, ему явился апостол Петр и обещал сам лечить храброго рыцаря. В благодарность за лестное покровительство хранителя райских ключей Лопес тут же, в бреду, сочинил по-кастильски гимн в честь святого Петра, кем-то из домашних записанный на бумагу. Придя в себя, больной самоуверенно выразил непоколебимое убеждение, что он обязательно выздоровеет, так как он не все еще совершил из того, что ему предназначено свыше. В силу этого Лопес перенес операцию ломания ноги с полным спокойствием, как бы пренебрегая страданиями; какая-то косточка высунулась из мяса выше колена, и больной настоял, чтобы ее отпилили, хотя сами врачи опасались за исход этой операции. Когда оказалось, что вследствие ран одна нога стала короче другой, Лопес, надеясь их сравнять, согласился, чтобы ему вытягивали ногу какой-то особенной железной машиной. Эта пытка продолжалась долго, но пользы не принесла, и бывший комендант на всю жизнь остался хромоногим.

Прошло время острых страданий и тяжелых операций, но больной не мог покидать постели, ожидая окончательного выздоровления. Ясность мыслей и жажда деятельности вернулись, но приходилось спокойно и неподвижно лежать, чтобы не бередить ран. Тогда Лопес накинулся на единственное, что ему позволялось, на чтение и потребовал рыцарских романов, чтобы хотя бы мысленно принимать участие в славных боевых подвигах.

В жилище каждого идадьго эти романы были обязательными в библиотеке; очевидно, они были в Лойоле, но чья-то рука, быть может, матери, потрясенной болезнью сына, подала ему вместо произведений Терульда, Ловейры и Вистаса жития святых, жизнеописание Иисуса Христа и "Цветок святых". С тоски рыцарь Лопес принялся и за такое чтение, но вскоре оно его заинтересовало; особенно внимательно стал он читать про земную жизнь Спасителя и про святых Доминика (1170—1221 гг.), основателя ордена доминиканцев, или братьев-проповедников, и Франциска Ассизского (1181 или 1182—1226 гг.), основателя ордена францисканцев, или меньших братьев. Долгие дни своего невольного плена Лопес зачитывался принесенными книгами, и его пылкое воображение, а также свойственная всем васконцам страсть к чему-нибудь особенному, способному выделить из толпы и прославить, внушили ему мысль бросить греховную светскую жизнь и отдаться христианской духовной деятельности. Он стал обсуждать эту мысль, развивать ее — и в нем началась внутренняя борьба: с одной стороны, удовольствия жизни, жажда рыцарской славы, ласки женщин и все то, что может привлекать 30-летнего мужчину; с другой — полное одиночество, подвиги религиозного рвения и самоотвержения, разрыв с прошлым, подражание угодникам, возможность обратиться на себя милости самого Бога. Борьба была продолжительная и упорная во время печальных зимних месяцев. Наконец мысль о возможности прославиться и на духовном поприще, а также мысль о покровителе святом Петре, который, конечно, являлся ему не зря, одержали верх, и Иньиго Лопес, со всей непреклонной решимостью горца или, лучше сказать, со всем упрямством васконца окончательно остановился на намерении отказаться от всего прошлого и начать новую, еще неизвестную ему жизнь во славу Господа Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии, рыцарем которой он решил объявить себя.

*Игнатий Лойола в офицерском мундире.
С поздней гравюры*

III

РЫЦАРЬ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

Не зная ничего из того, что должен знать обязательно проповедник слова Божья, не выработав ничего определенного относительно своих отношений к обществу, без ясного плана своих будущих действий бывший светский кабальеро и полезный офицер захотел испытать на себе все невзгоды подвижничества. Со времени знакомства с книгами духовного содержания он стал верить в Бога, хотя крайне своеобразно, как это будет видно впоследствии. Приняв твердое намерение начать новую жизнь, Иньиго Лопес в середине марта 1522 года покинул родительский замок Лойола тайком, не сказав никому ни слова. Правда, родные устроили над ним тайный надзор, видя его восторженное настроение и зная его сумасбродство, но мнимый больной обманул их бдительность. Выбравшись рано утром на дорогу, Лопес направился сначала на своем муле к монастырю Монт-Серрат, куда стекались многочисленные богомольцы поклониться чудотворной иконе Богоматери, долженствующей сделаться патронессою новообращенного рыцаря. По дороге Лопес догнал какого-то мавра, с которым вступил от нечего делать в разговор; зашла почему-то речь о Богородице, и дерзкий мавр стал отзываться о ней непочтительно. Сначала Лопес пробовал подействовать на мусульманина силой убеждения, но возражения рассердили его, в проповеднике проснулся энергичный офицер — и он выхватил шпагу, чтобы наказать дерзкого. Испуганный мавр обратился в бегство на своей лошади, а рыцарь пустился догонять его; однако быстрое движение охладило его, и он стал рассуждать о неуместности своей вспышки. Впереди дорога раздваивалась: справа виднелось селение, где жил мавр, а слева — монастырь, куда направлялся рыцарь; фаталист, как большинство васконцев, Лопес решил положиться на волю мула: если он повернет к селению, значит, рыцарский обет можно не исполнять, а если повернет к монастырю, значит, так угодно Святой Деве. Мул бойко доскакал до разветвления дороги и... взял влево.

Прибыв к часовне Богоматери, Лопес решил поступить по всем правилам рыцарского кодекса и, прежде чем окончательно посвятить себя в рыцари Святой Девы Марии, продежурить всю ночь перед изображением своей патронессы. С этой целью он при наступлении вечера облачился в вычищенные рыцарские доспехи и при полном вооружении стал на страже перед образом; всю ночь провел он в молитве, обливаясь слезами о своих грехах и давая обеты быть нелицемерным и преданным рыцарем избранной им "дамы" и совершать все только во славу ее. Утро застало его бодрствующим. Прочитав последнюю молитву, Лопес принес в жертву Богородице свою шпагу, повесив ее на одну из колонок часовни, снял с себя весь

дорогой рыцарский наряд, остаток презируемого им отныне богатства, и подарил его стоящему вблизи нищему. Затем надел нищенское рубище, подпоясался веревкой и пешком направился в близлежащий городок Манресу. Все только что рассказанное он, как вежливый и деликатный кабальеро, проделал 25 марта, в день Благовещения Богородицы. По прибытии в город Лопес приютился при монастырской больнице и начал свой искуc. Первое время монастырская братия не хотела и принимать его, так как Лопес не сделал никакого вклада, но потом смирилась с ним во время его новой болезни. Посвятив себя посту и молитве, он находил скудный больничный стол даже чересчур роскошным и часто отказывался от него; дни он проводил в молитве или просил подавание, одетый в рубище, под которым навешивал камни и вериги, становясь при этом, и даже с наслаждением, предметом насмешек праздных ребятишек и взрослых зубоскалов; по ночам же с теми же веригами он ложился спать на голой земле, отгоняя от себя сон молитвами и размышлениями. Уничижая себя в своем фанатизме, он дошел до мысли, что всего этого мало, так как все это в недостаточной степени усмиряло его страстный, пылкий темперамент, и ему казался необходимым искуc посуровее, порезче и подейственнее.

С этой целью он отправился на поиски и, в 600 шагах от Манресы, на скалистом берегу реки Лобрегат, впадающей в Средиземное море, разыскал почти неприступную пещеру, в которую можно было забраться чуть ли не ползком через колючие кустарники. Рыцарь Святой Девы расположился в этой пещере и устроился по своему вкусу. Все время он проводил в религиозном созерцании божественных качеств небесного Учителя или в самых тяжелых грубых работах, утомляя и ломая себя наподобие пустынножителей первых веков христианства. То борясь с чертом, который самолично являлся искушать и совращать его во всевозможных видах, то охваченный неземным восторгом при виде небесных наслаждений и явлений, то изнемогая в обмороке после подобных потрясений и беседуя в это время с Богом, Лопес достиг постепенно такого состояния, когда он сделался существом не от мира сего или, лучше сказать, самым высокопробным фанатиком, для которого понятия о времени, пространстве и логике не существовали. В своем дико восторженном настроении он, не имевший раньше ни времени, ни охоты учиться по книгам, пришел к сознанию, что теперь, при помощи свыше, он сразу усвоил науку познания людей; под горячим впечатлением, не выходя почти к людям и любуясь только небом и водой, он написал первый свой литературный труд по-кастильски — "Духовные упражнения", отразившийся на всей его дальнейшей жизни, а также на истории ордена иезуитов. Не входя в оценку этой книги, составленной в духе и форме рыцарских романов — единственных литературных произведений, хорошо знакомых Лопесу, — заметим только, что по ней можно судить, как сбивчивы и смутны были у отставного офицера понятия о христианских догматах, как своеобразно понимал он личность Иисуса Христа и как легко он мог быть обвинен за эту книгу в несторианстве, если бы за него покруче взялись доминиканцы-инквизиторы.

Между тем молва о пустынноике, обитателе пещеры, разошлась по окрестностям, чему, конечно, содействовали и друзья Лопеса, бенедиктинцы, жившие в монастыре Монт-Серрат. Наконец известие о нем достигло замка Лойолы, где мирно жили его родители и братья. Старший из последних, Мартин-Гарсиа Лопес, немедленно явился в Манресу, чтобы вернуть брата на путь истины; однако все его просьбы и убеждения не привели ни к чему. Иньиго Лопес был в том душевном настроении, которое в настоящее время назвали бы психопатическим, и оставался глухим к речам брата. Побившись несколько дней и видя, что ему не добиться толку, Мартин-Гарсиа махнул рукой и опечаленный вернулся домой. Тем временем Иньиго перечитал свои "Духовные упражнения", убедился в их полной доброкачественности и решил про себя, что если он много дал Богу, то и получил от Него с процентами, так как написать такую превосходную книгу без непосредственного содействия Бога невозможно, а между тем "при такой книге даже Евангелие становится излишним". Покончив с этим, Лопес объявил своим друзьям бенедиктинцам о своем намерении отправиться на поклонение Гробу Господню в Иерусалим и затем обратиться в христианство всех сарацин-мусульман. Монастырская братия одобряла это благочестивое желание пустынножителя, и, кажется, в феврале 1523 года Лопес, совершенно приготовленный для единоличной борьбы со всеми врагами Бога, покинул Манресу и пустился со своими "Духовными упражнениями" в свет.

Побираясь Христовым именем, бывший герой Памплоны достиг в своем рубище Барселоны, следуя по течению Лобрегата, и тут ухитрился попасть на галеру, отправляющуюся в Италию. Жестокая буря долго носила по Средиземному морю корабль, и только на пятый день ему удалось пристать к Гаэте. Разбитый и утомленный переездом, Лопес должен был несколько дней отдыхать, а затем отправился пешком в Рим, желая получить благословение папы перед путешествием в Святую землю. В Вербное воскресенье достиг он Вечного города и вскоре удостоился приложиться к туфле папы Адриана VI, бывшего воспитателя Карла V и вице-короля Испании. Запыленный странник прошел незамеченным, получил заодно с другими общее благословение и с облегченным сердцем покинул Рим, направляясь к Венеции. В это время в Италии свирепствовала чума. Села и города подвергались действию этой заразы, и люди сотнями умирали в домах, на улицах, на полях; утраченный народ прятался ото всех, и каждый безобидный странник внушал страх, так как его считали вестником чумы. Тем более внушал страх Лопес, исхудавший от подвижничества, с мертвенно-бледным лицом и фосфорически сверкающими глазами; перед ним запирали двери, за которыми он рассчитывал найти ночлег и кусок хлеба, так что ему зачастую приходилось ночевать под открытым небом, на сырой земле. Как ни закалил себя рыцарь Святой Девы в лишениях, но такое странствование надломило его настолько, что около Падуи он был близок к смерти от истощения. Но тут явился "добрый товарищ", сам Иисус Христос. Он ободрил ослабевшего, обещал ему свою помощь и так

подкрепил Лопеса своим появлением, что тот благополучно и невредимо достиг адриатической столицы на лагунах — Венеции.

Здесь, в главном средоточии западноевропейской торговли того времени, Лопес мог бы затеряться в толпе равнодушных торгашей, если бы в нем не принял случайно участия какой-то зажиточный земляк. Узнав о цели его паломничества, испанец выхлопотал ему местечко на правительственной галере, отправлявшейся к берегам Сирии, и снабдил кое-какой провизией. Освежившийся и отдохнувший Лопес бодро занял свое место на галере и решился немедленно приступить к исправлению нравов разгульных матросов. Наивный до ребячества, самоуверенный до крайности, неопытный в житейском отношении, так как он знал только лагерную жизнь, Лопес воображал, что стоит только ему захотеть чего-нибудь — и он непременно добьется желаемого. Первое же практическое столкновение на избранном им самим поприще показало ему всю трудность предпринятого дела. На первых порах, напуганные его страстными и малопонятными речами, матросы покаялись и усмирились, но потом им это надоело, они стали возражать и наконец единодушно подняли проповедника нравственности на смех. Задетый за живое, рыцарь Святой Девы стал угрожать им наказанием свыше; тогда озлобившиеся матросы уговорились при первом же удобном случае высадить его на какой-нибудь необитаемый островок. К счастью для Лопеса, этого не случилось, потому что по выходе галеры из Адриатического моря пришлось бороться со штормом и стараться не сбиться с курса. Обновив свои запасы на острове Кипр, галера благополучно достигла Яффы, откуда Лопес с толпой богомольцев добрался 4 сентября 1523 года до Иерусалима.

С благоговением посетил он все места, освященные воспоминанием о земной жизни Спасителя, наплакался, намолился и затем решил заняться главной своей задачей — обращением мусульманского Востока в христианство. Как солдат, привыкший к дисциплине, прежде чем взяться за дело, усердный рыцарь обратился за благословением к провинциалу (то есть начальнику отдела) ордена францисканцев, имя которого, к сожалению, неизвестно. Умный и осторожный провинциал, прежде чем дать благословение на такое опасное дело, решился проэкзаменовать проповедника, ему незнакомого; с удивлением увидел он, что Лопес местных языков не знает, с мусульманским вероучением не знаком и, наконец, в христианском богословии более чем неуч. Изумленный и раздосадованный этой фанатичной смелостью, провинциал бесцеремонно выпроводил рыцаря из Иерусалима и энергично посоветовал ему убираться туда, откуда он пришел, если не хочет бесполезно рисковать жизнью. Ошеломленный таким жестким уроком и потеряв еще на галере большую часть своей слепой самоуверенности, Лопес покорно выполнил приказание и покинул Палестину. Ободранный, голодный, полузамерзший, он каким-то чудом остался в живых и ухитрился вернуться в январе 1524 года в отчасти знакомую ему Венецию. Нисколько не поколебленный целым годом неудач, упрямый васконец,

*Карикатура на иезуитов.
Гравюра XVII века*

едва отдохнув от тяжелого переезда, решил обращать в христианство христиан венецианских, забывших, по его мнению, все учение Христа.

Однако его и тут ждало разочарование. В нескольких диспутах, на которых он смело выступил, его унизили, осмеяли и опозорили, доказав целым рядом доводов и цитат, что он круглый невежда, которому нужно не проповедовать слово Божье, а сесть за букварь. У сконфуженного рыцаря

Святой Девы открылись наконец глаза, и он понял свой промах; другой на его месте махнул бы рукой на свою проповедническую страсть и, быть может, вернулся бы на военную службу, но Иньиго Лопес был не из таких. С упрямством и настойчивостью горца-васконца он соединял страшную силу воли и изумительное терпение. При знакомстве с такими характерами становится вполне понятной итальянская поговорка: "Если испанцу нужно вбить в стену гвоздь, а молотка под руками не будет, то он заменит его своей головой и вобьет гвоздь в стену". Лопес стал обдумывать свое положение и изыскивать способы достичь намеченной еще в Лойоле цели: укрепить веру в Бога и этим приобрести известность и славу. Неудача его посланничества происходила от двух причин: он был человек необразованный и действовал до сих пор один; следовательно, ему необходимо получить научное образование и создать духовное братство, воинствующее во славу Божью. Таким образом, в Венеции пришла Лопесу впервые мысль об ордене иезуитов, а не в пещере подле Манресы, как уверяет не в меру усердствующий биограф Лопеса, иезуит Рибденейра, старавшийся доказать, что чуть ли не со дня рождения предназначение великого человека было ясно до очевидности. Непосильная задача для 33-летнего рыцаря Святой Девы нисколько не утратила и не поколебала его. "Это нужно, значит, это должно быть сделано" — вот, вероятно, как формулировал Лопес свою новую задачу. А раз решившись, он не откладывал дела. Учиться латыни, этому первоисточнику всей премудрости того времени, Лопес не хотел в Италии, так как он никогда не владел хорошо итальянским языком; поэтому он решил возвратиться в Испанию, а именно в Барселону, в которую он не мог попасть из-за чумы два года тому назад, то есть при бегстве из замка Лойола. Но чтобы скорее попасть туда, надо было добраться до Генуи, а как раз в это время северная Италия сделалась театром войны Карла V с французским королем, неукротимым воителем и блестящим баловнем женщин Франциском I.

Люди, сочувствующие Лопесу, советовали ему избрать более безопасный, хотя и более сложный, путь, чтобы добраться до одного из средиземноморских портов, но он нашел это как бы унижительным для себя, бывшего офицера, и смело покинул Венецию в своем рубище, питаясь подаянием и прямо направляясь в Геную. Передвижения войск, сторожевые цепи, сражения, взятие городов приступом, преследование бегущего неприятеля — все это страшно задерживало путешественника, а подчас ставило его в опасное положение: его могли нечаянно убить и могли расстрелять как шпиона. В одной деревне его арестовал испанский отряд, считая его подосланным французами; едва убедив начальника отряда в своей нейтральности, Лопес не избег, однако, глумления расхрипевшихся солдат: его раздели и голого водили долгое время по всей лагерной стоянке. Едва вырвался от них знаменитый герой Памплоны и поспешил наверстать потерянное время. Наконец он добрался, к великому своему удовольствию, до Генуи, где ему удалось найти место на одном из кораблей, совершавшем рейсы до Барселоны, благодаря содействию Портунде, начальника испанской эскад-

ры, с которым он познакомился, будучи еще придворным пажом. Через год с небольшим Лопес возвратился на родину, значительно умудренный жизненным опытом, но по-прежнему непреклонный в достижении раз задуманного.

Прибыв в Барселону, Лопес прямо отправился в одну из обыкновенных школ для детей, объяснил учителю свое желание, попросил его не стесняться в обращении и ничем не отличать взрослого ученика от остальных. Набожный преподаватель Ардебаль, умиленный желанием отставного офицера, согласился учить его даром, а добродушная Изабелла Розель вызвалась кормить его бесплатно в течение всего учебного времени. Тяжело приниматься в 33 года за латинскую грамматику, но отступить было стыдно, поэтому с полным самообладанием и охотой занял Лопес место на школьной скамье и принялся за незнакомую ему до сих пор премудрость, не обращая внимания на насмешки ребятишек и зубоскальство взрослых. Последовательный теперь в своих поступках, рыцарь Святой Девы параллельно с учением начал приводить в исполнение свой другой план — вербовку сотоварищей; мало того, он не оставил старой привычки исправлять согрешивших поучениями и проповедями, подавая пример строгим образом жизни, постами и самобичеванием. Умерщвляя в себе все плотское и греховное, он изучал склонения и спряжения по грамматике, а затем пылкими, страстными речами заставлял каяться провинившихся перед Богом и исправляться на самом деле. По странной случайности духовные власти города не обращали внимания на незнакомого для них проповедника и не стесняли его миссионерской деятельности; благодаря этому в городе скоро заговорили о суровом проповеднике нравственности и вокруг него стал образовываться кружок ревностных последователей. Удачно пользуясь обстоятельствами, Лопес выбрал себе учеников и этим положил основу проектированному им духовному товариществу. Эти ученики были: три каталонца — Артиага, Каллис и Кацерес и паж Жеган из французской Наварры; все четверо — малоопытные и малосведущие юноши, увлекшиеся аскетизмом и пламенными речами Лопеса, не перестававшего усердно зубрить латинскую грамматику. Так прошло два года, и Лопес, не желавший даром терять времени, решил, что он достаточно подготовлен для поступления в высшее учебное заведение.

Уговорив учеников следовать за ним, Лопес покинул Барселону и направился в Алькала де Энарес, где процветал новый университет, основанный знаменитым кардиналом и регентом Кастилии во время детства Карла V Франциско Хименесом де Сиснеросом в 1498 году. Местопребывание архиепископа, средоточие кастильской образованности, Алькала была в то время многолюдна, богата и оживлена. Лопес поступил на курсы в университет и повел тот же образ жизни, какой он вел в столице Каталонии. Вокруг него стали собираться кающиеся, о нем заговорили, и общее внимание обратилось на незнакомого студента в черном плаще и сомбреро; благородные кастильянки решили бесповоротно, что это святой, и принялись приглашать его в качестве исповедника. Две из них,

воспламененные его рассказами о страннической жизни во славу Божию и о задуманном духовном воинствующем братстве, решились проделать то же самое и тайком бежали из Алькалы, покинув мужей и семьи. Скандал вышел громадный, и инквизиция, давно уже следившая за рыцарем Святой Девы, немедленно арестовала его и подвергла допросу, считая его членом опасной в то время религиозно-мистической секты иллюминатов. Старший инквизитор и великий викарий доминиканцев Фигероа убедился в своей ошибке после самого поверхностного допроса и выпустил на свободу студента-проповедника, но в это время поступили жалобы оскорбленных мужей, и Лопеса вторично арестовали. Две дамы высшего круга, Тереза Карденас, мать герцога Диэго Макведа, и статс-дама Алиенора Маскареньяс, бывшая кормилица наследного принца Филиппа, приняли живое участие в святом проповеднике и выразили желание взять его на поруки, но нелюбезный Фигероа отказал им в этом. Дело могло бы принять очень дурной оборот для очистителя нравов, если бы взбалмошные кастильянки не вернулись домой после целого ряда курьезных приключений. Они удостоверили под присягой, что "дон Иньиго Лопес де Рекальде" отговаривал их от поездки и они поступили против его настоятельных советов; тогда Фигероа освободил Лопеса, посоветовав ему прилежнее учиться, а не баламутить народ. Как бы то ни было, доверие рыцарю Святой Девы было подорвано, ученики отреклись от него, опасаясь инквизиции, и он в досаде покинул Алькалу, чтобы продолжать учебу в Саламанке. По дороге Лопес остановился в Вальядолиде, где обратился за советом к толедскому архиепископу Фонсеке; последний благословил его и даже дал денег, чтобы ревностный студент мог беспрепятственно добраться до университетского города.

"Маленький Рим", как долго называли Саламанку, обладал старинным университетом, основанным в 1239 году леоно-кастильским королем Фердинандом III Святым. Записавшись на университетские курсы, неугомонный Лопес повел тот же образ жизни, как и в Алькале, поэтому немудрено, что в городе скоро заговорили о суровом ревнителе нравственности и благочестия. К тому же из Алькалы прибыли раскаявшиеся Артиага, Каллист, Кацерес и Жеган. Инквизиция всполошилась, и великий викарий доминиканцев Фриас велел арестовать всех пятерых. Относясь почему-то к Фриасу с большим уважением, чем к Фигероа, Лопес на допросе показал ему свои "Духовные упражнения". Великий викарий пригласил экспертами трех докторов богословия и поручил им рассмотреть произведение студента Лопеса де Рекальде; доктора почитали книгу и объявили, что в ней противохристианского в духе католицизма ничего нет, но видно полное неумение владеть пером, а потому слог сбивчивый и неясный. Тогда Фриас выпустил на волю злосчастливого рыцаря, внушительно посоветовав ему учиться, так как он мало искусен в риторике и может впасть в ересь. Взбешенный таким советом, Лопес объявил выпущенным одновременно с ним ученикам, что в Испании учиться нечему, что здесь не понимают его великих идей, а потому им следует отправиться в Париж. Злосчастливые ученики потеряли терпение и наотрез отказались следовать за учителем, из-за которого они

перенесли массу неприятностей. Тяжело вздохнул покинутый всеми и непризнанный рыцарь Святой Девы, нагрузил свои скромные пожитки на осла и, подгоняя его, отправился пешком из Саламанки в Париж.

IV

ПРОПОВЕДНИК ЛОЙОЛА

Парижский университет, один из первых по времени образования в Европе, был окончательно учрежден в 1200 году французским королем Филиппом II. Ученый англичанин Курсон написал для него устав, который был утвержден королем в 1205 году, а со времен короля Карла V Мудрого университет получил титул "старшей дочери французских королей". Самое название "университет" было впервые применено к парижскому, так как, по идее Курсона, здесь было всемирное средоточие преподавателей и учащихся. Владея с самого начала обширными привилегиями, университет в Париже приобрел значение особенно в XIV и XV столетиях, вмешиваясь в политические события Франции и имея своих представителей в генеральных собраниях¹. Из четырех факультетов главенствующую роль играл богословский, преобразованный в 1257 году Робертом де Сорбоном в высшее учреждение, с гордостью называемое "непрерывным галльским собором". Эта Сорбонна всегда стояла на страже чистоты католической религии, была верной помощницей папе в борьбе с ересями, первая начала опровергать Лютера, Кальвина и Цвингли и первая же впоследствии вооружилась против иезуитов. Философская диалектика, преподаваемая в высших учебных заведениях, с давних времен слилась с богословием под общим названием схоластики и достигла своего апогея в XIII и XIV столетиях, но в первой четверти XVI столетия схоластика стала падать благодаря нападкам Оккама, Буридапа и других. Однако Парижский университет и Сорбонна продолжали еще привлекать тысячи слушателей, желавших работать под руководством Гомбо, Буханана, Говеа, Латомуса, Гильома Бюде, Пьера Данеса, Ласкариса, Жана Салиньяка, Рамуса и других светил науки той эпохи. Правда, все ученые и профессора подчинялись строгому ригоризму схоластики в своих лекциях, не смея на волос уклониться от предначертанных рамок, тем не менее любознательная молодежь стекалась в Париж со всех сторон: одни жаждали укрепиться в догматах веры, другие же, наоборот, стремились ознакомиться с идеями Лютера, Цвингли, Кальвина и Меланхтона.

В этот-то центр умственной кипучей деятельности прибыл в январе 1528 года испанский дворянин Иньиго Лопес, начавший теперь именоваться

¹ Речь идет о Генеральных штатах.

Лойолой, в честь замка, где он родился; поэтому и мы начнем называть его теперь этим новым именем. Как совершил свое путешествие Лойола, что случилось с ним замечательного дорогой, остается неизвестным, хотя со времени своего появления в Париже он во многих отношениях сильно изменился. Оставаясь прежним пламенным ревнителем своеобразно понимаемого христианства и нравственности, Лойола как-то практически поумнел, перестал подвергать себя публичному осмеянию, как это было в Алькале и Саламанке, резкие психопатические выходы прекратились, а шероховатости упрямого васконца сгладились. Он стал упорно, настойчиво, но осторожно и умно добиваться своей заветной идеи, ясно сформулированной в Венеции: создать духовное братство для борьбы с врагами католической церкви. Рыцарь Святой Девы Марии исчез куда-то бесследно, явился проповедник нравственности умственной и телесной, будущий основатель ордена иезуитов. Что повлияло так на Лойолу, остается неразгаданным, потому что биографы его обходят полным молчанием эту эпоху его жизни. Криминалисты в подобных случаях говорят: "Cherchez la femme", и, кажется, мы будем очень близки к истине, если укажем на Алиенору Маскареньяс как на тайную вдохновительницу Лопеса; познакомившись с ним в Алькале, а может быть, и раньше, эта дама поддерживала с ним оживленную переписку до самой его смерти.

Явившись в Париж, Лойола поступил 1 февраля 1528 года почему-то не в университет, а в коллегию Монтегю на улице Семи дорог, желая ознакомиться с гуманитарными науками. Одновременно с этим он опять взялся за исправление нравов и на первых же порах был схвачен служителями инквизиции; верховный инквизитор парижский, доминиканец Ори, допросил его, удовлетворился представленными объяснениями и отпустил с миром после нескольких дней ареста. Обрадованный успехом, Лойола продолжал ревностно свои проповеди, привлек трех новых учеников, имена которых неизвестны, и устроил общежитие. Благотворительность в Париже была очень ничтожна, так что вновь образовавшееся общежитие буквально голодало. Серьезно озабоченный этим, а может быть и по другим причинам, в том же 1528 году Лойола предпринял таинственную поездку во Фландрию и Англию, откуда возвратился с богатым подаянием, которого могло хватить общежитию на несколько лет. После этого он начал усердно заниматься и даже для большей успешности сократил число часов, посвящаемых молитве, что для человека набожного, каким был, несомненно, Лойола, считалось большой жертвой. Однако из восемнадцати месяцев, проведенных в коллегии Монтегю, Лойола мог посвятить собственно учению только шесть; целый год был потрачен на различные поездки, житейские хлопоты и проповеди. Считая себя все-таки достаточно подготовленным, Лойола перешел на философские курсы в коллегию Святой Варвары на Реймской улице; эта коллегия была основана в 1460 году профессором из Наварры Ленорманом и управлялась особым советом из монахов, тогда как коллегия Монтегю, основанная в 1314 году руанским архиепископом Жиллем Айселень де Монтегю, имела характер более светский и управлялась единолично провизором.

Три ученика, завербованные Лойолой, не удовлетворяли его, и он решил усилить состав общежития. С этой целью он начал пропаганду среди товарищей по коллегии. Ораторский талант, несомненно развившийся к этому времени у Лойолы, привлекал к нему множество слушателей, заинтересованных живым словом, а не схоластической риторикой, лишенной глубины и мысли. Случилось однажды, что целый курс собрался слушать проповедника, оставив старичка профессора одного в зале; оскорбленный преподаватель пожаловался приору коллегии, что Лойола будоражит студентов, и приор внес в совет монахов требование высечь виновного. Председательствующий монах Говеан, родом из португальских дворян, потребовал Лойолу, выслушал его оправдательную речь, пришел в умиление, расплакался и объявил в совете, что перед ними святой человек. Отпущенный с честью, Лойола тем не менее потерял доверие среди товарищей, которые от него отвернулись как от предназначенного к сечению. В это же время общежитие покинули по неизвестным причинам и три ученика, быть может, недовольные строгостью своего старшего. Огорченный этими неудачами, Лойола усердно начал заниматься науками, окончил курс в коллегии Святой Варвары с ученой степенью того времени "maistre ès arts" и в 1532 году поступил на богословские курсы в доминиканский монастырь на улице Святого Иакова. Таким образом, за все свое пребывание в Париже Лойола почему-то не нашел нужным слушать лекции университетских профессоров; из-за недостатка материалов трудно сказать, не было ли связи между этим избеганием университета и путешествием Лойолы от Саламанки до Парижа, а также поездкой его во Фландрию и Англию.

Занимаясь богословием у доминиканцев, Лойола приступил в третий раз к вербовке учеников-товарищей для задуманного духовного братства. На этот раз его выбор был удачнее. Первым присоединился молодой священник Лефевр, родом из городка Вилларе в Савоие, тихий и кроткий по характеру, набожный ученый; суровый и властный Лойола подчинил его своему авторитету без труда, но долго возил, пока справился с Ксавье, вторым учеником. Ксавье родился 4 апреля 1506 года в замке Ксавье близ Памплоны, столицы испанской Наварры, сошелся с Лойолой еще в коллегии Святой Варвары, где окончил курс, и поступил преподавателем философии в Бовэ, расположенный в 72 километрах от Парижа. Честолюбивый, мечтающий о громкой славе, он долго отказывался войти в союз с Лойолой, и только обещание последнего дать ему возможность прославиться сломило упорство пылкого васконца, каким был будущий "апостол Индии". Лайнес и Сальмерон явились сами к автору "Духовных упражнений". Первый из них родился в Альманкарно, селении близ кастильского

*Расправа дворян и иезуитов
с населением во время религиозных войн.
Старинная гравюра*

города Сигуэнцы, в 1512 году и слушал лекции сначала в Алькале, а потом у доминиканцев вместе с Лойолой; начитанный, внешне скромный, с вкрадчивыми манерами и увлекательным красноречием, Лайнес лучше многих оценил достоинство задуманного дела и увлек за собой Сальмерона; последний родился в 1516 году в Толедо и также учился одно время в Алькале. Привлеченные слухами о проповеднике нравственности, к союзу примкнули Альфонс, прозванный по месту рождения Бобадилья, и Родригес, родом из Буселлы. Таким образом, вокруг Лойолы сошлись шесть молодых людей с пустыми карманами, но религиозные, послушные воле старшего, преданные католической церкви и готовые бороться за нее с кем угодно. Союзники часто сходились вместе и вели беседу о том, как они покорят без оружия всю Палестину, откуда десять лет тому назад был выгнан печальный рыцарь Святой Девы Марии.

Умудренный опытом прошлого, Лойола не хотел снова терять учеников-союзников и решил торжественно закрепить их, убедившись, что вся эта молодежь религиозна и совестлива. С этой целью по его приглашению все семеро собрались 15 августа 1534 года в одном из подземелий Монмартра, в котором, по преданию, был замучен 9 октября 272 года первый епископ парижский святой Дионисий, с товарищами Рустиком и Элевферием. В день Успения Богородицы Лефевр, в качестве священника, отслужил обедню и затем все поочередно дали перед алтарем обет целомудрия и вечной бедности; кроме того, обещали по окончании учения ехать миссионерами в Палестину, если же это окажется невозможным почему-нибудь, то явиться в Рим, дать папе клятву безусловного повиновения и отдаться в его полное распоряжение. Относясь серьезно к принятым на себя обязательствам, Ксавье, Сальмерон и Лайнес заговорили о необходимости ехать в Испанию для ликвидации своих имуществ, так как трудно было предрешать заранее, кто из них и когда вернется из Палестины, да еще и вернется ли. Но верховный глава нового союза не хотел отпускать их на родину, откуда они могли и не вернуться, а потому после зрелого обсуждения решено было, что вместо них поедет сам Лойола и устроит все дела; духовное же братство на время его отсутствия останется под руководством Лефевра, которому Лойола доверял больше, чем остальным. Кроме того, все согласились ожидать Лойолу не в Париже, а в Венеции, куда следовало собраться к 25 января 1537 года, чтобы затем немедленно отправиться морем к берегам Сирии. Покончив все эти дела, Лойола бросил ученье у доминиканцев и, снабженный полномочиями товарищей, уехал из Парижа 25 января 1535 года на родину.

В жизни Лойолы наступил для биографа новый пробел, так как нет сведений о том, что он делал, в продолжение двух лет оставаясь в Испании. Не в меру усердные биографы его, иезуиты Рибаденейра, Маффеи и Бугур, рассказывают, что это было вполне триумфальное шествие будущего святого. Лишь только он въехал в Гипускоа, его встретили чуть не крестным ходом жители Ацпетии, имея во главе Бельтрама Лопеса, племянника Лойолы и старшего представителя дома Лопесов в то время. Прибыв

в Гипускоа, Лойола повидался со своими братьями, которые, конечно, принялись уговаривать его бросить свое ханжество и сделаться достойным своего имени идалго, но Лойола остался непоколебим в своем решении и не захотел даже жить в замке Лойоле, а поселился временно в близлежащем городке Ацпетиа в приюте для бедных. Тут он со всем жаром принялся за проповеди против распущенности, маловерия и безнравственности. Успех превзошел всякие ожидания, и имя Лойолы приобрело громкую известность; многих он спас от греха, даже подействовал на обленившееся местное духовенство и, так сказать, подтянул его к более ревностному исполнению своих обязанностей. Присоединяя к словам поступки, Лойола роздал бедным свое имущество, которое, как надо полагать, досталось ему после смерти родителей; раздача эта состоялась в виде милостыни просящим бедным и в виде небольших пенсий стыдящимся просить. Кроме того, добавляют биографы-иезуиты, Лойола установил чтение молитвы "Angelus", принятой впоследствии всей католической церковью. Совершив все это на родине, Лойола поехал в Памплону, Алмацан, Толедо и Сигуэнцу ликвидировать дела товарищей, а покончив с этим, прямо выехал в Венецию, куда прибыл в конце декабря 1536 года.

Сколько в этом рассказе правды и лжи, решить в настоящее время затруднительно. Во всяком случае, более чем странно, что Лойола, сжигаемый нетерпением осуществить давно лелеемую мысль создать духовное братство для борьбы с врагами церкви, решился праздно слоняться полтора года по деревням Гипускоа. Очевидно, что цель поездки в Испанию у Лойолы была гораздо серьезнее. Во-первых, биографы сами проговариваются, упомянув об имуществе. Как Лойола ни проповедовал усердно о бескорыстии и вечной бедности, но вся деятельность его, а особенно дальнейшая, указывает, что он не был противником земного богатства. Тем более, освободившись за десять с лишком лет от психопатического изуверства и фанатизма, хотя он носил маску того и другого, практически оценивший значение денег Лойола не мог накануне осуществления своей идеи оставаться нищим. Вероятно, еще в Париже он узнал о выпавшем на его долю наследстве, а потому и поспешил явиться лично, чтобы свести счеты с братьями. Во-вторых, Лойола изведал на личном опыте силу и власть инквизиции, сосредоточенной с 1232 года в руках доминиканцев; зная, что его и в Италии и в Палестине могут обвинить в ереси, предусмотрительный васконец мог вступить в переговоры с инквизиционными судилищами в Алькале и Саламанке, чтобы заручиться своевременно оправдательными документами от лиц, судивших студента Лопеса де Рекальде. В-третьих, надо с большой вероятностью допустить, что в Испании жил тот неизвестный покровитель и вдохновитель, с которым Лойола сошелся во время путешествия из Саламанки в Париж и который сумел обратить беспокойно метавшегося психопата в лукавого васконца.

Как бы то ни было, в конце декабря 1536 года Лойола поселился в Венеции и ожидал товарищей. Между тем оставшийся в Париже кружок не терял времени напрасно. Кроткий и симпатичный Лефевр сумел привлечь

к союзу еще трех человек: своего земляка ле Жэ, родом из Аннеси в Савойе Кодюра, родившегося в Эмбрюне, небольшом городке в Дофинэ и Бруз, пикардийца из Бретанкура возле Амьена. Когда учившиеся члены маленькой общины окончили курс наук, то все девять отправились, согласно уговору, в Венецию, избрав для этого кружной путь через Германию, чтобы испытать свои силы в словесной борьбе с лютеранами и другими отпавшими от католической церкви. В это время враги папы и католицизма держали голову очень высоко, так как протестантские князья силой оружия принудили императора Карла V признать за ними все права гражданства, несмотря на отпадение от Рима. Понятно, что в упоении своей победы половина Германии принялась с горячностью судить и рядить о религии и догматах, хотя многие из рассуждающих были недоучками и даже прямо неучами. Нет ничего удивительного, что небольшая кучка, во главе которой стоял Лефевр, проходя по Германии, часто имела блестящий успех в спорах по религиозным вопросам с тяжеловесными немцами, сбиваемыми с позиции искусной диалектикой и пламенным красноречием. Слава о духовных ратоборцах достигла императора, так как от его уполномоченного при ватиканском дворе, Ортица, стало известно, что студенты-богословы направляются в Италию. Действительно, пройдя Бургундию, Баден, Вюртемберг, Баварию, Зальцбург, Тироль, 8 января 1537 года ядро и фундамент будущего ордена иезуитов прибыли в Венецию, где почтительно приветствовали своего владыку Лойолу.

V

ПАВЕЛ III И ЕГО КАРДИНАЛЫ

Эпоха, когда Лойола сошелся с товарищами в Венеции, была замечательна. В первой главе мы упоминали, что Мартин Лютер нанес страшный удар власти римского папы над христианским миром, наглядно доказав, что можно быть хорошим христианином и не признавать папу абсолютным владыкой над душой и совестью каждого. С тех пор прошло 20 лет, и заразительный пример Лютера вызвал появление сотни религиозных реформаторов, благодаря которым престол римского первосвященника пошатнулся в своем основании. У наместника Иисуса Христа отняли Англию, Швейцарию, Палатинат, Франконию, Гессен, Бранденбург, Данию и Швецию с Норвегией, но этого было мало; идеи преобразователей католицизма стали проникать в Пьемонт, Савойю, в долины Альпийских гор, на берега Рейна, во Францию и даже в Польшу. Олеронский епископ Руссель подготовлял Наварру к отпадению от Рима, пользуясь покровительством королевы Маргариты, которая в своей столице Нерак открыто принимала Кальвина под предлогом примирения его с Римом. В самой Италии дела

были плохи, так как даже феррарская герцогиня Ренэ, кузина Маргариты Наваррской, училась богословию у того же Кальвина; отважные новаторы рассыпались по всему полуострову, постепенно охватывая кольцом Вечный город, и даже появлялись в его церквях. Во всем этом антикатолическом движении народ, еще не приученный к самостоятельности и собственному почину, шел покорно по следам своих правителей, которые давали тон и направление борьбе против папского абсолютизма, громко указывая на все грехи римской курии. Положение папы становилось крайне печальным, он терял под ногами почву и не знал, за что ухватиться для спасения своего престола: все средства, считавшиеся прежде неотразимыми, были перепробованы и оказались бессильными.

На римском престоле в это время был Павел III из дома Фарнезе. Добродушный и недалекий, он решился, однако, заглянуть в пропасть, куда начинало скользить католичество, и с этой целью назначил особую верховную комиссию, которой поручил расследовать и донести ему о причинах упадка веры, а также о мерах, которые, по мнению комиссии, следовало принять для исправления совершающегося зла. В эту комиссию вошли: кардиналы Караффа, Контарини, Садолет и Поль, кроме того: салернский архиепископ Фрегозо, бриндизский архиепископ Алессанри, веронский епископ Джиберто, аббат венецианского монастыря Святого Георгия Кортези и доминиканец Бадиа. Перечисленные лица, образованные и преданнейшие римскому престолу, выполнили возложенную на них щекотливую задачу с величайшей добросовестностью и составили обширную докладную записку, в которой изобразили действительное положение папской столицы. Картина, набросанная ими, превзошла своими мрачными красками все, что когда-либо осмеливались говорить лютеране, кальвинисты, англикане, цвинглиане и другие враги католической церкви. Павел III ужаснулся, читая одно перечисление двадцати восьми главнейших зол, превращавших Рим в разнузданный лагерь туенядцев, развратников и преступников. Одно перечисление самых необходимых, по мнению комиссии, мероприятий для поддержания престола Святого апостола Петра давало ясное понятие о том, что делалось среди близорукого католического духовенства в первой половине XVI столетия. Требовалось следующее: суровая цензура над позорным поведением монахов; старательное искоренение предрассудков, поддерживаемых и усиливаемых монастырями; обязательное прекращение симонии, или торговли церковными должностями; освобождение духовенства от обетов безбрачия, так как внебрачное сожитие сделалось вполне обыденным явлением; коренное изменение духа и направления университетского преподавания, подрывавшего в корне авторитет церкви; запрещение торашеского произвола при продаже отпущительных грамот, или индульгенций; назначение священникам и капелланам определенного жалованья для уничтожения их алчного лихоимства и мздоимства. Вникнув серьезно в содержание докладной записки, Павел III испугался громадности задуманной реформы и, по обычаю многих своих предшественников, отложил дело в долгий ящик, передав исторический документ комиссии на хранение в ватиканский архив, где он лежит до сих пор.

В это-то тревожное для католической церкви время Лойола поселился в Венеции, ожидая товарищей. Вид республиканского и торгового города напомнил ему минувшие годы, когда он ездил в Иерусалим, и ему очень не хотелось предпринимать поездки в Святую землю, где гордого и самолюбивого васконца могли опять встретить унижения и оскорбления. В конце концов он решил не ездить туда. Когда прибыл Лефевр с товарищами, Лойола представил им трех новых сочленов, завербованных в самой Венеции его стараниями; это были: два зажиточных брата из Наварры, Эстебан и Хаим Эгвиа, и талантливый богослов Госец, родом андалузец из полумавританской Малаги. На расспросы прибывших Лойола рассказал, что, покончив дела в Испании, он заехал в Валенсию, откуда на корабле достиг Генуи, а затем пешком, побираясь Христовым именем, поплелся на место свидания; так как подавния были очень скудны, то часто приходилось Лойоле голодать, а под Болоньей он едва не умер от истощения. Трудно верить этому рассказу, так как известно, что у Лойолы были в это время значительные деньги, собранные с собственного наследства и после ликвидации имущества Ксавье, Лайнеса и Сальмерона. На вопрос товарищей, когда же они отправятся в Палестину, он уклончиво объяснил, что теперь зима и потому переезд может быть крайне тяжелым, а лучше всего ожидать до весны, то есть до марта и апреля. Затем Лойола предложил членам братства не терять даром времени, а принять на себя уход за больными в госпиталях Святого Иоанна, Святого Павла и для неизлечимых; те последовали безропотно этому приказанию и усердно взялись за дело, причем больше всех прославился Ксавье. Оставшись один, Лойола принялся исправлять и наставлять в делах веры венецианцев, когда-то осмеявших его.

Такое занятие для светского человека не могло остаться безнаказанным. Встревоженные вторжением какого-то иностранца в их область, венецианские священники ополчились против Лойолы и привлекли его к ответу перед духовным судом. Однако глава зарождающейся новой общины не был уже тем наивным рыцарем Святой Девы, который заставлял смеяться судей над своими выходками; он быстро прикинул свои шансы и тайно вступил в переговоры с архиепископом театинским Караффой¹. В чем состояли эти переговоры, осталось тайной, но только талантливый и образованный Караффа принял сторону васконского идалго против венецианских священников и в этом смысле подействовал на папского нунция при республике Вералли, который председательствовал в суде. Когда наступил

¹ Караффа основал орден театинов.

день разбирательства, священники просили запретить Лойоле поучать в их приходах, тем более что он не духовное лицо и, кроме того, отъявленный еретик, с позором уже изгнанный из Франции и Испании. Обвиняемый представил свои объяснения, Караффа официально подтвердил их, и Вералли торжественно произнес оправдательный приговор; Лойола вышел из суда с гордо поднятой головой. Вскоре Караффа, основавший на средства графа Гаэтано Тини орден театинцев, или "настоящих клириков", для исправления приходского духовенства, начал убеждать Лойолу вступить со всеми его товарищами во вновь учрежденный орден, так как их цели казались одинаковыми. Но Лойола сам желал основать орден, в котором он был бы полным хозяином, а потому ответил архиепископу решительным отказом. Дружба с прелатом кончилась, но Караффу вскоре вызвали в Рим, сделали кардиналом и назначили в комиссию, о которой было рассказано раньше; поэтому размолвка его с Лойолою кончилась пока ничем.

Подошла весна, и члены кружка снова заговорили о поездке в Иерусалим. Зная через Караффу, что на море вскоре разгорится серьезная война против мусульман и, следовательно, переезд будет немислим, Лойола не противоречил, но доказал на общем собрании, что без благословения святейшего отца предприятие невозможно, иначе в Палестине им будут мешать на каждом шагу. С такими доводами пришлось согласиться, и сообща постановили командировать в Рим Лефевра и Ксавье за благословением всей общине и за разрешением рукоположения в священники светским членам этой общины. Сам Лойола побаивался ехать в Рим, не зная, как отнесется к нему кардинал Караффа. Посланцы прибыли в Вечный город и обратились за содействием к имперскому уполномоченному Ортису, которого Лефевр знал лично. Ортиса принял их очень ласково и выхлопотал им аудиенцию у Павла III, рассказав ему, вероятно, о подвигах Лефевра с товарищами в Германии. Первосвященник принял Лефевра и Ксавье благосклонно, благословил их на миссионерский труд в Палестине, подарил им на дорогу 60 дукатов и разрешил принять рукоположение у любого епископа. Вполне довольные посланцы стали собирать деньги на дорогу, преимущественно среди испанских купцов, живущих в Риме, набрали около 150 дукатов и радостно возвратились в Венецию к Лойоле.

Решено было без промедления всем принять священнический сан, кроме Лефевра и Лайнеса, которые были рукоположены еще во Франции. Однако сделавшийся подозрительным Лойола не хотел обращаться к подчиненным Караффе епископам и воспользовался приездом в Венецию арабского епископа из Далмации; тот немедленно согласился, и 24 июня 1537 года состоялось торжественное рукоположение в священники самого Лойолы, Ксавье, Сальмерона, Бобадильи, Родригеса, ле Жэ, Кодюра, Бруэ, Госеса и братьев Эгвиа. Тринадцать священников, связанных между собой клятвой в монмартрском подземелье, были готовы ехать в Обетованную землю проповедовать сарацинам учение Христа, но в это время наступа-

тельный союз папы, венецианского дожа и Карла V был формально заключен и турецкому султану была объявлена война. Хитрость Лойолы удалась, так как пассажирское сообщение с Азией было прекращено и нежелательная для него поездка откладывалась на неопределенное время. Тогда Лойола предложил рассеяться по всей Италии для вербовки новых членов, а затем, выбрав удобное время, отправиться в Рим и исполнить вторую часть монмартрского договора, то есть поступить в полное распоряжение папы. В скором времени последователи Лойолы появились в Виченцо, Тревизо, Бассано, Падуе, Вероне и других городах, проповедуя против ересей, волнующих католический мир, против распущенности духовенства, против индифферентизма светских лиц и вербуя в то же время новых членов в свой кружок.

Сам Лойола, в силу своих тайных соображений, избрал местопребыванием Альбанетту, расположенную под стенами аббатства Монте-Кассино в области Терра-ди-Лаворо, принадлежащей к Неаполитанскому королевству. С этих пор бывший товарищ превращается в полновластного владыку и начинает поступать, как подобало генералу будущего всемирного ордена: всеми способами, бывшими в его распоряжении, он старается внушить прежним товарищам, что только он один пользуется благоволением свыше, он один обладает даром предвидения и только ему Бог открывает свои тайные намерения. Когда перед разлукой в Венеции захандривший Родригес задумал уйти из кружка, но не говорил об этом никому, Лойола как-то проведал его тайну, но молча уехал в Альбанетту. Родригес собрался уехать из Венеции, но вдруг ему явился неведомый исполин с мечом в руке и именем Бога запретил ему покидать ряды лойоловой дружины; напуганный страшным ночным посещением, невежественный Родригес покорно сдался, а Лойола из Альбанетты немедленно известил об этом чуде остальных. Затем Лойола через откровение свыше узнал и заявил окружающим, что в ту минуту скончался в отдаленной Падуе Госес, душа которого явилась к Лойоле перед отлетом на небо. При этом совершилось новое чудо. Госес, трудившийся с Кодюром в Падуе, отличался темным цветом лица и был очень безобразен; после же смерти лицо его просветлело и он сделался поразительно красивым. Такими проявлениями своего неземного могущества Лойола действовал на религиозно суеверных членов и убеждал их, что его предприятие находится под специальным покровительством Иисуса Христа и Святой Девы. Тем не менее внешне Лойола оставался по-прежнему тихим, мягким, ласковым и скромным в costume и привычках; в случае надобности только обнаруживал он непреклонную стойкость и пламенное красноречие.

Так провела "боевая дружина", как ее называл сам Лойола, вторую половину 1537 года и большую часть 1538-го. Проповедуя усердно против ересей и заблуждений, члены дружины громогласно заявляли всем: "Мы соединились под знаменем Иисуса Христа, чтобы бороться с ересями и пороками, поэтому мы образуем товарищество Иисуса". Итальянцы

Герб "Общества Иисуса"

привыкли, таким образом, видеть во главе духовных борцов за чистоту веры товарищество Иисуса. К ним присоединился, вместо умершего Госеса, первый итальянец, по имени Страда, составивший уже себе имя ораторским талантом. Чем занимался все это время глава дружины, остается неизвестным, хотя он, конечно, постоянно следил и руководил действиями товарищей, направлял их в ту или другую сторону — словом, вырабатывал из них достойных представителей будущего ордена иезуитов. Только осенью нашел Лойола уместным отправиться в Рим и для этого вызвал к себе Лефевра и Лайнеса, а остальным предписал также явиться в Рим, но несколько позднее. Чтобы поддержать мужество и энергию в Лефевре и Лайнесе, своих ближайших сотрудников, Лойола прибег опять к чудесам. Не доходя двух миль до Рима, они остановились в ла Сторта, небольшом селении, на выезде которого стояла полуразвалившаяся часовня. По своему

обыкновению Лойола забрался в часовню, чтобы помолиться и поручить себя и нарождающееся общество милосердию Бога; долго пробыл он там, так что товарищи стали беспокоиться; наконец Лойола вышел с сияющим, вдохновенным лицом и объявил, что он сейчас удостоился разговора с Богом. Бог явился ему со своим Сыном и поручил последнему покровительствовать новому товариществу и его старшине; согбенный под тяжестью креста, Спаситель кротко принял изъявления преданности со стороны Лойолы и мягко произнес: "В Риме я буду благоприятствовать тебе". Ободренные таким небесным явлением, спутники, с верой в успех задуманного предприятия, вошли в октябре 1538 года в Вечный город.

При содействии того же Ортисы странники скоро получили аудиенцию у Павла III, который принял их благосклонно, будучи польщен покорностью людей, уже приобретших себе некоторую известность. Лойола выразил желание создать духовный орден, члены которого имели бы своей задачей обходить весь свет, поражать дурных людей словесным мечом, исправлять возникающее зло, разрушать дьявольские наваждения и стараться всеми силами возратить католической церкви ее блеск и величие.

Папе понравилась мысль, и он обещал подумать, так как в принципе он всегда был против учреждения новых духовных орденов, сознавая всю их бесполезность и даже вред для церкви. На время же Павел III предложил Лефевру и Лайнесу поступить в университет ла Сапиенца в качестве преподавателей: первый должен был преподавать Священное Писание, а второй — схоластику. Что касается Лойолы, то он сам вызвался исправлять нравы римлян; папа согласился на это, поручая ему разделить этот труд с театинцами Караффы, вызванными с этой целью из Венеции. Довольный результатами аудиенции, Лойола поселился в доме испанского идадьго Гарцонио и приступил к исправлению римских нравов. Он неутомимо посещал церкви, хотя чаще всего был в церкви Богоматери Монтсерратской, поучал по-кастильски народ и обличал еретиков в самой резкой и беспощадной форме. Постепенно стали подходить "дружинники" из разных городов, и Лойола распределял между ними городские участки, в пределах которых те занимались также исправлением нравов и обличением еретиков. О них заговорили в Риме, и заговорили с уважением, как о безупречных людях.

В Риме славился в это время проповедник Аостино, родом из Пьемонта, монах ордена августинцев, привлекавший многочисленную толпу благочестивых слушателей. Лойола восстал против этого лукавого и снисходительного проповедника, доказывая, что он, под маской ложного усердия к престолу Святого Петра, сеет в народе ересь Кальвина. Задетый Аостино стал возражать, и между ними возгорелся отчаянный словесный поединок, окончившийся через некоторое время полной победой Лойолы. Тогда униженный августинец сделал донос властям, указывая, что Лойола еретик, осужденный инквизиционными судами в Алькала де Энарес, Париже и Венеции, где его восковое изображение было предано сожжению, так как сам виновный спасся бегством. Этот донос скоро сделался известен всему городу, и Лойола потерял то уважение и обаяние, какими он пользовался до сих пор. Глубоко оскорбленный в своей гордости, Лойола обратился к епископу Конверсини, занимавшему должность римского губернатора, с просьбой ускорить по возможности судопроизводство. Папы в это время не было в Риме, он находился в Ницце, где старался помирить германского императора с французским королем. Конверсини, зная, что Лойола пользуется благосклонностью Павла III, исполнил его желание и окончил следствие довольно быстро. Донос не подтвердился, а находящиеся почему-то в Риме инквизиторы Фигероа, Фриас и Ори, а также легат в Венеции Вералли лично подтвердили на суде, что Лойола был оправдан ими. Суд торжественно оправдал обвиняемого, и Аостино должен был спасаться бегством в Женеву, где вскоре выступил явным врагом католицизма.

VI

УЧРЕЖДЕНИЕ "ОБЩЕСТВА ИИСУСА"

Между тем еще во время поста 1539 года вся "боевая дружина" Лойолы собралась в римском доме идадьго Гарцонио, где начались заседания защитников католической религии. На первом заседании Лойола сказал: "Небо закрыло нам путь в землю Обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир. Немного нас теперь для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной степени, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вечность. Помолимся же все вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась". На одном из следующих заседаний Лойола подтвердил свои гордые слова: "Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир, поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира. Сомневаться же в вечности мы не имеем права, потому что она формально обещана нам Господом Богом и Иисусом Христом". Единогласно было решено на заседании побудить папу дать согласие на учреждение их товарищества, несмотря на то что Павел III был вообще против духовных орденов. При этом зашла речь о названии. "Если вы мне доверяете, — заявил Лойола, — то мы назовем наше товарищество "Обществом Иисуса". Это название выше других, и оно внушено мне двукратно свыше: в моем манреском убежище и в последнем видении близ Рима, когда Предвечный Отец сделал меня товарищем Своего Сына. Поэтому, дорогие братья, не ищите другого названия". Из этих речей становится очевидным, что в альбанеттском убежище Лойола выработал не спеша и обдуманно полную программу своих будущих действий.

Приближалась суровая и беспощадная зима 1539 года, долго остававшаяся в памяти римлян по своим последствиям: начался голод и бедняки десятками замерзали на улицах и площадях. В это-то время выступил полузабытый и избегаемый со времени процесса Аостино нищий проповедник Лойола. Он понял, что наступил удобный момент вернуть необходимые ему симпатии жителей Рима, и не пожалел для этого накопленных сообщая денежных средств. Его последователи ходили по всему городу, подбирали замерзающих и относили в дом Гарцонио, временно превращенный в обширный приют; здесь их отогревали, кормили, поили, давали одежду и небольшие суммы денег. Затем в свободные минуты обходили дома богачей и собирали щедрое подаяние во имя голодающих; таким образом, весь Рим знал, чем занимается общество Лойолы. Немудрено, что по

окончании бедствия, уже весной 1540 года, благодарность народа не знала границ и все подозрения в ереси, возникшие еще при Аостино, рассеялись бесследно.

Политические затруднения продолжали удерживать Павла III в Ницце, а потому, чтобы не терять бесполезно времени, Лойола составил сжатый проект устава будущего общества и через кардинала Контарини отослал его в собственные руки папы. Последний прочел внимательно проект и радостно воскликнул: "Здесь виден перст Божий!" Дело в том, что кроме трех обычных монашеских обетов в проекте был помещен четвертый: "Посвятить свою жизнь постоянному служению Христу и папе, исполнять военную службу под знаменем креста, служить только Иисусу и римскому первосвященнику как его земному наместнику. Таким образом, только настоящий папа и его преемники будут повелевать орденом в делах спасения душ и распространения веры, и в какие бы он страны для этого их ни посылал, они без малейшего замедления и без всяких оговорок, насколько только позволяют им силы, обязаны это немедленно исполнять". Папа понял, что он приобретает могущественного союзника для борьбы с врагами его престола. Не желая, однако, решать такое важное дело единолично, Павел III переслал проект на рассмотрение лучшему богослову и канонисту, кардиналу Гвидиччони, сам же нашел целесообразным испытать на деле силы нового общества. С этой целью, для борьбы с ересями и религиозными новшествами, Лайнес и Лефевр были посланы с кардиналом Филонарди в Парму, Бобадилья — на остров Искию, ле Жэ — в Брешиа, Кодюр — в Падую, Бруз и Страда — в Сиену, Ксавье и Родригес — в Лиссабон. Во всех названных городах поручения Павла III были исполнены в высшей степени удачно и общее внимание обратилось на этих даровитых и пока вполне скромных слуг папского престола. Лойола же с Сальмероном и братьями Эгвиа оставался в Риме, где продолжал приобретать симпатии жителей и очищать столицу от свободомыслия.

Проект устава между тем сел на мель. Кардинал Гвидиччони, суровый пурист, придерживающийся буквы закона, отказался даже просмотреть присланный папой проект, опираясь на постановления Латеранского и Лионского соборов, состоявшихся в 1215 году при Иннокентии III и в 1274 году при Григории X, которыми прямо воспрещалось учреждение новых орденов. Однако Лойола не унывал, извещаемый своевременно многочисленными друзьями, которых он сумел приобрести повсюду, о том, что делается против него и за него. Какие средства были употреблены, чтобы повлиять на строгого кардинала, осталось неизвестным; явно же Лойола ничего не предпринимал, он только молился, чтобы Бог вразумил Гвидиччони. Наконец, он торжественно обещал отслужить три тысячи обедней, и на кардинала вдруг снизошло наитие свыше: неожиданно для всех он тщательно прочел проект и нашел его превосходным; два других кардинала, составившие с ним комиссию по воле папы, немедленно согласились с его авторитетным мнением, и судьба Лойолы была решена.

Возвратившийся из Ниццы Павел III, которому удалось хотя бы на время примирить Карла V с Франциском I, был очень доволен согласием кардинальской комиссии. 27 сентября 1540 года была подписана булла "Regimine militandis ecclesiae", которой учреждалось "Общество Иисуса", или "орден иезуитов". В этой, довольно пространной булле сказано между прочим: "Товарищество, или общество Иисуса" состоит из тех, которые во имя Бога желают быть вооруженными под знаменем креста и служить единому Господу и первосвященнику римскому, Его викарию на земле. Принятые в товарищество должны дать обет целомудрия, бедности, послушания генералу ордена и повиновения правящему церковью папе. Генерал ордена не ограничен в своей власти, но он обязан составить конституцию или устав общества с согласия большинства сочленов, в управлении же делами товарищества ему предоставляется полная свобода. Число членов товарищества не должно превышать шестидесяти". Одна уже эта выдержка дает полное право предположить, что черновик этой буллы составлял гибкий и изворотливый Лайнес под диктовку Лойолы, так и не выучившегося излагать свои мысли по-латыни. Кроме того, почти в самом начале буллы сказано, что Лойола с товарищами окончили курс Парижского университета; между тем мы видели, что университета Лойола не посещал вовсе и даже не окончил курса в доминиканской коллегии. Употреблено ли это выражение для большей важности, или васконский идалго представлял подложный диплом, остается для нас неизвестным.

Окончив все возложенные на них поручения, большинство иезуитов, как мы должны теперь называть сподвижников Лойолы, возвратились в Рим, чтобы принять участие в радости своего владыки, заветная мечта которого наконец осуществилась. Не явились только: Родригес, снискавший в Лиссабоне полное доверие португальского короля Жуана III¹ и почти неограниченно распоряжавшийся церковными делами Португалии, и Ксавье, отправленный в качестве апостольского легата в Ост-Индию, что всегда составляло его пламенную мечту. Но папа спешил пользоваться трудами "боевой дружины", овладевшей уже его полным доверием. Вскоре после обнародования буллы Лефевр был командирован с особым поручением в Испанию, Сальмерон и Бруз отправились в Ирландию поддержать католиков в борьбе с английским королем Генрихом VIII, Бобадилья и ле Жэ были посланы в Германию бороться с протестантизмом, а Лайнес поехал в Венецию улаживать какие-то недоразумения. Благодаря их повсеместному появлению, в Европе скоро заговорили о иезуитах, называя их первое время разными именами: в Венецианской республике их называли театинцами по сходству первоначальной деятельности с орденом, созданным кардиналом Караффой; в Терра-ди-Лаворо — езуинами; в Романье — священниками Святой Лучии, так как впервые они стали проповедовать

¹ Жуан, или Жоан, III (1502—1557) — сын короля Мануэла, вступил на престол после смерти отца в 1521 г. Дочь Жоана III Мария (1527—1545) была первой женой испанского короля Филиппа II.

в болонской церкви этой святой; в герцогстве Феррарском — скофиотти, — от головного убора; в Испании — иньигистами, — в честь основателя ордена, только во Франции и в Риме их сразу стали называть иезуитами.

Что касается Лойолы, то он тихо и спокойно сидел в Риме, продолжая воздвигать и укреплять новое здание, созданное исключительно его заботами и настойчивостью. Наступило время избрания генерала ордена иезуитов, и по воле Лойолы все его сподвижники вернулись в дом Гарцонио, за исключением Ксавье, уже уезжавшего в Ост-Индию, и Родригеса. С молитвой приступили иезуиты к баллотировке по запискам и, конечно, единогласно избрали Лойолу, который неожиданно начал скромничать, отказываться от высокой чести и уверять, что такая задача ему не по силам. Хитрый идальго заставил еще два раза повторить баллотировку и только тогда, видя в единодушии бывших товарищей неисповедимую волю Божью, согласился принять должность генерала. На страстной неделе, 17 апреля 1541 года, этот выбор был утвержден Павлом III, и иезуитам оставалось только исполнить еще одну формальность.

22 апреля все иезуиты собрались к обедне в церковь Святого Павла, расположенную вне городских стен. Обедню служил впервые генерал ордена, который перед раздачей причастия громогласно прочел буллу, учреждающую орден, и затем всенародно произнес обеты, указанные в булле. Перед окончанием же обедни Лойола принял перед главным алтарем присягу от своих сочленов, причем последние, в знак покорности, целовали его руку. С этого дня орден иезуитов официально стал существовать и с первых же дней нарушил данный обет быть бедным, так как Пьетро Кодаче, богатый римский дворянин и офицер папской гвардии, давно сделавшийся покорным слугой Лойолы, пожертвовал ордену все свое значительное имущество и сам поступил в иезуиты. В эту эпоху, на пятидесятом году жизни, Лойола вовсе не был похож на бравого когда-то офицера Лопеса де Рекальде; это был человек среднего роста, слегка прихрамывающий, лысый, с лицом оливкового цвета, впалыми щеками, большим лбом, сверкающими и глубоко сидящими глазами; общее выражение лица было несколько загадочно-странное: по мнению друзей, на нем лежал отпечаток святости, враги же утверждали, что это просто помешанный человек. На самом деле это был упрямый васконец, задумавший и создавший грозную боевую дружину для охраны и защиты католицизма, могучий оплот обскурантизма и религиозного фарисейства.

VII

УСТАВ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ

Ни одна конституция европейского государства не заставляла так много говорить и писать о себе, как конституция или устав ордена иезуитов. Ее разбирали по косточкам, обсуждали каждую фразу и высказывали самые

разнообразные суждения о ее достоинствах и недостатках; а из этих суждений делали те или другие выводы о личности автора конституции, Игнатии Лойоле: одни считали его мировым гением, создавшим устав, выше которого ничего не было и не будет в человеческом обществе; другие высказывали убеждение, что этот устав слепок из кусочков, сочиненных разными людьми и в разные времена, так что на долю Лойолы приходится самая ничтожная часть. Причина подобных разногласий кроется в том, что Павел III разрешил существование общества, устава которого он не знал, так как этого устава еще не было. Лойола только начал составлять устав в середине 1541 года при содействии Лайнеса и своего секретаря Паланки, переводившего с кастильского на латинский; когда была окончена работа, неизвестно; но обнародован печатный устав был после смерти Лойолы, по одним сведениям, в 1558 году, а по другим — в 1584-м. Таким образом, не имея перед собой кастильского текста, в настоящее время невозможно отделить произведения Лойолы от позднейших вставок и добавлений его преемников в должности генерала ордена. Приходится делать это наугад, ощупью, учитывая характер Лойолы, насколько он известен из разноречивых показаний. По нашему мнению, большинство добавок в уставе относится к правам и обязанностям генерала; остальное почти целиком должно быть приписано исключительно Лойоле. Дело в том, что, как кажется, Лойола схитрил перед папой, уверяя его, будто он приступил к составлению устава только после утверждения ордена: на самом деле он занялся этим трудом с середины 1537 года, тотчас по переселении в Альбанетту. Окончив работу, он не показывал ее, а несколько лет исправлял, проверяя на практике ее хорошие и дурные стороны. Только таким способом можно объяснить цельность, стройность и живучесть организации, существующей до сих пор.

Видя печальное положение католической церкви, поколебленной отпадением нескольких миллионов людей почти одновременно, так что римские первосвященники становились в тупик, не зная, как помочь беде, Лойола или сам додумался, или понял из докладной записки верховной комиссии кардиналов в 1537 году, где находится корень всего зла. Павел III отступил перед исполинской задачей, естественно вытекающей из смысла докладной записки, — перевоспитать все католическое общество; самолюбивый васконец отважно и уверенно принял эту задачу на себя и начал приводить ее в исполнение так умело и последовательно, что, не встретив ордена иезуитов стойкого отпора во Франции, северной Германии и России, легко могло бы случиться, что весь христианский мир сделался бы католическим. Система, принятая Лойолой, была очень нехитрая, но в этой простоте и заключалось все ее величие; придя к убеждению, что воспитание и образование, даваемое пастве без строгого контроля пастыря, ведет к вольнодумству, свободомыслию и неповиновению, он решил, что воспитание и образование должны быть сосредоточены в одних руках, но в руках надежных. А для того чтобы орденом иезуитов и был "этими надежными руками", Лойола создал образцовую организацию внутреннего устройства ордена. Таким образом, главной задачей "Общества Иисуса"

было овладение воспитанием и образованием молодежи, преподаванием в низших, средних и высших учебных заведениях — словом, переформировать умонастроение христианского мира, поэтому благотворительность во всех видах, миссионерство среди нехристиан, разъяснение богословских истин в исповедальне и с церковной кафедры — все это становилось для иезуитов второстепенной задачей, которой они особенно и не занимались. Не доверяя такого дела папе, находящемся силой обстоятельств под всеобщим контролем, Лойола создал независимого от него владыку, "черного папу", который по уставу вполне самостоятельно шел к намеченной цели; и если, по логическому ходу обстоятельств, папы очутились в зависимости от иезуитов, а последние сознательно стремились к всемирному господству, к всемирной монархии, то винить в этом Лойолу нельзя, как нельзя обвинять огонь, что он сжигает все органические тела, оставляя после себя пепел. Своеобразная задача потребовала и своеобразного решения.

Обратимся теперь к уставу, определяющему внутреннее устройство общества, созданного Лойолой. Орден иезуитов распадается на шесть классов: "послушники", "ученики", "светские кандидаты", "духовные кандидаты", "исповедники трех обетов" и "исповедники четырех обетов". Эти классы не представляют замкнутых каст, но переход из одного класса в другой зависит от способностей и степени развития экзаменуемого. Низший класс, послушники или новии, распадается на три параллельных отделения: светские, духовные и безразличные; первые готовятся быть учителями, чиновниками, бухгалтерами и т. д.; вторые — священниками, миссионерами, монахами; третьи — наклонности и дарования которых еще не выяснились. Большей частью это дети или юноши, воспитываемые в духе, желательном ордену; поступить в этот класс извне может всякий, кроме бывшего уже послушником в каком-нибудь духовном ордене. Поступающий в послушники отрекается от своей воли, от своей семьи, от всего, что вообще дорого свободному человеку; он становится рабом ордена, который имеет право помыкать им как вздумается; вступительные три обета, правила повседневной жизни, одежда, пища, жилище — для всех послушников одинаковы; испытания их полной подготовленности производятся преимущественно в возрасте от 15 до 18 лет. Приносящие с собой движимое или недвижимое имущество имеют право им пользоваться для своих личных потребностей, но отчуждать его не смеют, так как этим имуществом распоряжаются старшие начальники. Если послушник почувствует себя неспособным продолжать дальше жизнь в установленных рамках, то заявляет об этом одному из начальников, и тот может его уволить из ордена без всяких стеснений и церемоний.

Второй класс, ученики или схоластики, мало чем отличается от первого: только научные занятия происходят в усиленной степени и дисциплина немного строже. Ученики подготавливаются к произнесению данных уже ими обетов при более торжественной обстановке; однако если принятая ими на себя задача окажется непосильной, то их также могут уволить из ордена. Нет возврата в мир из третьего класса светских кандидатов и параллельного с ним четвертого класса духовных кандидатов. Эти два класса подвергаются испытаниям не

менее десяти лет (при расчете, чтобы испытуемый был не моложе полных 30 лет) во всевозможного рода занятиях, конечно сообразуясь со способностями каждого отдельного лица. Эти испытания дают право произнести свои обеты при торжественной обстановке, в присутствии высшего начальства. Во время испытаний кандидаты духовные могут быть, с разрешения властей, священниками, принимающими исповедь посторонних, миссионерами, пользующимися большой свободой действий, и начальниками иезуитских коллегий; светские кандидаты также, в случае надобности, могут исправлять более или менее ответственные должности по указанию ближайшего своего начальника.

Произнеся торжественно обеты, кандидаты переходят в пятый класс, исповедников трех обетов, не подвергаемых уже испытаниям, а сознательно несущих свою службу на пользу и процветание ордена. В этот класс принимают на 33-м году жизни, когда характер человека вполне установится и на него можно положиться. Исповедник трех обетов трудится усиленно в различного рода должностях, согласно данной ему инструкции, но, как не подготовленный вполне, часто не знает мотивов того или другого распоряжения. Для того чтобы знать все тайные намерения, планы и соображения распорядителей судьбами ордена, необходимо удостоиться полного доверия со стороны генерала и перейти в последний, шестой класс, исповедников четырех обетов. Право произнести четвертый обет, повиновения римскому папе, предоставляется только лицу, доказавшему свою преданность генералу и ордену, такому лицу, который не станет повиноваться папе в ущерб интересам своего ордена и сумеет дипломатично вывернуться в затруднительном положении. Строго говоря, единственно шестой класс и заслуживает названия настоящих иезуитов: в их руках находится вся судьба ордена, так как только они распоряжаются низшими классами бесконтрольно, из их среды избираются все высшие начальники и они одни знают все тайны ордена. Поэтому понятно, что число исповедников четырех обетов довольно ограничено и в самую блестящую эпоху развития могущества ордена иезуитов их не бывало больше 50 человек. Но достичь такого блестящего положения можно только после длинного ряда лет, проведенных в трудах и искусствах.

Кроме перечисленных шести классов, составляющих собственно орден, в распоряжении иезуитов были и есть так называемые "привлеченные", или "светские иезуиты". Эти лица, очень многочисленные, не принадлежат ни к одному из классов и без всякой видимой связи с орденом занимают в обществе самые разнообразные положения; тут есть чиновники, священники, военные, профессора, адвокаты, медики, юристы, кокотки, дипломаты, помещики, великосветские дамы, моряки, придворные, писари, модистки, газетные репортеры, нищие, полицейские чины, торговцы, художники, актрисы, литераторы и мастеровые. Большая часть из них воспитывалась в иезуитских учебных заведениях и сохранила связи с бывшими своими наставниками и воспитателями; другие привлечены прямо подкупом или же им обещаются привилегии различного рода, не достижимые обыкновенным путем. В большинстве случаев "привлеченные" так или иначе зависят от

ордена, который ничем не связан с ними и всегда может отречься от них при промахе или скандалах с их стороны. Между тем польза от "привлеченных" очень велика и понятна.

Что касается внутреннего управления ордена, то во главе его стоит генерал, избираемый верховным советом или конгрегацией пожизненно и утверждаемый папой; это утверждение обратилось впоследствии в пустую формальность. Все члены ордена повинуются генералу беспрекословно, слепо, не позволяя себе рассуждать; прием и удаление членов полностью зависит от него, он созывает Верховный совет, председательствует в нем и пользуется двумя голосами. Ничто не может совершиться в ордене без ведома и согласия генерала, от которого зависят назначения на все должности; только его "ассистенты" и советник, или "адмонитор", назначаются Верховным советом после его избрания. Если генерал уезжает по важным делам из Рима или почему-нибудь не может исполнять своей должности, его замещает им же избранный генерал-викарий; перед смертью генерал назначает своего преемника, но если он не успеет этого сделать, то исповедники четырех обетов собираются и немедленно избирают генерала, чтобы орден ни секунды не оставался без главы. Избираемый не имеет даже права отказаться от ответственной должности. По идее Лойолы, суммы, отпускаемые на содержание генерала, расходуются Верховным советом, который имеет право, в случае растраты и явно соблазнительного образа жизни, немедленно сместить генерала. Деятельность главы ордена заключается в непрерывном руководстве, контроле всех действий членов, для чего он поддерживает постоянную переписку, причем каждый иезуит имеет право по делам ордена прямо адресоваться к генералу, единственной заботой которого должно быть развитие и процветание его всемирной монархии, его государства в государствах; он может обладать научным образованием, но важнее всего для него знание человеческих слабостей, неустанная деятельность, отважная решимость, мудрая осторожность и железная сила воли для достижения намеченной цели.

Ассистенты генерала составляют его тайный совет — это его министры; они являются в числе пяти представителями орденских провинций, по именам которых и называются. Они созданы не только для помощи генералу, но и для надзора за ним, поэтому ассистенты могут в случае серьезной необходимости созвать Верховный совет помимо генерала, даже низложить последнего, заручившись письменным согласием провинций. Шестой член тайного совета, адмонитор, дает секретные советы "в почтительной форме" генералу в случае его промахов и также избирается Верховным советом. Такая система шпионства по отношению к властелину ордена применяется последним ко всем подчиненным ему в ордене лицам, а при содействии всех членов и "привлеченных" — к заслуживающим внимания лицам вне ордена, поэтому генерал постоянно знает все, что делается на свете. Необходимо заметить при этом, что шпионство за поведением генерала не опасно для него в силу его неограниченной власти: весь тайный совет находится прямо в его руках, он может его разогнать, арестовать, наказать, наконец. Генерал в силу папской буллы от 14 марта 1543 года может самостоятельно

изменить статьи устава и сделать из членов тайного совета прямых исполнителей своих распоряжений. Таким правом пользовались преемники Лойолы, генералы Лайнес, Борджа и Аквавива.

Вся иезуитская монархия для удобства управления разделяется на провинции, которых по смерти Лойолы уже было двенадцать. Во главе каждой провинции находится провинциал, или губернатор, заботящийся о процветании вверенной ему области и получающий приказания прямо от генерала; он назначает преподавателей для "послушников" и "учеников", прокуроров, ведающих имущественными делами провинции, священнослужителей, светских префектов, научных префектов, санитарных префектов, исповедников, проповедников, совещательных членов, "регентов" или администраторов коллегий, профессоров и членов совета в коллегиях. Только назначение вице-провинциала, старшин домов "исповедников" и "послушников", ректоров и канцлеров коллегий принадлежит генералу; иногда провинциал может и их назначать, но везде и всегда необходимо утверждение генерала. Чтобы последний лучше знал, на ком остановить свой выбор, провинциал через каждые три года посылает ему самый полный список всех подчиненных ему лиц с подробным разъяснением характера, способностей, склонностей, общественных связей и познаний каждого. В помощь провинциалу существует его тайный совет, состоящий из трех ассистентов и одного администратора. В соответствующих условиях находятся старшины, или "настоятели", домов исповедников трех обетов и ректоры коллегий, равноправных в силу папского разрешения всем католическим университетам.

Кроме шпионства тайного, но повсеместного генерал посылает в провинции по временам "комиссаров" и визитаторов для ревизий, исправления нанесенного вреда, приема жалоб и подробного донесения о положении дел. Старшины и ректоры докладывают провинциалу письменно каждую неделю о своих делах, провинциал докладывает генералу ежемесячно, а в январе представляет годичный отчет. Раз в три года созывается провинциальная конгрегация из "исповедников" для обсуждения местных нужд и потребностей; особый депутат отвозит лично генералу полный журнал записей заседаний и докладывает словесно о том, что опасно доверить бумаге. Общеиезуитский официальный костюм напоминает васконца: сомбреро или шляпа с полями, старинный черный плащ и под ним черная сутана; в случае же надобности иезуит может явиться в омофоре епископа, мантии кардинала, мундире офицера, сюртуке частного лица и фраке светского щеголя. О внешности иезуита есть предписание Лойолы: "Голова слегка наклонена вперед, но не свешена вправо или влево; глаза опущены настолько, чтобы не смотреть на собеседника, а искоса следить за ним; хмуриться и морщить нос не следует, вообще сохранять невозмутимость, но при этом внешний вид иметь больше ласковый и довольный, чем печальный; не разевать рта и не поджимать губы; ходить по возможности всегда степенно". Прежде чем установить это правило, Лойола долго обдумывал его, плакал и семь раз обращался с молитвой к Богу.

VIII

ГЕНЕРАЛ ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

Уступая "настояниям" своего духовника, священника Теодосио при церкви Святого Петра монторийского, Лойола принял должность генерала ордена после третьей баллотировки. И чтобы публично показать пример смирения, первые дни исполнял должность кухонного мальчика. Затем он вернулся к своим обычным занятиям в созданной им школе, где обучал очень успешно мальчиков, несмотря на плохое знание итальянского и латинского языков. Бывший офицер приобрел такую славу своими педагогическими приемами, что даже богатые родители охотно помещали своих детей в его скромную школу. Кроме того, он почему-то полюбил евреев и ревностно старался обращать их в христианство; успех подстрекнул его идти дальше, и он нашел новую специальность: исправлять и обращать на путь истины падших женщин. Почти ежедневно он посещал площади, базары, рынки, дома терпимости и разные притоны Вечного города; везде раздавалась его страстная, вдохновенная речь, и почти всегда ему удавалось увести раскаявшуюся в особо устроенный им приют, где он также поучал женщин христианским добродетелям и евангельским истинам. Вслед за тем Лойола создал второй приют, где находили убежище одинокие благородные девушки и молодые женщины, спасаясь от мирских соблазнов, а подчас и нищеты. Многие женщины из обоих приютов посвящали себя Богу, поступали в монастыри, занимались обучением детей, и легко понять, как эти "привлеченные" ревностно служили целям ордена, поддержавшего их в тяжелую минуту. Только со вторым приютом случился скандал. Туда попала замужняя женщина, и ее родственники распустили по Риму слух, что она находится в любовной связи с Лойолой и некоторыми его друзьями; весь город заговорил об этом, и сконфуженный генерал вынужден был прибегнуть к декрету Павла III, чтобы разъяснить дело и успокоить общество.

Одновременно с этими делами Лойола составлял по-кастильски конституцию, или устав, своего ордена. Поклонники его уверяют, будто во всех мало-мальски затруднительных вопросах генерал обращался за разъяснениями непосредственно к Богу, благодать которого, видимо, почивала на нем. Обыкновенно, как рассказывают, Лойола излагал сомнительный для него параграф на бумаге, которую помещал на престоле на все время обедни; если по окончании обедни текст оставался без изменения, то Лойола считал одобрение Бога несомненным. Рассматривая этот устав, составленный при божественном сотрудничестве, можно видеть, что главными консервативными тормозами, предохраняющими орден иезуитов от распада, были следующие пункты: система взаимного шпионства, доведенная до виртуозности; формальное запрещение членам ордена принимать должности и зва-

ния вне ордена; учреждение цензурной комиссии из трех делегатов, без одобрения которых ни один иезуит не смел напечатать что бы то ни было. Благодаря этим основным правилам, орден иезуитов, несмотря на значительные промахи своих отдельных членов, имеет возможность существовать до настоящего времени, правда не признаваемый многими *de jure*, но фактически пользующийся большими богатствами, властью, силой и несомненным влиянием.

Занимаясь всем вышесказанным, Лойола зорко следил за первыми шагами в свете своих сочленов, ободряя одних, сдерживая других, исправляя промахи третьих; главнейшая задача ордена преследовалась им неутомимо, и многие из его подчиненных действовали в этом отношении единодушно и с блестящим успехом. Желая поддержать доверие к себе, генерал повторил чудо 1537 года: проезжая с Виоле 29 августа 1541 года по мосту Сикста, он вдруг остановился и с молитвой объявил, что видел улетающую душу Кодюра, который умер в это время в Падуе. Видя рвение и усердие Лойолы в исполнении принятого им на себя обязательства бороться с врагами католической церкви и папского престола, Павел III обнародовал 14 марта 1543 года буллу, в которой разрешил ордену иметь неограниченное число членов и, кроме того, в знак полного своего доверия дал право генералу изменять статьи устава, сообразно с обстоятельствами и требованиями времени без ведома самого папы. В силу такого обширного полномочия Лойола сделал некоторые изменения во внутреннем устройстве ордена; до сих пор члены ордена делились на два класса: послушников и исповедников четырех обетов; находя это не соответствующим действительным потребностям растущего не по дням, а по часам ордена, Лойола ввел постепенно еще два класса, духовных и светских кандидатов. Эта реформа была одобрена новой буллой от 5 июня 1546 года. Затем для послушников Лойола сделал обязательным изучение его "Духовных упражнений", написанных по-кастильски еще в Манресе. Когда враждующий с иезуитами архиепископ толедский Силичео запретил формально употребление этой книги, переполненной описаниями военных действий Иисуса Христа против сатаны, неугомонный генерал вызвал к себе наиболее образованных кандидатов и велел им сделать перевод по-латыни; лучшим переводом оказался труд француза Андре Фрюза. Его перевод напечатали и передали покровителю испанских иезуитов герцогу Франциску Борджа Гандиа, а тот представил его Павлу III; папа рассмотрел и одобрил "Духовные упражнения", о чем и заявил 31 июля 1548 года, настоятельно рекомендуя их всем набожным людям и сурово порицая хулителей книги.

Родригес и Ксавье были избраны самим Лойолой, когда португальский король Жуан III обратился через своего посланника в Риме к папе с просьбой прислать иезуитов для исправления веры и нравов португальцев. Потрудившись сначала совместно и овладев доверием слабохарактерного и недалекого Жуана III, Ксавье отправился в португальскую Ост-Индию в качестве папского легата. Это было в мае 1541 года. Побывав в Мозамбике, Ксавье прибыл в Гоа и принялся ретиво и своеобразно обращать

туземцев в христианство. Он учил детей молитвам, платя за это сладостями, а когда те твердо отвечали урок, приказывал учить родителей и заносил семью в список христиан. Индусы смеялись над оригинальным миссионером и прятались от него, если он являлся с военным конвоем. Недовольный сдержанностью вице-короля, не дававшего ему батальонов, Ксавье заставил Хуана III сместить его, а затем, воспользовавшись случаем, отправился в Индокитай, на полуостров Малакку, на Зондские, Молуккские и Филиппинские острова, долго жил в Японии и умер 3 февраля 1552 года, обратив почти 200 тысяч человек в христианство и вытребовав в Гоа доминиканских инквизиторов для поддержания повиновения среди бунтующих туземцев. Ксавье признан папой святым и назван апостолом Индии.

Родригес, сын сапожника из Буцеллы, остался один при лиссабонском дворе и повел иезуитскую пропаганду со всей наглостью зазнавшегося простолюдина, попавшего в барские хоромы. Пользуясь покровительством короля, он немедленно, исполняя завет Лойолы, основал в университетском городе Коимбре первую в Европе иезуитскую коллегию, чтобы бороться со светскими преподавателями; после отъезда Ксавье появилась вторая коллегия в Оporto¹. Исполняя второй завет Лойолы, Родригес старался снизить расположение знатного дворянства и для этого всеми дозволенными и недозволенными средствами привлекал знатных юношей в ряды иезуитов; таким образом в списке членов появились в короткое время Баретто, Сильвейра, братья Менесес, Камара, Энрикец и даже Браганца. Последнего, близкого родственника Хуана III, Родригес насильственно увез в дом "исповедников" и заставил принять пострижение. Дворянство, оскорбляемое иезуитами, почти взбунтовалось и подало королю петицию; король стал упрекать Родригеса, но тот с неподражаемой дерзостью обругал его за это и заявил, что если король посмеет настаивать, то он сам уедет и увезет всех иезуитов из Португалии. Хуан III испугался, уступил и стал еще более раболепным; когда Родригес захворал, то король со всем двором навещал его несколько раз, недовольных иезуитами сажал в тюрьму, поручил Родригесу воспитание своего сына и наследника престола принца Хуана и дал средства устроить третью коллегию в Эворе. После 1543 года у большинства аристократов духовниками были иезуиты. Затем иезуиты проникли в Бразилию, в 1549 году утвердились там, а в 1553 году Лойола должен был назначить туда особого провинциала. Понятно, что Родригес зазнался и начал пренебрегать своими прямыми обязанностями настолько, что коимбрская коллегия вместо соперничества с университетом была заброшена и почти развалилась. Долго переносил Лойола своеволие своего любимца, но последнее обстоятельство вывело его из терпения, и Родригес был смещен, что крайне огорчило португальского короля. Подстрекаемый Родригесом, Хуан III поссорился с Лойолой, но последний сумел внушить к себе доверие и помириться.

¹ Оporto или Порту.

COELO AFFIXVS SED TERRIS
OMNIBVS SPARSVS.
Mmur. Fel. in Octa.

na Reputa
ore Societ
tatis
IESV

HISTORIA
DELLA COMPAGNIA DI GIESV
Del R. P. Daniello Bartoli
della medesima Compagnia.

Juan Miele del

C. Boehmer sculp

Сальмерон и Бруэ были отправлены папой в качестве легатов в Ирландию; злоупотребляя своим положением, они так бесцеремонно и нахально обращались со свободолюбивыми ирландцами, что те несколько раз покушались на их жизнь. Не принеся пользы и спасая свою жизнь, достойные легаты тайком бежали из Дублина в Италию, где дела ордена процветали. Лайнес тактично повел дело в Венеции и снискал доверие общества; Липпомани подарил ордену дом и землю в Падуе, чтобы устроить первую в Италии иезуитскую коллегия, которой первое время руководили Паланка и Фрюз; то же самое сделал Мендози в Тиволи, Дориа в Генуе и кардинал Карпи в Лоретто. Постепенно основались коллегии в Мессине, Палермо, Неаполе, Турине, Мантуе, Флоренции, Ферраре, Болонье, Парме, Сиене и Авиньоне. Благодаря такому успеху Лойола нашел необходимым разделить Италию на три провинции. Папа разрешил выстроить в Риме огромный дом для надобностей ордена и радовался успеху исполинского предприятия. По указанию Лойолы Сальмерон стал руководить пропагандой в Модене, Бруэ — в Сполето, а Лайнес и Араос в качестве провинциалов — в Венеции, Падуе и Неаполе. Из-за недостатка людей Лойола захотел облегчить условия зачисления в "исповедники", но случай с Постелем вынудил его оставить прежние условия. Вильгельм Постель, из подонков немецкого бюргерства, обратил на себя внимание генерала и быстро был переведен в старший класс; почувствовав свою силу, он сделался так дерзок и груб, как только может быть зазнавшийся немец, поэтому Лойола вынужден был выгнать его из состава ордена и удалить даже из Италии. 3 июня 1545 года была обнародована булла, которой Павел III разрешал любезным его сердцу иезуитам совершать богослужения во всех церквях, селениях, на всех дорогах и площадях, не испрашивая разрешения местного духовенства, повсеместно проповедовать, поучать, исповедовать, отпускать грехи, кроме указанных в особом списке, изменять сущность даваемых частными лицами обетов и подвергать провинившихся духовному наказанию.

Португальская принцесса Мария, дочь короля Хуана III, выданная по настоянию Родригеса замуж за испанского принца Филиппа, сына Карла V, в 1543 году, привезла с собой Лефевра и Араоса. Эти два даровитых иезуита приобрели покровительство вице-короля Каталонии герцога Франциска Борджа Гандиа, правнука по матери короля Фердинанда Католика; этот знатный вельможа, правнук по отцу папы Александра VI и брат двух кардиналов, был ревностный католик и, заботясь о спасении своей души по

*Аллегория на всемирное господство
ордена иезуитов.*

*Титульный лист книги,
посвященной ордену иезуитов*

рецепту Лойолы, дал широкий простор иезуитам в управляемых им областях и поддерживал их во всех случаях. В скором времени в университетском городе Алькала де Энарес была учреждена первая в Испании иезуитская коллегия, а затем коллегии появились в Малаге, Гранаде, Кордове, Севилье, Бургосе, Барселоне, Мурсии и пр. и пр. Блестящи были успехи Лефевра, оставшегося провинциалом после перевода Араоса в Неаполь, но упорна была и борьба его с врагами иезуитов. Кардинал Мендоса дал средства на устройство коллегии в Саламанке, но против этого восстали все профессора университета с Кано во главе; этот знаменитый богослов без стеснения заявлял всем, что приближается конец света, так как появились иезуиты, "предтечи антихриста". Толедский архиепископ Силичео принял сторону университета, и его викарий принялся выживать последователей Лойолы, подвергнутых отлучению от церкви, из всей саламанкской епархии. Лойола, интересуясь особенно своей родиной, принял деятельное участие в борьбе, и последствия не замедлили показать его могущество; профессор-богослов Кано был командирован представителем Испании на Тридентский собор, а затем был назначен епископом Канарских островов; архиепископ Силичео смирился перед буллой от 18 октября 1549 года, объявившей иезуитов под особым покровительством папского престола, и вскоре скончался. Провинциал Страда, заменивший Лефевра, отправленного в Германию, с торжеством вернулся в Саламанку в сопровождении гуэского епископа, лично освятившего здание коллегии. Торжество иезуитов было полное, и даже малограмотный ректор барселонской коллегии Виллануово привлек множество новых членов в орден.

В Нидерланды, подчиненные также скипетру Карла V, иезуиты попали через Францию и раньше всего основали свою коллегию в Турне, а затем постепенно устроились в Антверпене, Брюгге, Люттихе, Генте, Брюсселе, Монсе, Лилле, Дуэ и Маастрихте; первое время коллегии в этих городах были скромно и даже бедно обставлены, так как духовные ордена не имели права приобретать имущества в Нидерландах, но впоследствии иезуиты сумели обойти этот закон и приобрели дома и земли. В Германии, главном очаге протестантизма, первое время успехи пропаганды были очень слабы. Первыми явились туда ле Жэ и Бобадилья, затем к ним присоединился Лефевр; они участвовали в переговорах на рейхстагах в Регенсбурге и Вормсе, где простой народ был до такой степени раздражен против ле Жэ, что хотел утопить его в Дунае. Пришлось спасаться бегством, и ле Жэ нашел приют в Ингольштадте, где баварский герцог Вильгельм II дал ему профессуру. Бобадилья устроился в Вене под покровительством эрцгерцога Фердинанда, брата императора, а Лефевр поселился в Кельне, начав серьезную борьбу с антикатолическими идеями; при этом он привлек под знамя Лойолы голландца Канизиуса, настоящая фамилия которого была Ван Гондт. Этот уроженец ганзейского города Нимвегена пользовался репутацией дельного преподавателя и впоследствии прославился "кратким катехизисом", принятым во всех учебных заведениях католической Германии. Медленно воздвигались иезуитские коллегии в Вене, Праге, Мюнхене и Инголь-

штадте, но со вступлением на императорский престол Фердинанда I дела изменились и быстро появились коллегии в Майнце, Трире, Граце, Галле и Диллингене; затем иезуиты вторглись в Мадьярию, Польшу и Литву.

Неурядица в Германии, вызванная религиозным движением, заставила немецких князей просить папу о созыве собора, чтобы разрешить массу возникших вопросов. Павел III долго уклонялся от этого, сознавая предстоящие затруднения с епископами Германии и Франции, стремящимися свергнуть с себя иго римского первосвященника, но наконец уступил и 31 декабря 1545 года открыл XIX вселенский собор в епископальном городе Триденте. Чтобы отстаивать первенство папского престола, Павел III прислал множество своих приверженцев под видом легатов, а кроме того, просил Лойолу командировать на собор лучших богословов; выбор генерала пал на Лайнеса и Сальмерона, которым он дал особую инструкцию, рекомендуя в ней удерживаться от прений с лучшими богословами Европы, чтобы не обнаружить своего невежества. Хитрый Лайнес лучше понял тайное желание папы и оставил инструкцию своего генерала без внимания. Иезуиты явились в Тридент, где встретили ле Жэ, приехавшего официально от аугсбургского епископа, скромно поселились в госпитале и нахально стали вмешиваться во все богословские споры, поднимая тьму вопросов по предметам, не относящимся к прямому назначению собора. Своими схоластическими рассуждениями о непорочном зачатии и свободной воле Лайнес вывел епископов из терпения, и те пожаловались Павлу III; папа воспользовался этим и, под предлогом лучшего руководства, перевел заседания в Болонью; однако многие остались в Триденте, и таким образом собор затянулся на неопределенное время. Ле Жэ между тем снискал расположение эрцгерцога Фердинанда, и тот стал просить папу назначить его епископом триестским; обратились к Лойоле, но генерал формально запретил ле Жэ и думать об епископии, из принципа не желая отпускать из ордена талантливых членов. В то же время, в 1548 году, Бобадилья попал в Аугсбург на интерим, или соглашение, католиков с протестантами, грубо удержал баварского курфюрста Фридриха II от перехода в лютеранство и наговорил дерзостей Карлу V; император выгнал его из Германии, и Бобадилья прибыл в Рим, где Лойола громогласно осудил его, чтобы только не раздражать Карла V, хотя тайно одобрил его поведение.

Хуже всего для иезуитов шли дела во Франции. Не имея в своих рядах французов, первое время иезуиты бесцеремонно выгонялись за границу как испанские подданные из-за войны между Карлом V и Франциском I. Наконец они втерлись и во Францию под прикрытием первых французов, привлеченных в орден, Виоле и Пеллетье; те познакомились в Триденте с клермонским епископом Гильомом Дюпра, сыном знаменитого канцлера Франции, кардинала и архиепископа сансского Антуана Дюпра, и тот подарил Виоле принадлежащее ему здание сеп-желевьевского аббатства в Париже, где немедленно возникла коллегия. Против такого захвата восстал Парижский университет, поддержанный парламентом и парижским епископом энергичным Эташем дю Беллэ; пока шла словесная война,

иезуиты учредили коллегии в Билломе и Мориаке. Интересуясь Францией, где, собственно, орден и был основан, Лойола воспользовался приездом в Рим кардинала Шарля Лоррен-Гиза¹ и сумел заручиться покровительством этого гордого вельможи. Кардинал расположил к иезуитам самого короля Франциска I, но враждебная партия взяла верх, и парламент осудил последователей Лойолы, назвав их "безнравственным скопищем, в среде которого множество преступников, заведомых негодяев и незаконнорожденных отребьев". Виоле явился в Рим, где состоялось тайное совещание. Мнение генерала одержало верх: он предложил стусеваться и притаиться, пока не уляжется возбуждение и не успокоится общественное мнение. Расчет Лойолы оправдался: 31 марта 1547 года скончался Франциск I и на престол вступил его сын Генрих II, муж знаменитой Катарины Медичи; благодаря итальянской принцессе иезуиты нахлынули во Францию и долго пользовались громадным политическим влиянием.

Таковы были первые годы жизни ордена иезуитов, созданного Лойолой. Старик продолжал жить в Риме, ревниво оберегая свое детище от возможного крушения. Умер в 1549 году Павел III, и на престол вступил Гиоччи под именем Юлия III²; этот папа также покровительствовал ордену и дал ему еще несколько привилегий. Юлия III сменил Марцелл II в 1555 году, побывший на престоле всего 23 дня, и затем был избран папой недруг Лойолы кардинал Караффа под именем Павла IV. Новый первосвященник относился к ордену сдержанно. Огорченный и больной генерал стал хиреть, перебрался в новое здание, им же выстроенное, спасаясь от повальной болезни, косившей римлян, и тут скончался на руках своего секретаря Паланки 31 июля 1556 года, не назначив себе преемника. Претендентами на главенство в ордене явились Паланка, Бобадилья и Лайнес. Последний, как самый коварный, одержал верх на выборах 2 июля 1558 года, и Павел IV признал его вторым генералом иезуитов.

Приводим список генералов ордена иезуитов: 1) Игнатий Лойола, испанец, 1541—1556; 2) Яго Лайнес, испанец, 1558—1565, уничтожил в уставе многое, стеснявшее неограниченную власть генерала; 3) Франческо Борджа Гандиа, испанец, бывший вице-король Каталонии, 1565—1572, первый начал вмешиваться в европейскую политику; 4) Эверард Меркуриан, бельгиец, 1572—1580; 5) Клавдио Аквавива, неаполитанец, сын герцога Антонио Аквавива-Конверсано, 1580—1615, дал окончательную редакцию уставу ордена; при нем значилось официально 10 600 иезуитов; 6) Муцио Вителлески, римлянин, 1615—1643; при нем папа Григорий XV признал 12 марта 1622 года Лойолу святым; 7) Виченцо Караффа, римлянин, 1643—1649; 8) Франческо Пикколомини, флорентиец, 1649—1651; 9) Александр Готифредо, римлянин, 1651—1652; 10) Госвин Никкель, баварец, 1652—1664; 11) Джанпаоло Олиа, генуэзец, 1664—1681, при нем иезуитов было 17 655 человек; 12) Шарль де Нойелль, бельгиец, 1681—1686; 13) Тирсо Гонзалес,

¹ Речь идет об одном из вождей католического движения во Франции, представителе семьи Гизов, младшей ветви Лотарингского дома.

² Папа Юлий III — в миру Джанмария Чокки дель Монте.

испанец, 1686—1705; 14) Микеланджело Тамбурини, моденец, 1705—1730, при нем иезуитов было 19 988 человек, 15) Франциск Ретц, чех, 1730—1750; 16) Игнатий Висконти, ломбардец, 1750—1757; 17) Луиджи Чентуриони, генуэзец, 1755—1755; 18) Лоренцо Риччи, флорентиец, 1757—1775, при нем орден был официально закрыт, имея в своих рядах 22 589 человек; 19) Станислав Черневич, литовец, 1782—1785; 20) Габрисль Ленкевич, поляк, 1785—1798; 21) Франциск Карё, немец, 1798—1802; 22) Габриель Грубер, австриец, 1802—1805; 23) Тадеуш Бржозовский, поляк, 1805—1820, при нем орден был официально восстановлен; 24) Людовик Фортис, ломбардец, 1820—1839; 25) Иоганнес Роотгаан, голландец, 1839—1853, при нем иезуитов числилось 5510 человек; 26) Иоганн-Петр Бёкс, бельгиец, 1853—1884, увеличил число иезуитов до 8000 человек, а в религиозно-политической борьбе с Германией, названной "Kulturkampf", одержал победу над князем Бисмарком, заставив его отменить "майские законы"; 27) нынешний генерал ордена Антоний Андерледи с 1884 г., избран после отречения Бёкса, родом ирландец.

Носятся слухи, что после Лоренцо Риччи иезуиты избирают двух генералов: один — настоящий властелин ордена, живущий в настоящее время со своим тайным советом в Америке, а другой — подставной, вроде громоотвода, живет в Риме и руководит политикой пап. Насколько это верно, решить, конечно, трудно. Однако наблюдения некоторых лиц, имеющих возможность близко следить за деятельностью ордена, подтверждают отчасти это предположение.

IX

ИЕЗУИТЫ В РОССИИ

Умирая, Лойола оставил 12 иезуитских провинций и 35 "исповедников четырех обетов"; умно заведенная машина пошла в ход, и, несмотря на громадные препятствия, орден рос, развивался и богател, приобретая земные сокровища во всех частях света, пока единодушный взрыв народного негодования по всей Европе не заставил папу Климента XIV уничтожить это темное царство, эту шайку алчных и развратных интриганов; его булла от 21 июля 1773 года, прекращавшая официально существование ордена иезуитов, была встречена с восторгом и благословениями, хотя самому папе стоила жизни, так как он был отравлен 22 сентября 1774 года. Но орден продолжал существовать, так как его зависимость от папы была лишь пустым звуком. "Черный папа" фактически гораздо могущественнее "белого папы", так как он опирается на мастерски выдрессированную боевую дружину, рассеянную по всему свету и скрывающуюся под самыми разнообразными нарядами. Покорный слуга "черного папы", кардинал Чиарамонти¹, едва вступил на папский престол под именем Пия VII 14

¹ Папа Пий VII - в миру граф Барнаба Кьярамонги.

марта 1800 года, как немедленно разрешил существование ордена, но дал свое согласие тайно, опасаясь Наполеона I; 17 августа 1814 года, видя политический хаос в Европе, Пий VII смело обнародовал буллу, в которой восстановил орден во всех правах и привилегиях.

После буллы Климента XIV только два государства дали иезуитам позволение существовать официально: Пруссия и Россия. Прусский король Фридрих II, друг Вольтера и д'Аламбера, смотрел не очень благосклонно на последователей Лойолы и собирался выгнать их из своего государства; когда в 1772 году иезуиты стали просить позволения расселиться по всей Пруссии, Фридрих II ответил едкими насмешками и категорично отказал. Но при обнародовании буллы он вдруг признал их педагогические способности и дал им, к удивлению всей Европы, права гражданства. Честолюбивый провинциал Силезии Троил возмечтал сделаться главой ордена и принудил провинциальную конгрегацию избрать его генерал-викарием после ареста Риччи в Риме. Конечно, такой мятеж в благоустроенной иезуитской монархии не мог быть терпим, и Троил вскоре скончался, громогласно каюсь в своей дерзкой выходке; но это не спасло силезской провинции для ордена. Уже в 1776 году, удовлетворяясь унижением римской курии, Фридрих II принялся бесцеремонно выгонять иезуитов, заявляя, что они плохие преподаватели, а в 1781 году силезская провинция прекратила официально свое существование, хотя, конечно, иезуиты существуют там и до настоящего времени.

В Россию иезуиты попали при совершенно других обстоятельствах. Овладев окончательно Польшей при Стефане Батории, они уже с тех пор стали стремиться в Московию, хотя крайне неудачно; иезуит Антоний Поссевин в качестве королевского посла вел богословские споры с Иваном IV, который одержал верх благодаря сочинениям какого-то книжника Никиты; папский легат Рангони почти создал в России смутное время, поддерживая Лжедмитрия I, но и тут пропаганда иезуитизма потерпела крушение. Первые Романовы также не впускали это "темное царство" в свое государство, и только при царевне Софье, благодаря князю Василию Васильевичу Голицыну, иезуиты устроились в Москве; однако указ императора Петра I, от 18 апреля 1719 года заставил их покинуть Россию и прекратить свою пропаганду. Признавая вредное влияние ордена, преемники Петра I держались той же политики до 1772 года, когда состоялся первый раздел политически умиравшей Польши; под скипетром Екатерины II очутилась вся Белоруссия с католическим, униатским и полузадушенным православным населением. То, что казалось естественным и возможным при польских королях в этой издревле русской и православной области, сделалось невозможным при русской императрице, и Екатерина II деятельно принялась за религиозно-политическую реформу.

Весь присоединенный край был разделен на семь провинций, из которых четыре образовали Могилевскую губернию, а остальные три были присоединены к Псковской губернии. В этих семи провинциях процветали все католические духовные ордена, разрешенные папами, в числе 23, но

¹ Петр I был провозглашен императором в октябре 1721 г.

наибольшим значением пользовались иезуиты, создавшие пресловутую унию как переходный мостик для легчайшего совращения православных в католицизм. Еще до присоединения Белоруссии скончался 14 октября 1754 года могилевский епископ Иероним Волчанский, и католики хотели упразднить православную кафедру, но синод назначил 20 августа 1755 года епископом Георгия Конисского и этим спас "схизматиков" от окончательной гибели. С 1772 года дела, конечно, переменились, и Екатерина II сразу показала, что она не допустит вмешательства папы в ущерб своим самодержавным правам, хотя желала быть вполне веротерпимой. Униатский епископ Смогоржевский уехал в Варшаву и хотел оттуда управлять епархией, но правительство отказалось признавать его и велело избрать Ираклия Лисовского; с католическим епископом Массальским, жившим постоянно в Вильно, поступили точно так же, и на его место был избран могилевским епископом глубоко образованный Станислав Сестренцевич-Богуш. Все иноверное духовенство почувствовало над собой властную руку императрицы, и папы приходили в отчаяние, видя, что целый край не подпадает под их произвол.

В Литве и Белоруссии при польском владычестве числилось официально 1077 иезуитов; после раздела на долю России пришлось 32 "ученика", 98 "духовных кандидатов" и 48 "исповедников"; у них было шесть коллегий: в Полоцке, Витебске, Динабурге, Орше, Мстиславле и Могилеве; кроме того, до десяти миссий и резиденций в других местах. Провинциал Казимир Соболевский имел постоянное местопребывание в Варшаве, откуда управлял Польшей, Литвой и Белоруссией, составлявшими одну иезуитскую провинцию; после обнародования буллы Климента XIV Соболевский скромно отрекся от власти и главой иезуитов в России сделался его вице-провинциал Станислав Черневич. Родом литовец, Черневич получил образование в Вильно и долгое время состоял польским делегатом при генерале Риччи в Риме, где и был допущен в шестой класс. Возвратясь из Италии, Черневич поступил ректором полоцкой коллегии и совместно с этим сделался вице-провинциалом. Задача, выпавшая на его долю, была не из легких: он видел надвигающуюся на орден грозу и силой обстоятельств сделался подданным государства, крайне нерасположенного к иезуитам; талантливый литовец блестяще решил сложную задачу.

Черневичу нужно было поддержать во что бы то ни стало существование крайне потрясенного ордена, добиться официального признания самого права на его существование, доказать римскому первосвященнику все его бессилие перед "Обществом Иисуса" и убедить католический мир в могуществе и несокрушимости общества Лойолы, а для всего этого необходимо было одурачить влиятельных людей России, начиная с дальновидной и самодержавной императрицы и кончая мелкой сошкой, окружавшей белорусского генерал-губернатора графа Захара Григорьевича Чернышева. С этой целью первым делом Черневича было внушить правительству, что иезуиты самые вернопреданные подданные императрицы. Пока католическое духовенство Белоруссии медлило присягать "схизматической" монархии, Черневич собрал всех иезуитов в своей столице Полоцке и торжественно

но привел их к присяге 24 ноября 1772 года, в день ангела Екатерины II, причем патер Катебринг произнес блестящее похвальное слово русской императрице. Такой всенародный поступок богатого и влиятельного ордена произвел сильное впечатление на католиков, и к новому году все белорусское духовенство было приведено к присяге. Затем Черневич с Катебрингом и ректором полоцкой коллегии Ленкевичем приехали в Петербург присягать не только от имени провинции, но и заграничных иезуитов; политический намек на иезуитов Польши и Литвы понравился Екатерине II, граф Чернышев был очарован и вскоре попал под влияние умного и энергичного Черневича.

Существование ордена было обеспечено вполне своевременно, потому что 23 июля 1773 года грянула булла об уничтожении ордена. Епископ Сестренцевич повез ее в Петербург, но Черневич приехал раньше его, побывал у Чернышева, и в результате явилось распоряжение императрицы, не допускающее обнародования буллы. Папские нунции в Варшаве, Гарампи и Аркетти, поддерживаемые из Рима, напрягали все усилия, чтобы сломить явных ослушников папской воли, но все их усилия разбились о стойкость и энергию изворотливого провинциала. Устроив арест священника, подосланного в Полоцк из Варшавы нунцием Аркетти, Черневич воспользовался приездом генерал-губернатора и стал официально хлопотать об устройстве новициата для приема "послушников". В Риме всполошились и решились в начале 1777 года на крайнюю меру, предоставив Сестренцевичу, заклятому врагу иезуитов, звание апостолического делегата над всеми католическими орденами в России, рассчитывая на то, что он сумеет тогда прекратить существование "Общества Иисуса". Между тем изворотливый Черневич заручился содействием влиятельного Григория Александровича Потемкина и устроил так, что императрица прямо приказала Сестренцевичу открыть новициат в Полоцке. Злосчастный епископ вынужден был 30 июня 1779 года подписать окружное послание в пользу иезуитов, а 2 февраля 1780 года состоялось открытие новициата при торжественной обстановке, и в Полоцк нахлынули "послушники" из Польши, Германии, Австрии, Италии и даже Америки; выбирались, конечно, самые богатые и знатные, причем Черневич ставил обязательным условием изучение русского языка.

Добившись одного, иезуиты задумали восстановить должность генерала ордена. Снова начался ряд интриг: Екатерину II, проезжавшую через Полоцк, приняли утонченной лестью и роскошью, окончательно овладели Потемкиным, который действовал заодно с Чернышевым, и связали руки Сестренцевичу, выхлопотав ему звание могилевского архиепископа, но приставив ему коадьютором иезуита Бениславского. Архиепископия дана была в январе 1782 года, а уже 17 октября Черневич был избран генералом ордена иезуитов, 1-го же марта 1783 года Бениславский явился в Рим в качестве русского посланника. Для ответного посольства был избран бывший нунций Аркетти, злейший враг иезуитов; он явился через Тульчин, осыпал упреками Сестренцевича и принялся беспощадно бранить всех последователей Лойолы, однако в Петербурге и ему пришлось смириться

под давлением Потемкина и Безбородко; кроме того, ему обещали выхлопотать кардинальскую шапку, и сбитый с толку посол передал 18 октября архиепископский паллиум Сестренцевичу, а Бениславского посвятил в епископа гадаринского. За такую покорность Аркетти получил 14 июля 1784 года наперстный крест стоимостью в 10 тысяч рублей и драгоценные меха в подарок от Екатерины II. Волей-неволей, сознавая свое бессилие, римская курия должна была оставить в покое иезуитов, укрепившихся в России.

Со смертью Черневича в июне 1785 года окончился первый, подготовительный период пребывания иезуитов в России. Им нужно было найти место, где они могли бы сплотиться против ватиканских громов, и, благодаря Черневичу, задача была выполнена блестяще. Умирая, он оставил орден сильным и богатым: официально существовали 6 коллегий, 2 новициата, 10 миссий, разного имущества на 3 миллиона рублей и 14 тысяч крепостных крестьян, освобожденных от казенных налогов. Преемник Черневича Габриель Ленкевич спокойно и уверенно перешел в наступление, следуя традиционному завету Лойолы стремиться ко всемирной монархии. Началась серьезная пропаганда среди униатов и евреев, привлечен в союз орден базилиан, и иезуиты ретиво принялись обращать православных в католичество; первым граф Чернышев, выстроивший в своем имении Чашниках католическую церковь. Явился разносторонне образованный уроженец Вены Габриель Грубер, и пропаганда перебралась незаметно в Петербург, где иезуиты овладели церковью Святой Екатерины на Невском проспекте, втерлись в доверие императора Павла I и его супруги императрицы Марии Федоровны, переполнили собой ряды мальтийских рыцарей. В то же время иезуит Зенович изготавливал русские фальшивые ассигнации, Шуазель-Гуффье грабил казну, а д'Огард и Чацкий воровали лучшие книги в императорской публичной библиотеке, пользуясь своим официальным положением. Сводя русских аристократов и богачей, иезуиты рассыпались по всей России, не обращая внимания на закон, ограничивающий их пребывание в одной Белоруссии, следы их темной деятельности отразились в обеих столицах, на Кавказе, в Сибири, в Новороссии, Поволжье и Лифляндии. В благодарность за поддержку Россией в тяжелую для них минуту иезуиты по-своему выразили признательность: они перевоспитали в антигосударственном духе Белоруссию, Литву и Польшу.

Когда началась французская революция, в европейском обществе повело реакцией против свободомыслия и либерализма; иезуиты воспользовались умело новыми веяниями, и их влияние возросло. Несколько иезуитов основали в бельгийском городе Лувэне "Общество святого сердца" и, спасаясь от французов, перешли в Лейгерсгофен, возле Аугсбурга, где открыто заявили о своей солидарности с белорусскими иезуитами, а затем совершенно слились с ними при генерале Бржозовском. Пармский герцог Фердинанд Бурбон, напуганный революцией, попросил у Ленкевича 23 июля 1793 года помощи, и ему дали Паниццони с несколькими сочленами; Паниццони выгнал из герцогства "паканаристов", выдававших себя за иезуитов, занялся воспитанием юношества, основав пять коллегий, и сде-

лался всемогущим. Какой-то образованный москвич, возмущенный наглостью иезуитов, издал брошюру, в которой метко очертил всю их деятельность в прошлом и настоящем. Оскорбленный Грубер добился полного изъятия этой брошюры из обращения. Преемник его, Тадеуш Бржозовский, стал хлопотать о предоставлении государственных прав кончающим курс в иезуитских коллегиях и достиг того, что 10 июня 1812 года полоцкая коллегия была торжественно переименована в академию, а через два года Пий VII вернул иезуитам все их права и привилегии.

Император Павел I скончался 11 марта 1801 года, и на престол вступил его сын, Александр Павлович, воспитанный Лагарпом и Самборским в религиозном индифферентизме, но с склонностью к мистицизму. Понятно, что с гуманными воззрениями, заимствованными у Локка и Руссо, не могло связываться покровительство "Общества Иисуса", и действительно, император Александр I никогда не был расположен к ним, но терпел их до поры до времени, тем более что император всегда был нерешительным, неуверенным в себе и мнительным. Ректор петербургской коллегии Грубер хотел воспользоваться переменой монарха и заговорил грубо и дерзко; в ответ на его письмо последовало высочайшее повеление об освобождении митрополита Сестренцевича от полицейского надзора, под который он попал благодаря иезуитам, потеряв все должности и звания; затем, благодаря настойчивости генерал-прокурора Беклешова, митрополит был восстановлен во всех своих правах. Груберу приходилось вести тяжелую борьбу также за обладание церковью Святой Екатерины, в чем ему немало помогал купец Пирлинг, отец нынешнего старшины русских иезуитов в Париже. Кончилась на первых порах эта борьба тем, что в России было обнародовано постановление папы о восстановлении ордена, хотя в самой Италии Пий VII не решался обнародовать об этом буллы.

Умер генерал Карё, и благодаря содействию князя Кочубея Грубер был избран генералом 10 октября 1802 года, почти без ведома Сестренцевича. Вскоре он перенес свое местопребывание из Полоцка в Петербург и здесь открыл аристократический пансион аббата Николя с платой по 1500 рублей с каждого воспитанника; в пансионе очутились князья Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Меншиковы, Волконские, сын принца Вюртембергского, Нарышкины, Бенкендорфы, Полторацкие, Плещеевы, Дмитриевы и другие. Но этот пансион был замаскированно иезуитский, а потому Грубер открыл и явно иезуитский, куда поступили Толстые, Голицыны, Гагарины, Кутузовы, Строгановы, Растопчины, Шуваловы, Вяземские, Северины, Одоевские, Пушкины, Глинки, Рюмины, Новосильцевы и Каменские. После этого началась вербовка членов за границей, и все, что было иезуитски умного в Европе, все хлынуло в Россию. Сначала соблюдались церемонии и вежливые обходы законов, но потом перестали заботиться об этом: не принимали русского подданства, являлись с фальшивыми паспортами, занимали должности священников, не имея на то никакого права, и т. д. Грубер случайно сгорел в пожаре, но Бржозовский продолжал деятельно пропаганду окатоличивания России, усердно поддерживая снова рассыпавшихся по Европе иезуитов.

Чаша терпения императора Александра I переполнилась, и 20 декабря 1815 года последовал указ сенату об изгнании иезуитов из пределов России. Ввиду упорства сильно присосавшихся членов "темного царства" этот указ пришлось повторить в 1817 году, но только благодаря энергии министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына, доклад которого был высочайше утвержден 13 марта 1820 года, удалось официально очистить Россию от иезуитов. С этого момента начинается третий период их деятельности в русских пределах, период тайной пропаганды. Из Галиции, из Вены, из Парижа и других мест иезуиты вторгались в Россию, пользуясь всеми возможностями, с поддельными паспортами, вмешивались везде и во все; они до настоящего времени рассеяны по всему нашему отечеству под различными названиями и узнают друг друга по условному сгибанию пальцев правой руки. В 60-х годах была обнаружена их тайная деятельность: иезуиты из Норвегии пытались обратить поморов в католичество; обстоятельство это вызвало появление ответных писем Ю. Ф. Самарина иезуиту из русских Мартынову, в которых мастерски были очерчены последователи Лойолы. История с католическим священником, выпущенным в 1822 году из тюрьмы в Авлонах после многолетнего заключения, снова обратила внимание на иезуитов. Наконец, длинный ряд чисто русских имен в списке иезуитов, остановившемся на Рюриковиче, потомке рязанских князей, принявшем в марте 1890 года католичество, постоянно напоминает нам, что Россия не скоро еще избавится от слугителей "черного папы", пользующегося каждым случаем, чтобы попытаться вернуть свое прежнее значение в России¹.

¹ В год смерти Лойолы в ордене было 1000 иезуитов, в начале 90-х годов XX века — более 30 000. Их штаб-квартира по-прежнему находится недалеко от собора Святого Петра в Риме. Иезуитам принадлежат тысячи весьма престижных средних и высших учебных заведений, в которых обучается не менее 800 000 учащихся. Конституция ордена неоднократно изменялась и хранилась в тайне, ее полный текст опубликован только в 1967 году. Орден иезуитов издает тысячи газет и журналов. Официально он действует в 112 странах.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯН ГУС

Его жизнь и реформаторская деятельность
Биографический очерк М. М. Филиппова

5

МАРТИН ЛЮТЕР

Его жизнь и реформаторская деятельность
Биографический очерк Б. Д. Порозовской

57

ЖАН КАЛЬВИН

Его жизнь и реформаторская деятельность
Биографический очерк Б. Д. Порозовской

167

ТОРКВЕМАДА. ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции
Биографический очерк М. Барро

257

ЛОЙОЛА

Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк А. А. Быкова

325

**Ян Гус
Мартин Лютер
Жан Кальвин
Торквемада
Лайола**

Биографические очерки

Заведующий редакцией *В. Е. Вучетич*. Редактор *Г. И. Жарикова*.
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*. Технический редактор *Е.Ю. Куликова*.

ИБ № 9792

ЛР № 010273 от 10.12.92 г.

Сдано в набор 04.10.94. Подписано в печать 19.12.94. Формат 70X90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,08. Уч.-изд. л. 27,69. Тираж 21 000 экз. Заказ № 173. С 058.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Российский государственный информационно-издательский Центр "Республика"
Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство "Республика". 125811, ГСП, Москва, А-47. Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".

103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Ищи правду, слушай правду, учись правде
люби правду, говори правду, держись правды
защищай правду до конца!

ЯН ГУС

Мысли Лютера имели не только крылья,
но и руки. Он был в одно и то же время
холодным схоластическим диалектиком
и исполненным вдохновения пророком...
Тот самый человек, который умел ругаться, как
рыбная торговка, бывал по временам деликатен,
как нежная девушка. Он то неистовствовал,
как буря, вырывающая с корнем дубы,
то становился кроток, как зефир,
ласкающий фиалки.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Предопределение Кальвина сделалось машиной
для фабрикации мучеников... Если где-нибудь
в Европе требовалась кровь мученика,
если нужен был человек для сожжения и
колесования, этот человек стоял уже наготове
в Женеве — он поднимался и шел на смерть,
прославляя Бога и распевая псалмы.

ЖЮЛЬ МИШЛЕ

Он был жесток, как повелитель амазонок,
Великий инквизитор Торквемада.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

Иезуит должен повиноваться старшему, как шуп
который можно переворачивать во всех
направлениях... как маленькое распятие,
которое можно поднимать
и двигать как угошко.

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

